ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Институт международных исследований
Центр пространственного анализа международных отношений

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ РОССИИ

МОНОГРАФИЯ

Под редакцией И.Ю. Окунева

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом МГИМО МИД России

Москва
Издательство «МГИМО-Университет»
2024

УДК 911
ББК 66.0
Э45

Рецензенты:
доктор политических наук, профессор *М.В. Ильин*,
кандидат политических наук, доцент *Ю.А. Никитина*

Авторы:
И.Ю. Окунев (автор концепции и руководитель проекта; предисловие /в соавт. с *М.Н. Шестаковой*/, п. 1.1 /в соавт. с *Л.П. Шматковой*/, 2.6 /в соавт. с *Б.А. Барабашем*, *Е.Е. Гореловой*, *Ю.С. Груздевой*/, 2.7 /в соавт. с *Э.С. Бибиной*/, 3.1 /в соавт. с *Э.С. Бибиной*/), *Б.А. Барабаш* (п. 2.6 /в соавт. с *И.Ю. Окуневым*, *Е.Е. Гореловой*, *Ю.С. Груздевой*/), *Э.С. Бибина* (п. 2.7 / в соавт. с *И.Ю. Окуневым*/), *В.В. Виноградов* (п. 2.12 /в соавт. с *Л.П. Шматковой*/), *Ю.С. Горелова* (п. 2.6 /в соавт. с *И.Ю. Окуневым*, *Б.А. Барабашем*, *Ю.С. Груздевой*/), *Е.Е. Груздева* (п. 2.6 /в соавт. с *И.Ю. Окуневым*, *Б.А. Барабашем*, *Е.Е. Гореловой*/), *А.О. Доманов* (п. 2.5 /в соавт. с *И.А. Матерухиным*/, 3.4), *Л.С. Жирнова* (п. 2.4, 3.3 /в соавт. с *П.В. Осколковым*/), *Е.А. Захарова* (п. 2.1, 2.8 /в соавт. с *Д.С. Мазур*/, 3.7), *А.Э. Кушнарева* (п. 3.2), *В.Р. Лопатина* (приложения), *Д.С. Мазур* (п. 2.8 /в соавт. с Е.А. *Захаровой*/), *И.А. Матерухин* (п. 2.5 /в соавт. с *А.О. Домановым*/), *П.В. Осколков* (п. 2.3, 3.3 /в соавт. с *Л.С. Жирновой*/), *Г.И. Остапенко* (п. 2.13), *Я.О. Полякова* (п. 2.10–2.11, 3.6), *А.С. Тетерюк* (п. 2.2 /в соавт. с *Л.П. Шматковой*), *М.И. Тисленко* (п. 2.9, 3.5), *М.Н. Шестакова* (предисловие /в соавт. с *И.Ю. Окуневым*/, 1.2, 1.3, 3.1 /в соавт. с *И.Ю. Окуневым*/), *Л.П. Шматкова* (п. 1.1 / в соавт. с *И.Ю. Окуневым*, 2.12 /в соавт. с *В.В. Виноградовым*/)

Исследование выполнено в Центре пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России в 2019–2024 гг. в рамках гранта РНФ №19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ»

Электоральная география ближнего зарубежья России : монография / И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова, Е.А. Захарова [и др.] ; под редакцией И.Ю. Окунева ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Институт международных исследований, Центр пространственного анализа международных отношений. — Москва : МГИМО-Университет, 2024. — 574, [1] с.

Э45

ISBN 978-5-9228-2926-7

В монографии проанализированы электоральные процессы в 13 пограничных с Россией государствах на основе данных о распределении результатов выборов в национальный парламент на протяжении последних четырех электоральных циклов в разрезе территориальных единиц. Для каждой страны дана характеристика партийной системы и рассмотрены ключевые тенденции трансформации электорального ландшафта. Помимо странового описания, в рамках исследования проведен сравнительный пространственный анализ электоральной географии приграничья России в целом, анализируется роль этнического фактора (доли русского населения) в электоральном поведении приграничных с Россией территорий с помощью разнообразного методологического аппарата. В рамках исследования соединяются преимущества географических методов пространственного анализа с традиционным методическим аппаратом политической науки. Политические силы в приграничных государствах рассматриваются не только с точки зрения идеологической ориентации, но и с точки зрения отношения к России.

Для специалистов в области политической и общественной географии, политологии и международных отношений.

УДК 911
ББК 66.0

ISBN 978-5-9228-2926-7

© МГИМО МИД России, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава 1. Методология сравнительного кросс-странового электорально-географического исследования 10

1.1. Методология исследования 10
1.2. Обзор литературы 24
1.3. Фокус-группы 50

Глава 2. Электоральная география приграничных с Россией государств 79

2.1. Норвегия 79
2.2. Финляндия 126
2.3. Эстония 154
2.4. Латвия 177
2.5. Литва 210
2.6. Польша 242
2.7. Беларусь 269
2.8. Грузия 286
2.9. Азербайджан 312
2.10. Абхазия 322
2.11. Южная Осетия 330
2.12. Казахстан 337
2.13. Монголия 356

Глава 3. Сравнительный пространственный анализ электоральной географии приграничья с Россией 384

3.1. Социологические опросы 384
3.2. Экспертные интервью 429

3.3. Этнополитический анализ 471
3.4. Автокорреляционный анализ 496
3.5. Кластерный анализ 517
3.6. Многомерное шкалирование 533
3.7. Географический разрыв регрессии 548

Приложение 1. Анкеты для телефонного опроса по странам 558

Приложение 2. Ответы на отдельные вопросы в целом по странам и в региональном разрезе 563

Приложение 3. Анкета для экспертного интервью 567

Об авторах 572

Abstract 574

Предисловие

Настоящая монография является результатом реализации в 2019–2024 гг. проекта Российского научного фонда № 19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ» авторским коллективом, ядром которого являются исследователи Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России.

Монография представляет собой пример первого в отечественной литературе комплексного межстранового и кросстемпорального изучения электорального пространства стран ближнего зарубежья России, под которым мы понимаем государства — соседей первого порядка. При анализе электорального поведения населения стран — соседей Российской Федерации была предпринята попытка ответить на вопрос, влияет ли приграничное положение на трансформацию этого поведения, а также выявить устойчивые тенденции трансформации электорального поведения жителей в этих странах.

Уникальность исследования состоит в том, что за относительно короткий период были изучены все государства — соседи Российской Федерации с устойчивой электоральной традицией. Были собраны и проанализированы большие массивы данных по электоральной статистике за четыре последних электоральных парламентских цикла, зарегистрированные впоследствии в качестве результатов интеллектуальной

деятельности[1]. Таким образом, хронологически рамки проекта охватывают четырнадцатилетний период с 2007 по 2021 год. Статистические данные были проанализированы с помощью в первую очередь методов пространственного статистического анализа, подкрепленного другими техниками, взятыми из социологии, политологии и других наук (в том числе были использованы методы массовых социологических опросов, экспертных интервью, включенного наблюдения, фокус-групп, контент-анализа и др.).

Необходимо отметить тот факт, что замысел данного проекта родился несколько лет назад в других геополитических и социально-экономических условиях и предполагал обширную полевую (экспедиционную) работу. Однако начало самой реализации совпало с пандемией COVID-19, что, разумеется, существенно повлияло на сам проект: пришлось коренным образом менять методику работы, что называется, «с колес» корректировать планы по его осуществлению, отменять запланированные командировки, интервью, визиты, переходить из реального мира в онлайн-формат, на тот момент еще весьма непривычный и неосвоенный. Тем не менее в какой-то степени новые правила игры научили команду, реализующую проект, гибкости мышления, умению адаптироваться к новым обстоятельствам. Дальнейшие события

[1] Авторское свидетельство № 2022623230. Российская Федерация. Геоинформационная база данных электоральной статистики 2007–2022 гг. в странах, пограничных с Российской Федерацией / И.Ю. Окунев, С.Л. Баринов, А.О. Доманов, Л.С. Жирнова, Е.А. Захарова, А.Э. Кушнарева, Г.И. Остапенко, Л.П. Шматкова. Правообладатель: МГИМО МИД России. № 2022623231; заявл. 29.11.2022; опубл. 05.12.2022, бюл. № 12; Авторское свидетельство № 2023623209. Российская Федерация. Геоинформационная база данных региональной электоральной статистики Российской Федерации 2007–2021 гг. / И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова, Л.С. Жирнова. Правообладатель: МГИМО МИД России. № 2023622920; заявл. 12.09.2023; опубл. 25.09.2023, бюл. № 9.

также трансформировали проект, заставили отказаться от некоторых задач, но перейти к реализации новых, чтобы в конечном итоге привести к намеченной цели.

Монография состоит из нескольких глав. Первая глава — теоретическая, в ней подробно описывается методология исследования, приводятся критерии выборки, дается изложение методов пространственного статистического анализа, которым мы активно пользовались для изучения электоральных процессов, происходивших на территории стран-соседей на протяжении нескольких электоральных циклов. Здесь же приведена и разработанная авторами цифровая двумерная матрица, рассчитанная для политических партий, участвовавших в выборах в соседних государствах. В этой же главе дан обзор отечественной литературы за последние 30 лет, посвященной подобного рода исследованиям. Мы сочли необходимым добавить в первую главу также и параграф, в котором описывается несколько фокус-групп, проведенных в приграничных и близких к пограничью регионах России, которые отличаются сильными школами политической и электоральной географии. Как нам кажется, этот сюжет хорошо укладывается в исследовательскую канву проекта.

Вторая глава — страноведческая — посвящена всестороннему электорально-географическому анализу государств, граничащих с Российской Федерацией. Для каждого государства дано описание в динамике его избирательной и партийной системы и выявлены паттерны электорально-географической дифференциации национального пространства. В главе представлен обширный наглядный иллюстративный материал в виде картограмм, графиков, таблиц.

Третья глава монографии демонстрирует использование различных методов межстранового сравнения, которые применялись в ходе реализации проекта. Так, для уточнения

методов пространственного статистического анализа были использованы социологические методы. К ним относятся массовые социологические опросы: параграф, посвященный им, демонстрирует сравнительный кросс-региональный анализ стран, где проводилось такое анкетирование (Беларусь, Грузия, Казахстан). Идеей проведения экспертных интервью (они были взяты у экспертов Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Норвегии и впервые во многом с использованием дистанционных технологий) являлась верификация выводов, полученных путем использования количественных методов. Пожалуй, самыми ценными для исследования являются параграфы данной главы, в которых освещены результаты сквозных для всего изучаемого пространства этнополитического, автокорреляционного, кластерного анализа, многомерного шкалирования и использования метода географического разрыва регрессии. В этих параграфах авторы демонстрируют способность применять данные методы в изучаемом предметном поле и показывают их эвристическую ценность для электоральной географии.

В приложениях представлены анкеты, опросники, которыми пользовались исследователи, некоторые статистические данные.

Необходимо также отметить, что это исследование является своеобразным эмпирическим продолжением вышедшей ранее монографии И.Ю. Окунева «Электоральная география» (Москва : Аспект Пресс, 2023), в которой были обобщены теоретико-методологические основания этой дисциплины и сформулированы принципы применения в ней методов пространственного статистического анализа.

Коллектив авторов хотел бы выразить глубокую признательность руководству МГИМО МИД России и Института международных исследований, Российскому научному фонду, рецензентам книги и всем коллегам, помогавшим

нам советами и конструктивной критикой во время работы над проектом.

Выражаем надежду, что вызовы времени, с которыми встретился авторский коллектив в процессе реализации проекта и написания монографии, не повлияли на само качество и глубину исследования и оно будет интересно профильным специалистам в области политической и общественной географии, политологии и международных отношений.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО КРОСС-СТРАНОВОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Методология исследования

Электоральные исследования — одно из наиболее перспективных и значимых направлений в современной сравнительной политологии и политической географии. При этом междисциплинарный подход, позволяющий соединить методику нескольких наук, делает возможным взгляд на проблемы пограничья и электорального поведения под более широким углом обзора, а использование новейших методов пространственного анализа и анализа крупных массивов данных позволит создать существенную эмпирическую базу для этого и дальнейших исследований.

Электорат пограничных с Россией государств становится объектом исследований роли мягкой силы и привлекательности образа территорий в формировании стратегий политических акторов реже, чем население Западной Европы и США. Одной из причин такой ситуации представляется недостаточная источниковая база по общественным настроениям в незападных странах. Более того, имеющиеся источники часто менее стандартизированы, чем в странах Запада. Следовательно, применить к ним стандартизированные методики и получить валидные результаты довольно затруднительно. При этом каждые выборы, даже в авторитарных

режимах, выносят на поверхность новых акторов внутренней политики в сопредельных государствах, и не стоит сбрасывать со счетов существенный прогностический потенциал предлагаемого проекта, способный расширить возможности долгосрочного планирования в сфере внутренней и внешней политики Российской Федерации. Наиболее детального анализа требует роль пространственных факторов привлекательности нашей страны, в частности, географической близости места жительства избирателей к России.

В рамках исследования удалось соединить преимущества географических методов пространственного анализа с традиционным методическим репертуаром социологии (анкетирование, глубинные интервью, включенное наблюдение) и политологии (кластерный анализ выборов, анализ электорального поведения, корпусный анализ программных документов политических партий, методы этнополитологии). Подобное междисциплинарное исследование особенно актуально в условиях определенной лакуны, существующей в сравнительных электоральных исследованиях постсоветского пространства и российского пограничья.

Фокус исследования направлен на апробацию методологии пространственного статистического анализа для выявления устойчивых тенденций трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией.

Для целей проекта использовались геоинформационные системы ArcGIS Pro, QGIS, GeoDa и языки программирования R и Python.

Отбор данных. Для целей исследования было решено проанализировать в сравнительной перспективе актуальный и предыдущие три электоральных цикла по выборам в национальный парламент следующих приграничных с Россией государств:

- Норвегии (2009 — 2013 — 2017 — 2021);
- Финляндии (2007 — 2011 — 2015 — 2019);
- Эстонии (2007 — 2011 — 2015 — 2019);
- Латвии (2010 — 2011 — 2014 — 2018);
- Литвы (2008 — 2012 — 2016 — 2020);
- Польши (2007 — 2011 — 2015 — 2019);
- Беларуси (2008 — 2012 — 2016 — 2020);
- Абхазии (2009 — 2011 — 2014 — 2019);
- Южной Осетии (2004 — 2009 — 2014 — 2019);
- Азербайджана (2005 — 2010 — 2015 — 2020);
- Грузии (2008 — 2012 — 2016 — 2020);
- Казахстана (2007 — 2012 — 2016 — 2021);
- Монголии (2008 — 2012 — 2016 — 2020.

Таким образом, хронологические рамки исследования составили 14 лет с 2007 по 2021 год.

Из 14 сухопутных международно-признанных соседей России исключены из рассмотрения КНР и КНДР, так как невозможно говорить о наличии там политического плюрализма. В список рассматриваемых стран добавлены частично признанные республики Абхазия и Южная Осетия.

Сравнение электоральных циклов в этих странах по выборам глав исполнительной ветви власти представляется невозможным в силу значительного разброса институциональной модели организации политического процесса (от конституционной монархии в Норвегии до президентской республики с несменяемым на протяжении пяти электоральных циклов лидером в Казахстане).

Динамика электоральных процессов для каждого из выбранных государств рассмотрена в отдельной главе, в начале которой дано краткое описание избирательной системы при выборах в парламент или нижнюю палату парламента (в случае двухпалатных парламентов) и краткое описание партийной системы. Представлен обзор истории последних

четырех электоральных циклов для страны в целом и основные тенденции изменений в идейно-партийном ландшафте.

Для целей исследования были собраны две базы данных.

Первая база включает себя электоральную статистику по муниципальному (в ряде случаев — при отсутствии официальной статистики — по региональному) распределению результатов выборов в национальный парламент на протяжении последних четырех электоральных циклов в тринадцати пограничных с Россией государствах.

Собранная база была соединена с картографической основой для последующего пространственного анализа в геоинформационных системах ArcGIS, QGIS и GeoDa. Пять картографических основ (электоральные округа Финляндии, Эстонии и Азербайджана, муниципальный уровень АТД Латвии и государственные границы Южной Осетии) были созданы непосредственно исследовательским коллективом проекта, одна (электоральные округа Беларуси) получена в ответ на запрос из ЦИК РБ, остальные взяты в открытом доступе в сети Интернет.

Вторая база состоит из статистических данных, отражающих муниципальное распределение доли русского населения в пограничных государствах. Необходимо отметить, что следует с осторожностью интерпретировать данные этнической статистики, так как информация об этнической принадлежности собирается на основе опросов и относится к высокочувствительным темам. Тем не менее этнический фактор и его влияние на электоральное поведение необходимо принимать во внимание при анализе партийно-политического ландшафта пограничных с Россией государств.

Цифровая двумерная матрица. На основе анализа программных документов политических партий была разработана цифровая двумерная матрица (по идеологическому спектру и по лояльности к России) для сравнения

их результатов на национальных выборах за последние три электоральных цикла. Было решено классифицировать все партии по идеологическому спектру на «левые», «центристские» и «правые», а по отношению к России на «позитивно настроенные», «индифферентные» и «негативно настроенные».

Число этих идеологических категорий соответствует количеству комбинаций видов общеполитической ориентации и отношения партии к России. Перед агрегированием показателей партийной популярности была разработана шкала с 9 делениями, совмещающая два упомянутых измерения: либеральные / центристские / консервативные и позитивно / индифферентно / отрицательно настроенные к России политические силы (следовательно, количество делений шкалы соответствует результату декартова произведения этих двух трехэлементных множеств — числу комбинаций).

Источником данных для классификации партий по полученной матрице 3x3 были их программные документы, в некоторых случаях анализировались выступления лидеров этих политических сил и итоги экспертных опросов в открытом доступе.

Матрица сравнений партий таким образом включает девять категорий.

	Левые (L)	**Центристские (C)**	**Правые (R)**
Позитивные (P)	**LP**	**CP**	**RP**
Индифферентные (I)	**LI**	**CI**	**RI**
Негативные (N)	**LN**	**CN**	**RN**

Все участвовавшие в четырех последних электоральных циклах во всех пограничных государствах партии были

классифицированы на основе этой матрицы. Экспертные оценки отношения некоторых партий из выборки проекта к России собраны в рамках проекта Euromanifesto Study консорциума университетов Маннхайма, Сапиенца, Лондонской школы экономики и других учреждений. Оценки общей идеологической ориентации некоторых партий — по исследовательской программе Global Party Survey Гарвардского университета в сотрудничестве с Университетом Северной Каролины. Для остальных партий решения были приняты на основе анализа их программных документов.

С помощью разработанной сравнительной цифровой двумерной матрицы позиций политических партий составлены общие для всего российского пограничья картограммы распределения голосов за схожие политические силы на каждом электоральном цикле, что позволит выявить общие тенденции трансформации электорального поведения в зарубежных регионах, пограничных с Российской Федерацией.

Всего были рассчитаны 36 версий картограмм — по одной для каждого сочетания четырех электоральных циклов и девяти категорий идеологии зарубежных партий.

Для анализа результатов выборов были использоваться методы пространственного статистического анализа. Пространственный анализ основывается на предположении, что на явление в одной ячейке оказывают влияние свойства соседних ячеек. Таким образом, расчету показателей пространственной автокорреляции предшествует определение понятия соседства или, другими словами, матрицы пространственных весов. В данном исследовании расчеты индекса Морана и LISA производились с использованием расчета матрицы соседства по смежности, то есть основанное на топологических отношениях между объектами. Смежными в таком случае считаются объекты, границы

которых имеют общие точки (т.н. соседство по “правилу ферзя”).

Индекс пространственной автокорреляции Морана I и локальные индикаторы пространственной автокорреляции LISA. Для определения степени пространственной автокорреляции был рассчитан индекс Морана. Пространственный эффект измеряется в коэффициенте Морана через понятие пространственного лага (среднее значение явления в соседних ячейках), другими словами, пространственная автокорреляция представляет собой соотношение распределения явления в ячейках со средним значением в соседних ячейках. Чем больше отличается значение индекса Морана от нуля, тем сильнее пространственная кластеризация явления (прямая или обратная). Для расчетов использовалась следующая формула:

$$\text{Moran's } I = \frac{N}{W} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} \left(x_i - \bar{x}\right)\left(x_j - \bar{x}\right)}{\sum_i \left(x_i - \bar{x}\right)},$$

где i, j — единицы (страны), x_i и x_j — значения в i-й и j-й единице (стране), $\bar{x}$ — выборочное среднее значение по всем единицам, w_{ij} — вес пространственной связи между i-й и j-й единицей, N — количество единиц, W — сумма пространственных весов.

Для анализа результатов выборов был проведен кластерный пространственный анализ результатов выборов в национальные парламенты и рассчитан индекс пространственной автокорреляции Морана I с одной и двумя переменными.

Индекс Морана оценивает пространственную автокорреляцию для всей совокупности данных, однако для задач исследования было важным взвесить пространственную автокорреляцию между соседними единицами в отдельных кластерах.

Для этого производился расчет локальных индикаторов пространственной автокорреляции (Local Indicators of Spatial Association, LISA). Данный метод позволил выявить четыре типа пространственных кластера:

- *high-high* — кластер пространственной автокорреляции высоких показателей явления;
- *low-low* — кластер пространственной автокорреляции низких показателей явления;
- *high-low* — ячейки с высокими показателями явления в окружении кластера пространственной автокорреляции низких показателей явления;
- *low-high* — ячейки с низкими показателями явления в окружении кластера пространственной автокорреляции высоких показателей явления.

Для расчета использовалась следующая формула:

$$L = \frac{N}{\sum_j \sum_j w_{ij}} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} \left(z_{ij} - \overline{z}\right)\left(z_j - \overline{z}\right)}{\sum_i \left(z_i - \overline{z}\right)^2},$$

где N — количество ячеек, z_i — рассчитываемый показатель для ячейки i, а w_{ij} — оценка пространственных весов, отражающая, являются ли i и j соседями, такой, что если не являются, он равен нулю, а если являются, равен $\frac{1}{|\delta_i|}$, где $|\delta_i|$ — это число соседей ячейки i.

На следующем этапе исследования было проведено сравнение в динамике показателей индекса пространственной автокорреляции Морана I и локальных индикаторов пространственной автокорреляции LISA для нескольких последних электоральных циклов в пограничных государствах, чтобы выявить страновые тенденции пространственной трансформации электорального поведения в каждом из них.

Кластерный анализ позволяет выявить электоральные аномалии в зарубежных регионах на российском пограничье

путем расчета для полученной картограммы распределения за схожие политические силы на российском пограничье индекса пространственной автокорреляции Морана I и локальных индикаторов пространственной корреляции LISA.

Для определения факторов, оказывающих влияние на пространственную дифференциацию электорального пространства применен комплекс более продвинутых методов пространственной статистики: методы кластерного и регрессионного анализа.

Пространственная авторегрессия. Метод анализа, который используется для изучения отношений между зависимой переменной и независимыми переменными в пространственной среде, что позволяет учитывать географические факторы и пространственную зависимость, то есть влияние соседних наблюдений на каждую конкретную точку данных. При использовании этого метода по модели пространственного лага в число независимых переменных было добавлено среднее значение поддержки анализируемой партии в соседних регионах. Так как регрессия позволяет установить не только наличие, но и направление регрессионной связи, этот метод дает возможность математически зафиксировать влияние эффекта соседства на голосование. Анализ методом пространственной авторегрессии был проведен для верификации фактора этнического состава (доля русского населения) в электоральном поведении жителей регионов зарубежных стран, пограничных с Россией.

Географический разрыв регрессии. Метод географического разрыва регрессии позволяет увидеть трансформацию социального или политического явления, которое производится эффектом границы, при этом учитываются географические координаты объекта. Для проведения анализа особенностей голосования за определенные группы партий в России и приграничных государствах использованы

возможности программного обеспечения QGIS и R. С использованием метода географического разрыва регрессии проанализированы тенденции голосования за те или иные группы партий в России и в зарубежных регионах, пограничных с Российской Федерацией, и то, как выбор той или иной группы партий детерминирован положением региона относительно границы с Россией. При использовании метода после сбора необходимой для работы базы данных создается шейп-файл с исследуемыми объектами (Россия и ее соседи), после чего в QGIS шейп-файл преобразовывается в линию. Затем определяется граница между исследуемыми географическими объектами для возможности проведения дальнейшего анализа. Полигоны преобразуются в точки через центроиды, чтобы впоследствии просчитать их положение относительно границы. После формирования исходных данным анализ продолжается в R. Перед интерпретацией следует учитывать, что по оси x откладывается удаление от границы, а по оси y — голосование за одну из групп партий. Отрицательные значения на графике (слева) — данные по голосованию в стране, положительные значения на графике (справа) — данные по соседям.

Кластерный анализ. Для выявления в ходе исследования пространственных сходств и различий в электоральном поведении в избирательных округах стран российского приграничья были использованы инструменты пространственной эконометрики: многофакторный локальный индекс пространственной автокорреляции Гири; метод пространственно ограниченной иерархической кластеризации; метод автоматического зонирования.

Многомерное шкалирование. В качестве метода снижения размерности при анализе был использован метод многомерного шкалирования, который позволяет различия между объектами представить в виде двухмерной диаграммы

рассеяния. Сжатие исходного массива данных происходит с помощью математического инструментария, предназначенного для поиска оптимальных шкал с помощью линейного преобразования матрицы исходных расстояний: точки размещаются так, чтобы попарные расстояния между ними в новом пространстве как можно меньше отличались от эмпирически измеренных расстояний в пространстве признаков изучаемых объектов. Близость между объектами в некоторой вспомогательной системе координат максимально точно имитирует расстояние в многоатрибутном пространстве. В рамках исследования с помощью метода были проанализированы данные о каждом электоральном цикле в отдельности, а также весь массив данных по выборам в законодательные органы пограничных государств за четыре электоральных цикла. На следующем этапе метод многомерного шкалирования были применен для анализа данных по партиям, настроенным позитивно, и партиям, настроенным негативно в отношении России, а также по консервативным, центристским, либеральным партиям по отдельности.

Кодифицированное включенное наблюдение и глубинные интервью. Кодифицированное включенное наблюдение — метод, использовавшийся для верификации выводов о значимости приграничного с Россией положения в специфике проведения избирательных кампаний. Кодифицированное включенное наблюдение с последующим картографированием по GPS-координатам результатов экспедиций с расчетом частотности пространственного распределения релевантных наблюдений было организовано в ходе научной экспедиции в предвыборный период в Польше в 2019 г. Участники экспедиции посетили более сорока населенных пунктов Поморского, Варминьско-Мазурского и Подляского воеводств, в том числе такие крупные города, как Гданьск,

Гдыня, Сопот, Ольштын, Эльблонг, Мальборк, Бартошице, Белосток и Сувалки. Созданы четыре кодифицированных дневника включенного наблюдения за ходом предвыборной кампании в пограничных с Россией регионах Польши. Также был проведен ряд глубинных интервью с представителями различных политических сил, академической среды и общественных организаций, в частности Общества сотрудничества Польша-Восток. В ходе экспедиции было собрано более 700 агитационных материалов на парламентских выборах в приграничных с Россией регионах Польши, включая 23 материала, содержащих отсылку к России.

Социологический опрос. Для верификации полученных в ходе пространственного статистического анализа результатов в ходе исследования были проведены массовые социологические опросы в пограничных государствах в период предвыборной кампании. Для проведения массовых социологических опросов были разработаны гайды телефонного опроса по странам (Приложение 1).

В трех из четырех государств социологические опросы проводились сразу после выборов в национальные парламенты этих стран, соответственно — ноябрь 2019 г. в Беларуси, ноябрь 2020 г. в Грузии и январь 2021 г. в Казахстане. Во время социологического опроса в Беларуси, который проходил в формате телефонного анкетирования, было получено 500 полностью заполненных анкет. В ходе социологического опроса в Грузии была получена 501 полноценная анкета. В рамках телефонного соцопроса в Казахстане было получено 576 полноценных анкет с равномерной выборкой по всем регионам Казахстана.

Экспертные интервью. Для верификации полученных в ходе пространственного статистического анализа результатов были проведены кодифицированные полуструктурированные экспертные интервью с представителями

академических кругов, аналитических центров, органов власти, общественных организаций, СМИ из разных регионов пограничных с Россией государств, а также с российскими экспертами. Экспертные интервью были проведены в Литве (2020 г.), Финляндии, Норвегии, Эстонии, Латвии (2021 г.), Беларуси (2022 г.), Монголии (2023 г.), в ходе каждого из которых было собрано не менее 15 анкет. Для проведения кодифицированных экспертных интервью были разработаны специальные гайды (Приложение 2).

Фокус-группы. Для верификации полученных в ходе исследования данных о роли приграничного с Россией положения в специфике проведения избирательных кампаний был проведен комплексный анализ материалов трех экспертных фокус-групп: две в приграничных регионах России — Краснодарском крае (октябрь 2022 г.) и Воронежской области (декабрь 2022 г.), а также одна фокус-группа в трансграничном регионе, находящемся очень близко к российской границе, — Иркутской области (март 2023 г.). Для всех фокус-групп был разработан единый гайд опросника (Приложение 3).

Анализ этнического и внешнеторгового фактора. Для проверки гипотез о роли внешнеэкономической ориентации региона и значении этнического фактора (доли русского населения) в электоральном поведении приграничных с Россией регионов на примере Северного Казахстана были проведены научные экспедиции в приграничные с Россией Костанайскую и Павлодарскую области Казахстана. Основным методом исследования во время экспедиции стали кодифицированные глубинные экспертные интервью. На следующем этапе для анализа роли этнического фактора в электоральном поведении было проведено экспертное интервьюирование казахстанских исследователей, политиков и общественных деятелей в отдельных регионах Северного

Казахстана (города Костанай, Атырау, Актобе, Уральск и Петропавловск).

Влияние этнического фактора на электоральные процессы рассмотрено на примере Эстонии и Латвии с помощью анализа результатов голосования за партии, ассоциируемые с русскоязычным электоратом и соотнесения этих показателей с данными этнической статистики. На основе полученных результатов было проведено сравнение эффекта соседства и двух странах и проанализирована степень устойчивости кластеров высокой и низкой поддержки партий. Верификация результатов проведена методом кодифицированных экспертных интервью.

Отдельно были рассмотрены взаимосвязи электоральной статистики с товарооборотом тех регионов государств, соседствующих с Россией, которые находятся на российской границе. Проанализированы годовые значения следующих внешнеторговых индикаторов: экспорт товаров, импорт, сальдо и суммарный товарооборот отдельных областей с Россией; экспорт, импорт, сальдо и агрегированный показатель торговли этих регионов со всеми странами мира. Для справки рассчитаны пропорции экспорта, импорта и товарооборота с Россией к соответствующим показателям торговли со всеми государствами. Данные о внешнеторговом обороте зарубежных регионов взяты из первичных (баз данных статистических ведомств зарубежных регионов и стран, граничащих с Россией) и вторичных источников (аналитических докладов).

Комплекс исследовательских методов позволил сделать обоснованные выводы и верифицировать результаты, изложенные в страновых и аналитических главах.

1.2. Обзор литературы*

Уже более четверти века российское академическое сообщество исследует электоральную проблематику. Началом возникновения отечественной электоральной географии как самого популярного и востребованного направления политической географии принято считать появление сборника «Весна 89. География и анатомия парламентских выборов», изданного по итогам первых альтернативных парламентских выборов 1989 года в СССР[2]. Некоторые авторы полагают, что отправным пунктом для исследований все же следует считать президентские выборы 1991 года или даже выборы в Государственную Думу Российской Федерации 1993 г.

В текущем году отечественным исследованиям в области электоральной географии исполняется фактически 30 лет, что тем не менее не снижает общий интерес и актуальность электоральной повестки. Вопросы географии голосования населения, его электорального поведения, изучения электорального пространства находятся на междисциплинарном стыке исследований, так как данными вопросами активно занимаются политологи, географы, социологи, психологи, историки, а также представители других социо-гуманитарных отраслей знания. Заметно усложнились методы, прошедшие, как и многие направления, путь от качественных, преимущественно описательных, к большему разнообразию в виде количественных математических инструментов и ме-

---

[2] Весна 89: География и анатомия парламентских выборов / Л.В. Смирнягин, А.В. Березкин, Н.В. Петров, В.А. Колосов. Москва : Прогресс, 1990. 383 с.

* Опубликовано: Шестакова М.Н. Электоральные исследования приграничных территорий в отечественной науке: состояние и перспективы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Политические институты, процессы и технологии. 2020. № 1 (62). С. 43–54.

тодов. Сегодня можно с уверенностью констатировать, что электоральная география занимает прочное место в политической географии, исследуя сущностно важный и актуальный пласт сюжетов.

У истоков электоральной географии в современной России, как, впрочем, и всей политической географии, стоят ученые-географы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: А.В. Березкин, В.А. Колосов, Н.С. Мироненко., Н.В. Петров, Л.В. Смирнягин, Р.Ф. Туровский, В.Е. Шувалов и др. Именно они в конце 1980-х — начале 1990-х гг. обратили пристальное внимание на данную отрасль научного знания, которая к этому времени получила широкое освещение в рамках зарубежной школы. По аналогии со своими иностранными коллегами географов московской школы отличал весьма комплексный подход постановки задачи и изучения предмета исследования. Параллельно шло становление петербургской школы, начало которой положили К.Э. Аксенов, Н.В. Каледин, С.Б. Лавров и др.

Можно с уверенностью сказать, что многие труды по электоральному ландшафту России и политической регионалистике стали классикой: «Политический ландшафт как категория политического анализа»[3], «Электоральная карта современной России: генезис, структура, эволюция»[4], «Электоральный ландшафт России»[5], «Концептуальная электоральная карта постсоветской России»[6] и т.д.

---

[3] Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. 1995. № 3. С. 33. Серия 12, Политические науки.

[4] Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура, эволюция // Полис. Политические исследования. 1996. № 4. С. 33–46.

[5] Петров Н., Титков А. Электоральный ландшафт России // Demoskop Weekly. 2004. № 1. С. 159.

[6] Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития: анализ, хроника, прогноз. 2005. № 4. С. 161–202.

Примерно в это же время выходят и первые учебные пособия, по которым до сих пор продолжают учиться студенты: «Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции»[7], «Политическая география мира»[8], «Политическая география»[9], «Геополитика и политическая география»[10].

Безусловно, в своих работах исследователи опирались на зарубежный опыт. Так, например, Р.Ф. Туровский в «Политической географии» ссылается на труды американского и английского географов П. Тэйлора и Р. Джонстона, американского и норвежского социологов Липсета и Роккана, американского географа и урбаниста Дж. Фридмана, немецкого географа Августа Леша и ряда других, чьи исследования в политической географии и иных, порой даже не смежных дисциплинах, сыграли существенную роль в электоральной географии и определили траекторию ее развития в будущем.

Р.Ф. Туровский в своем учебнике (вышедшем одним из первых в постсоветской России) уделяет большое внимание электоральной географии, опирается на опыт иностранных предшественников и выделяет вслед за новозеландским ученым А. Макфэйлом три направления в электоральной географии: «география голосований; исследование географических факторов, влияющих на голосования; география представительства»[11].

---

[7] Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 1996. 163 с.

[8] Голубчик М.М. Политическая география мира. Смоленск : Смоленский государственный университет, 1998. 312 с.

[9] Туровский Р.Ф. Политическая география. Смоленск : Смоленский государственный университет, 1999. 381 с.

[10] Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. Москва : Аспект-пресс, 2001. 479 с.

[11] Туровский Р.Ф. Политическая география. Смоленск : Смоленский государственный университет, 1999. 381 с. С. 288–289.

Для В.А. Колосова и Н.С. Мироненко в качестве актуальной тематики выступают «1) политико-географические аспекты общенационального и регионального избирательного законодательства (деление территории на избирательные округа, распределение по ним мандатов и нормы представительства и др.); 2) факторы, результаты и стабильность голосования на всех типах выборов, прикладные аспекты, связанные с избирательными технологиями (избирательные ресурсы партий и кандидатов, выбор одномандатных округов для баллотирования кандидатов, разработка стратегии и территориальная дифференциация избирательной кампании и др.)»[12].

Заметим, что и спустя годы в электорально-географических изысканиях молодые исследователи по-прежнему придерживаются в своих работах классического подхода, который американский географ П. Тэйлор обозначил как: «географию голосований, географию электоральных размежеваний, географию представительства»[13].

С момента своего возникновения электоральная география в России остается в целом синонимичной всей политической географии, поскольку открывшиеся перспективы для изучения электоральных процессов, электорального поведения, электорального пространства (то есть всего, к чему можно добавить прилагательное «электоральный»), начиная с первых демократических выборов, образно говоря, «вскружили голову» ученым. В отечественной науке, как и в зарубежной, по словам П. Тэйлора и К. Флинта, «электоральная география была историей успеха современной политической географии»[14].

---

[12] Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. С. 286.

[13] Окунев И.Ю. Политическая география. Москва, 2019. 512 с. С. 396.

[14] Цит. по: Петров В.В. Прикладная политическая география: понятие и проблемы становления // Региональные исследования. 2006. № 1. С. 60.

Лишь спустя почти десятилетие с момента выхода первых работ географов по отечественной электоральной географии это предметное поле прочно заняли политологи, социологи и ученые других дисциплин.

Р.Ф. Туровский отмечает, что отечественной электоральной географии не удалось избежать недостатков «описательности и отсутствия единой методики»[15]. Однако подобная критика применима для многих направлений молодой науки, которые опирались на начальном этапе своего становления на зарубежный опыт. Вместе с тем электоральная география в России идет по пути усложнения исследовательского поля, наращивания методологической базы, успешно осваивая математические, социологические, политологические методы анализа. При этом традиционные методы исследования — описательные, картографические, географические — до сих пор активно используются в качестве научного инструментария. В электоральной географии в целом широко используются методы смежных дисциплин, поскольку данное направление имеет явно выраженный междисциплинарный характер.

Среди наиболее востребованных методов, активно применяющихся в электоральной географии, — факторный, корреляционный анализы, а также разработка и применение различного рода индексов на основе данных методов.

Самый востребованный метод, получивший повсеместное распространение в электоральной географии, — метод расколов или размежеваний (термины синонимичны в отечественной литературе и выбор их применения зависит исключительно от автора) — был разработан американским и норвежским социологами и политологами С.М. Липсетом и С. Рокканом. Они предложили разделять общество по ряду

[15] Туровский Р.Ф. Политическая география. Смоленск : Смоленский государственный университет, 1999. 381 с. С. 300.

признаков: город — село, государство — церковь, центр — периферия. Этот поистине универсальный метод используется в подавляющем числе работ, посвященных электоральной географии, и не только. Особенно популярен он стал после выхода перевода статьи авторов в журнале «Политическая наука» в 2004 г.[16]

Российские географы существенно расширили данный метод и, применив его в электоральной географии, выделили новые территориальные расколы, придав им географическое звучание, такое как, например, «Север — Юг» [17], «русская Россия» и «Россия национальных образований» [18] и ряд других, сконструировав новые смыслы на стыке электоральной географии и политологии: политического ландшафта[19], электорального ландшафта постсоветской России, главной единицей которого является регион, который «можно определить как целостную устойчивую во времени и в пространстве систему закономерно взаимосвязанных элементов (типов) электорального поведения»[20] (выступление Н.В. Петрова «Электоральный ландшафт: географический и политологический» на Круглом столе в журнале «Полис»).

---

[16] Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 208–225.

[17] Электоральный ландшафт // Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов / под ред. М. Макфола, Н. Петрова, А. Рябова ; Московский центр Карнеги. Москва : Гендальф, 2000. С. 49–96.

[18] Орешкин Д.Б. География электоральной культуры и цельность России / Д.Б. Орешкин // Полис. Политические исследования. 2001. № 1. С. 91.

[19] Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. 1995. № 3. С. 33. Серия 12, Политические науки.

[20] Структура и динамика российского электорального пространства : круглый стол // Полис. Политические исследования. 2000. № 2. С. 107.

Вслед за «электоральным ландшафтом» получает свое развитие термин «электоральное пространство». По мнению А.С. Ахременко, «потенциал концепта «электоральное пространство» реализован явно не в достаточной степени». Автор определяет «электоральное пространство как множество электоральных объектов… с заданной на нем структурой, понимаемой как количественная упорядоченность пространственных отношений между такими объектами»[21].

Особенно активно используют сложные математические методы в своих исследованиях, а также применяют метод расколов ученые-политологи А.С. Ахременко, Ю.Г. Коргунюк, Р.Ф. Туровский и др.

В своих работах ученые ищут оптимальные методы и методологию целостного сопоставления электоральных данных, разработки индексов, показывающих электоральную уникальность каждого региона («показатель электоральной уникальности — мера того, насколько отличаются голосования в данном регионе от голосований во всех других регионах совокупно»)[22].

Ю.Г. Коргунюк в целом ряде своих работ подробно изучает метод размежеваний в свете различных циклов российских выборов, исследует его в различных плоскостях, выделяя его структуру, концепцию, активно применяя математические методы[23].

---

[21] Ахременко А.С. Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований // Политическая наука. 2009. № 1. С. 39.

[22] Ахременко А.С. Электоральные различия регионов России как предмет статистического анализа // Pro nunc. Современные политические процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 131.

[23] Коргунюк Ю.Г. Электоральные размежевания и мотивы голосования // Полития: анализ, хроника, прогноз. 2011. № 2 (61). С. 84–99; Коргунюк Ю.Г. Модель размежеваний и российские выборы: постановка исследовательской задачи // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука. Москва : Российская ассоциация политической науки, 2010. С. 334–372.

Отметим также, что одна из линий размежевания, выделенных Лиспетом-Рокканом, — «центр — периферия» — заняла особое место в географических и политологических исследованиях. Разработанная еще в 1960-х гг. американским географом Дж. Фридманом для экономической географии, применялась в качестве модели развития взаимодействия центра и периферийных территорий. В свое время она продолжила теорию центральных мест немецких географов В. Кристаллера и А. Леша. О пространственной поляризации писал и выдающийся отечественный географ Б.Б. Родоман[24]. (В контексте международно-политической науки данная проблематика активно представлена работами И. Валлерстайна, выдвинувшего в 1970-х гг. мир-системную теорию с выделением в качестве основы анализа центра, периферии и полупериферии.)

Немного изменив вектор, модель «центр — периферия» стала очень востребована в отечественной науке в целом и в электоральной географии в частности. На базе данного метода Р.Ф. Туровский сконструировал концептуальную карту постсоветской России, изучая вертикальные и горизонтальные политико-географические измерения электоральных процессов. В вертикальном измерении пространства, опираясь на «центро-периферийный метод», он выделил идеальные типы электоральных культур: «столичная; квазистоличная; индустриальные полупериферии; оборонные полупериферии; этнические периферии; русские периферии»[25].

Взяв за основу горизонтальные расколы, автор предложил следующие идеальные типы электоральных структур

---

[24] Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск : Ойкумена, 1999. 256 с.

[25] Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития: анализ, хроника, прогноз. 2005. № 4. С. 164.

по географическому признаку, представляющие совокупность региональных электоральных структур: «циркумполярная; северная (северо-западная); восточная (сибирская и дальневосточная); южная (с целым рядом переходных типов); предкавказская и урало-тюменская»[26].

Масштаб исследований электоральной географии различен: от национального (президентских и парламентских выборов) до выборов локального (муниципального) уровня (Т.Б. Витковская, Т.Н. Митрохина, Н.Б. Чувилина и др.). Важную роль играет оптика исследования: самым распространенным территориальным уровнем исследований являются субъекты Федерации, регионы в сложившейся сетке АТД, либо муниципальные единицы; но ряд ученых считает наиболее правильным изучение микроуровня, который отражает в максимальной степени объективно и достоверно суть электоральных процессов. Именно микроуровню — территориальному избирательному участку — как самому дробному уровню исследования уделил внимание В.С. Тикунов, рассчитав «индекс электоральной управляемости»[27]. Именно «расчет интегрального индекса “электоральной управляемости” корректно выделяет совокупность всех ТИК, в которых указанные показатели систематически отклоняются в ту или иную сторону от неких “центральных” и “наилучших” значений»[28]. Благодаря расчетам данного индекса, по мнению автора, можно выделить «компактные поля ТИК с особой электоральной культурой», которая «*воспроизводится от выборов к выборам — как регионального, так и федерального уровня*»[29].

---

[26] Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития: анализ, хроника, прогноз. 2005. № 4. С. 164.

[27] Орешкин Д.Б. География электоральной культуры и цельность России // Полис. Политические исследования. 2001. № 1. С. 82.

[28] Там же. С. 83.

[29] Там же.

Электоральной проблематикой как политическим процессом в конкретных регионах страны в разные годы занимались политологи из Москвы (А.В. Кынев), Санкт-Петербурга (Н.А. Баранов, О.В. Лагутин), Перми (К.А. Сулимов, Н.В. Борисова), Астрахани (Н.В. Гришин, Э.А. Зелетдинова), Ульяновска (М.Ю. Завгородняя), Краснодара (А.В. Баранов). Сыктывкара (В.А. Ковалев), Владимира (Р.В. Евстифеев), Томска (Е.В. Попова), Барнаула (Я.Ю. Шашкова), Чебоксар (А.В. Шумилов), Калининграда (И.Н. Тарасов, М.И. Кришталь) и многие другие.

В целом можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство исследователей в своих работах по электоральной проблематике так или иначе в основном используют два главных метода: размежеваний/расколов и центр-периферийную модель электорального пространства, опираясь на разного уровня сложности математические расчеты и методы.

На основе объективных и субъективных факторов, к которым можно отнести социально-экономические, демографические, культурно-исторические и целый ряд других, ученые конструируют различные типологии электорального поведения, пространства государства.

Еще одним важным и несомненно географическим методом для исследования электорального пространства и процессов является районирование. Нельзя не согласиться с Р.Ф. Туровским, который отмечает, что «важнейший результат электорально-географического исследования — электоральное районирование территории»[30]. И такое районирование предполагает, по мнению автора, в идеальном исследовании вычленение синтетических районов, «каждый

[30] Туровский Р.Ф. Политическая география. Смоленск : Смоленский государственный университет, 1999. 381 с. С. 296.

из которых выделяется по комплексу признаков и уникален», при этом «в случае с электоральной географией под синтетическими районами подразумеваются региональные политические (электоральные) культуры», выделение которых является важнейшей задачей, «венцом» электорально-географического исследования»[31]. Туровский рассматривает электоральное пространство в двух измерениях: социокультурном и региональном. Последнее имеет в свою очередь также два измерения: вертикальное, которое «связано с формальным и неформальным статусом территориального сообщества в рамках данного государства, с отношениями типа “центр — периферия”», и горизонтальное, связанное с «идентификацией данного сообщества с помощью уникального географического названия»[32]. Исследователь прав, утверждая, что в любую самую сложную многофакторную модель с большим числом переменных «должны вводиться экспертные оценки, связанные с региональным и этнокультурным измерением»[33].

В течение последующих лет некоторые авторы пытались осуществлять электоральное районирование территории страны или ее отдельных регионов. Так, например, Н.В. Гришин в своей монографии «Динамика электоральных предпочтений населения Юга России» предпринял попытку районирования территории Юга России по электоральным ориентациям, выделил их объективные и субъективные факторы[34].

---

[31] Туровский Р.Ф. Политическая география. Смоленск : Смоленский государственный университет, 1999. 381 с. С. 297.

[32] Туровский Р.Ф. Региональное измерение электорального процесса // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 8.

[33] Там же. С. 16.

[34] Гришин Н.В. Динамика электоральных предпочтений населения Юга России. Москва, 2008. 181 с.

Однако, на наш взгляд, задача выделения на территории России «множества синтетических районов»[35] с уникальным набором электоральных характеристик пока не решена и вряд ли будет решена в ближайшем будущем.

С процессом изучения электоральных процессов тесно связано и электоральное поведение населения, которое, собственно, и является основой для электоральных процессов и формируемого электорального пространства. Исследование электорального поведения граждан носит как прикладной характер, так и играет заметную роль в фундаментальных исследованиях.

Среди научных групп, в настоящее время активно занимающихся в электоральной проблематикой, выделяются НИУ ВШЭ (в частности, Лаборатория региональных политических исследований и Лаборатория качественных и количественных методов анализа политических режимов), МГУ имени М.В. Ломоносова (Лаборатория регионального анализа и политической географии), МГИМО МИД России (Центр пространственного анализа международных отношений).

Практически одновременно с интересом к электоральным процессам появилась потребность в исследовании границ и пограничных территорий, нового пограничья на российском и постсоветском пространствах. В отечественной науке термин «пограничье» связан в большей степени с этнокультурным и историческим, а также археологическим феноменом. Львиная доля научных работ в этой области относятся к пограничью как особому культурно-историческому, этническому, конфессиональному и даже фольклорному и лингвистическому пространству. Тем не менее стоит отметить, что за последние десятилетия границы и пограничье стали предметом изучения политико-географов, социологов,

[35] Туровский Р.Ф. Политическая география. С. 367.

политологов, поскольку «государственные границы — одно из воплощений линий размежевания (cleaveges) в человеческом обществе»[36]. (Можно пойти дальше и сказать, что любые границы, не только государственные, являются линиями размежеваний, и в разное время и в различном пространстве эти расколы, в зависимости от влияния разнообразных факторов, могут либо углубиться, либо, напротив, нивелироваться.)

Одним из пионеров в изучении границ и пограничья в советское время был уже упомянутый ученый-географ Б.Б. Родоман, который фактически стал одним их основоположников географической лимологии[37].

После распада Советского Союза границы и прилегающие территории оказались под пристальным вниманием, поскольку практически в одночасье претерпели изменения как в своем политико-правовом статусе (из внутриобластных и административных превратились в государственные), так и в связи с достаточно резкими изменениями социально-политической и экономической ситуации, притом не всегда в позитивным ключе, поскольку зачастую они разрушали единую инфраструктуру: «социально-экономические системы, в том числе системы расселения и транспортные сети»[38]. При этом значительная часть границ до сих пор «не получила договорно-правового обеспечения»[39], к тому же за последние 5 лет появились участки и совершенно нового пограничья.

---

[36] Окунев И.Ю. Политическая география. Москва, 2019. 512 с. С. 300.

[37] Родоман Б.Б. Основные типы географических границ // Географические границы. Москва : Московский государственный университет, 1982. С. 19–33.

[38] Колосов В.А. Как изучать новое пограничье России // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 3 (6). С. 90.

[39] Там же. С. 89.

Важными трудами, оказавшими большое влияние на последующие исследования, стали работы Р.Ф. Туровского и В.А. Колосова: «Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество»[40], «Типология новых российских границ»[41] и ряд других.

Интересны работы российских географов о пространстве государства в целом и границах: С.С. Артоболевского, Л.Б. Вардомского, А.И. Трейвиша, П.Я. Бакланова, Н.Ю. Замятиной и др.[42]

В.А. Колосов совершенно справедливо выделяет в качестве основных отличительных черт нового российского пограничья «протяженность и исключительное разнообразие морфологических особенностей»[43].

По мнению многих ученых, приграничные регионы в России в настоящее время — это зоны периферийности, окраинности, особенностью которых является «остаточность

---

[40] Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия Российской академии наук. 1997. № 5. Серия «Географическая».

[41] Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Типология новых российских границ // Известия Российской академии наук. 1999. № 5. Серия «Географическая».

[42] Пространство и развитие России: полимасштабный анализ / С.С. Артоболевский, П.Я. Бакланов, А.И. Трейвиш // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 2. С. 101–112; Артоболевский С.С. Приграничные территории Российской Федерации: что может и хочет государство? // Российское экспертное обозрение. 2006. № 4. С. 9; Артоболевский С.С., Вардомский Л.Б. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации // Проблемы общественной географии. Киев, 2010. С. 14–26; Вардомский Л.Б. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Россия и современный мир. 2000. № 2 (27). С. 54–64; Замятина Н.Ю. Новые образы пространства России // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 212.

[43] Колосов В.А. Как изучать новое пограничье России. С. 90.

финансирования, недостаточно развитая инфраструктура»[44]. Чаще всего они поражены «трансформационной депрессией»[45], несут на себе крайне негативную характеристику территорий с «отсутствием континуума российских поселений»[46], большая часть из которых «находится на грани полного обезлюживания»[47].

Сотрудники Отдела социально-экономической географии Института географии РАН во главе с С.С. Артоболевским проводили масштабные полевые исследования приграничных территорий, в частности российско-белорусского пограничья. Их выводы неутешительны: новое пограничье, которое могло бы выступать в качестве локомотивов трансграничного сотрудничества, оказывается в сложных условиях нарастания барьерных функций границ. Сотрудничество в большей степени осталось на уровне муниципальных образований в культурной и гуманитарной сферах. При этом, возможно, более важную роль играет не сам факт экономического трансграничного сотрудничества, а именно взаимодействие на локальном уровне с возможностью поиска общей идентичности, языка, культур, то есть социо-гуманитарной сферы, нежели экономической и геополитической. Преобладание в большей степени социокультурного аспекта

---

[44] Попкова Л.И. Теория и практика приграничных исследований // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). Вып. 1. С. 248.

[45] Российско-белорусское приграничное сотрудничество (результаты экспедиционных исследований в Смоленской и Могилевской областях) / С.С. Артоболевский, Т.Л. Бородина, И.Н. Волкова, О.Б. Глезер, Т.В. Ханташкеева, В.И. Часовский // Псковский регионологический журнал. 2006. № 2. С. 153.

[46] Халий И.А. Современное российское приграничье: общие характеристики // Вестник Института социологии. 2014. № 11. С. 24.

[47] Бийжанова Э.К. Социальная политика региональной власти: развитие социокультурного потенциала приграничья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 4.

активного взаимодействия на российско-эстонском и российско-латвийском участках границ выражается в интенсивных родственно-дружеских, культурных и гуманитарных связях, отмечает, в частности, А.Г. Манаков[48].

Ряд авторов обращает свое внимание на тот факт, что «приграничные регионы занимают двойственное положение в социально-экономическом пространстве государства, будучи одновременно и центром связей, и периферией своего государства»[49], то есть присутствует явно выраженная диалектика: «являясь периферией страны, приграничные территории становятся центром региона, жизнь которого определяется задаваемыми границей правилами»[50]. Амбивалентность пограничья выражается и в том, что оно «является площадкой для развития как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов»[51].

При этом приграничность и периферийность можно рассматривать в качестве некоторого рода антонимов: если «периферийность... объясняет причины многих отрицательных явлений, а приграничность дает при определенных условиях дополнительные возможности для развития»[52].

---

[48] Манаков А.Г. Динамика трансграничных контактов западных районов Псковской области в 2003–2013 гг. // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С. 100.

[49] Развитие приграничного сотрудничества — цель и совокупность задач стратегического развития Северо-Запада Российской Федерации / А.А. Жабрев, Н.М. Межевич, А.Н. Леонтьева // Псковский регионологический журнал. 2011. № 12. С. 7.

[50] Межевич Н.М. Границы в современном мире: новые качества в условиях глобализации // Псковский регионологический журнал. 2006. № 3. С. 13.

[51] Попкова Л.И. Теория и практика приграничных исследований. С. 248.

[52] Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией районов России // Региональные исследования. 2010. № 4 (30). С. 62.

Существуют разные подходы к концепту «пограничье». Это и подход исследователей, считающих, что понятие «приграничье» (borderland) должно рассматриваться «не как два близлежащих региона по обе стороны границы, но как единое экономическое пространство»[53], «как единое социальное пространство»[54]. Наличествует также концепция, характеризующая пограничье как некий разлом, «пересечение цивилизаций», или же как транскультурность, точку соприкосновения и взаимодействия двух и более культур, а также как «проводника идей для обоих центров и переводчика языка одной ценностной системы на язык другой»[55], то есть велико значение символической роли пограничья.

Несмотря на очевидную и усиливающуюся в последнее время периферийность (в худшем значении этого слова) приграничных территорий, исследователи все же считают данные регионы потенциальными «естественными локомотивами региональных интеграционных процессов и развития двусторонних отношений»[56], «международными коридорами развития»[57], рассматривают их в качестве «естественных “мостов” экономического сотрудничества соседних стран»[58].

---

[53] Развитие приграничного сотрудничества — цель и совокупность задач стратегического развития Северо-Запада Российской Федерации / А.А. Жабрев, Н.М. Межевич, А.Н. Леонтьева // Псковский регионологический журнал. 2011. № 12. С. 7.

[54] Межевич Н.М. Границы в современном мире: новые качества в условиях глобализации // Псковский регионологический журнал. 2006. № 3. С. 13.

[55] Титаренко Л.Г. Теории пограничья // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 2. С. 20.

[56] Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. Москва : ИП Матушкина И.И., 2018. 562 с.

[57] Федоров Г.М. О международных «коридорах развития» и их формировании в приграничных субъектах Федерации // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 80.

[58] Банников А.Ю. Приграничное сотрудничество Российской Федерации в стратегии пространственного развития страны / А.Ю. Банников //

Безусловно, на разных участках пограничья различно соотношение контактных и барьерных функций границ. Так, например, российско-белорусское или российско-казахстанское пограничье достаточно транспарентны, в отличие от усиливающихся барьерных функций российско-прибалтийского пограничья. Идея создания и развития еврорегионов (в России — Днепр, Ливония, Слобожанщина, Ярославна), столь популярная в Европе, и которую сначала с энтузиазмом восприняли и у нас, пока не выдерживает проверку реальной политикой.

Самыми детальными исследованиями в области лимологии являются те, которые подкреплены полевыми экспедициями. Традиционно такими изысканиями занимаются географы. Однако и политологи, и социологи также активно используют эмпирические методы, характерные для других научных направлений. Это анкетирование населения, методы экспертных оценок и включенного наблюдения и т.д.

Пожалуй, самым комплексным и последовательным многолетним изучением нового российского порубежья занимаются в лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Последние актуальные работы лаборатории связаны с исследованиями постсоветского пограничья России между Востоком и Западом, изучением «фантомных» границ, символическим ландшафтом пограничья, аспектами трансграничного взаимодействия, в том числе и внутри разделенных городов, и рядом других вопросов. Можно с уверенностью сказать, что самое последнее исследование сотрудников Института географии «Российское пограничье: вызовы соседства»[59] охватывает все сферы

Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 20.

[59] Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. Москва : ИП Матушкина И.И., 2018. 562 с.

пограничья как «сложной и взаимосвязанной системы, реагирующей как целое на... изменения на любом ее участке»[60]. При изучении всего спектра вопросов, связанных с этим феноменом, очень важно «сопоставление... не только в российских приграничных регионах, но и на соседних территориях вдоль всей линии границы»[61].

Пожалуй, единственным вопросом, оказавшимся вне фокуса интересов авторов этого комплексного и очень сложного исследования, стало изучение особенностей электорального поведения граждан пограничья, проживающих по обе стороны границ.

Специальными электоральными исследованиями в приграничных регионах практически никто не занимался; ряд исследователей отмечали некие особенности голосования приграничных регионов и выделяли особый «Фронтирный тип голосования»[62], относя, фактически, к этому типу только Калининградскую и Псковскую области.

Можно отметить активную роль в данных исследованиях ученых из Балтийского федерального университета (что совершенно логично и обусловлено уникальным характером экславности и фронтирности Калининградской области), а также ученых Псковского и Санкт-Петербургского университетов. В Курском государственном университете в течение последних пяти лет проходит ежегодная международная конференция «Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации», посвященная концепциям и проблемам, связанным с границами и пограничьем.

---

[60] Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. Москва : ИП Матушкина И.И., 2018. 562 с. С. 12.

[61] Там же.

[62] Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития: анализ, хроника, прогноз. 2005. № 4. С. 161–202.

Однако, на наш взгляд, таких исследований явно недостаточно. За редким исключением пограничные регионы упоминаются в общем анализе регионов страны. Вместе с тем приграничное положение, возможно, является тем важным фактором, который может оказывать влияние на электоральное поведение населения, меняя электоральное пространство приграничья. Хотя некоторые авторы считают, что пока рано говорить о сформированности какого-то особого приграничного кластера, жители которого не осознали положение своей территории «на глубинном уровне как приграничное»[63]. Представляется актуальным исследовательский интерес в области возможного взаимного влияния пограничных территорий друг на друга и в том, есть ли влияние соседства и, если да, то в какой степени.

В отечественной науке практически нет работ, посвященных электоральному пространству зарубежного пограничья. Среди российских ученых, занимающихся данной тематикой, можно выделить работы ученых Балтийского федерального университета имени И. Канта И.Н. Тарасова и Е.С. Фидри[64], а также Санкт-Петербургского государственного университета — А.С. Зиновьева[65]. В обеих работах предпринята попытка анализа внутрирегиональных расколов электорального поведения приграничного с Россией Варминско-Мазурского воеводства Польши и соседней Литвы. Электоральные процессы рассматриваются «в рам-

[63] Подъячев К.В. Политические партии и социально-политическое развитие приграничных регионов РФ: опыт непосредственного наблюдения // Вестник Института социологии. 2014. № 4 (11). С. 70.

[64] Тарасов И.Н., Фидря Е.С. География электоральной волатильности в Варминско-Мазурском воеводстве Польши // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 4. С. 78–89.

[65] Зиновьев А.С. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 48–56.

ках пространственно-временных электоральных систем»[66]. Для оценки динамики электорального пространства исследуется «география волатильности электорального процесса»[67].

И.Н. Тарасов и Е.С. Фидря приходят к выводу: административная реформа, которая пошла путем укрупнения регионов, не принесла ожидаемого эффекта. Авторы показывают это на примере нового Варьминско-Мазурского воеводства; они убеждены, что «географическое “выравнивание” электоральной волатильности с запада на восток оказалось среднесрочным»[68] и «в будущем воеводская периферия будет определять основные политические расколы и повестку региональной политики»[69].

А.С. Зиновьев, напротив, считает, что «геополитический раскол политической элиты стал одним из ключевых факторов территориально-политической организации литовского общества»[70]. Опираясь на значительную эмпирическую базу, включающую несколько электоральных циклов (президентские выборы и два референдума), автор выделяет устойчивые территориальные расколы в государстве и обосновывает динамику электоральных предпочтений отдельных регионов. Так, например, на юго-востоке Литвы, в зоне проживания польского меньшинства, до сих пор сохраняется «специфический политико-географический район»[71].

---

[66] Зиновьев А.С. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 48.

[67] Тарасов И.Н., Фидря Е.С. География электоральной волатильности в Варминско-Мазурском воеводстве Польши // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 4. С. 79.

[68] Там же. С. 85.

[69] Там же. С. 86.

[70] Зиновьев А.С. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы. С. 48.

[71] Там же. С. 56.

Электоральные исследования в России за последние десятилетия прошли значительную, но неровную эволюцию, с взлетами и падениями, в результате чего накопился большой теоретический и эмпирический опыт пространственного анализа результатов выборов. В то же время в данном направлении остаются перспективные, не в полной мере раскрытые области. В первую очередь это касается сравнительных — кроссгеографических и кросстемпоральных — электорально-географических исследований. Электоральная география, несмотря на существенные аналитические возможности, остается по существу описательной дисциплиной: в работах чаще всего интерпретируются результаты только одного избирательного цикла в одной стране или регионе.

Отдельно следует обратить внимание на потенциал электорально-географических исследований в приграничных регионах, поскольку они дают возможность сравнительного изучения поведения избирателей, живущих по соседству, но в разных политических системах.

Это, несомненно, будет крайне актуально именно для отечественной школы, поскольку российская граница дает самый обширный эмпирический материал для такого рода исследований. В качестве потенциальных тем для будущих исследований в данном направлении могут представлять интерес следующие задачи: оценка вероятности особого типа голосования в приграничных регионах и потенциала влияния определенных политических сил, более лояльных к приграничному соседу, независимо от идеологической составляющей; изучение значения внешне-экономической ориентации, а также этнического фактора в электоральном поведении населения приграничных территорий. Представляется, что обращение к таким темам может вывести российскую школу электоральный географии на качественно новый уровень обобщений.

Список литературы

Артоболевский С.С. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации / С.С. Артоболевский, Л.Б. Вардомский // Проблемы общественной географии. — Киев, 2010. — С. 14–26.

Артоболевский С.С. Приграничные территории Российской Федерации: что может и хочет государство? / С.С. Артоболевский // Российское экспертное обозрение. — 2006. — № 4. — С. 9.

Артоболевский С.С. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ / С.С. Артоболевский, П.Я. Бакланов, А.И. Трейвиш // Вестник Российской академии наук. — 2009. — Т. 79. — № 2. — С. 101–112.

Артоболевский С.С. Российско-белорусское приграничное сотрудничество (результаты экспедиционных исследований в Смоленской и Могилевской областях) / С.С. Артоболевский, Т.Л. Бородина, И.Н. Волкова, О.Б. Глезер, Т.В. Ханташкеева, В.И. Часовский // Псковский регионологический журнал. — 2006. — № 2. — С. 152–163.

Ахременко А.С. Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований / А.С. Ахременко // Политическая наука. — 2009. — № 1. — С. 32–59.

Ахременко А.С. Электоральные различия регионов России как предмет статистического анализа / А.С. Ахременко // Pro nunc. Современные политические процессы. — 2006. — Т. 4. — № 1. — С. 121–138.

Банников А.Ю. Приграничное сотрудничество Российской Федерации в стратегии пространственного развития страны / А. Ю. Банников // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. — 2018. — Т. 4 (70). — № 2. — С. 14–24.

Баринов С.Л. Барьеры приграничных социокультурных коммуникаций в зоне нового западного пограничья России / С.Л. Баринов // Известия Российской академии наук. 2011. — № 1. — С. 45–54. — (Серия «Географическая»).

Бийжанова Э.К. Социальная политика региональной власти: развитие социокультурного потенциала приграничья / Э.К. Бийжанова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2018. — Т. 4 (70). — № 4. — С. 3–9.

Вардомский Л.Б. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития / Л.Б. Вардомский // Россия и современный мир. — 2000. — № 2 (27). — С. 54–64.

Весна 89: География и анатомия парламентских выборов / Л.В. Смирнягин, А.В. Березкин, Н.В. Петров, В.А. Колосов. — Москва : Прогресс, 1990. — 383 с.

Голубчик М.М. Политическая география мира / М.М. Голубчик. — Смоленск : Смоленский государственный университет, 1998. — 312 с.

Гришин Н.В. Динамика электоральных предпочтений населения Юга России / Н.В. Гришин. — Москва, 2008. — 181 с.

Жабрев А.А. Развитие приграничного сотрудничества — цель и совокупность задач стратегического развития Северо-Запада Российской Федерации / А.А. Жабрев, Н.М. Межевич, А.Н. Леонтьева // Псковский регионологический журнал. — 2011. — № 12. — С. 3–9.

Замятина Н.Ю. Новые образы пространства России / Н.Ю. Замятина // Отечественные записки. — 2002. — № 6. — С. 212.

Зиновьев А.С. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы / А.С. Зиновьев // Региональные исследования. — 2015. — № 3 (49). — С. 48–56.

Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции / Н.В. Каледин. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 1996. — 163 с.

Колосов В. А. Типология новых российских границ / В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский // Известия Российской академии наук. — 1999. — № 5 — (Серия «Географическая»).

Колосов В.А. Геополитика и политическая география / В.А. Колосов, Н.С. Мироненко. — Москва : Аспект-пресс, 2001. — 479 с.

Колосов В.А. Как изучать новое пограничье России / В.А. Колосов // Международные процессы. — 2004. — Т. 2. — № 3 (6). — С. 89–95.

Колосов В.А. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество / В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский // Известия Российской академии наук. — 1997. — № 5. — (Серия «Географическая»).

Колосов В.А. Электоральная карта современной России: генезис, структура, эволюция // В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский // Полис. Политические исследования. — 1996. — № 4. — С. 33–46.

Коргунюк Ю.Г. Модель размежеваний и российские выборы: постановка исследовательской задачи / Ю.Г. Коргунюк // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука. — Москва : Российская ассоциация политической науки, 2010. — С. 334–372.

Коргунюк Ю.Г. Электоральные размежевания и мотивы голосования / Ю.Г. Коргунюк // Полития: анализ, хроника, прогноз. — 2011. — № 2 (61). — С. 84–99.

Липсет С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания / С. Липсет, С. Роккан // Политическая наука. — 2004. — № 4. — С. 208–225.

Манаков А.Г. Динамика трансграничных контактов западных районов Псковской области в 2003–2013 гг. / А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. — 2014. — № 17. — С. 98–107.

Межевич Н.М. Границы в современном мире: новые качества в условиях глобализации / Н.М. Межевич // Псковский регионологический журнал. — 2006. — № 3. — С. 3–13.

Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией районов России / К.А. Морачевская // Региональные исследования. — 2010. — № 4 (30). — С. 61–69.

Окунев И.Ю. Политическая география / И.Ю. Окунев. — Москва, 2019. — 512 с.

Орешкин Д.Б. География электоральной культуры и цельность России / Д.Б. Орешкин // Полис. Политические исследования. — 2001. — № 1. — С. 73–93.

Петров В.В. Прикладная политическая география: понятие и проблемы становления / В.В. Петров // Региональные исследования. — 2006. — № 1. — С. 57–62.

Петров Н. Электоральный ландшафт России / Н. Петров, А. Титков // Demoskop Weekly. — 2004. — № 1. — С. 159.

Подъячев К.В. Политические партии и социально-политическое развитие приграничных регионов РФ: опыт непосредственного наблюдения / К.В. Подъячев // Вестник Института социологии. — 2014. — № 4 (11). — С. 60–72.

Попкова Л.И. Теория и практика приграничных исследований / Л.И. Попкова // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2019. — Т. 5 (15). — Вып. 1. — С. 243–249.

Родоман Б.Б. Основные типы географических границ / Б.Б. Родоман // Географические границы. — Москва : Московский государственный университет, 1982. — С. 19–33.

Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии / Б.Б. Родоман. — Смоленск : Ойкумена, 1999. — 256 с.

Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. — Москва : ИП Матушкина И.И., 2018. — 562 с.

Структура и динамика российского электорального пространства. Круглый стол // Полис. Политические исследования. — 2000. — № 2. — С. 80–110.

Тарасов И.Н. География электоральной волатильности в Варминско-Мазурском воеводстве Польши / И.Н. Тарасов, Е.С. Фидря // Балтийский регион. — 2016. — Т. 8. — № 4. — С. 78–89.

Титаренко Л.Г. Теории пограничья / Л.Г. Титаренко // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2013. — Т. 16. — № 2. — С. 28–48.

Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России / Р.Ф. Туровский // Полития: Анализ, хроника, прогноз. — 2005. — № 4. — С. 161–202.

Туровский Р.Ф. Политическая география / Р.Ф. Туровский. — Смоленск : Смоленский государственный университет, 1999. — 381 с.

Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа / Р.Ф. Туровский // Вестник Московского университета. — 1995. — № 3. — С. 33. — (Серия 12, Политические науки).

Туровский Р.Ф. Региональное измерение электорального процесса / Р.Ф. Туровский // Общественные науки и современность. — 2006. — № 5. — С. 1–20.

Федоров Г.М. О международных «коридорах развития» и их формировании в приграничных субъектах Федерации / Г. М. Федоров // Региональные исследования. — 2018. — № 3 (61). — С. 76–83.

Халий И.А. Современное российское приграничье: общие характеристики / И.А. Халий // Вестник Института социологии. — 2014. — № 11. — С. 23–33.

Электоральный ландшафт // Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов / под ред. М. Макфола, Н. Петрова, А. Рябова ; Московский центр Карнеги. — Москва : Гендальф, 2000. — С. 49–96.

Taylor P.J. Political Geography /P.J. Taylor, C. Flint. World-Economy, Nation-State and Locality. — Harlow : Fourth Edition, 2000.

1.3. Фокус-группы

Одним из распространенных методов качественного социологического исследования, определяемым С.А. Белановским как неформализованный[72], который был использован в данном исследовании, является метод фокус-групп. Среди задач, поставленных коллективом в ходе реализации проекта, было проведение нескольких экспертных фокус-групп для более глубокого понимания происходящих в пограничных регионах Российской Федерации процессов, связанных с региональной идентичностью, восприятием себя по отношению к окружающему социально-политическому, электоральному и культурному пространству (в том числе и в дихотомии «свой — чужой», определении «значимый другой»), а также возможного выявления «особого» электорального поведения жителей российских приграничных территорий и потенциальных внутрирегиональных размежеваний.

Как показывают ученые, «количественные и качественные методы исследования связаны друг с другом по принципу функциональной дополнительности»[73], а «количественная и качественная стратегии могут быть взаимодополняющими в рамках одного исследовательского проекта»[74]. Поэтому целесообразно в нашем исследовании комбинировать оба метода: количественный (параграф 3.1 — о применении

---

[72] Белановский С.А. Глубокое интервью и фокус группы. М., 2019. 371 с. С. 9.

[73] Там же. С. 21.

[74] Кошарная Г.Б. Проблема валидности качественных методов в социологическом исследовании // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2014. — № 3 (31). — С. 88.

в исследовании массовых соцопросов) и качественные (в параграфе 3.2 анализируются экспертные интервью).

При этом согласимся с авторитетным мнением С.А. Белановского, что «работа с социальными популяциями в какой-то мере роднит фокус-группы с количественными исследованиями», но не превращает последние в «количественный метод»[75]. Характерной особенностью качественных методов, таких как глубинное интервью и фокус-группы, является выявление двух родов данных: «массовых и единичных суждений»[76], что сразу обнаруживает их несомненную ценность. Интересен и тот факт, что «в фокус-группах многие высказывания звучат ярче и выразительнее, формируя своего рода смысловые “обертоны”»[77], которые могут пригодиться для дальнейшего анализа.

В настоящем исследовании, следуя за С.А. Белановским, основной целью было «получение суммы индивидуальных мнений, которые могут быть более полно раскрыты благодаря групповому формату обсуждения»[78]. И хотя использование метода фокус-групп распространено в первую очередь в прикладных маркетинговых исследованиях, а также в политтехнологической сфере, все же полагаем, что эвристическая ценность данного метода для наших задач также не подлежит сомнению.

Ключевой идеей проведения фокус-групп для проекта была попытка тестирования на представителях профессионального экспертного сообщества, состоящего из профильных специалистов, а также ученых смежных специальностей, состояния политической и электоральной географии как дисциплины в нашей стране, а также понимания,

---

[75] Белановский С.А. Глубокое интервью и фокус группы. С. 164.
[76] Там же. С. 31.
[77] Там же. С. 166.
[78] Там же. С. 177.

насколько устойчивы в настоящее время связи с государствами-соседями, есть ли в регионах, в которых проводились фокус-группы, характерная региональная и приграничная идентичность, меняется ли она с течением времени, существует ли особое электоральное поведение граждан регионов.

Методы

В рамках реализации проекта были проведены три экспертные фокус-группы. Первые две в приграничных регионах РФ: Краснодарском крае (октябрь 2022 г.) и бывшей до недавнего времени пограничной Воронежской области (декабрь 2022 г.). Еще одно мероприятие состоялось в трансграничном регионе, находящемся очень близко к российской границе, — Иркутской области (март 2023 г.) До недавнего времени (до пандемии COVID-19) аэропорт Иркутска был важным международным узлом для всей Восточной Сибири, отсюда курсирует поезд, связывающий Россию и Монголию, проходит поезд Москва — Пекин, и благодаря этому здесь вполне активно ощущалось пограничье, в первую очередь с крупными азиатскими соседями — Монголией и Китаем.

Для всех фокус-групп был разработан единый гайд вопросов, который включал в себя такие пункты, как: изучение специалистами регионов государств-соседей или приграничных регионов стран-соседей; исследование внутриполитических процессов в регионе, существование электоральных исследований на региональном и внутрирегиональном уровнях; выделение каких-либо линий размежевания в регионе по электоральным предпочтениям и не только; существование особой региональной идентичности и возможного наличия связи идентичности и электорального поведения населения в изучаемых регионах.

В общей сложности в фокус-группах приняло участие 23 исследователя из вышеупомянутых регионов ведущих вузов (Кубанский, Воронежский и Иркутский государственные университеты, региональные вузы, Сибирское отделение Института географии РАН, социологические и исследовательские структуры и т.д.). Поскольку «чем более социально и интеллектуально гомогенной является группа, тем более продуктивны ее сообщения»[79], то самым важным фактором отбора участников для наших фокус-групп был критерий профессионализма и принадлежности к профессиональному сообществу ученых, так или иначе занимающихся вопросами политической и электоральной географии. Поэтому разделение по полу, возрасту, которое часто встречается в фокус-группах и даже является обязательным условием их проведения, в нашем случае не соблюдалось. Самое важное: компетентность и наличие экспертов по выбранной тематике в регионах, где проводились подобные мероприятия.

Всего в рамках фокус-групп было задано порядка десяти вопросов, касающихся непосредственно тематики политической и электоральной географии, их предметных полей, исследовательских вопросов и методов, применяемых в исследованиях.

Анализ фокус-групп

Темы в политико-географических и электоральных исследованиях во всех трех субъектах Федерации примерно одинаковы: это поведение жителей данных регионов на выборах разного уровня, начиная от муниципального, заканчивая федеральным. Подавляющее большинство экспертов всех без исключения фокус-групп отметили, что исследования

[79] Белановский С.А. Глубокое интервью и фокус группы. М., 2019. 371 с. С. 189.

электорального поведения были очень популярны в конце прошлого, начале нынешнего века, когда только появились выборы и наблюдалась большая мозаичность акторов на электоральном поле. В настоящее время актуальность и популярность тем, связанных с электоральной географией, снижается, это уже не вызывает такого интереса в силу особенностей электорального процесса, протекающего в последние 10-15 лет. Хотя, если брать политическую географию в целом, то порядка 3/4 всех работ, посвященных данной науке, приходится именно на электоральную географию (это отражает в принципе и общероссийскую картину публикаций): «*Существует парадокс: ученые наконец начали осваивать современные методы анализа, а самого предмета анализа нет» (Краснодар).*

В настоящее время электоральная география в основном изучается в большей степени на примере зарубежных стран, в том числе и соседних к регионам выборки. Хотя вопросы электоральной фрагментации периодически всплывают, поскольку часть регионов имеет ярко выраженную физико-географическую, этническую и даже конфессиональную дифференциацию, которая с течением времени практически не меняется.

Как правило, ученые занимаются отдельными вопросами, связанными с политической географией, однако как таковых школ политической географии в регионах не сложилось (возможно, исключением можно назвать Иркутск). Однако в отдельных регионах есть своя «изюминка» в исследовательских вопросах: например, в Краснодаре активно занимаются политическими сетями как частью электоральных исследований, в Воронеже — как муниципальными выборами в регионе, так и выборами во всем Центрально-Черноземном экономическом районе. Что касается Иркутской области, то здесь сильны вопросы геополитики и междуна-

родных отношений, связи экономической и политической географии, а также активно ведется изучение влияния этнического фактора на голосование.

Исследование региональной и локальной идентичности (в том числе и многоуровневой) и ее связи с электоральным поведением местных жителей также находится в фокусе исследований, особенно в регионах, где наблюдается сильная дифференциация по этническому фактору (Краснодарский край, Иркутская область). Анализ социального состава электората, факторы, влияющие на явку и выбор избирателей, степень важности этнического компонента (в вышеупомянутых регионах особенно) — таким образом очерчивается круг исследовательских вопросов. Также актуальны изучение степени разнообразия городских региональных конфликтов, хотя некоторые эксперты утверждают, что в городских конфликтах нет ничего специфического, они универсальны для всех больших городов: *«местные конфликты "как застывшие мухи в янтаре" быстро гасятся местной администрацией» (Краснодар).* Для Иркутской области важным исследовательским вопросом является изучение степени континентальности («ультраконтинентальности», «трансконтинентальности») региона, а также ее влияния и потенциального влияния удаленности федерального центра на избирательные процессы (политико-географическое положение на макроуровне государства), и не только на них, но и на геополитику (формирование «Большой Евразии») и экономическую (в том числе внешнеэкономическую) деятельность. *«Региональная власть — ой, как далеко, федеральная — ой, как далеко, а муниципальная, наоборот, близко, получается» (Иркутск*).

Вопросы политической культуры, в том числе электоральной культуры населения, функционирование региональной партийной системы, функционирование института

губернатора, эффективность работы представительных органов власти — вот те общие исследовательские вопросы, которые также волнуют экспертов во всех регионах, где проводились фокус-группы.

Для всех без исключения регионов важным вопросом на стыке социальной, политической и экономической географии является изучение миграционных потоков, миграции как фактора, влияющего в том числе и на электоральные процессы. Хотя сама география и природа миграции для регионов различна (Краснодар — Сибирь и Дальний Восток, Воронеж — Европейский Север и новые территории, Иркутск — Казахстан и Средняя Азия), что создает особую специфику и проблемы, тем не менее проблемы адаптации и инкорпорирования в местную среду могут носить общий характер, так же как и вопросы, связанные с идентичностью и восприятием на уровне «свой — другой/чужой».

Немаловажную роль играют вопросы, связанные с экологической повесткой, особенно для Иркутской области и Краснодарского края как субъектов, в которых есть важнейшие рекреационные зоны регионального и федерального значения (Черное, Азовское моря, озеро Байкал, Кавказский государственный природный биосферный заповедник). Соответственно, состояние окружающей среды, экологическая повестка, связанная в том числе и с экологическими протестами, их потенциальное влияние на электоральное поведение также находят свое отражение в исследованиях ученых данных регионов.

Что касается методов, применяемых в политической и электоральной географии, то здесь эксперты везде единодушны. Используется статистика, различные данные, полученные как из официальных источников, так и самостоятельно. Из методологических подходов можно выделить институциональный и сетевой (Краснодар), неоинституци-

ональный, теорию расколов С. Липсета — С. Роккана (Воронеж), культурную эволюцию Р. Инглхарта, электорально-географический анализ, картографирование, типологизацию, классификацию, районирование (все регионы). Методы традиционные: помимо анализа исторических источников и статистического анализа, применяется множество социологических методов — массовые опросы общественного мнения, экспертные интервью, фокус-группы, включенное наблюдение и др.

Для исследований в области электоральной географии используется электоральная статистика и результаты массовых социологических опросов, которые картографируются. При релевантной выборке подсчитываются дисперсия, парная корреляция, регрессия, разрывы в вариационно-динамических рядах, проводится факторный анализ, используется многофакторный анализ, коэффициент детерминации и др.

Среди современных методов используются: компьютерный mapping, работа с big data, специальные программы для изучения нарративов социальных сетей, мониторинга электронных ресурсов (Краснодар), дискурс-анализ, качественный и количественный контент-анализ (Воронеж), ивент-анализ, пространственный анализ, математическое моделирование (Иркутск). Интересен предложенный иркутским экспертом метатеоретический подход для электоральной географии («политическая герменевтика»), основанный на анализе механизмов взаимодействия различных частей электорального целого, то есть взаимодействия институтов в сфере выборов. Под метатеоретическим понимается поход, которой кроме законов учитывает и географическую среду, в которых эти законы действуют.

Еще одним интересным вопросом, заданным участникам фокус-групп, был вопрос о существовании исследований по внутрирегиональной тематике, а также о существовании

возможных размежеваний в регионах, носящих функциональный и территориальный характер.

Наиболее ярко выраженные внутрирегиональные размежевания эксперты отмечают в Краснодарском крае и Иркутской области. В Воронежской области участники фокус-группы отметили характерный для региона электоральный абсентеизм (низкая явка на выборы всех уровней), особенно в самом региональном центре, а также достаточно равномерную картину электоральной жизни, возможно, небольшое функциональное размежевание — «город — село», и скорее «центр — периферия» (Воронеж и вся остальная территория). В целом же, кроме случаев муниципальных выборов, картина равномерная и не представляет исследовательского интереса, скорее субъект Федерации изучается в рамках макрорегиона Центрально-Черноземного экономического района.

Иначе выглядят Краснодарский край и Иркутская область. В обоих регионах внутрирегиональные различия весьма заметны, хотя сама этимология дифференциации имеет различную природу.

Так, в Краснодарском крае существенное количество исследовательских вопросов изучается на внутрирегиональном уровне, поскольку край исторически и географически неоднороден и до сих пор таковым остается. Электоральное поведение жителей той или иной части региона во многом совпадает с историческими волнами его заселения, в первую очередь казачества и остального населения. *«Мы собрали территории, у которых совершенно разная структурная история, и это, конечно, не может не сказаться на внутрирегиональных процессах» (Краснодар).*

Расколы в крае наблюдаются как функциональные, так и территориальные. К функциональным можно отнести раскол «город — село», причем различия проявляются не в са-

мом голосовании и предпочтениях (голосуют на протяжении многих циклов достаточно однородно и предсказуемо), а в уровне самой явки (весьма высок абсентеизм в городах и высока степень рекрутинга на выборах в сельской местности). Уникальность региона состоит в том, что при всей его многочисленности почти половина населения (45%) проживает в сельской местности, поселения которой зачастую по численности существенно превышают городские поселения Центральной России.

В качестве территориального раскола можно выделить весьма заметный классический «Север — Юг»: это степная — сельская, казачья зона и все остальное пространство, часто фрагментированное, урбанизированное и полиэтничное (предгорья Северного Кавказа и Черноморское побережье). Наблюдаются устойчивые различия в политических культурах: «степной» (консервативное электоральное поведение) и «черноморской» (с разной степенью выраженности оппозиционных настроений). К «степной» зоне политической культуры также относятся и небольшие города (например, Армавир), к «черноморской» — все города-порты. Некоторым особняком стоит центр края, политическая культура которого в последнее десятилетие претерпела изменения в силу мощных миграционных процессов — притока населения из сибирских и дальневосточных субъектов Российской Федерации.

Существуют внутрирегиональные расколы и в Иркутской области, являющейся по площади одним из самых крупных среди представленных в исследовании регионов (да и страны в целом). Поскольку выделяются различного рода размежевания, то и учеными области проводится много такого рода исследований. Эксперты выделяют территориальную дифференциацию «Север — Юг», связанную в первую очередь с так называемым «двоецентрием» — наличием

в субъекте двух почти равновеликих по значимости городов — Иркутска и Братска («северной столицы Иркутской области»), противостоящих друг другу. Также заметно размежевание по этническому и конфессиональному признакам, связанным в первую очередь с наличием в области национально-территориального образования, бывшего субъекта Российской Федерации — Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, который был упразднен и объединен с Иркутской областью в 2008 году, однако де факто по-прежнему существующего и во многом отличающегося от остальной территории региона. С ним же в основном связан и функциональный раскол «город — село».

Спецификой региона также является его высокая обеспеченность природными ресурсами (лесом, гидроэлектроэнергией, полезными ископаемыми), на основе которых в советскую эпоху была выстроена мощная промышленная база и которая в настоящее время часто является предметом конфликтов финансово-промышленных групп и элит разного уровня. В том числе и в этой связи в последние десятилетия наблюдается внутрирегиональная электоральная дифференциация.

Важную роль играют и экологические размежевания, связанные в первую очередь с наличием в регионе одного из главных ресурсов страны — озера Байкал. Как отмечают эксперты, здесь был бы эффективен инструментарий географического анализа: *«провести районирование Иркутской области по уровню экологических проблем и сопоставить, как они влияют на политические сюжеты»*. По утверждению участников фокус-группы, внутрирегиональных размежеваний можно выделить и больше, и здесь есть значительный исследовательский потенциал, который ждет своей реализации.

Блок вопросов был связан с так называемой приграничностью субъектов Российской Федерации, где были прове-

дены фокус-группы. Нас интересовало, есть ли у экспертов-участников исследовательские интересы, где в фокусе находились бы вопросы пограничья, изучаются ли страны-соседи в данных регионах, если да, то только эти ли страны, либо исследовательские вопросы не зависят от положения этих территорий. Важным вопросом также был следующий: воспринимает ли местное население регионов свою жизнь на рубежах государства.

И здесь мы можем выделить отдельно Краснодарский край и Иркутскую область как регионы, которые явно ощущают свою, если не приграничность, то трансграничность в полной мере. В отличие от Воронежской области, которая до недавнего времени была де юре пограничным регионом, соседствующим с Украиной, но с сентября 2022 года таковым не является. Однако, по мнению экспертов, на протяжении долгих лет после распада СССР Воронежская область не ощущала себя пограничьем и де факто. Имея весьма непротяженную границу с соседней страной (менее 100 км), к тому же сельскими «депрессивными» Кантемировским и Россошанским районами (маленький отрезок), приграничность здесь как таковая особенно не воспринималась ни населением, ни экспертами. Как считают эксперты, *«имеет значение не территориальная близость, а частота контактов. Поскольку контакты были не частыми, то нет ощущения, что где-то через двести километров другое государство»*. Попытка создания международного еврорегиона[80], куда входила бы Воронежская область в итоге не увенчалась успехом.

Поэтому в Воронежской области нет пристального изучения Украины как соседней страны, исследовательский интерес ученых основан на личных интересах к разным

[80] Еврорегион «Донбасс» был создан в 2010 г., в него входили Воронежская и Ростовская области, а также Донецкая и Луганская области.

государствам (в том числе ко всему постсоветскому и постсоциалистическому пространству) и не связан напрямую с приграничностью региона. Часто (как уже было сказано выше) Воронежская область рассматривается скорее как составная часть более крупного макрорегиона в составе Российской Федерации, а не как приграничный регион. Один из специалистов фокус-группы отмечает: *«Не ощущаем мы себя приграничным районом, глобус мало кто по вечерам крутит».*

Если говорить о Краснодарском крае, то мнения экспертов по данному вопросу разделились: одни считают, что регион был всегда пограничным, фронтирным, и это ощущение никуда не делось ни у населения, ни у исследователей. Другие полагают, что регион скорее трансграничный, со сложившимися широкими межрегиональными и международными (до недавнего времени) связями. *«Наша приграничность — она такая, квазиприграничность».*

Тем не менее все специалисты указали на то, что активно ведутся политико-географические и геополитические исследования как стран-соседей (Украина, Грузия, Абхазия, Турция, страны Средиземноморского региона), так и соседних российских регионов (Крым, Донбасс, Адыгея, Ставропольский край, Ростовская и Астраханская области). Также проводятся научные изыскания на межгосударственном (Абхазия, Армения) и межрегиональном уровнях. Большое значение придают самому политико-географическому положению Краснодарского края как транспортному выходу России в южные моря, через промышленные порты Новороссийск и Туапсе, в меньшей степени Темрюк и Сочи, это выходы нефте- и газопроводов и т.д.

Большой пласт работ в регионе посвящен анализу миграционных проблем, в этом вопросе тоже отражается трансграничность края. В ходе исторических эпохальных

изменений Краснодарский край по-разному воспринимался и населением: и как казачий фронтир на первых этапах своего освоения, и в дальнейшем при заселении предгорной и черноморской полос. Пожалуй, только во времена существования в составе СССР восприятие приграничности исчезло, возникнув опять в 1990-е годы. Однако, как замечают некоторые участники фокус-группы, в настоящее время есть ощущение какой-то периферийности (что заметим, не исключает пограничности, а наоборот, является составной частью феномена пограничности). *«Здесь проходит фронтир не только России с соседними странами, но и культурный фронтир — мы здесь на границе Европы и Азии, на границе культуры Востока и Запада, здесь, на Кавказе».* И с этим утверждением трудно не согласиться.

Строго говоря, Иркутская область не является приграничным субъектом России, однако в силу ряда обстоятельств, в том числе и присутствия здесь сложившейся научной школы на стыке политической географии и политологии, а также из-за того, что регион находится не так далеко от государственной границы, выбор для проведения одной из фокус-групп пал на данный субъект. Интересным представляется тот факт, что все специалисты на фокус-группе единодушно отметили трансграничность области и важную роль Иркутской области как форпоста Восточной Сибири Российской Федерации. В соответствии с этой ролью региона они подчеркнули наличие политико-географических исследований и исследований, сопряженных с международным сотрудничеством. Традиционно в фокусе внимания оказываются различные политико-географические, геополитические, миграционные, экономические, демографические исследования, связанные со странами — соседями Сибири, такими как Китай и Монголия, реже Южная Корея, Япония, государства Азиатско-Тихоокеанского региона, и даже такой экзотикой,

как Новая Зеландия. Наиболее актуальны политико-географические исследования, связанные с экономическим коридором «Китай — Монголия — Россия» как составной частью Великого шелкового пути. Как объект изучения также выступают народы так называемого «Саянского перекрестка»[81], именно в таких исследованиях подчеркивается роль трансграничности региона. По утверждению одного из экспертов, *«Иркутск — политический центр для объединения Северной Азии».*

С точки зрения населения, с одной стороны, в области находится ровно середина земли русской (железнодорожная станция «Половина»: 5500 км в одну сторону, столько же в другую) и исторический центр Сибири, однако в нарративе (в том числе и политическом, на региональном уровне) область воспринимается как трансграничный регион (ресурс трансграничности — перевалочный пункт с железнодорожным узлом и с международным аэропортом с очень активными связями, со своим отдельным представительством Монголии, например), чему способствует и разрабатываемый концепт *«Большой Евразии, как возможности трансграничного взаимодействия стран Северной Азии».*

Заключительными и, вероятно, самыми значимыми для целей нашего исследования вопросами, заданными экспертам фокус-групп, были вопросы, связанные с наличием

[81] Термин «Саянский перекресток» был введен около 30 лет назад доктором физико-математических наук А.Д. Калихманом. Этим понятием он обозначал территорию, где в условиях повышенной географической изоляции и уникальной природы проживают малочисленные тюркские народы восточносаянской этнической группы с находящимися на грани исчезновения культурой и языком, а также хозяйственным укладом: Восточный Саян (тофалары — Нижнеудинский район Иркутской области, тоджинцы — Тоджинский кожуун Республики Тыва, сойоты — Окинский район Республики Бурятия, цаатаны — Хубсугульский аймак Монголии).

в регионах исследований по идентичности, существованием коллективной идентичности, которая «проявляется в многообразных формах»[82] и развивает «социопространственное сознание, выражающееся в виде территориальной идентичности»[83]. В свою очередь, как показывают Е.В. Морозова и Е.В. Улько, территориальная идентичность — это «определенная субъективная социально-географическая реальность», а локальная идентичность — «один из уровней территориальной». Она становится актуальной в условиях нестабильности и «может являться существенной опорой для человека… в условиях утраты других довольно важных социальных идентичностей»[84]. То явление, которым раньше, по мнению Е.В. Морозовой, занимались в основном психологи, социальные антропологи и социологи[85], прочно вошло в политическую науку. Наиболее известными исследователями данного феномена являются Е.В. Морозова[86], И.С. Семененко[87], О.В. Попова[88], В.А. Колосов,

[82] Карсанова Е.С., Знаменский Д.Ю. Идентичность в национальном и региональном измерении // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 1 (70). С. 116.

[83] Там же. С. 117.

[84] Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуальности и типы // Политэкс. 2008. Т. 4. № 4. С. 140.

[85] Морозова Е.В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 60.

[86] Морозова Е.В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа. С. 60–66; Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуальности и типы. С. 139–151.

[87] Идентичность: личность, общество, политика : энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко ; ИМЭМО РАН. М. : Весь мир, 2017. 992 с.; Семененко И.С. Пространство, территория, идентичность // Вестник аналитики. 2013. № 4. С. 118.

[88] Попова О.В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 74–91; Попова О.В. Модели идентичности

Р.Ф. Туровский[89], А.Г. Манаков[90] и другие. И здесь в контексте нашего исследования, которое рассматривает в том числе и различные линии размежевания, можно учесть многосоставную идентичность, которая, по предположению Е.В. Морозовой, «связана с кумулятивными кливажами, когда линии нескольких разломов совпадают, а отдельные социальные отличия усиливают друг друга»[91].

По мнению О.В. Поповой, «фундаментальной базой формирования идентичности является оппозиция «мы — они» или «свои — чужие»[92]. Поэтому, несмотря на то что «в современном социогуманитарном знании прочно утвердился тезис о терминологической размытости «значимого другого», его крайней вариативности и подчиненности обстоятельственным контекстам»[93], мы также сочли необходимым вставить в гайд для фокус-групп вопрос о том, кто является «значимым другим» для населения регионов, по мнению участников.

политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173–194.

[89] Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Полис. Политические исследования. 1996. № 4. С. 33–46.

[90] Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77–84; Манаков А.Г. Этническая идентичность сету Печорского района: итоги пятнадцатилетних исследований (1999–2014 гг.) // Псковский регионологический журнал. 2015. № 22. С. 65–77.

[91] Морозова Е.В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 64.

[92] Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 175.

[93] Титов В.В. Место образа «другого» в конструировании национальной идентичности // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 8 (84). С. 2602.

Как указывает Е.В. Морозова, «образ Другого может реализоваться в двух моделях. Первая из них, модель политической толерантности, может быть описана формулой «я — другой — иной». Вторая, интолерантная модель, представлена формулой «я — другой — чужой — враг»[94]. В любом случае «первое, что можно сказать о репрезентации образа “другого” (как внешнего, так и внутреннего), это явный акцент на противопоставлении»[95].

Важно было также уточнить наличие в регионах исследований о связи идентичности и электорального поведения.

В Воронежской области, по словам экспертов, какой-то специфической локальной идентичности не наблюдается, соответственно и исследований в этой сфере немного, в большей степени они касаются Центрально-Черноземного экономического района. Некоторые эксперты выразили мысль, что Воронеж является неофициальной столицей данного региона, что в какой-то степени и определяет локальную (региональную) общность. *«Воронежцы считают себя столицей ЦЧР, и никто с этим не спорит», «местечковый предмет гордости».* Было проведено интересное исследование, в котором воронежцы (жители области) оценивали себя, и в свою очередь воронежцев оценивали жители других регионов Российской Федерации. Оказалось, что сами жители области к себе относятся гораздо критичнее, нежели их воспринимают граждане других субъектов Российской Федерации. Это некая отличительная черта локальной идентичности. Все эксперты единодушно подчеркнули царящее

[94] Морозова Е.В. Образ Другого/Чужого в формировании внешнеполитической идентичности (обзор литературы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 6. С. 183.

[95] Крестинина Е.С. Образ «другого» в структуре современной идентичности российского общества // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 123.

в области согласие в национальных вопросах, достигнутое стараниями региональных властей. Любопытным фактом является также то, что идентичность жителей области после распада СССР никогда не была связана с фактором государственной границы, однако после референдумов и последующего присоединения новых территорий в публичном дискурсе возникла тема того, что Воронежская область перестала быть приграничной. Резюмируя данную тему, можно отметить, что для ученых в данном регионе тема локальной идентичности, значимого другого не является предметом актуальных научных изысканий, поскольку нет интересного объекта для исследования.

Возможно, совсем другая картина сложилась в двух других регионах проведения фокус-групп. Особая региональная идентичность наблюдается как в Краснодарском крае, так и в Иркутской области, являясь предметом многочисленных исследований по данной теме на стыке различных наук.

В Краснодарском крае за последние два десятилетия сложилась целая школа исследований по территориальной (региональной и локальной) идентичности, поэтому здесь эксперты отвечали утвердительно на вопрос о ее существовании. Однако сами варианты ответов несколько отличались друг от друга. Безусловно, общим местом является идея, что идентичность края складывалась как производная от истории заселения региона. Эксперты отмечали, что сложно говорить об общекраевой идентичности как таковой. В степной зоне и сельской местности — казачья идентичность, у городов — своя, хотя сложно сказать, чтобы у краевого центра была уникальная идентичность (скорее как у всех городов-миллионников с большим наплывом мигрантов). *«В городах у людей нет национальности, они все жители Кубани».* Если говорить о Сочи, то еще в советское время это был город прямого подчинения Москве, поэтому

там сложилась особенная идентичность, не связанная с краем вообще. Вследствие такого многообразия идентичности, в том числе и многосоставной, здесь сложилось мощное научное поле на данную тему, в том числе и исследований кроссрегиональных, соседних регионов, разных возрастных и социальных страт и т.д. Можно говорить и о так называемой фронтирной идентичности: с одной стороны, на окраине государства, с другой — как первичное освоение территории, что дает опыт новых практик. *«Фронтирная идентичность в современных условиях — это очень большой инновационный ресурс, фронтир — это всегда изобретение социальных практик с нуля».* Такая комбинация консервативности, периферийности, с одной стороны, и инновационности, адаптивности, предприимчивости — с другой, дает интересный симбиоз территориальной общности.

Что касается значимого другого, то для Краснодарского края — это Ростов-на-Дону как наиболее близкий городмиллионник, традиционный конкурент на юге России, отчасти национальный анклав внутри Краснодарского края в виде Республики Адыгея, который также влияет на формирование региональной идентичности и является мощным фактором соседства. Но здесь это случаи именно «другого» (первая толерантная модель согласно Е.В. Морозовой), а не «чужого», что представляется весьма важным для понимания процессов, происходящих в регионе.

Во время проведения фокус-группы в Иркутской области данный вопрос, пожалуй, был самым насыщенным и содержательным по дискуссии. Эксперты единодушны в том, что региональная идентичность также (как и в Краснодарском крае) является многосоставной, тем более что сложно говорить об общей территориальной идентичности для региона, занимающего 4-е место по площади в Российской Федерации. Тем не менее среди факторов, способствующих

формированию региональной идентичности, коллеги выделили два ключевых: это история освоения и формирования региона, а также география в широком смысле слова (политико-географическое и геополитическое положение, богатейшие природные ресурсы, в том числе и уникальные, мощнейшая промышленная база). При том что существует общая идентичность (сибиряк), «Байкальская региональность» и «трансграничность» и, конечно, есть еще более локальные сообщества, в том числе основанные на этническом и конфессиональном разнообразии. Все это способствует тому, что специалисты охотно занимаются вопросами изучения идентичности и ее влияния на различные социальные процессы в регионе.

Эксперты обратили также внимание на то, что *«Иркутск во многом живет прошлым»*, своими прежними достижениями (дореволюционными, советскими). То есть это и центр Иркутского генерал-губернаторства, и фронтир империи, освоение Сибири и Дальнего Востока, дальних рубежей, вплоть до Аляски, Сибирская американская компания. Потом происходит *«съеживание влияния».* Во время СССР область лишилась пограничности, но были огромные всесоюзные стройки: Транссиб, БАМ, гидроэлектростанции, заводы. Однако сейчас все это в прошлом, ощущение периферийности пространства, отсутствия великих и больших проектов делает мышление и отчасти идентичность провинциальной, а логику развития — инерционной. В какой-то мере это связано и с феноменом ультраконтинентальности Сибири при одновременном развитии концепта «Большой Евразии» с пересечением интересов многих геополитических акторов.

Эксперты отметили, что интересными являются исследования, связанные с локальной идентичностью и идентичностью места в зависимости от миграционных потоков из со-

седних стран (КНР, государств Средней Азии). Проводятся исследования, связанные с сибирской и локальной идентичностью (особенно этнической) и электоральным поведением.

Для региона участниками фокус-группы были выделены два «значимых других». Для Иркутска как центра таковым до недавнего времени был Красноярск. С центром соседнего Красноярского края существовала конкуренция до того, как тот стал миллионником и де факто неформальной столицей Восточной Сибири. Однако данное соперничество, характерное для нулевых, как отмечают эксперты, ушло в прошлое, и Иркутск признает победу за Красноярском по многим параметрам.

Вторым «значимым другим» (возможно, даже и «чужим») для региона специалистами названа Республика Бурятия как конкурент в борьбе за главный ресурс — озеро Байкал: *«потому что Байкал, к сожалению, не объединяет, а Байкал разъединяет».* И здесь актуальной является конкуренция за ценный ресурс, как рекреационный, экологический, но и хозяйственный объект. Добавляет остроты и наличие двух особых экономических зон (ОЭЗ), расположенных в двух субъектах — «Байкальский берег» (Бурятия) и «Ворота Байкала» (Иркутская область), смысл существования которых почти одинаков, но в Бурятии эффективность ОЭЗ выше, и упущенные возможности Иркутской области заставляют включаться к конкурентную борьбу, вместо того чтобы, наоборот, объединиться и добиться синергетического позитивного эффекта от данного вида деятельности.

Кейс Псковской области

Из всех исследуемых нами территорий реально пограничным регионом с прочной научной основой в области политической географии, пожалуй, можно назвать Псковскую область. В ней фокус-группа не проводилась ввиду малого

числа коллег, которые занимаются данной тематикой. Однако мы не могли не провести здесь экспертные интервью, в ходе которых были заданы аналогичные вопросы, которые были на фокус-группах. Было отмечено, что темы в политико-географической науке, а также исследовательские вопросы, которые ставили и ставят перед собой ученые данного региона, во многом перекликаются с исследовательскими задачами ученых, действующих в регионах, где проводились фокус-группы, так же как и в целом методы, которыми они пользуются[96]. В электоральном поведении прослеживались территориальные размежевания («Север — Юг»), осталось функциональное — «центр — периферия».

Пожалуй, это все, что мы находим общего в исследуемых регионах. Дальше мы видим расхождения, поскольку именно Псковская область является тем реальным пограничным регионом, чья пограничность всегда была ярко выраженной: в Советское время (граница негосударственная, но с прибалтийскими республиками — Латвией и Эстонией), после распада СССР и тем более в настоящее время, когда она особенно остро ощущается как населением, так и экспертами[97].

Интерес к политической географии у ученных Псковской области во многом вырос из культурной географии (концепции «геокультурного пространства»), поскольку здесь проживание этнических меньшинств, отличных от основного населения, дает дифференциацию в политической культуре, электоральном поведении жителей региона, а также жизнедеятельности в условиях приграничья, в частности проживание разделенного народа (сету) по обе стороны государственной границы. Соответственно здесь

[96] Среди самых востребованных: социологические опросы и картографирование результатов.

[97] Примечательно, что у Псковского государственного университета одним из слоганом является «Вуз у границы — вуз без границ».

и ярко выражены региональная и локальная идентичности, на которых всегда был сосредоточен основной фокус в исследованиях (в отличие от электоральной географии, интерес к которой немного снизился в последние годы).

Псковская область, при территориальном расколе «Север — Юг», обладает бицентричностью: Псков и Великие Луки. При этом уникальность региона еще и в том, что он испытывает на себе тяготение двух крупнейших центров России: северная часть тяготеет к Санкт-Петербургу (миграционные потоки), южная часть — к Москве. Посередине оказывается инертная и «депрессивная зона депопуляции» (внутренняя периферия), что также проявляется в электоральном поведении.

Многочисленны и разнообразны исследования приграничья, трансграничности[98] соседних стран, а также прибалтийских государств и Беларуси как объектов научного и прикладного анализа. В течение постсоветского периода отношение к границе также менялось: от концепции позитивного ресурса, который может придать положительную динамику развитию региона, до периферийной зоны отчуждения и стагнации.

Отношение к соседям меняется в зависимости от внешнеполитической ситуации. В настоящее время «значимым другим» для региона являются Эстония и Латвия, взаимоотношения с которыми относительно недавно перешли к интолерантной модели по формуле: «я — другой — чужой — враг»[99]. К «значимым другим» можно также отнести Москву

[98] В том числе и еврорегион «Псков-Ливония», преобразованный с 2003 г. из Совета по приграничному сотрудничеству приграничных регионов Латвии, России и Эстонии.

[99] Морозова Е.В. Образ Другого/Чужого в формировании внешнеполитической идентичности (обзор литературы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 6. С. 183.

(характерно для многих периферий), на региональном уровне таким является Великий Новгород, с которым у Пскова постоянная конкуренция как на уровне областных центров, так и на уровне субъектов Федерации.

* * *

Обобщая собранную в ходе фокус-групп информацию, можно констатировать, что исследовательские вопросы политической географии изучаются и являются актуальными. На примере развития науки в исследуемых регионах можно согласиться с Н.В. Калединым, который отметил за прошедшие десятилетия «возрождение и становление после долгого перерыва политической географии, особенно электоральной географии, политико-географического страноведения, и геополитики с “россиецентричным” и “неоевразийским” акцентами»[100]. Хотя и нельзя сказать, что во всех регионах сложилась именно политико-географическая школа с соответственной методологией и инструментарием.

Направления, привлекающие внимание экспертов, во многом перекликаются с теми, которые обозначил в целом для науки профессор МГУ А.Н. Пилясов: связанные «с теоретическим осмыслением новых реалий, возникших на постсоветском пространстве, связанных с новым приграничьем и исследованиями границ (преимущественно политико-географическими)… географической урбанистикой (по причинам резко возросшей роли крупнейших городов в современном развитии России)»[101].

Можно отметить, что по большинству тем эксперты высказывались весьма схоже, несмотря на огромные рас-

[100] Общественная география в России: взгляд в будущее / под ред. П.Я. Бакланова, А.Г. Дружинина, В.А. Колосова. — Ростов н/Д ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. 130 с. С. 13.

[101] Там же. С. 41.

стояния между ними. Возможно, это объясняется одним пулом экспертов — специалистов одной сферы, одними исследовательскими вопросами, схожими проблемами.

Многие участники фокус-групп отмечали перспективность исследований, связанных с электоральным поведением и его связью с региональной и внутрирегиональной идентичностью во всех регионах, которая везде достаточно четко выражена. Актуальные вопросы миграционных потоков, национальных диаспор, региональных особенностей политической культуры и исторической памяти также стоят на повестке дня в исследуемых регионах.

Из общих выводов можно отметить следующее: приграничность во всех трех регионах ощущается по-разному. Так, наиболее пограничным и особенно в последнее время себя стал ощущать Краснодарский край (который на протяжении всей своей истории был особым южным фронтиром российского государства). Воронежская область, которая недавно утратила де-юре свое пограничное положение, особо никогда не чувствовала этого положения на протяжении всего постсоветского периода. Иркутская область, напротив, активно была вовлечена в экономические восточноазиатские процессы, но с началом пандемии утратила этот статус (возможно, в ближайшей перспективе он будет восстановлен). При этом масштабных систематических специальных исследований, связанных с соседними государствами и их прилежащими регионами, не проводится (либо они проводились в начале 1990-х — 2000-х гг.), исключением можно назвать Иркутскую область (Монголия, КНР, Южная Корея, Япония).

Что касается региональной идентичности, то во всех изучаемых регионах она присутствует, но в разной степени. Наиболее ярко, пожалуй, она выражена в Краснодарском крае, даже с ярко маркированными устойчивыми

внутрирегиональными различиями, затем в Иркутской области (где тоже можно выделить элементы внутрирегиональной идентичности) и в меньшей степени — в Воронежской области, которая скорее имеет идентичность, связанную со всем Центральным Черноземьем. В Иркутской области можно отметить множественную идентичность (сибиряк, иркутянин, житель Байкала, русский, бурят). При этом в регионах проведения фокус-групп наблюдаются активные внутриполитические процессы, есть различия в электоральном поведении граждан, связанные как с функциональным размежеванием «центр — периферия», «город — село» (например, в Краснодарском крае выражено в виде дихотомии «крупные города» и вся остальная территория, а также Краснодар как южный «мегаполис» с большой миграционной составляющей и отдельно Сочи, в Воронеже — областной центр и все остальное пространство), так и с территориальным (Краснодарский край — Кубань и Черноморское побережье Кавказа; «Север — Юг» — в Иркутской области) При этом электоральное поведение граждан практически не коррелируется с пограничным положением регионов.

Исходя из всего вышеизложенного, мы можем отметить, что по своему потенциалу политическая география может и «должна стать дисциплиной, систематизирующей закономерности территориального распределения всех без исключения типов элементов политического пространства… задавать пространственную сетку координат и контекст для любого социально-гуманитарного знания»[102].

В заключение отметим, что в данной главе мы лишь сфокусировались на отдельных аспектах и отдельных школах электоральной географии, не претендуя на полную кар-

[102] Общественная география в России: взгляд в будущее / под ред. П.Я. Бакланова, А.Г. Дружинина, В.А. Колосова. Ростов н/Д ; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. 130 с. С. 79.

тину науки в стране в целом. Надеемся, что этот обзор даст старт более систематическим науковедческим исследованиям по электоральной географии в России.

Список литературы

Белановский С.А. Глубокое интервью и фокус группы / С.А. Белановский. — Москва, 2019. — 371 с.

Идентичность: личность, общество, политика : энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко ; ИМЭМО РАН. — Москва : Весь мир, 2017. — 992 с.

Карсанова Е.С. Идентичность в национальном и региональном измерении / Е.С. Карсанова, Д.Ю. Знаменский // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2021. — Т. 11. — № 1 (70).

Колосов В.А. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция / В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский // Полис. Политические исследования. — 1996. — № 4. — С. 33–46.

Кошарная Г.Б. Образ «другого» в структуре современной идентичности российского общества / Г.Б. Кошарная // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 4. — С. 117–124.

Кошарная Г.Б. Проблема валидности качественных методов в социологическом исследовании / Г.Б. Кошарная // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2014. — № 3 (31). — С. 86–95.

Кувенева Т.Н. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе / Т.Н. Кувенева, А.Г. Манаков // Социологические исследования. — 2003. — № 7. — С. 77–84.

Манаков А.Г. Этническая идентичность сету Печорского района: итоги пятнадцатилетних исследований (1999–2014 гг.) / А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. — 2015. — № 22. — С. 65–77.

Морозова Е.В. Локальная идентичность: формы актуальности и типы / Е.В. Морозова, Е.В. Улько // ПОЛИТЭКС. — 2008. — Т. 4. — № 4. — С. 139–151.

Морозова Е.В. Образ Другого/Чужого в формировании внешнеполитической идентичности (обзор литературы) / Е.В. Морозова // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2016. — № 6. — С. 183–186.

Морозова Е.В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа / Е.В. Морозова // Человек. Сообщество. Управление. — 2012. — № 1. — С. 60–66.

Общественная география в России: взгляд в будущее / под ред. П.Я. Бакланова, А.Г. Дружинина, В.А. Колосова. — Ростов н/Д ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. — 130 с.

Попова О.В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей / О.В. Попова // Южно-российский журнал социальных наук. — 2019. — Т. 20. — № 4. — С. 74–91.

Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России / О.В. Попова // Политическая наука. — 2018. — № 2. — С. 173–194.

Семененко И.С. Пространство, территория, идентичность / И.С. Семененко // Вестник аналитики. — 2013. — № 4. — С. 118.

Территориальная идентичность и межэтнические отношения на примере восточных районов Ставропольского края / В.А. Колосов, Т.А. Галкина, А.Д. Криндач // Полис. Политические исследования. — 2001. — № 2. — С. 61–77.

Титов В.В. Место образа «другого» в конструировании национальной идентичности / В.В. Титов // Вопросы политологии. — 2022. — Т. 12. — № 8 (84). — С. 2600–2609.

Вопросы к экспертам

1. Какие темы в политико-географических и электоральных исследованиях изучаются специалистами региона в целом?

2. Какие исследовательские вопросы в этих областях ставятся?

3. Какие методы применяются в исследованиях?

4. Поскольку регион пограничный, то что находится в фокусе исследования в данной отрасли науки?

5. Изучаются ли пограничные страны? Ели да, то какие? Возможно, какие-то другие страны и регионы?

6. Изучается ли электоральная география на внутрирегиональном уровне? Если да, есть дифференциация электоральных предпочтений, какова она: территориальная (размежевание «Север — Юг», «Запад — Восток») или функциональная («центр — периферия», «город — село» и т.д.)?

7. Воспринимается ли населением область/край как приграничный регион РФ? Кто для региона является «значимым другим»?

8. В контексте приграничности края есть ли исследования по идентичности? О связи идентичности и электорального поведения?

ГЛАВА 2

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ С РОССИЕЙ ГОСУДАРСТВ

2.1. Норвегия

Королевство Норвегия является унитарным государством, которое до 2017 года состояло из следующих 19 губерний (или *фюльке*): Акерсхус, Бускеруд, Вестагдер, Вестфолль, Мере-о-Ромсдаль, Нур-Треннелаг, Нурлан, Опланн, Осло, Ругаланн, Сер-Треннелаг, Согн-о-Фьюрдане, Телемарк, Тромс, Финмарк, Хедмарк, Хуралан, Эстфоль, Эустагдер. Однако в 2017 году было принято решение об объединении мелких фюльке и преобразовании их в 11 губерний, 1 января 2020 года данное решение вступило в силу[103].

Высший законодательный орган Норвегии — однопалатный парламент Стортинг. В Норвегии на настоящий момент существует 10 партий. Согласно партийной классификации П. Норрис и Р. Инглхарта[104], Консервативная партия (Хейре) является правой либерально-плюралистической партией. Лейбористская партия по идеологической окраске является левой либерально-плюралистической партией, Партия прогресса — правая авторитарно-плюралистическая партия.

[103] Dette er Norges nye regioner / M. Newth, I. Dybfest Dahl, H. Østli Jakobsen, S.S. Skiphamn // Verdens Gang. 2017. 23 February. URL: https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/zoEB1/dette-er-norges-nye-regioner (дата обращения: 13.01.2021).

[104] Norris P., Inglehart R. Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. DOI:10.1017/9781108595841

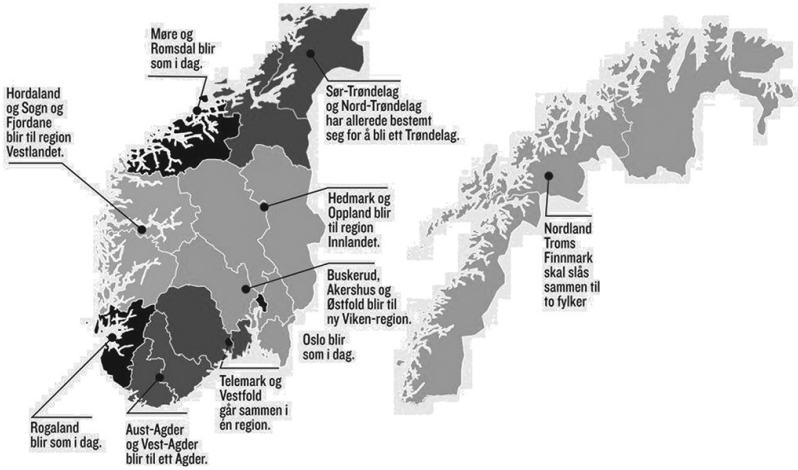


Рис. 2.1.1. Карта фюльке Норвегии с указанием преобразований 2020 г.

Что касается Социалистической левой партии, то она является левой либерально-плюралистической партией. Либеральная партия (Венстре) является правой либерально-плюралистической партией, Зеленая партия — левой либерально-плюралистической партией, Христианско-демократическая партия — правой либерально-плюралистической партией, Партия Центра — левой либерально-плюралистической партией. Две партии не попали в классификацию указанных авторов, однако Красная партия представляет собой объединение Красного избирательного альянса и Рабочей коммунистической партии и является левопопулистской партией. Наконец, Береговая партия позиционирует себя как евроскептическую партию, которую можно назвать правоцентристской партией[105]. Таким образом, в Норве-

[105] Sitter N., Batory A. Protectionism, Populism, or Participation? Agrarian Parties and the European Question // Szczerbiak Aleks, Paul Taggart (eds.). Opposing Europe?: The Comparative Party Politics of Euroscepticism. Vol. 2. Comparative and Theoretical Perspectives. OUP Oxford, 2008.

гии действует многопартийная система (по классификации Дж. Сартори[106] партийная система является атомизированной[107], Нвокора и Пелиццо называют ее коалиционной системой[108]). По результатам выборов в Стортинг в 2017 г. в него вошло 9 партий. Эффективное число партий по индексу Лааксо-Таагепера[109] составляет 5,6, по Голосову[110] — 4,7.

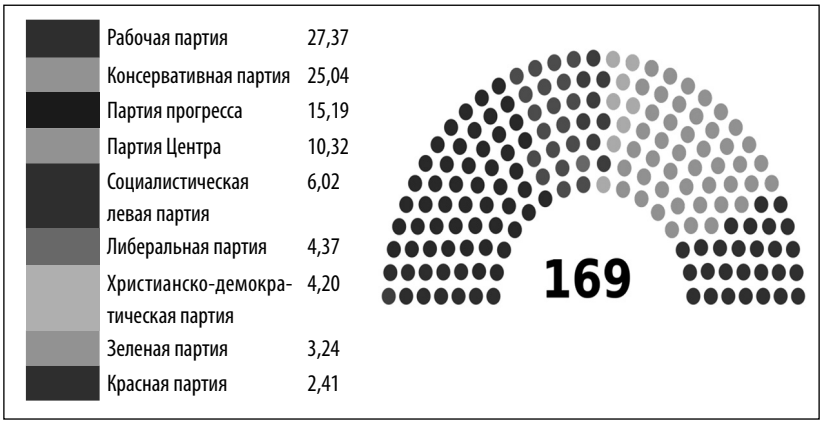


Рис. 2.1.2. Результаты выборов в Стортинг в 2017 г. и распределение вошедших в него партий на идеологическом спектре[111]

[106] Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.

[107] Политические системы современных государств : энциклопедический справочник. В 4 т. Т. 1. Европа / гл. ред. А.В. Торкунов, науч. ред. А.Ю. Мельвиль, отв. ред. М.Г. Миронюк / МГИМО МИД России, ИНОП. М. : Аспект Пресс, 2012. 616 с. С. 374.

[108] Reconsidered : Toward a New Predominant Party System / Z. Nwokora, R. Pelizzo, G. Sartori // Political Studies. 2014. № 62(4). P. 824–842.

[109] Laakso M., Taagepera R. “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. № 12 (1). P. 3–27.

[110] Golosov G.V. The Effective Number of Parties: A New Approach // Party Politics. 2010. № 16 (2). P. 171–192. DOI:10.1177/1354068809339538

[111] Tall for hele Norge, Stortingsval 2017 // VALG. URL: https://valgresultat.no/?type=st&year=2017 (дата обращения: 13.01.2021).

Как уже отмечалось выше, в Норвегии действует однопалатный парламент Стортинг, избираемый сроком на 4 года и состоящий из 169 депутатов, 150 из которых избираются по партийным спискам от фюльке, а 19 получают «уравнительные» мандаты, а именно — каждый избирательный округ получает один мандат[112]. Согласно статье 57 Конституции Королевства Норвегия, страна поделена на 19 избирательных округов. Количество членов Стортинга рассчитывается как соотношение между населением и территорией каждого округа и общей численностью и территорией всей страны. Каждый житель считается за единицу, каждый квадратный километр за 1,8. Каждые 8 лет происходит перерасчет[113]. Депутаты избираются по системе пропорционального представительства в многомандатных округах. Распределение мандатов происходит с использованием модифицированного метода Сент-Лагю, что позволяет реализовать механизм, схожий с введением процентного барьера и позволяет лишить мандата те партии, которые не получили высокую поддержку среди населения.

Целый ряд работ посвящен электоральным процессам в Норвегии, а также тому, как распределяются электоральные предпочтения граждан в зависимости от того фюльке, где они проживают. Например, Л. Рэй и Х.М. Наруд[114] рассматривали вопрос раскола центра и периферии в политической жизни Норвегии. Они заключили, что центр-периферийный раскол совпадает с тем, за правую или левую

---

[112] Norway Parliament // IPU Parline. URL: https://data.ipu.org/content/norway?chamber_id=13477 (дата обращения: 13.01.2021).

[113] The Constitution of the Kingdom of Norway // LOVDATA. URL: https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/1814-05-17 (дата обращения: 13.01.2021).

[114] Ray L., Narud H.M. Mapping the Norwegian Political Space: Some Findings from an Expert Survey // Party Politics. 2000. № 6 (2). P. 225–239. DOI:10.1177/1354068800006002007

партию будут голосовать граждане. М. Гильям и Г. Оскарсон[115] отмечали, что в Норвегии отмечается рост партийного размежевания по линии «левые — правые», а также выделяли «партийные семьи», характерные для нордических стран, среди которых выделялись социалисты, социал-демократы и консерваторы. Б. Аардал и Й. Берг[116] подчеркивали, что из-за большого расстояния между столицей и периферией, периферии было предоставлено непропорционально большее количество мест в Стортинге, чем столице, что было закреплено еще в 1814 г. Так, например, Финнмарк получает самую большую представленность в Стортинге. Это обусловлено тем, что Финнмарк находится на периферии Норвегии, а также в этом фюльке проживают саамы, которые исторически пользовались меньшими правами, чем все остальное население Норвегии[117].

В данном исследовании мы рассмотрим четыре электоральных цикла в Норвегии в период с 2005 по 2017 год. На выборах в Стортинг в 2005 г. и 2009 г. в целом лидировали Рабочая партия и Партия прогресса. Изменение тенденции произошло в 2013 году, когда на место Партии прогресса пришла Консервативная партия, ставшая второй после Рабочей партии. Кроме этого, в 2013 году в Стортинг впервые вошла Зеленая партия, получив 1 место. В 2017 г. Рабочая партия и Консервативная партия сохранили лидерство, однако потеряли поддержку избирателей в пользу Партии Центра, которая набрала почти в два раза больше голосов, чем в предыдущие электоральные циклы. Кроме

[115] Gilljam M., Oscarsson H. Mapping the Nordic Party Space // Scandinavian Political Studies. 1996. Bind 19 (New Series), 1. URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32855/31159 (дата обращения: 26.01.2021).

[116] Aardal B., Bergh J. The Norwegian election // West European Politics. 2018. № 41 (5). P. 1208–1216.

[117] Ibid. P. 1209.

того, в 2017 г. в Стортинг впервые вошли Красные, получив одно место в Стортинге. Отметим, что Рабочая партия Норвегии выступает за снижение уровня безработицы и сокращение государственных расходов. Консервативная партия выступает за реструктуризацию экономики, увеличение расходов на безопасность, а также за то, чтобы ужесточить политику в отношении мигрантов. Что касается Партии прогресса, то одной из ключевых тем ее повестки является вопрос ужесточения миграционной политики[118]. Такая повестка электорального цикла 2017 г. обусловлена несколькими причинами. Во-первых, в 2015 г. наблюдалось снижение цены на нефть, что привело к повышению уровня безработицы в юго-западных фюльке Норвегии, где располагаются предприятия этого сектора. Во-вторых, на формирование подобной повестки оказал влияние миграционный кризис 2015 г. в Европе, что привело к увеличению количества беженцев в Норвегии. В-третьих, наблюдались проблемы в проведении бюджетной политики в Стортинге, что привело к необходимости проводить переговоры между центристским блоком и правящей коалицией, ухудшая отношения внутри нее[119].

Перейдем к рассмотрению голосования за 7 партий Норвегии (Рабочая партия, Партия прогресса, Консервативная партия, Социалистическая левая партия, Христианско-демократическая партия, партия Центра и Либеральная партия), которые во всех четырех электоральных циклах набирали достаточное количество голосов, чтобы получить места в Стортинге.

---

[118] Волков А.М. Парламентские выборы в Норвегии 2017 года // ИМЭМО РАН. 2017. 12 сентября. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/parlamentskie-vibori-v-norvegii-2017-goda (дата обращения: 07.11.2020).

[119] Aardal B., Bergh J. The Norwegian election // West European Politics. 2018. № 41 (5). P. 1208–1216.

Рабочая партия

На картограмме размаха голосования за Рабочую партию выделяется группа из областей Хедмарк и Оппланд, а также Финнмарк, Телемарк и Нур-Тренделаг с высоким уровнем голосования на выборах в 2005 г. Со средним показателем выделяются соседние Тромс, Нурланд, Сер-Тренделаг, Бускеруд, Эстфолл. Группа из южных фюльке меньше всех голосовала за эту партию в первом рассматриваемом электоральном цикле.

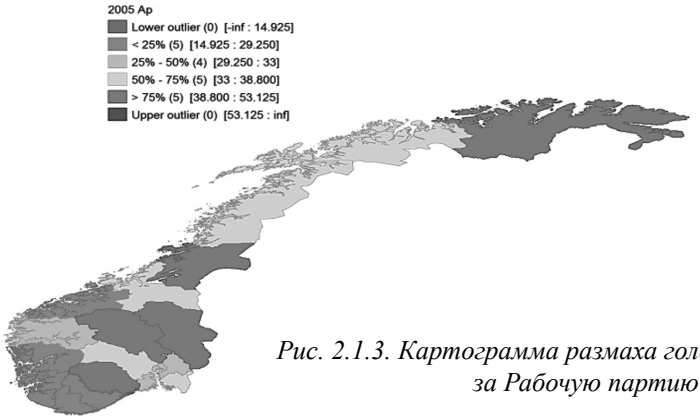


Рис. 2.1.3. Картограмма размаха голосования за Рабочую партию в 2005 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Рабочую партию равен 0,175. Значение невысокое, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования на выборах в 2005 г. в Стортинг Норвегии.

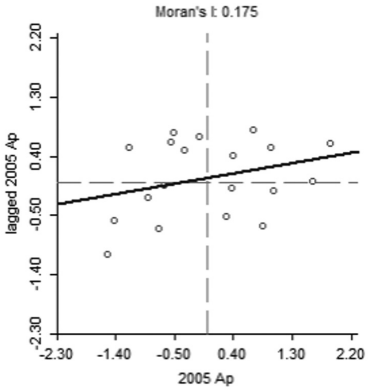


Рис. 2.1.4. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Рабочую партию в 2005 г.

Согласно картограмме размаха голосования за Рабочую партию за 2009 г. изменений практически не произошло. Чуть больше стали голосовать за эту партию в Эустагдере, чуть меньше — в фюльке Согн-ог-Фьюране.

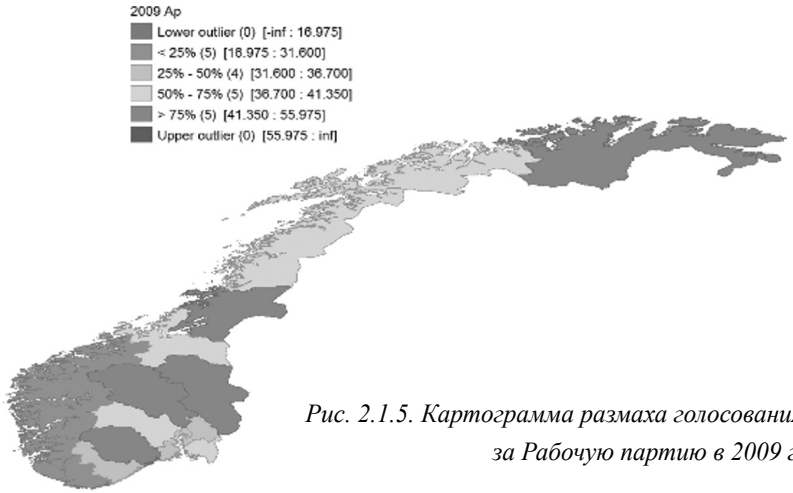


Рис. 2.1.5. Картограмма размаха голосования за Рабочую партию в 2009 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Рабочую партию равен 0,242. Значение не является высоким, а значит, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Рабочую партию на выборах в 2009 г. в Стортинг Норвегии.

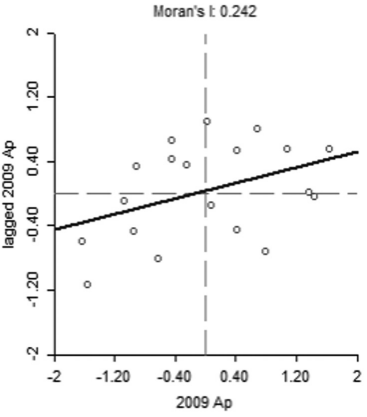


Рис. 2.1.6. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Рабочую партию в 2009 г.

На картограмме размаха голосования за Рабочую партию в 2013 г. по сравнению с 2009 г. изменений практически не произошло. Чуть меньше стали голосовать за партию в фюльке Телемарк (50-75%).

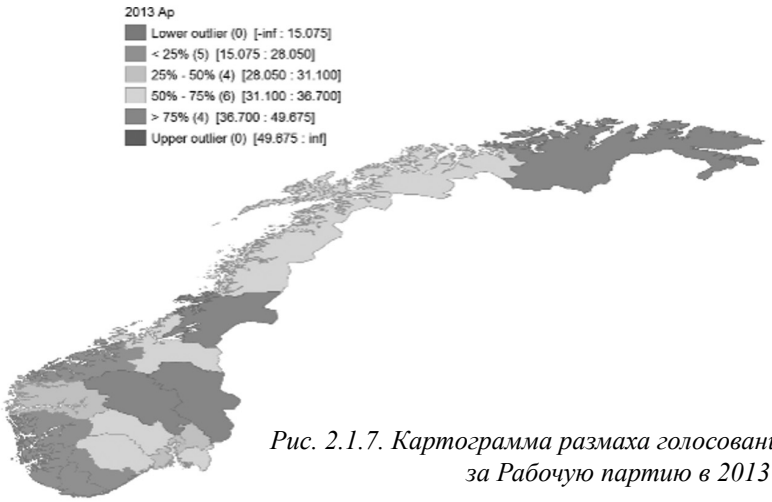


Рис. 2.1.7. Картограмма размаха голосования за Рабочую партию в 2013 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Рабочую партию в третьем электоральном цикле равен 0,209. Значение невысокое и говорить о пространственной зависимости голосования за Рабочую партию в 2013 г. нельзя.

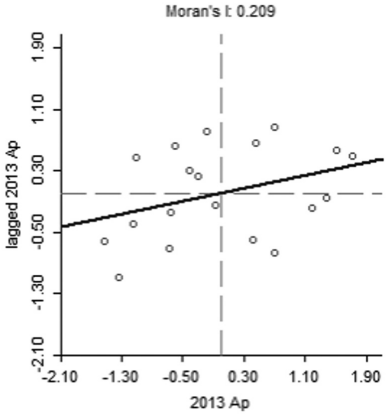


Рис. 2.1.8. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Рабочую партию в 2013 г.

На картограмме размаха индекса голосования за Рабочую партию за 2017 г. произошли изменения. Северные территории стали меньше за нее голосовать. Это касается Нурланна и Нур-Тренделага. При этом за партию стали больше голосовать в южных фюльке Эстфолле и Сер-Тренделаге, в соседнем Вестфолле и в Эустагдере.

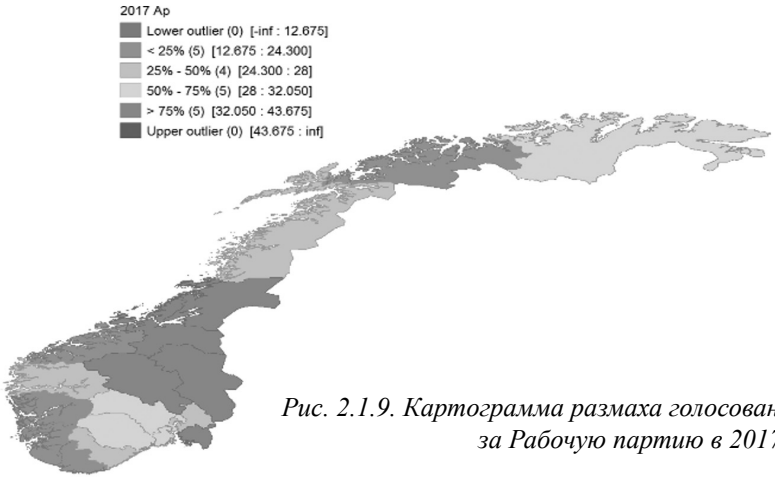


Рис. 2.1.9. Картограмма размаха голосования за Рабочую партию в 2017 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Рабочую партию равен 0,122. Значение невысокое и говорить о пространственной зависимости голосования за Рабочую партию на выборах в 2017 г. нельзя.

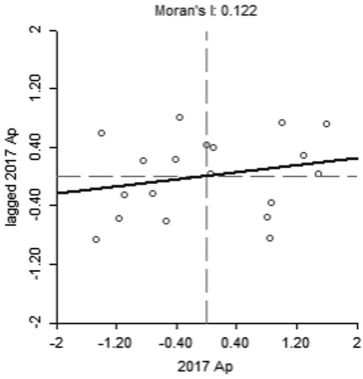


Рис. 2.1.10. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Рабочую партию в 2017 г.

Партия прогресса

На картограмме размаха голосования за партию Прогресса за 2005 г. выделяется группа фюльке с высоким уровнем ее поддержки: Мере-ог-Фьюране, Эстфолла, Вестфолла, Эустагдера, Ругаланда. В группу со средним уровнем поддержки попадает Тромс, Нурланд, Вестадер, Бускеруд, Акерсхус, Осло. В остальных областях показатель голосования за Партию прогресса низкий.

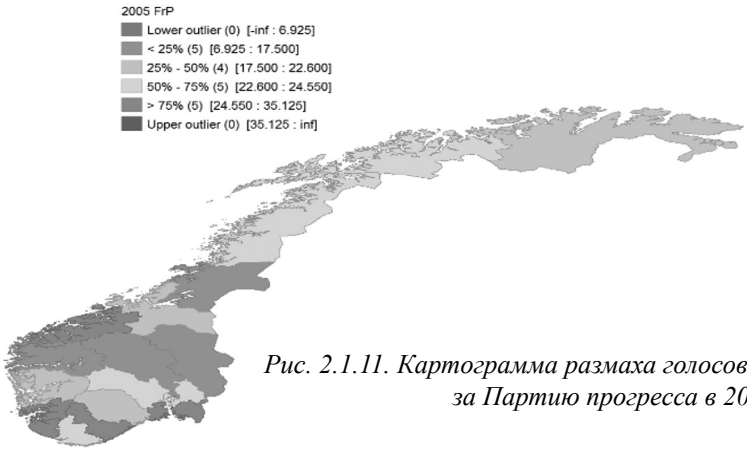


Рис. 2.1.11. Картограмма размаха голосования за Партию прогресса в 2005 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Партию прогресса равен 0,134. Значение низкое, а значит не наблюдается пространственной зависимости голосования за партию Прогресса на выборах в 2005 г.

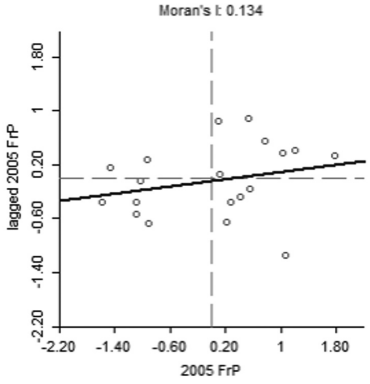


Рис. 2.1.12. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за партию Прогресса в 2005 г.

Практически не изменилась картограмма размаха голосования за партию Прогресса за 2009 г. по сравнению с 2005 г. Однако Эстфолл и Вестагдер перешли в группу с высоким уровнем поддержки этой партии, а Эустагдер, наоборот, переместился в группу со средней поддержкой этой партии.

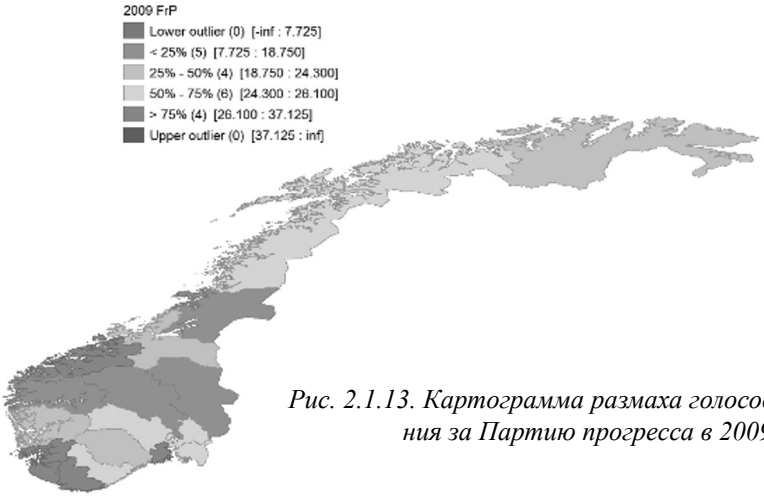


Рис. 2.1.13. Картограмма размаха голосования за Партию прогресса в 2009 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Партию прогресса равен 0,159. Значение низкое и нет пространственной зависимости голосования за Партию прогресса на выборах в 2009 г.

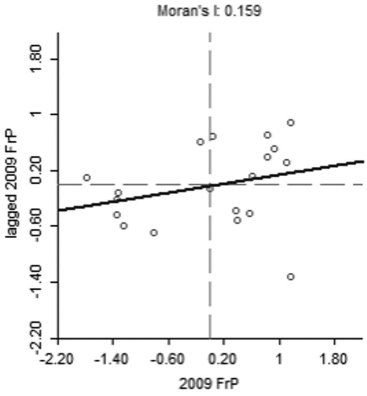


Рис. 2.1.14. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Партию прогресса в 2009 г.

В 2013 г. произошел ряд изменений. В группу с высоким процентом голосования за Партию прогресса переместились Тромс, Эстфолл и Телемарк. По сравнению с 2009 г. в группу со средними показателями из группы с высокими показателями переместились Ругаланн и Вестагдер, несколько выше стала поддержка партии в Хедмарке.

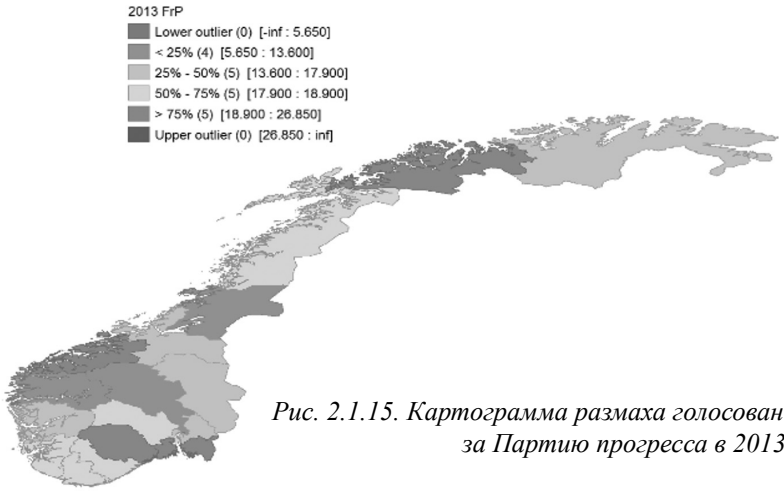


Рис. 2.1.15. Картограмма размаха голосования за Партию прогресса в 2013 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Партию прогресса в 2013 г. равен 0,125. Значение невысокое, соответственно, не наблюдается зависимости голосования за нее в 2013 г.

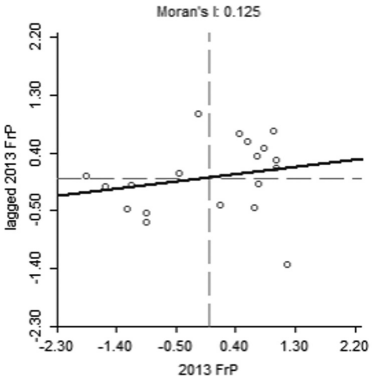


Рис. 2.1.16. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Партию прогресса в 2013 г.

В 2017 г. по сравнению с 2013 г. распределение голосования за партию Прогресса поменялось. В группу с высокой поддержкой партии переместился Финнмарк, который слабо поддерживал эту партию в 2013 г. Также увеличилась поддержка партии в Ругаланне. Снизилась поддержка партии в Хедмарке, Нур-Тренденлаге и Сер-Тренденлаге.

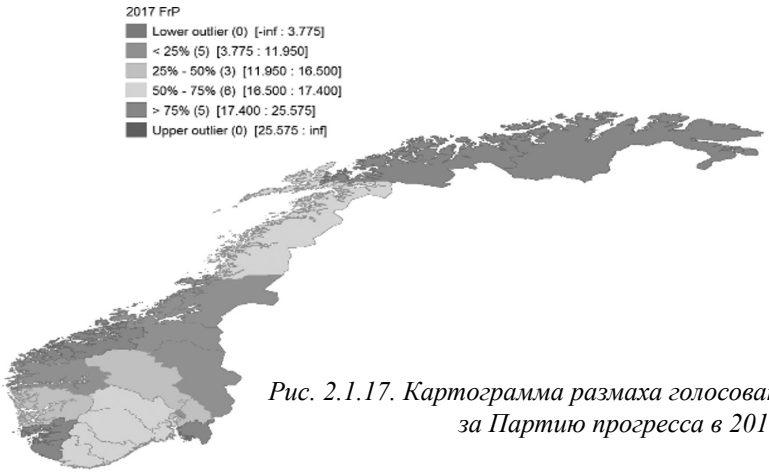


Рис. 2.1.17. Картограмма размаха голосования за Партию прогресса в 2017 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Партию прогресса в 2017 г. равен 0,076. Значение крайне маленькое и пространственной зависимости голосования не наблюдается.

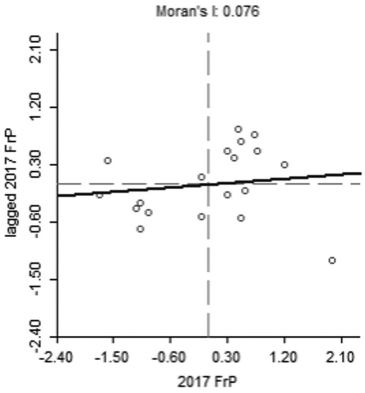


Рис. 2.1.18. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Партию прогресса в 2017 г.

Консервативная партия

На картограмме размаха голосования за Консервативную партию в 2005 г. выделяется группа из областей Ругаланд и Хордаланд, Вестфолл, Акерсхус, где граждане отдавали предпочтение этой партии. Со средней поддержкой выделяются Мере-ог-Ромсдал, Сер-Тренделаг, а также соседи Вестагдер, Эустагдер и Бускеруд. В группу с низким процентом голосования за Консервативную партию вошли области севернее Сер-Тренделага, а также Хедмарк, Оппланд, Согн-ог-Фьюране.

Рис. 2.1.19. Картограмма размаха голосования за Консервативную партию в 2005 г.

Индекс пространственной автокорреляции (Морана) голосования за Консервативную партию в 2005 г. равен 0,165. Значение низкое, соответственно, не наблюдается пространственной автокорреляции голосования за консервативную партию на выборах в Стортинг в 2005 г.

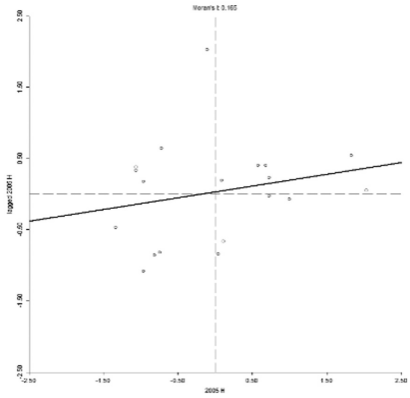


Рис. 2.1.20. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Консервативную партию в 2005 г.

На картограмме размаха голосования за Консервативную партию в 2009 г. выделяется группа областей Ругаланд, Хордаланд, Вестфолла и Акерсхуса с высоким уровнем поддержки этой партии (так же, как и в 2005 г.). В Мере-ог-Ромсдал, Вестагдер, Эустагдер и Бускеруд наблюдался средний уровень поддержки Консервативной партии в 2009 г. К этой группе фюльке добавился Эстфолл, а Сер-Тренделаг вышел из группы. В группу с низким показателем голосования за Консервативную партию попадают остальные области, здесь находятся все северные фюльке.

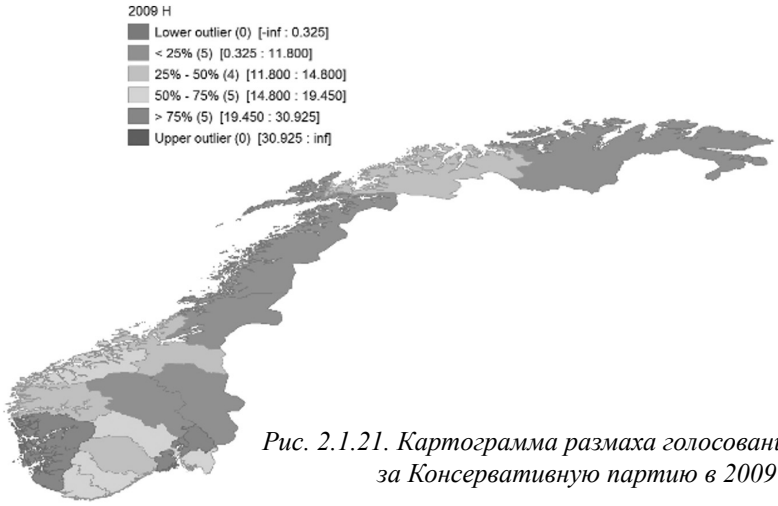


Рис. 2.1.21. Картограмма размаха голосования за Консервативную партию в 2009 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Консервативную партию равен 0,241. Значение незначительно, соответственно, не наблюдается пространственной автокорреляции голосования или зависимости голосования за Консервативную партию на выборах в 2009 г. в Норвегии, однако оно выше, чем в 2005 г.

Картограмма размаха голосования за Консервативную партию в 2013 г. практические не изменилась по сравнению с картограммой 2009 г. Из изменений отметим, что в Согн-ог-Фьюране стали еще меньше поддерживать партию, а в самой северной области — Финнмарк поддержка стала выше, чем в 2009 г.

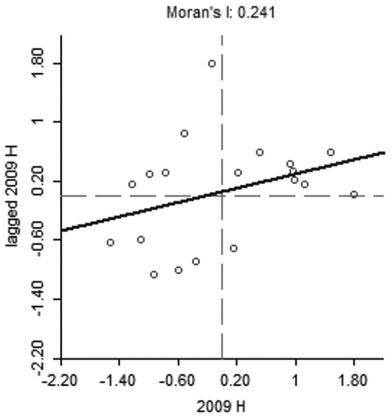


Рис. 2.1.22. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Консервативную партию в 2009 г.

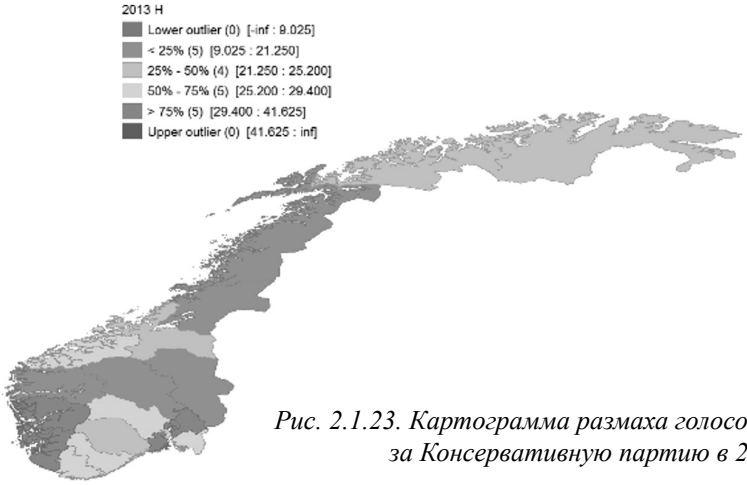


Рис. 2.1.23. Картограмма размаха голосования за Консервативную партию в 2013 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Консервативную партию равен 0,191 и он снизился по сравнению с 2009 г. Значение мало, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Консервативную партию на выборах в 2013 г.

В 2017 г. все те же фюльке, что и в 2013 г., на картограмме размаха голосования за Консервативную партию относятся к группе с низкими показателями голосования. В группе поменялись местами две области — Финнмарк (чуть меньше стали голосовать в 2017 г. — менее 25%) и Нурланн (чуть больше стали голосовать в 2017 г. — 25-50%). Все остальные области проголосовали так же, как и в 2013 г.

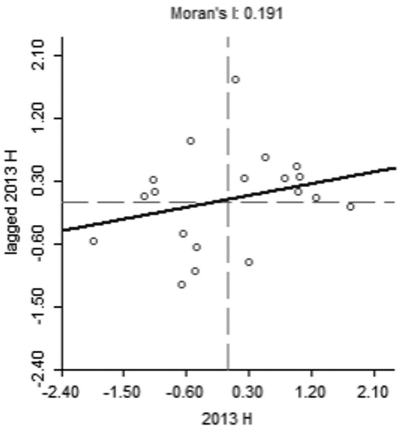


Рис. 2.1.24. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Консервативную партию в 2013 г.

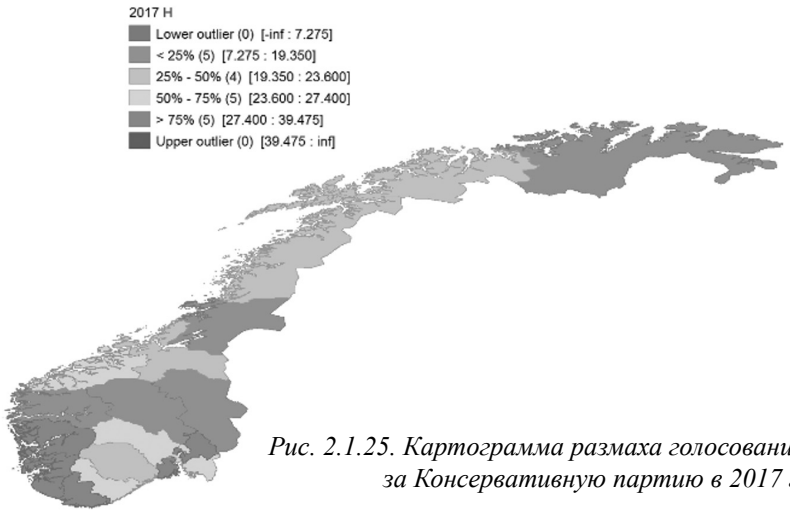


Рис. 2.1.25. Картограмма размаха голосования за Консервативную партию в 2017 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Консервативную партию равен 0,224. Значение мало, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Консервативную партию на выборах в 2017 г.

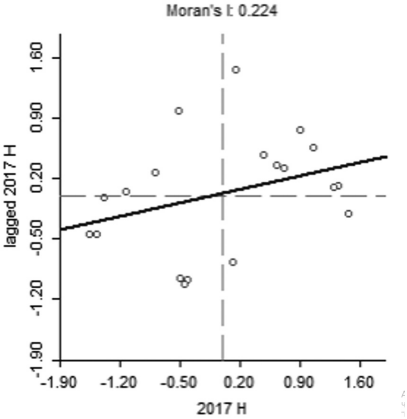


Рис. 2.1.26. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Консервативную партию в 2017 г.

Таким образом, за Консервативную партию чаще всего голосует Акерсхус, а с 2013 г. еще и Хордаланн. В 2017 г. фюльке Нурланн стал больше голосовать за эту партию, равно как и губерния Вестагдер.

Социалистическая левая партия

Картограмма размаха голосования за Социалистическую левую партию в 2005 г. отличается тем, что преимущественно северные территории больше голосовали за партию. Высокий уровень поддержки партии характерен для Финнмарка, Нурланна, Нур-Тренделага, Сер-Тренделага, Осло. Средняя электоральная поддержка отмечалась в Тромсе, Согн-ог-Фьюране, Хедмарке, Телемарке.

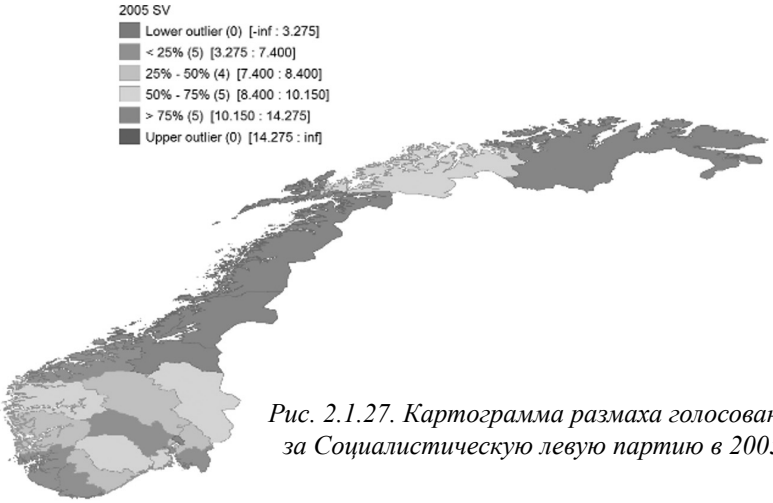


Рис. 2.1.27. Картограмма размаха голосования за Социалистическую левую партию в 2005 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Социалистическую левую партию равен 0,221. Значение невысокое, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Социалистическую левую партию на выборах в 2005 г.

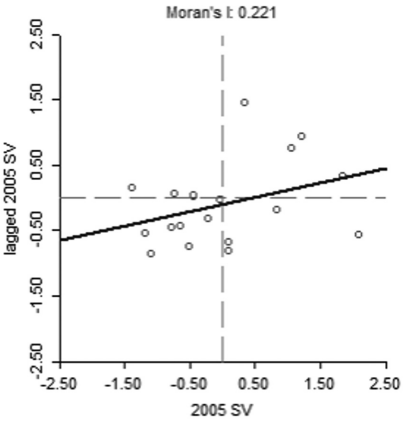


Рис. 2.1.28. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Социалистическую левую партию в 2005 г.

Картограмма размаха индекса голосования за Социалистическую левую партию в 2009 г. отличается тем, что преимущественно северные территории больше голосовали за партию. Высокий процент голосования за партию характерен для Финнмарка, Тромса, Нурланда, Сер-Тренделага, Осло. Средний уровень поддержки наблюдался в Нур-Тренделаге, Согн-ог-Фьюране, Хедмарке, Вестфолле и Акерсхусе.

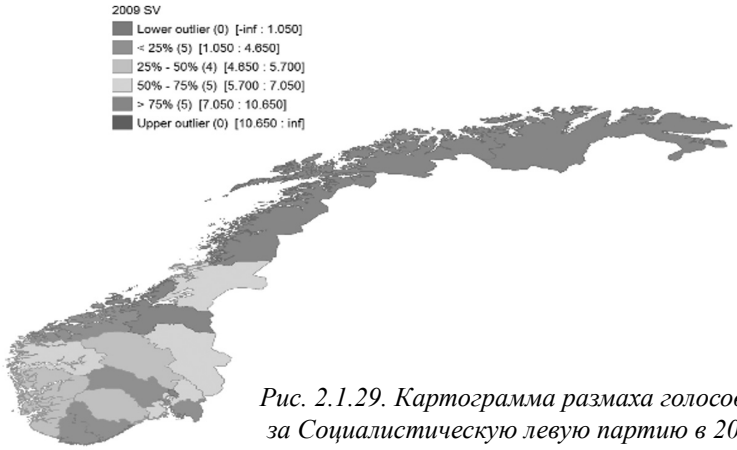


Рис. 2.1.29. Картограмма размаха голосования за Социалистическую левую партию в 2009 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Социалистическую левую партию равен 0,210. Значение невысокое, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Социалистическую левую партию на выборах в 2009 г.

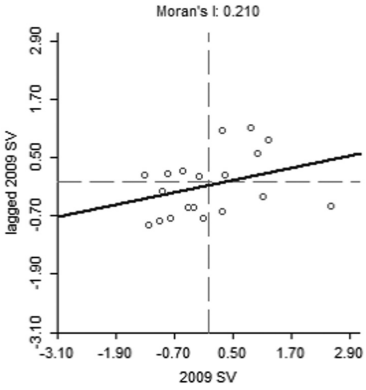


Рис. 2.1.30. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Социалистическую левую партию в 2009 г.

Картограмма размаха индекса голосования за Социалистическую левую партию в 2013 г. отличается от картограммы за 2009 г. только тем, что в Ругаланне стали больше голосовать за партию, чем в 2009 г.

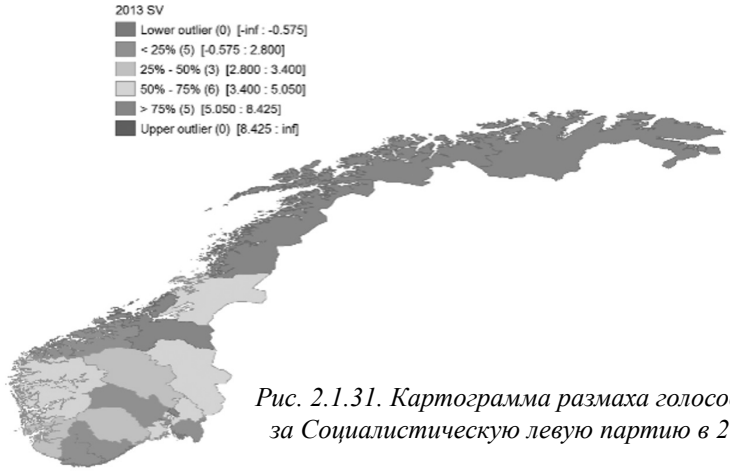


Рис. 2.1.31. Картограмма размаха голосования за Социалистическую левую партию в 2013 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Социалистическую левую партию равен 0,210. Значение невысокое, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Социалистическую левую партию на выборах в 2013 г.

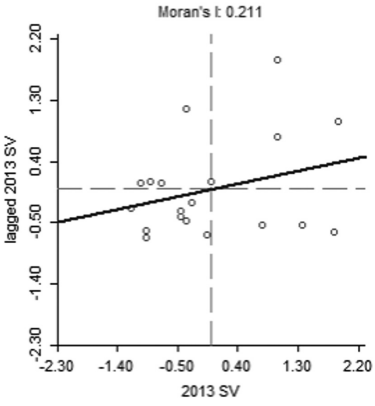


Рис. 2.1.32. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Социалистическую левую партию в 2013 г.

Картограмма размаха индекса голосования за Социалистическую левую партию в 2017 г. отличается от предыдущих двух. Высокий уровень электоральной поддержки отмечен в Финнмарке, Тромсе, Сер-Тренделаге, Осло. Средний уровень поддержки был в Нурланде, Нур-Тренделаге, Акерсхусе, Хедмарке, Вестфолле, Бускеруде, Телемарке, Хордаланне.

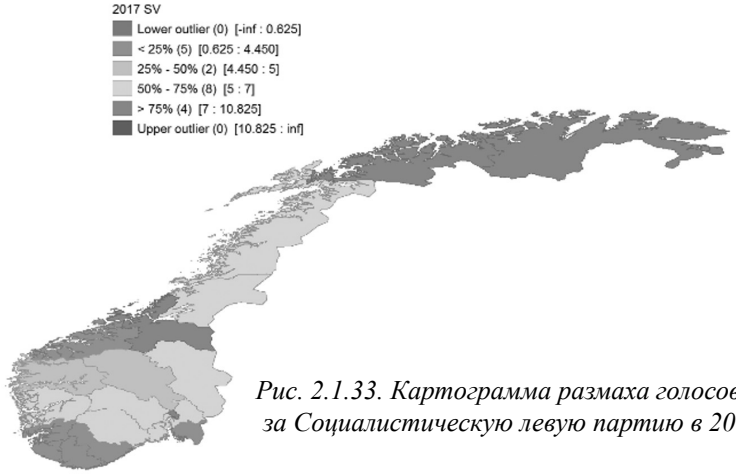


Рис. 2.1.33. Картограмма размаха голосования за Социалистическую левую партию в 2017 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Социалистическую левую партию равен 0,394. Значение выше предыдущих, можно говорить о том, что существует пространственная зависимость голосования за эту партию в 2017 г.

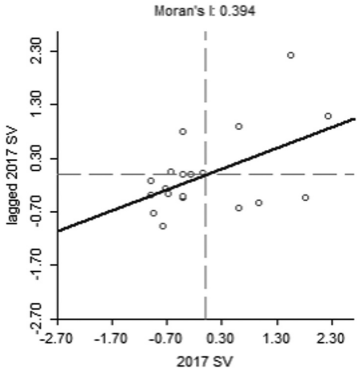


Рис. 2.1.34. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Социалистическую левую партию в 2017 г.

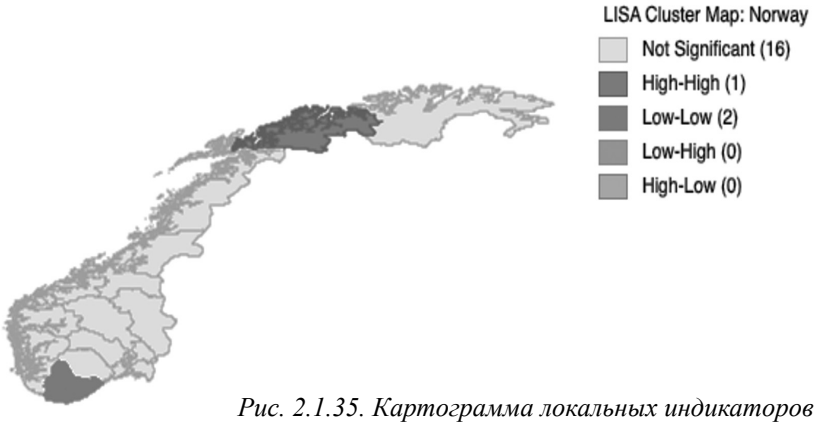


Рис. 2.1.35. Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за Социалистическую левую партию в 2017 г.

В кластер со значениями низких значений выделились Вестагдер и Эустагдер, которые, как и окружающие их фюльке, отдавали низкий процент голосов за рассматриваемую партию, что было ожидаемо и сработал «эффект соседства».

Христианско-демократическая партия

Картограмма размаха индекса голосования за Христианско-демократическую партию в 2005 г. отличается тем, что северные области меньше голосуют за партию. Очень высокие показатели голосования присущи только такому фюльке, как Вестагдер. Высокий уровень поддержки характерен для Ругаланда, Эустагдера, Мере-ог-Ромсдала, Согн-ог-Фьюране. Средняя поддержка партии наблюдалась в Хордаланне, Сер-Тренделаге, Эстфолле, Вестфолле, Телемарке.

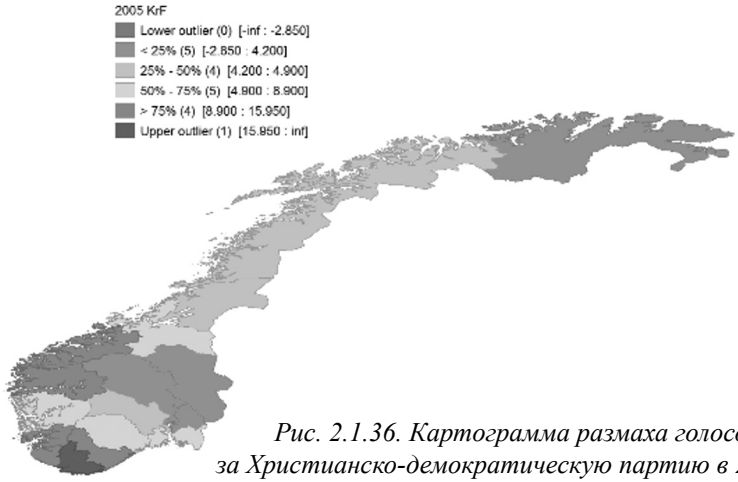


Рис. 2.1.36. Картограмма размаха голосования за Христианско-демократическую партию в 2005 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Христианско-демократическую партию равен 0,615. Значение высокое, соответственно, наблюдается пространственная зависимость голосования за Христианско-демократическую партию на выборах в 2005 г. в Норвегии.

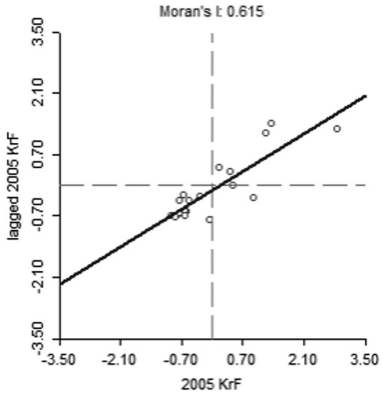


Рис. 2.1.37. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Христианско-демократическую партию в 2005 г.

В 2005 г. образовалось три кластера. В Эстфолле ожидалось, что за эту партию граждане отдадут небольшое количество голосов, поскольку и этот фюльке, и соседние с ним, оказывали низкую электоральную поддержку партии. В Эустагдере ожидалось, что граждане поддержат партию,

поскольку окружающие его фюльке отдают большое количество голосов за партию, однако в этом фюльке граждане отдали малый процент голосов за христианских демократов.

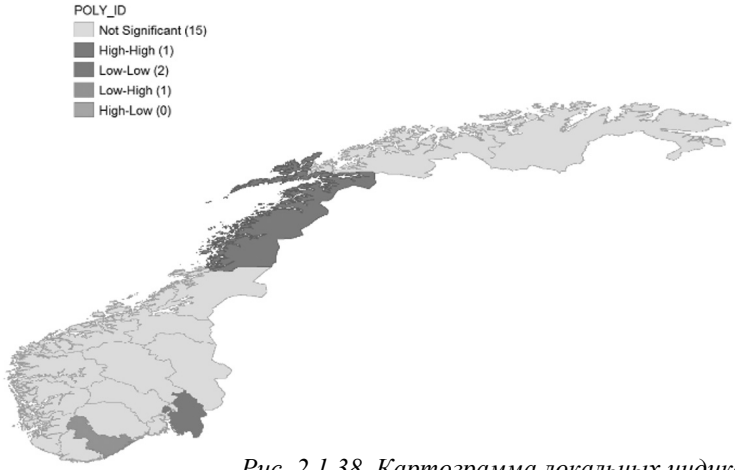


Рис. 2.1.38. Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за Христианско-демократическую партию в 2005 г.

Картограмма размаха голосования за Христианско-демократическую партию в 2009 г. отличается тем, что северные области меньше голосуют за партию, но отмечается ряд изменений. Очень высокая поддержка присуща только Вестагдеру. Высокий процент голосования за партию характерен для Ругаланна, Эустагдера, Хордаланда, Мере-ог-Ромсдала. Средняя электоральная поддержка партии наблюдалась в Согн-ог-Фьюране, Нур-Тренделаге, Сер-Тренделаге, Эстфолле, Вестфолле, Телемарке.

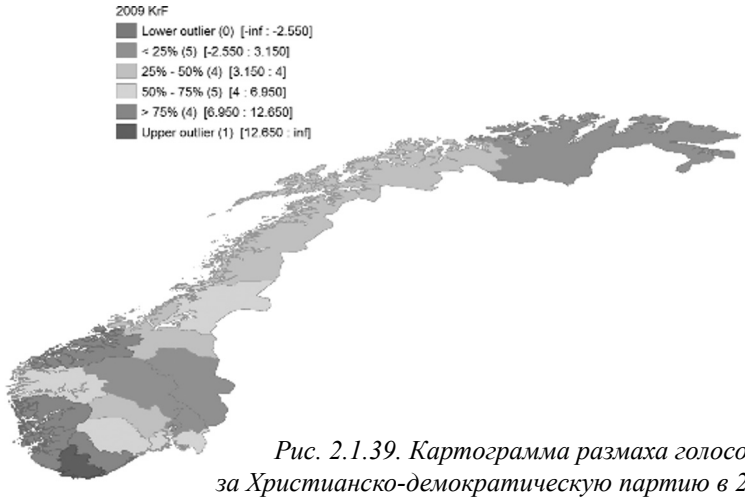


Рис. 2.1.39. Картограмма размаха голосования за Христианско-демократическую партию в 2009 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Христианско-демократическую партию равен 0,677. Значение высокое, соответственно, наблюдается пространственная зависимость голосования за Христианско-демократическую партию на выборах в 2009 г.

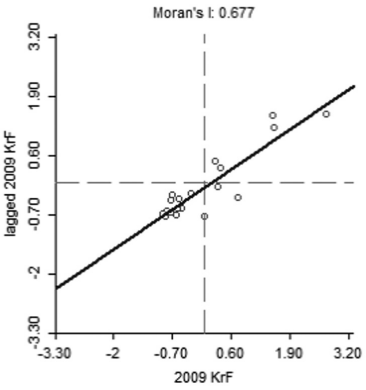


Рис. 2.1.40. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Христианско-демократическую партию в 2009 г.

В 2009 г. образовалось два кластера. В Акерсхусе ожидалось, что партию поддержит небольшой процент населения, поскольку и окружающие фюльке не оказывают широкой электоральной поддержки партии. Можно говорить о том,

что «эффект соседства» повлиял на голосование в данном фюльке. В Ругаланде, Вестагдере и Эустагдере, напротив, наблюдалась высокая электоральная поддержка партии, равно как и окружающие их фюльке поддерживают партию, а значит, фюльке копировали электоральное поведение друг друга. Это обусловлено в том числе и тем, что эти фюльке находятся или непосредственно входят в Библейский пояс[120] Норвегии.

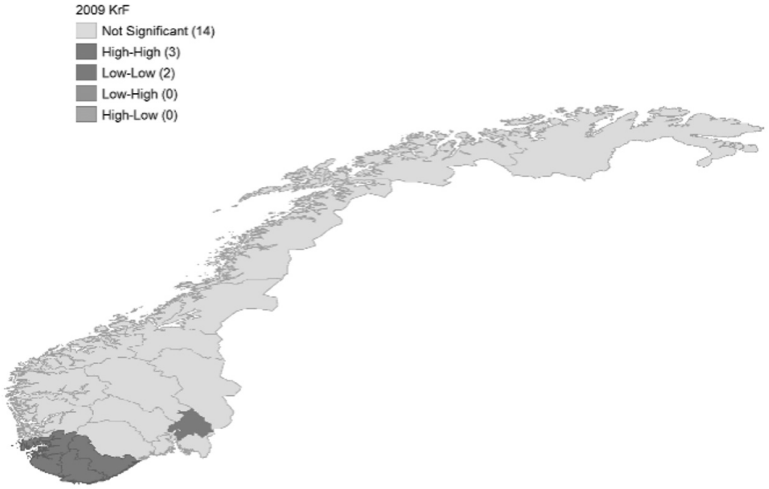


Рис. 2.1.41. Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за Христианско-демократическую партию в 2009 г.

[120] Библейский пояс Норвегии охватывает юго-западное и западное побережье Норвегии, Телемарк, Тренделаг, Лофотенские острова, Вестеролен и часть Лапландии. Кроме того, существует «малый Библейский пояс Норвегии», который охватывает юго-западные фюльке на границе со Швецией, включает коммуну Аремарк, муниципалитет Маркер, а также коммуну Ремскуг. См. подробнее: Arter D. Scandinavian politics today. Manchester University Press, 2013. 368 p.

Картограмма размаха индекса голосования за Христианско-демократическую партию в 2013 г. отличается тем, что преимущественно северные области меньше голосуют за партию. Высокая поддержка партии наблюдается по Библейскому поясу Норвегии.

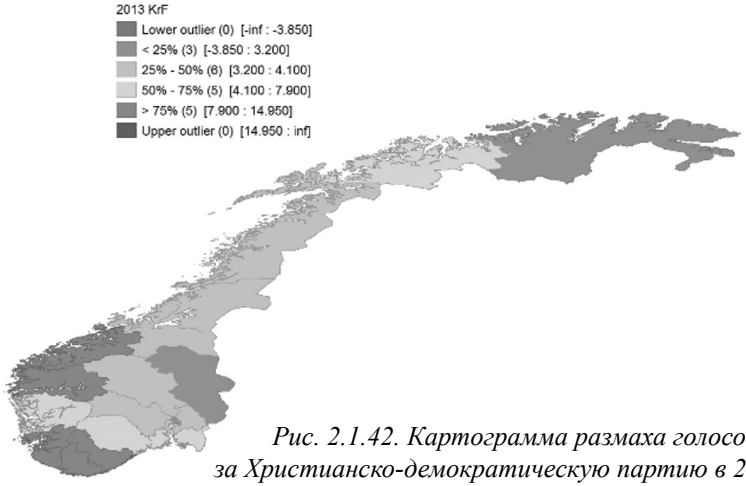


Рис. 2.1.42. Картограмма размаха голосования за Христианско-демократическую партию в 2013 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Христианско-демократическую партию равен 0,670. Значение высокое, соответственно, наблюдается пространственная зависимость голосования за Христианско-демократическую партию на выборах в 2013 г.

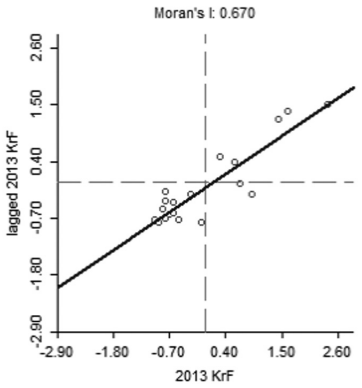


Рис. 2.1.43. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Христианско-демократическую партию в 2013 г.

На выборах 2013 г. образовалось два кластера. Ожидаемо высокие значения и реальные значения поддержки партии наблюдались в Ругаланде, Вестагдере и Эустагдере, как и в 2009 г., поскольку на голосование влияли «эффект соседства» и религиозный фактор.

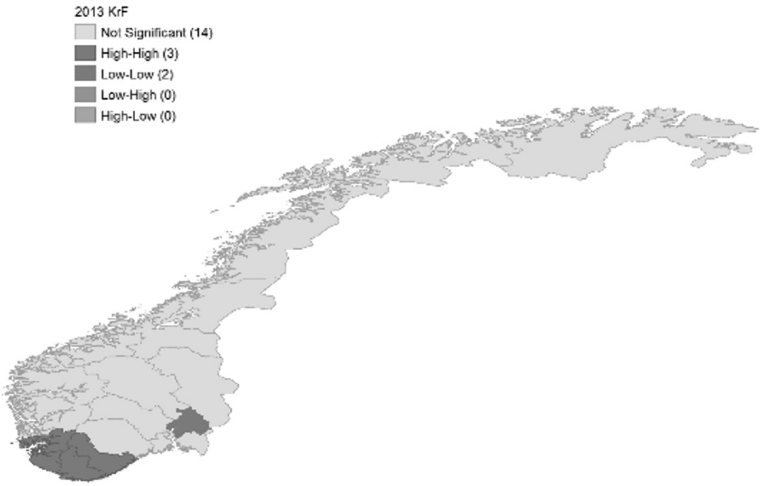


Рис. 2.1.44. Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за Христианско-демократическую партию в 2013 г.

На картограмме размаха голосования за Христианско-демократическую партию в 2017 г. очень высокий уровень поддержки характерен для Эустагдера и Вестагдера. Высокая поддержка партии отмечалась в Ругаланне, Хордаланне, Вестагдере и Мере-ог-Ромсдале.

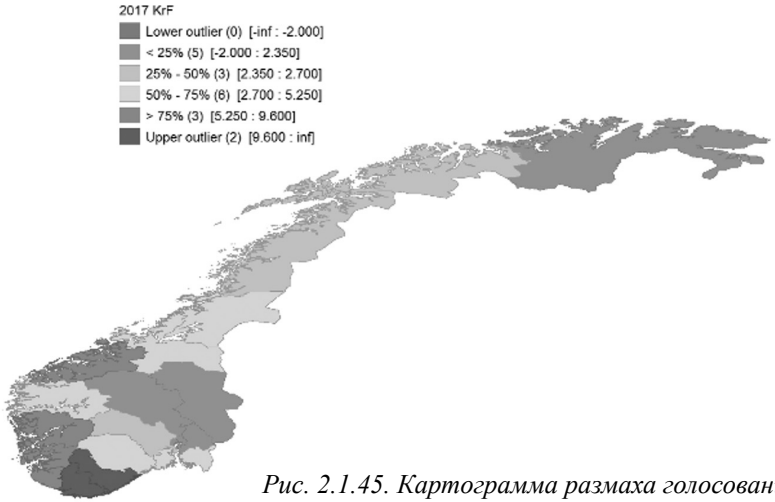


Рис. 2.1.45. Картограмма размаха голосования за Христианско-демократическую партию в 2017 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Христианско-демократическую партию равен 0,696. Значение высокое, соответственно, наблюдается пространственная зависимость голосования за Христианско-демократическую партию на выборах в 2017 г.

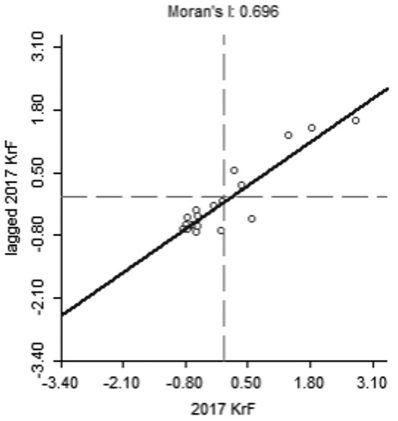


Рис. 2.1.46. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Христианско-демократическую партию в 2017 г.

Как и в предыдущие электоральные циклы, кластер high-high наблюдается для тех фюльке, которые входят в Библейский пояс Норвегии.

Рис. 2.1.47. Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за Христианско-демократическую партию в 2017 г.

Партия Центра

В 2005 г. в группу с очень высоким уровнем поддержки Партии Центра вошли Нур-Тренделаг и Согн-ог-Фьюране, в группу с высокими показателями голосования за партию попал Нурланд, Хедмарк и Оппланд. Тромс, Осло, соседние Бускеруд и Телемарк, а также соседние Сер-Тренделаг и Мере-ог-Ромсдал. Остальные области попали в группу с низкими показателями голосования за Партию Центра.

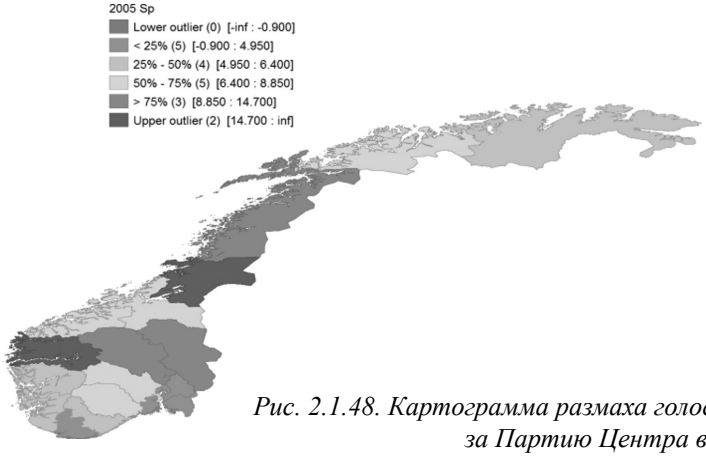


Рис. 2.1.48. Картограмма размаха голосования за Партию Центра в 2005 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Партию Центра равен 0,158. Значение низкое, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Партию Центра на выборах в 2005 г.

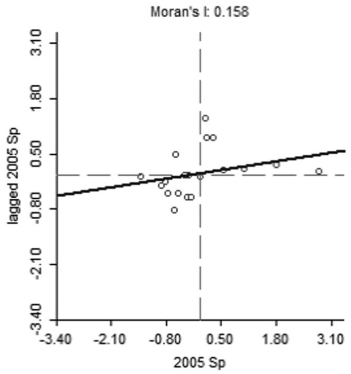


Рис. 2.1.49. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Партию Центра в 2005 г.

По сравнению с 2005 г., в 2009 г. в группу с очень высоким и высоким уровнем электоральной поддержки Партии Центра новые фюльке не попали, тенденция голосования сохранилась. В группу фюльке со средним уровнем поддержки партии вошли Нурланн и Мере-ог-Ромсдал и Ругаланн. Остальные области попали в группу с низкими показателями голосования за партию Центра, причем в Телемарке, Финнмарке стали еще меньше голосовать за партию, а в Эстфолле немного больше по сравнению с 2005 г.

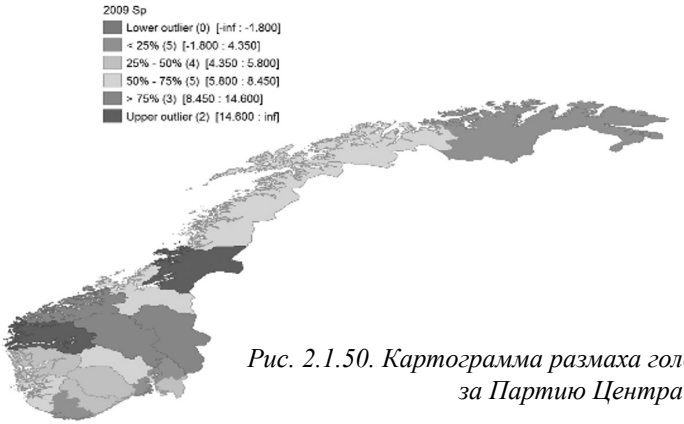


Рис. 2.1.50. Картограмма размаха голосования за Партию Центра в 2009 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Партию Центра равен 0,129. Значение невысокое, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Партию Центра на выборах в 2009 г.

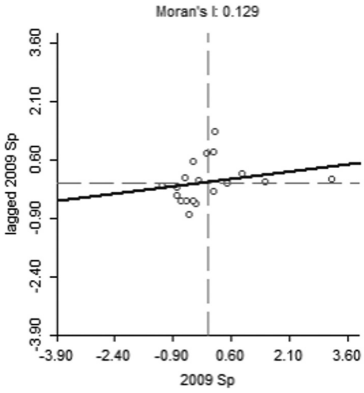


Рис. 2.1.51. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Партию Центра в 2009 г.

Картограмма размаха голосования за Партию Центра не изменилась в 2013 г. по сравнению с 2009 г.

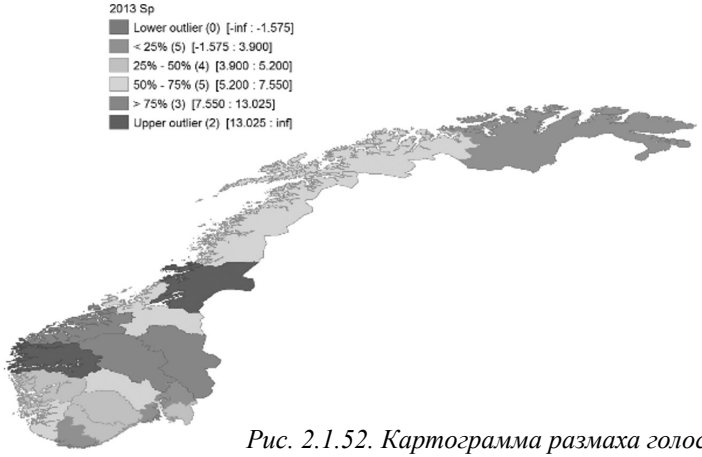


Рис. 2.1.52. Картограмма размаха голосования за Партию Центра в 2013 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Партию Центра равен 0,138. Значение небольшое, а значит, не наблюдается пространственной зависимости голосования за партию Центра на выборах в 2013 г.

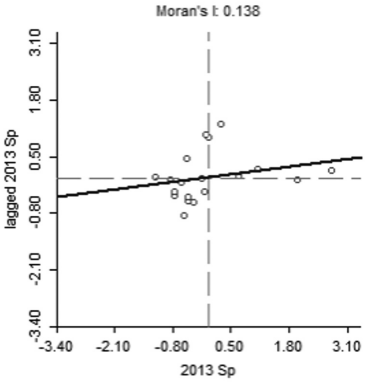


Рис. 2.1.53. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Партию Центра в 2013 г.

Картограмма размаха индекса голосования за Партию Центра в 2017 г. сильно изменилась и выровнялась. Помимо того, что партия в целом в этом году увеличила свою электоральную поддержку почти в два раза по сравнению с предыдущими тремя электоральными циклами, в группе с высокими показателями голосования оказались Нурланн, Нур-Тренделаг, Согн-ог-Фьюране. Хедмарк, Оппланд. В группу со средними показателями вошли Финнмарк, Телемарк, Мере-ог-Ромсдал и Сер-Тренделаг.

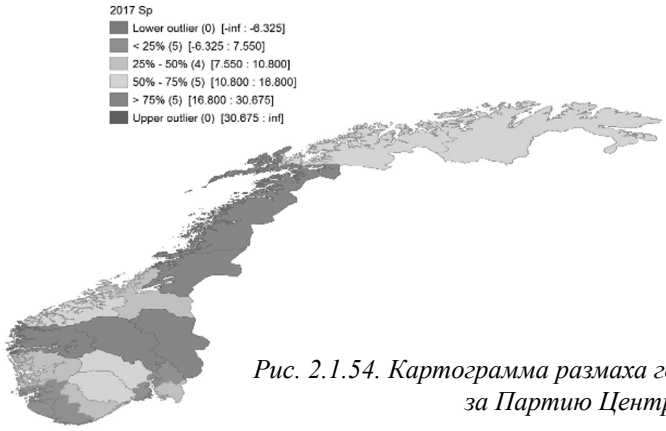


Рис. 2.1.54. Картограмма размаха голосования за Партию Центра в 2017 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Партию Центра равен 0,167. Значение невысокое, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Партию Центра на выборах в 2017 г.

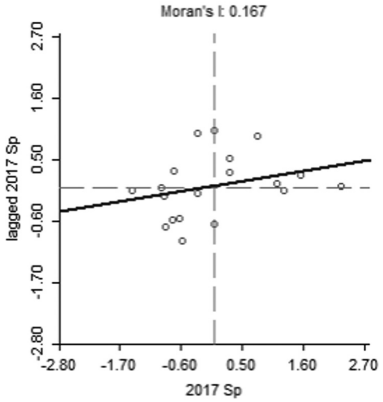


Рис. 2.1.55. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Партию Центра в 2017 г.

Либеральная партия

Картограмма размаха индекса голосования за Либеральную партию в 2005 г. показывает низкий уровень поддержки партии на севере и в центре страны. Высокий процент голосов отдали такие фюльке, как Мере-ог-Ромсдал, Хордаланн, Акерсхус, Ругаланн, Осло.

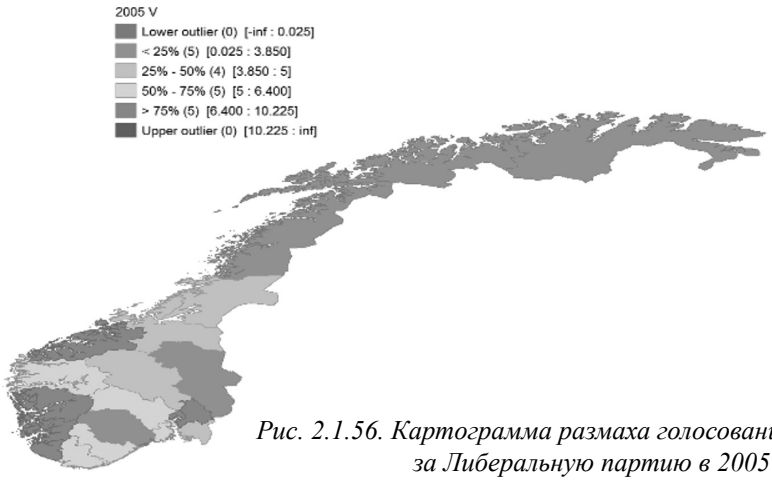


Рис. 2.1.56. Картограмма размаха голосования за Либеральную партию в 2005 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Либеральную партию равен 0,221. Значение невысокое, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Либеральную партию на выборах в 2005 г. в Норвегии.

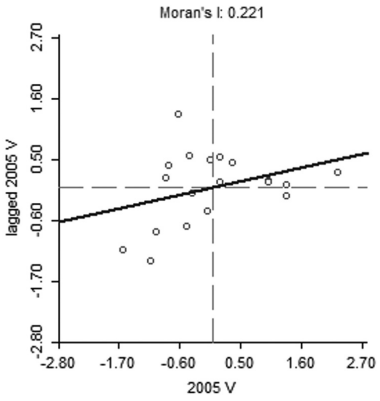


Рис. 2.1.57. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Либеральную партию в 2005 г.

Картограмма размаха индекса голосования за Либеральную партию в 2009 г. показывает, что на севере и в центре страны граждане фюльке мало голосуют за рассматриваемую партию. Очень высокий процент голосования присущ Осло. Высокую поддержку партии оказали Мере-ог-Ромсдал, Хордаланн, Акерсхуса, Ругаланн, как и в предыдущем электоральном цикле.

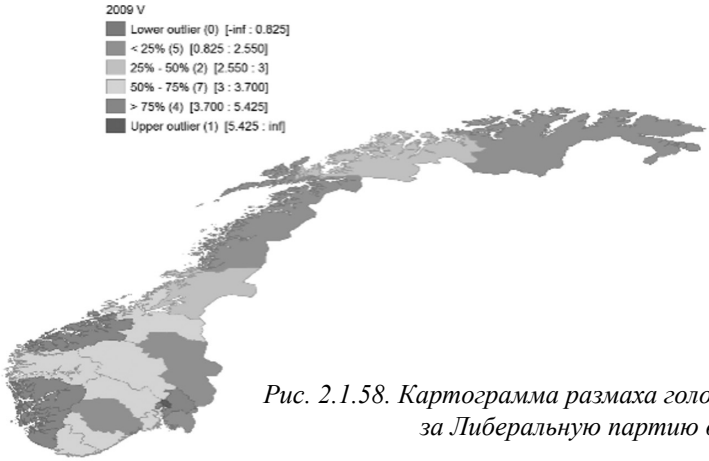


Рис. 2.1.58. Картограмма размаха голосования за Либеральную партию в 2009 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Либеральную партию равен 0,047. Значение очень невысокое, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Либеральную партию на выборах в 2009 г. в Норвегии.

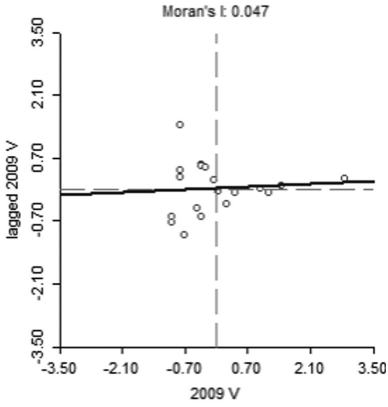


Рис. 2.1.59. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Либеральную партию в 2009 г.

Картограмма размаха индекса голосования за Либеральную партию в 2013 г. показывает примерно такую же тенденцию голосования, как и в предыдущем электоральном цикле с тем отличием, что Вестагдер снизил свою электоральную поддержку партии.

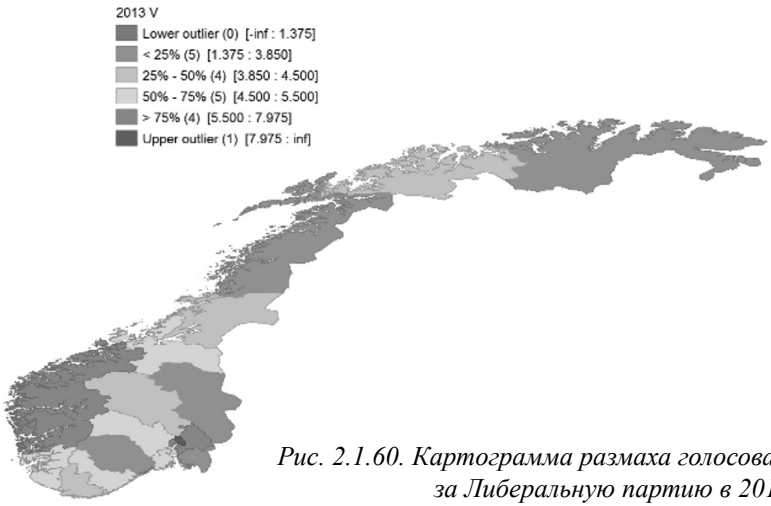


Рис. 2.1.60. Картограмма размаха голосования за Либеральную партию в 2013 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Либеральную партию равен 0,003. Значение почти равно нулю, а значит нельзя говорить о том, что существует пространственная зависимость голосования за Либеральную партию на выборах в 2013 г.

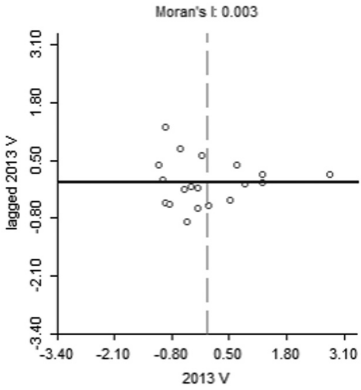


Рис. 2.1.61. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Либеральную партию в 2013 г.

Картограмма размаха голосования за Либеральную партию в 2017 г. отличается от предыдущих. Очень высокая поддержка партии присуща Осло и Акерсхусу. Высокий процент голосов был отдан в Финнмарке и Хордаланне. Средний уровень поддержки наблюдался в Сер-Тренделаге, Ругаланне, Мере-ог-Ромсдале, Согн-ог-Фьюране, Вестфолле, Бускеруде, Эустагдере и Вестагдере.

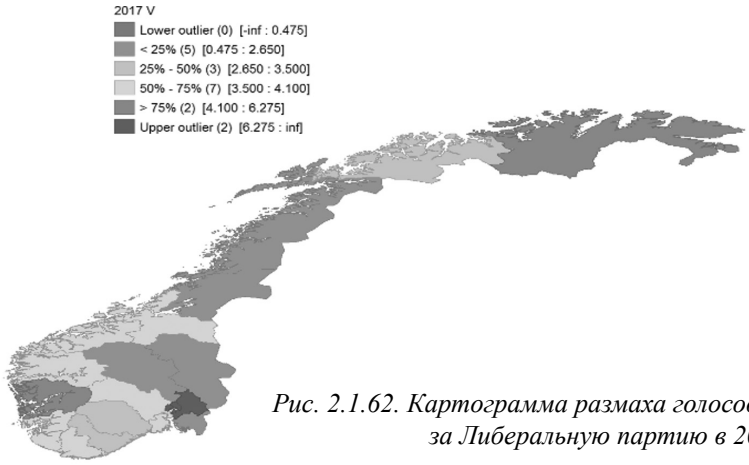


Рис. 2.1.62. Картограмма размаха голосования за Либеральную партию в 2017 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за Либеральную партию равен -0,033. Значение отрицательное, соответственно, не наблюдается пространственной зависимости голосования за Либеральную партию на выборах в 2017 г. в Норвегии.

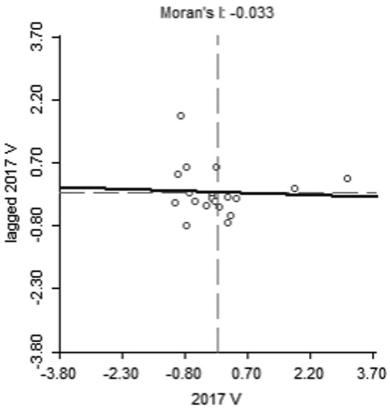


Рис. 2.1.63. Индекс пространственной корреляции Морана голосования за Либеральную партию в 2017 г.

Таким образом, «эффект соседства» при голосовании за партию в фюльке Норвегии наиболее значим только в случае голосования за Христианско-демократическую партию, что связано с тем, что, во-первых, отдающие этой партии предпочтения фюльке лежат в Библейском поясе Норвегии, во-вторых, эти фюльке небольшие, располагаются концентрированно и имеют более одного соседа. В целом же пространственный фактор в голосовании в Норвегии играет незначительную роль, что обусловлено особенностью ландшафта Норвегии: страна имеет вытянутую форму и крупные фюльке имеют не более одного непосредственного соседа.

Отношение к России

Что касается отношения партий Норвегии к России, то в программе Рабочей партии Норвегии отмечалось: «Отношения с соседней Россией должны характеризоваться сотрудничеством и диалогом, твердостью и предсказуемостью. Мы должны поддержать наших союзников и европейских партнеров перед лицом нарушений норм международного

права. В то же время мы должны развивать сотрудничество на севере, что, в свою очередь, способствует снижению напряжения в северных районах… Когда условия будут правильными, необходимо развивать отношения с Россией для укрепления политики добрососедства, сотрудничества между людьми, экономического и промышленного сотрудничества, а также совместных усилий по решению экономических проблем, обеспечению мира и стабильности в северных регионах»[121].

В своем предвыборном манифесте Консервативная партия отмечала, что она будет поддерживать сотрудничество с Россией на уровне институтов, организаций и отдельных граждан. Кроме того, подчеркивалась необходимость поддерживать конструктивные отношения со всеми Арктическими странами, в числе которых и Россия[122]. Отмечается, что эта партия — партия «ястребов», настроенная враждебно в отношении России[123].

В программе Партии прогресса Россия упоминается единожды в контексте вопроса Арктики, важность этого вопроса подчеркивается тем, что Россия усиливает свое военное присутствие[124]. Также отмечалась надежда на укрепление

---

[121] Alle skal med. Partiprogram 2017–2021 // Arbeiderpartiets. URL: https://res.cloudinary.com/arbeiderpartiet/image/upload/v1/ievv_filestore/712bd5b874e24958b84c14fbef5b1a98afbfc8ae1e464cac9bcad06f24f2a85f (дата обращения: 27.04.2020).

[122] Nilsen T. Election winner flags human rights violations in Russia // Barents Observer. 2013. 10 September. URL: https://barentsobserver.com/en/politics/2013/09/election-winner-flags-human-rights-violations-russia-10-09 (дата обращения: 27.04.2020).

[123] Рябиченко А. Новые власти Норвегии видят в России главную угрозу национальной безопасности // РСМД. 2013. 25 сентября. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/norrsida/710/ (дата обращения: 27.04.2020).

[124] Prinsipp-og handlingsprogram 2017–2021 // Fremskrittspartiet. URL: http://flippage.impleoweb.no/frp/b8188708c47948288727ef8f91683698/FRP-Program-2017-2021.pdf#page=1 (дата обращения: 27.04.2020).

сотрудничества с Россией и возобновление поставок норвежской рыбы на российский рынок[125]. Одновременно с этим, норвежские националисты оцениваются как еще большие «ястребы», чем консерваторы[126].

В интервью экс-глава Центристской партии раскритиковал жесткую позицию Норвегии по отношению к России[127]. Центристская партия считает, что Норвегии и России стоит выстраивать более близкий диалог и развивать сотрудничество по вопросам, представляющим общий интерес, особенно в Баренцевом море. При этом в данном вопросе необходима поддержка Норвегии со стороны НАТО[128].

Либеральная партия выступает с критикой России[129]. Она подчеркивает необходимость оказать давление на Россию[130].

Христианско-демократическая партия считает НАТО ключевым элементом норвежской оборонной политики, а Россия подвергается критике[131]. В программе партии особенно подчеркивается территориальный вопрос в Арктике,

---

[125] Норвежский министр: великие политики — это те, кто разрешает конфликты и снимает санкции // ТАСС. 2017. 13 сентября. URL: https://tass.ru/interviews/4559605 (дата обращения: 27.04.2020)

[126] Рябиченко А. Новые власти Норвегии видят в России главную угрозу национальной безопасности // РСМД. 2013. 25 сентября. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/norrsida/710/ (дата обращения: 27.04.2020).

[127] Норвежский политик: «Мы выиграем от умеренной политики к России» // Регнум. 2015. 23 марта. URL: https://regnum.ru/news/polit/1907913.html (дата обращения: 27.04.2020).

[128] Senterpartiets pricipp-og handlingsprogram 2017–2021 // Senterparitet. URL: https://www.senterpartiet.no/politikk/standpunkt/vedtatt-politikk/program (дата обращения: 27.04.2020).

[129] International Arctic Petroleum Cooperation: Barents Sea scenarios / Ed. by A. Bourmistrov, F. Mellemvik, A. Bambulyak, O. Gudmestad, I. Overland, A. Zolotukhin. London and New York : Routledge, Taylor and Francis Group, 2015.

[130] Рябиченко А. Новые власти Норвегии видят в России главную угрозу национальной безопасности.

[131] Там же.

усложняющий отношения Норвегии и России[132]. В этой же программе, хотя Норвегия и настроена на сотрудничество с Россией, критикует решения России в отношении вопросов соблюдения прав человека. В программе до 2021 года уже говорится о необходимости опоры на НАТО для сохранения мира в Северных районах, хотя партия и выступает за выстраивание добрососедских отношений[133].

Социалистическая левая партия пытается остановить эскалацию в рамках НАТО против России[134], при этом резко осуждает ее действия вокруг Украины[135], характеризуя действия России как агрессию.

Зеленая партия рассматривает необходимым сотрудничество с Россией в области безопасной утилизации ядерных отходов[136].

Красная партия «не одобряет расширение НАТО на восток, а также политику санкций в отношении России, т.к. это подрывает исторически добрососедские отношения между Норвегией и Россией». Членство в НАТО означает, что Норвегия автоматически втянется в войну в случае возникновения конфликта между США и Россией на Ближнем Востоке[137].

---

[132] Kristeleg Folkparti Politisk Program 2013–2017. URL: https://www.krf.no/globalassets/vedlegg/politiske-dokumenter/politisk-program-2013-2017-nynorsk-pdf.pdf (дата обращения: 27.04.2020).

[133] KrFs stortingsprogram 2017–2021. URL: https://www.krf.no/globalassets/vedlegg/politiske-dokumenter/politisk-program/stortingsprogram-krf-2017-2021.pdf (дата обращения: 27.04.2020).

[134] Forsvar // SV. URL: https://www.sv.no/sv-fra-a-til-a/forsvar/ (дата обращения: 27.04.2020).

[135] SV fordømmer russisk aggresjon // SV. URL% https://www.sv.no/wp-content/uploads/2014/01/SV-fordømmer-russisk-aggresjon.pdf (дата обращения: 27.04.2020).

[136] Grønn nordområdepolitikk // Milijøpartiet de grønne. 2020. 20 Mars. URL: https://www.mdg.no/resolusjon_gronn_nordomradepolitikk (дата обращения: 27.04.2020).

[137] Hvorfor ut av NATO? // Rødt. URL: https://roedt.no/hvorfor-ut-av-nato (дата обращения: 27.04.2020).

Приграничным фюльке с Россией является Финнмарк. Характерной чертой этого фюльке является то, что 24% населения составляют саамы[138], чей язык здесь признан официальным наравне с норвежским[139]. Кроме того, в фюльке проживают финны, а также русские, приехавшие сюда в 1990-е гг. для экономического сотрудничества[140]. Основной заработок фюльке приносит рыболовство, а также транспортировка нефти из России[141]. После миграционного кризиса 2015 г. в Норвегию прибывали беженцы из Сирии через Россию[142].

Исходя из предложенных выше картографированных диаграмм размаха голосования за каждую из партий, можно заключить, что Финнмарк отличается тем, что за все четыре электоральных цикла отдавал электоральную поддержку Социалистической левой партии, в 2017 г. поддержал Партию прогресса, отказав в 2017 г. в широкой поддержке Рабочей партии. Проанализировав предвыборную программу партий, можно сказать, что такое электоральное поведение фюльке связано, во-первых, с тем, что указанные партии выступали

---

[138] Sami, 2011–2013 // Statistisk sentalbyrå. URL: https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/samisk/hvert-2-aar/2014-02-06 (дата обращения: 26.01.2021).

[139] Sami languages // Omniglot — the online encyclopedia of writing systems and languages. URL: https://omniglot.com/writing/saami.htm (дата обращения: 27.01.2021).

[140] Borch E. Den kvenske folkevandringen til Troms og Finnmark // Nordlys. 2005. 23 desember. URL: https://www.nordlys.no/kronikk/den-kvenske-folkevandringen-til-troms-og-finnmark/s/1-79-1880185 (дата обращения: 26.01.2021).

[141] Nilsen T. Oil export from Russia via Kirkenes. 2002. 12 March. URL: https://web.archive.org/web/20050920065052/http://www.bellona.no/en/energy/fossil/barents/27569.html (дата обращения: 26.01.2021).

[142] Bicycles used by Syrian refugees to enter Norway from Russia to be destroyed // The Guardian. 2015. 18 November. URL: https://www.theguardian.com/world/2015/nov/18/bicycles-syrian-refugees-enter-norway-russia-destroyed (дата обращения: 26.01.2021).

за поддержание сотрудничества с Россией в сфере рыболовства и экспорта рыбы в Россию, что является, как уже отмечалось выше, основным заработком фюльке. А значит, те партии, которые поддерживали эту сферу экономики, получали голоса в Финнмарке. Во-вторых, указанные партии отмечали необходимость поддержания мирной обстановки на границе с Россией, выступали либо за остановку эскалации НАТО против России, либо выражали опасения относительно военной угрозы со стороны России, что также привлекало электорат данного фюльке на свою сторону. Это подтверждается, например, визитом министра иностранных дел России С.В. Лаврова и командующего Северным флотом А.А. Моисеева в Киркенес в 2019 г. в связи с 75-летием освобождения Восточного Финнмарка от фашистских захватчиков. В ходе встречи обсуждались вопросы сотрудничества в области трансграничной торговли и в области обороны[143]. Более того, опасения граждан Финнмарка относительно вероятного военного конфликта связаны с вопросом Арктики, на что обращают внимание норвежские исследователи[144].

Таким образом, можно говорить о том, что в пограничном с Россией фюльке Финнмарк на электоральное поведение граждан влияет фактор соседства с Россией, а именно вопрос трансграничной торговли и экономического сотрудничества, а также вопрос обеспечения безопасности и мирного проживания.

---

[143] O Holm A. A strong and important commemoration od Norwegian-Russian cooperation // High North News. 2019. 18 October. URL: https://www.highnorthnews.com/en/strong-and-important-commemoration-norwegian-russian-cooperation (дата обращения: 26.01.2021).

[144] См. например: Wilhelmsen J., Gjerde K.L. Norwayand Russia in the Arctic: New Cold War Contamination? // Arctic Review. 2018. № 9. P. 382–407.

Список литературы

Волков А.М. Парламентские выборы в Норвегии 2017 года / А.М. Волков // ИМЭМО РАН. — 2017. — 12 сентября. — URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/parlamentskie-vibori-v-norvegii-2017-goda (дата обращения: 07.11.2020).

Норвежский политик: Мы выиграем от умеренной политики к России // Регнум. — 2015. — 23 марта. — URL: https://regnum.ru/news/polit/1907913.html (дата обращения: 27.04.2020).

Политические системы современных государств : энциклопедический справочник. — В 4 т. — Т. 1. Европа / МГИМО (У) МИД России, ИНОП ; главный редактор А.В. Торкунов; научный редактор А.Ю. Мельвиль; ответственный редактор М.Г. Миронюк. — Москва : Аспект Пресс, 2012. — 616 с. — С. 374.

Рябиченко А. Новые власти Норвегии видят в России главную угрозу национальной безопасности / А. Рябиченко // РСМД. — 2013. — 25 сентября. — URL: https://russiancouncil.ru/blogs/norrsida/710/ (дата обращения: 27.04.2020).

Aardal B., Bergh J. The Norwegian election / B. Aardal, J. Bergh // West European Politics. — 2018. — № 41 (5). — P. 1208–1216.

Arter D. Scandinavian politics today / D. Arter. Manchester University Press, 2013. — 368 p.

Dette er Norges nye regioner / M. Newth, I. Dybfest Dahl, H. Østli Jakobsen, S.S. Skiphamn // Verdens Gang. 2017. — 23 February. — URL: https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/zoEB1/dette-er-norges-nye-regioner (дата обращения: 13.01.2021).

Gilljam M., Oscarsson H. Mapping the Nordic Party Space / M. Gilljam, H. Oscarsson // Scandinavian Political Studies. — 1996. — Bind 19 (New Series), 1. — URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32855/31159 (дата обращения: 26.01.2021).

Golosov G.V. The Effective Number of Parties: A New Approach / G.V. Golosov // Party Politics. — 2010. — № 16 (2). — P. 171–192. — DOI: 10.1177/1354068809339538

International Arctic Petroleum Cooperation: Barents Sea scenarios / Ed. by A. Bourmistrov, F. Mellemvik, A. Bambulyak, O. Gudmestad, I. Overland, A. Zolotukhin. London and New York : Routledge, Taylor and Francis Group, 2015.

Laakso M., Taagepera R. “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West / M. Europe Laakso, R. Taagepera // Comparative Political Studies. — 1979. — № 12 (1). — P. 3–27.

Nilsen T. Election winner flags human rights violations in Russia / T. Nilsen // Barents Observer. — 2013. — 10 September. — URL: https://barentsobserver.com/en/politics/2013/09/election-winner-flags-human-rights-violations-russia-10-09 (дата обращения: 27.04.2020).

Norris P. Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism / P. Norris, R. Inglehart. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — DOI: 10.1017/9781108595841.

Nwokora Z. Reconsidered: Toward a New Predominant Party System / Z. Nwokora, R. Pelizzo, G. Sartori // Political Studies. — 2014. — № 62 (4).— P. 824–842.

Ray L. Mapping the Norwegian Political Space: Some Findings from an Expert Survey / L. Ray, H.M. Narud // Party Politics. — 2000. — № 6 (2). — P. 225–239. — DOI: 10.1177/1354068800006002007

Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis / G. Sartori. — Cambridge : Cambridge University Press, 1976.

Sitter N. Protectionism, Populism, or Participation? Agrarian Parties and the European Question / N. Sitter, A. Batory // Opposing Europe?: The Comparative Party Politics of Euroscepticism. Vol. 2. Comparative and Theoretical Perspectives / Ed by. Aleks Szczerbiak, Paul Taggart. — Oxford : Oxford University Press, 2008. — ISBN: 978-0-19-925835-2.

Wilhelmsen J. Norwayand Russia in the Arctic: New Cold War Contamination? / J. Wilhelmsen, K.L. Gjerde // Arctic Review. — 2018. — № 9. — P. 382–407.

2.2. Финляндия

Согласно конституции, вступившей в силу 1 марта 2000 года, Финляндия является суверенной республикой, государственная власть в которой принадлежит народу, представляемому парламентом. Исполнительная власть осуществляется президентом республики, а также государственным советом (правительством), члены которого должны пользоваться доверием парламента. Правительство Финляндии состоит из премьер-министра и необходимого числа других министров. Парламент избирает премьер-министра, которого президент республики назначает на должность. Другие министры назначаются президентом по предложению избранного премьер-министра. За исполнение своих обязанностей министры подотчетны парламенту.

Законодательная власть в Финляндии представлена однопалатным парламентом (фин. Эдускунта / швед. Ригсдаген). Он формируется по результатам выборов, которые проходят каждые четыре года. В состав парламента входит 200 членов. Порядок избрания парламента определяется Конституцией Республики Финляндия и действующим Законом о выборах, принятым в 1998 году (с последующими поправками). Члены парламента выбираются путем прямых, пропорциональных выборов и тайного голосования.

Голосовать на парламентских выборах могут граждане Финляндии, которым исполнилось 18 лет. Такой возрастной ценз для активного избирательного права был установлен уже в 1972 году, ранее, чем в соседних европейских странах. Кроме того, Финляндия стала первой страной Европы, в которой избирательные право (как активное, так и пассивное) получили женщины согласно Закону о выборах

1906 года[145]. Право голоса на парламентских выборах также имеют граждане Финляндии, проживающие за границей.

Избирательная система Финляндии почти не изменилась с момента обретения страной независимости. Выборы в парламент проводятся в многомандатных избирательных округах методом пропорционального представительства[146]. Для проведения парламентских выборов страна делится на избирательные округа (не менее 12 и не более 18). В каждом округе избирается определенное число депутатов, которое зависит от числа жителей, проживающих в том или ином округе, но не менее семи. Число округов, а также количество мест в парламенте от каждого округа устанавливается решением правительства перед началом предвыборной кампании. Провинция Аландские острова представляет собой отдельный избирательный округ для избрания одного депутата, независимо от численности избирателей, зарегистрированных на островах.

Пассивным избирательным правом на парламентских выборах обладает каждый, кто имеет право голоса и не ограничен в дееспособности. Однако депутатом не может быть избрано лицо, состоящее на военной службе. Кандидатов для участия в парламентских выборах могут выдвигать партии, зарегистрированные в реестре партий, и лица с правом голоса, создавшие объединение избирателей. В объединение избирателей должно входить минимум 100 членов.

В течение анализируемого периода (2011–2019) состоялась реформа электорального деления Финляндии. Реформа была проведена для того, чтобы улучшить перспективы

[145] Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония / А.Г. Орлов, В.И. Лафитский, И.А. Ракитская, Т.О. Кузнецова; науч. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. М. : РЦОИТ : Типография «Новости», 2009. С. 230.

[146] Jääskeläinen A. Finnish election system: overview. Publication of the Ministry of Justice. 2010.

кандидатов от более мелких партий в борьбе за парламентские мандаты. Выборы 2011 года проходили в 14 избирательных округах (не считая Аландские острова), тогда как к моменту проведения парламентских выборов 2015 года количество округов уменьшилось: округа Северное Саво и Северная Карелия были объединены в новый округ Саво-Карелия, а округа Кюми и Южное Саво — в новый округ Юго-Восточная Финляндия. Таким образом, два последних электоральных цикла проходили в 12 избирательных округах плюс в провинции Аландские острова.

Перечень избирательных округов, а также число депутатов, избираемых от каждого округа согласно правилам, предусмотренным на парламентских выборах 2019 года, представлены в таблице 2.2.1. Географическая разбивка на избирательные округа представлена на рисунке 2.2.1.

Таблица 2.2.1

Избирательные округа Финляндии на выборах 2019 года

Избирательный округ		**Число депутатов**
1. Хельсинки	Helsinki	22
2. Уусимаа	Uusimaa	36 (35 в 2015 году)
3. Варсинайс-Суоми	Varsinais-Suomi	17
4. Сатакунта	Satakunta	8
5. Аландские острова	*Åland*	*1*
6. Хяме (Тавастгус)	Häme	14
7. Пирканмаа	Pirkanmaa	19
8. Юго-Восточная Финляндия (до 2015 года — Кюми и Южное Саво)	Southeast Finland (Kymi/ Etelä-Savo)	17
9. Саво-Карелия (до 2015 года — Северное Саво и Северная Карелия)	Savo Karelia (Pohjois-Savo / North Karelia)	16
10. Вааса	Vaasa	15 (16 в 2015 году)
11. Центральная Финляндия	Central Finalnd	10
12. Оулу	Oulu	18
13. Лапландия	Lapland	7

Рис. 2.2.1. Избирательные округа Финляндии

Источник: Electoral Districts // Ministry of Justice. Department for Democracy and Public Law. URL: https://vaalit.fi/en/electoral-districts

Для распределения мест в законодательном органе используется метод Д'Ондта, распространенный в целом ряде европейских стран. Граждане голосуют за общенациональные списки партий с дополнительным определением избирателем приоритетности кандидата из партийного списка, в котором каждому кандидату присвоен номер. Таким образом, избиратель выбирает в бюллетене не только партию, за которую он голосует, но и номер кандидата от этой партии, которому он отдает предпочтение. Считается,

что к преимуществам такого метода относятся более адекватное отражение уровня популярности конкретных кандидатов и возможность даже у последнего по списку кандидата получить мандат[147]. Согласно предложенному бельгийским ученым В. Д'Ондтом «методу наибольшей средней» голоса, поданные за каждый партийный список, последовательно делятся на ряд чисел: 1, 2, 3, 4, 5, 6 и т.д. Полученные результаты распределяются по убывающей — от большего к меньшему. То частное, которое занимает место в этом ряду убывающих чисел порядковое место, равное числу депутатов, подлежащих избранию от данного округа, будет являться квотой[148].

Финская избирательная система представляет собой сложную для классификации смешанную систему, в которой избиратель голосует и за партию, и за конкретных кандидатов. Исходя из классификации, предложенной А.Е. Любаревым, ее можно отнести к системе открытых (свободных) партийных списков, при этом голосование за кандидата является преференциальным[149]. Считается, что такой тип пропорциональной избирательной системы создает преимущества для крупных партий и снижает шансы мелких партий[150].

Финляндия является страной с одной из наиболее развитых демократических систем в мире, что обеспечивается в том числе ее электоральной системой, гарантирующей открытое волеизъявление граждан, защиту гражданских прав

---

[147] Котегова М.А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. 179 с.

[148] Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов / А.А. Мишин. М. : Статут, 2013. 520 с.

[149] Любарев А.Е. Избирательные системы и российское электоральное законодательство // ПОЛИС. 2003. № 4. С. 120–129.

[150] Чернышов С.И. Партийная система Финляндии // Вопросы политологии. 2012. № 2. С. 115–127.

и свободу СМИ[151]. Экспертная организация Freedom House также подтверждает статус Финляндии как свободной демократии, присвоив ей в 2018 году рейтинг 1 из 7 возможных позиций[152].

Партийная система страны представлена значительным числом партий, представляющих различные типы идеологического спектра. Наиболее значимыми в политической жизни Финляндии являются четыре партии — Социал-демократическая партия (СДП), Финляндский центр (ФЦ), Национальная коалиционная партия (НКП) и партия «Истинные финны».

Социал-демократическая партия (SDP) основана в 1899 году в городе Турку как Рабочая партия Финляндии. Это одна из крупнейших «левых» партий. «Ядро» ее электората составляют госслужащие и средний класс. Особое влияние данная партия имеет в южных индустриальных городах. Свое название партия получила в 1903 году после съезда в городе Форсса. В 1918 году партия возглавила Финляндскую революцию, сформировав революционное правительство в Хельсинки. СДП практически распалась после поражения в революции, но была реорганизована во главе с Вяйне Таннером (председатель партии в 1918–1926 и 1957–1963 гг.). Представители партии неоднократно занимали пост президента Финляндии: Мауно Койвисто (1982–1994), Марти Ахтисаари (1994–2000), Тарья Халонен (2000–2012). Целью социал-демократической партии является создание общества, которое бы основывалось на свободе, равенстве и солидарности. Партию поддерживают более 40 тысяч

[151] Sustainable Quality Indicators. Quality of Democracy of Finland. URL: https://www.sgi-network.org/2016/Finland/Quality_of_Democracy (дата обращения: 29.09.2019).

[152] Freedom in the World 2018. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/finland (дата обращения: 29.09.2019).

ее членов, которые взаимодействуют в 65 подразделениях по всей стране. Председателем партии с 2020 года является Санна Марин.

Партия Финляндский центр (KESK) учреждена в 1906 году, до 1965 года называлась Аграрный союз, а до 1998 года — Партия Центра. В основе идеологии — центристский социальный либерализм. Партия насчитывает более 280 тыс. членов. С момента основания и до 1995 года входила в состав правительства, после чего перешла в оппозицию. Выступает за активную экологическую политику и сохранение природных ресурсов, а также за развитие сельского хозяйства и увеличение рабочих мест. «Ядро» партии — сельское население, представители малого и среднего предпринимательства. Председатель партии с 2020 года — Анника Саарикко.

Национальная коалиционная партия (KOK) Финляндии была основана в 1918 году в результате объединения Партии младофиннов (1894–1918) с Финской партией (1863–1918). Это третья старейшая партия страны. Партия позиционируется как консервативная, представляет интересы предпринимателей и патриотов, популярна среди военных и в крупных городах. В начале 1920-х годов Коалиционная партия сосредоточилась на сопротивлении коммунизму и предотвращении распространения коммунистической идеологии. В то же время необходимо отметить тот факт, что программа партии не раз обновлялась и реформировалась, впоследствии перейдя к динамическому консерватизму. Идеологией партии является правоцентристский либеральный консерватизм, ее представители выступают за сохранение национальных традиций, языка и культуры Финляндии. Основополагающие принципы — обеспечение школьного образования для всех, гендерное равенство, бережное отношение к окружающей среде. Председатель партии с 2016 года — Петтери Орпо. Экс-президент Финляндии (2012 — начало 2024 г.)

Саули Ниинисте был выдвинут Национальной коалиционной партией.

«Истинные финны» (PS) — относительно молодая партия, она была основана в мае 1995 года в Хельсинки. Раймо Вистаба является основателем партии и был ее руководителем с 1995 по 1997 год. С 1997 года партию возглавлял Тимо Сойни, а с 2017 года — Юсси Халла-ахо. Согласно уставу партии «Истинные финны», ее основная цель — объединить на христианско-социальной основе ту часть населения, интересы которой в социальной и экономической сферах и общественный статус не получили должного внимания со стороны государства.

В 2017 году в партии произошел раскол, часть депутатов покинула парламентскую фракцию и основала новую организацию — «Новая альтернатива», впоследствии изменившую название на «Синее будущее». Данная партия придерживается националистических и консервативных взглядов, выступает за снижение уровня налогообложения и контроль иммиграции.

Кроме того, еще несколько партий обычно получают по итогам выборов несколько мест в парламенте. Их влияние менее значимо, однако их следует принять во внимание с учетом все большей фрагментации результатов и необходимости парламентских коалиций.

К таким партиям относятся Партия зеленых (ранее — Зеленая Лига) и Левый союз. Обе партии продемонстрировали рост числа мандатов в последнем электоральном цикле и вошли в пятипартийную коалицию, сформировавшую правительство в 2019 году.

Зеленые возникли в 1970-е годы как общественное движение, позднее оформившееся в политическую партию. В качестве приоритетов в своей программе они выделяют четыре ключевые темы — окружающая среда, образова-

ние, бедность и занятость. В Финляндии их поддерживает в основном образованная городская молодежь. В 2019 году председателем партии стала Мария Охисало.

Левый союз основан в 1990 году в результате объединения Демократического союза народа Финляндии и Коммунистической партии Финляндии. Позиционирует себя как красно-зеленое гражданское движение современности для справедливого, равного и свободного общества. Считается наиболее левой из всех финских партий. Председатель партии с 2016 года — Ли Андерсон.

В финском парламенте также традиционно представлена консервативная партия Христианские демократы. Партия выступает за построение демократического общества на основе христианских ценностей, социальную солидарность, защиту окружающей среды. С 2015 года председателем партии является Сари Эссайя.

Достаточно стабильными (около 4,5%) остаются на парламентских выборах результаты Шведской народной партии (ШНП), что позволяет образовать небольшую фракцию в Эдускунте (после выборов 2019 года — 9 мест + 1 представитель от Аландских островов). При этом ШНП часто выступает в роли партнера по правительственной коалиции.

По типологии Блонделя партийная система Финляндия может быть отнесена к странам с многопартийной системой без доминирующей партии. Несколько средних и малых партий формируют коалиционное правительство. Для Финляндии долгое время было характерно сотрудничество правящей правой партии с левыми[153]. Заметной особенностью текущей партийной ситуации является неприятие другими

[153] Чернышов С.И. Партийная система Финляндии // Вопросы политологии. 2012. № 2. С. 115–127; Sustainable Quality Indicators. Quality of Democracy of Finland. URL: https://www.sgi-network.org/2016/Finland/Quality_of_Democracy (дата обращения: 29.09.2019).

партиями радикализма «Истинных финнов» и их руководителя[154]. Несмотря на существенную поддержку на выборах, эта партия только однажды вошла в правительственную коалицию.

С точки зрения классификации партийных систем по Джованни Сартори, финская политическая система принадлежала к системам крайнего плюрализма, для которых характерно наличие более чем пяти партий, где редко формируются устойчивые партийные коалиции и возможна поляризация партийного спектра[155]. Несмотря на то что в партийной системе Финляндии за прошедшие десятилетия произошли некоторые изменения, ключевые характеристики этого типа остаются актуальными, в особенности после появления партии «Истинные финны».

Для анализа партийной системы в политической науке часто применяется расчет эффективного числа партий. Индекс эффективного числа партий (ЭЧП), рассчитанный по формуле Лааксо-Таагеперы по итогам последних выборов в 2019 году, равняется 7,46. Анализируя изменения индекса ЭЧП по электоральным циклам за последние 70 лет можно отметить, что в 2019 году этот показатель достиг своего максимума как на электоральном, так и на парламентском уровне[156]. Расчет ЭЧП по формуле, предложенной российским политологом Г. Голосовым, дает традиционно меньший результат в 6,7.

В российской научной литературе не удалось найти отдельных работ, посвященных вопросам электоральной

---

[154] Плевако Н.С. Финляндия: Электоральные итоги. 2019. // Вестник Института Европы РАН : электронный журнал. 2019. № 4.

[155] Теория партий и партийных систем : хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. М., 2008.

[156] Gallagher Michael. Election indices. 2019. URL: http://www.tcd.ie/Political_Science/people/michael_gallagher/ElSystems/index.php (дата обращения: 22.02.2021).

географии Финляндии. Основная часть исследований посвящена избирательному праву и избирательной системе Финляндии, которые обычно рассматриваются в рамках анализа правовой системы страны в целом (например, исследование М.А. Могуновой о конституционном праве Финляндии)[157] или при изучении избирательных система нескольких стран региона[158]. Электоральные тенденции чаще всего анализируют в рамках общих исследований по политическим процессам в стране[159]. Например, эволюцию партийно-политических процессов в Финляндии, включая итоги избирательных кампаний, рассматривает в своих исследованиях руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН Н.С. Плевако[160]. Некоторые работы посвящены анализу влияния общественных настроений на результаты выборов[161]. Что касается исследований зарубежных авторов,

---

[157] Могунова М.А. Государственное право Финляндии. М. : Городец, 2005. 368 с.

[158] Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония / А.Г. Орлов, В.И. Лафитский, И.А. Ракитская, Т.О. Кузнецова, науч. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. М. : РЦОИТ: Типография «Новости», 2009. 448 с.; Котегова М.А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. 179 с.

[159] Чернышов С.И. Партийная система Финляндии // Вопросы политологии. 2012. № 2. С. 115–127; Sustainable Quality Indicators. Quality of Democracy of Finland. URL: https://www.sgi-network.org/2016/Finland/Quality_of_Democracy (дата обращения: 29.09.2019).

[160] См., например: Плевако Н.С. Национализм и правый популизм в Скандинавских странах и Финляндии // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН : электронный журнал. 2018. № 3; Плевако Н.С. Финляндия: остановился ли сдвиг вправо? // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН : электронный журнал. 2018. № 2; Плевако Н.С. Финляндия: электоральные итоги. 2019. // Вестник Института Европы РАН: электронный журнал. 2019. № 4.

[161] Павликова М.М., Кряжева О.Л. Парламентские и президентские выборы в Финляндии: динамика развития медиатизированной публичной сферы // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 6 (21).

то они также касаются преимущественно анализа особенностей финской избирательной системы и развития партийной системы страны[162].

В этой связи обращает на себя внимание, что пространственному измерению итогов выборов 2011 года было уделено значительное внимание в исследовании, выполненном Лабораторией региональных политических исследований под руководством доктора политических наук Р.Ф. Туровского в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики по теме «Структурный анализ региональных политических режимов и электоральных пространств»[163].

По итогам выборов 2007 года в финском парламенте было представлено восемь партий. Первое место с 23,1% заняла партия Финляндский центр, за которой следовала

С. 55–74; Павликова М.М. Финляндия: пресса в 2004–2005 гг. Пресса в преддверии выборов // Медиаскоп : электронный научный журнал. 2008. Вып. 1. URL: http://mediascope.ru/node/48

[162] См., например: Karvonen L. Parties, Governments and Voters in Finland: Politics Under Fundamental Societal Transformation. ECPR Press, 2014; Schoultz A.V. Electoral systems in context: Finland. The Oxford Handbook of Electoral Systems / Ed. by E.S. Herron, R.J. Pekkanen, M.S. Shugart. Oxford University Press, 2018; Normative Balance and Electoral Reform: A Finnish Puzzle and a Comparative Analysis / S. Ganghof, S. Eppner, K. Heeß // West European Politics. 2015. Vol. 38. № 1. P. 53–72. DOI: 10.1080/01402382.2014.929342; Gallagher Michael. Election indices. 2019. URL: http://www.tcd.ie/Political_Science/people/michael_gallagher/ElSystems/index.php (дата обращения: 22.02.2021); The Politics of Electoral Systems / Ed. by Michael Gallagher and Paul Mitchell ; Paperback edition. Oxford and New York : Oxford University Press, 2008.

[163] Гришина А. Анализ результатов парламентских выборов 17 апреля 2011 года в Финляндии. URL: http://www.regional-science.ru/wp-content/uploads/2011/11/%D0%93%D1%80%D0%B8%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F-2011.pdf (дата обращения: 29.01.2021).

Национальная коалиция, уступив ФЦ менее 1% (22,3% голосов), однако значительно увеличив свое представительство в Эдускунте. Социал-демократическая партия получила 21,4% голосов. Результаты остальных партий оказались существенно меньше: Левый союз — 8,8%, Зеленый союз — 8,5%, Христианский демократы и ШПН — менее 5%. Столь же скоромными оказались в 2007 году и результаты партии «Истинные финны», что объясняется ее относительной новизной в партийном «ландшафте».

По итогам выборов 2007 года было образовано коалиционное правительство с участием Финляндского центра, Национальной коалиции, Зеленых и ШНП (всего 125 мест из 200) под руководством председателя ФЦ Матти Ванханена.

По итогам выборов 2011 года в финский парламент также прошли представители восьми политических партий, при этом уровень поддержки практически всех из них оказался ниже результатов 2007 года. Очевидный успех показала только партия «Истинные финны», значительно улучшившая результат (около 19% голосов). Показательно, что, несмотря на успех на выборах, партия не вошла в новое коалиционное правительство, сформировано во главе с Юрки Катайненом шестью парламентскими партиями.

Среди заметных изменений по итогам 2015 года — победа Финляндского центра, находившегося в оппозиции после неудачных результатов 2011 года. Хотя результаты других партий в процентном отношении незначительно отличались от предыдущих выборов, коалиционное правительство было образовано в новой неожиданной трехпартийной комбинации из партий центристско-правого направления: Финляндский центр, Национальная коалиция и «Истинные финны». Впервые за долгое время в правительство не вошла ШНП. Пост премьер-министра достался председателю Партии Центра Юхе Сипиля.

По итогам выборов 2019 года примерно равную поддержку (около 18% голосов) получили три политические партии — СДП (с незначительным перевесом занявшая первое место), «Истинные финны» и Национальная коалиция. Партия Финляндский центр заняла только четвертое место с 13,76%, что стало худшим результатом за последние сто лет. Улучшил свое представительство Левый союз. Вопрос о формировании устойчивого коалиционного правительства занял значительное время. Левоцентристский кабинет Антти Ринне, сформированный в июне 2019 года в составе СДП, Финляндского центра, Партии зеленых, Левого союза и ШНП ушел в отставку в декабре того же года. Новое коалиционное правительство с декабря 2019 по 2023 г. возглавляла председатель СДП Санна Марин.

Анализ итогов выборов 2007 года показывает, что за кандидатов «Центра» регионы голосовали с достаточно четко выраженной региональной привязкой: по мере удаления к северу (Лапландия и Оулу) росла и поддержка партии (диапазон 33-43%, в зависимости от округа). Национальная коалиционная партия в южных регионах набрала от 23 до 30% голосов, в остальных — от 11 до 20%. Социал-демократическая партия оказалась на третьем месте и получила наибольшую поддержку (21,4% по стране и в диапазоне от 12,8 до 31,5% по округам) в основном в центральных регионах (Хяме, Сатакунта и Кюми).

Результаты партии «Истинные финны» в 2007 году оказались скромными. По округам ее поддержка не превышала 6%, в целом по Финляндии — около 4%. Регионами наибольшей поддержки оказались Вааса, Уусимаа и Кюми. Впрочем, с момента своего создания партия постепенно наращивала электоральную силу, что будет видно уже в следующем электоральном цикле.

Хотя по результатам выборов в парламент Финляндии 2011 года победителем стала Национальная коалиционная партия (20,4%), она лишь на немного опередила СДП и «Истинных финнов». С точки зрения распределения мандатов, тем не менее, три традиционные ведущие партии потеряли представительство: – 6 мест у НКО (всего 44), – 3 места у СДП (всего 42) и ощутимое поражение ФЦ — всего 15,8% и 35 мест в законодательном собрании (– 16 мандатов).

Подавляющее число сторонников «Национальной коалиционной партии» традиционно проживает на юге, поэтому наилучших результатов удалось добиться в южных регионах — Уусимаа (28,4%), Хельсинки (27,3%), Варсинас-Суоми (23,0%). Весомый вклад в победу НКП также внесли избиратели из Хяме и Пирканмаа. В северных же регионах, таких как Северная Карелия (10,5%), Оулу (11,9%), Лапландии (12,5%) партия получила еще меньше поддержки, чем на прошлых выборах.

Социал-демократы снова показали лучшие результаты в центральных округах: Северной Карелии (26,4%), в Кюми, Сатакунте, Хяме — партия получила по 24% голосов избирателей. «Северная группа» округов (Оулу, Лапландия, Вааса) осталась за «Финляндским центром», но цифры оказались значительно ниже. Более того, в Хельсинки и Уусимаа результат партии составил всего 4,5% и 6,4% соответственно.

«Истинные финны» продемонстрировали на этих выборах сенсационный результат. Более 23% голосов за националистов отдали в регионах Сатакунта, Кюми и Северной Карелии, которые на прошлых выборах отдали предпочтения ФЦ и СДП. Еще в шести округах — более 20%. Только урбанизированный, «богатый» юг и шведско-говорящий запад проголосовали несколько сдержаннее: Хельсинки — 12,9%, Вааса — 17%. Однако некоторые эксперты полагают, что подобный «прорыв» является скорее единичным слу-

чаем, поскольку националистам в этот раз удалось удачно сыграть на общественных настроениях, и не приведет к значительному расширению электоральной базы[164].

В 2015 году партии «Центра» удалось частично восстановить утраченные позиции. Традиционно она достигла наилучших результатов в северных и северо-восточных регионах (более 42% в Оулу и Лапландии, 32,5% в Саво-Карелии), получив наименьшую поддержку в южных регионах и в столице (всего 7,2% в Хельсинки). В итоге 21,1% — общестрановой результат и снова почти четверть (49 мест) в парламенте.

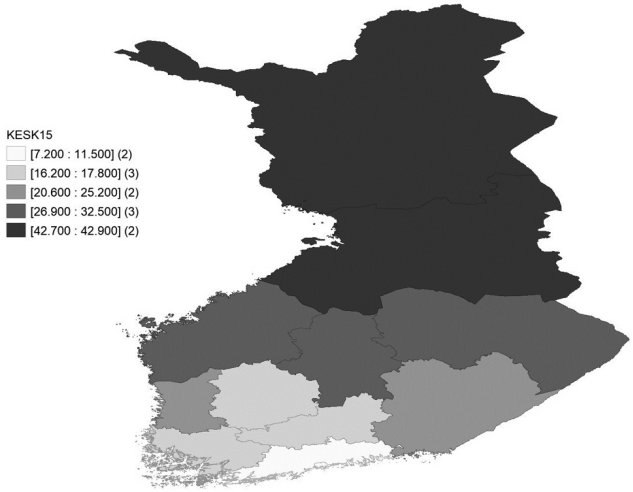


Рис. 2.2.2. Картограмма результатов голосования за партию «Финляндский центр» на выборах 2015 года

[164] Павликова М.М., Кряжева О.Л. Парламентские и президентские выборы в Финляндии: динамика развития медиатизированной публичной сферы // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 6 (21). С. 55–74.

Результаты выборов в отношении «Истинных финнов» распределились практически равномерно, только в Сатакунте за партию проголосовали 25% избирателей, что является максимальным результатом. Партии не удалось развить успеха ни в северных округах (потери в более чем 15% поддержки в Лапландии и Оулу), ни в центральных (например, в Хяме, Пирканмаа).

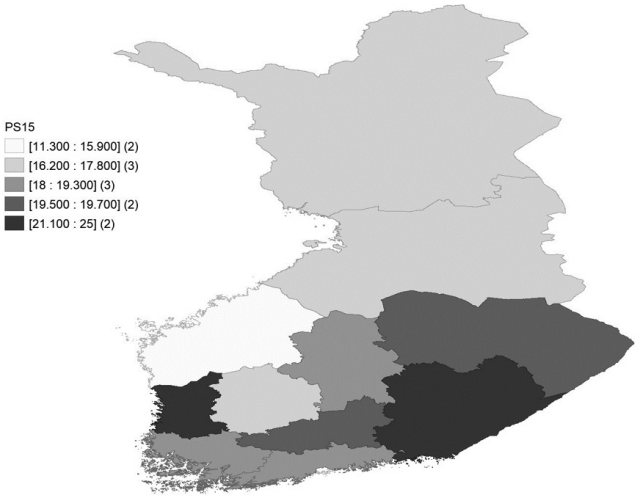


Рис. 2.2.3. Картограмма результатов голосования за партию «Истинные финны» на выборах 2015 года

Наибольшую долю голосов НКП вновь получила в южной части страны: в Хельсинках, Уусимаа, Варсинайс-Суоми.

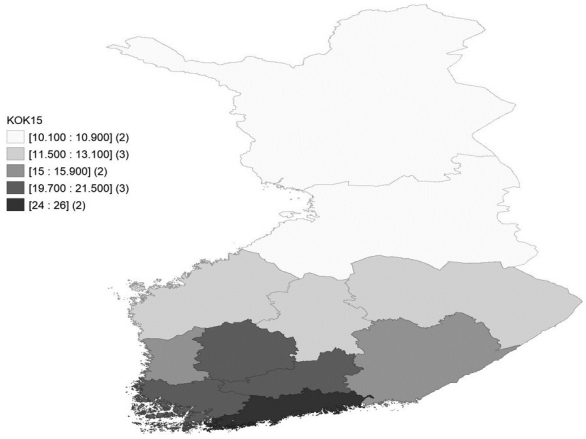


Рис. 2.2.4. Картограмма результатов голосования за Национальную коалиционную партию на выборах 2015 года

Максимальный результата Социал-демократической партии также зафиксирован в стабильно их поддерживающих Сатакунте и Хяме с показателем 22,6%.

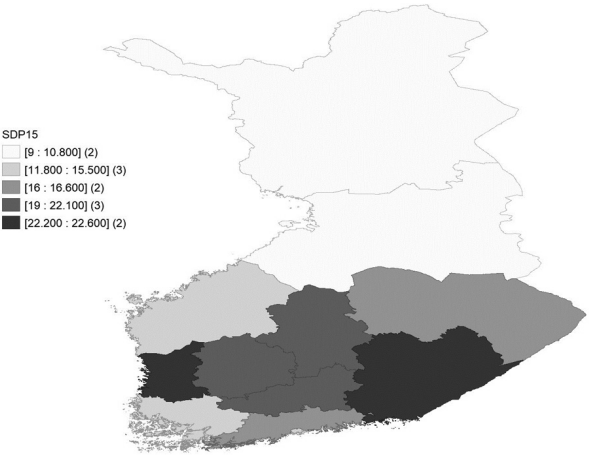


Рис. 2.2.5. Картограмма результатов голосования за Социал-демократическую партию на выборах 2015 года

На выборах 2019 года Социал-демократическая партия в основном сохранила уровень поддержки в центральных и южных округах, в отдельных местах даже немного улучшила результат (25,2% против 22,6% в Сатакунта, 24,4% против 22% в округе Юго-Восточная Финляндия, 24% против 22,1% в округе Хяме). В Оулу поддержка партии стабильно остается минимальной, но в целом СДП нигде не получила менее 10%, а число округов с результатом ниже среднего уменьшилось (на 1). В столице результат социал-демократов — 15,5%. По итогам это принесло 17,7% поддержки и 40 мандатов в парламенте (+6 к итогам 2015 года).

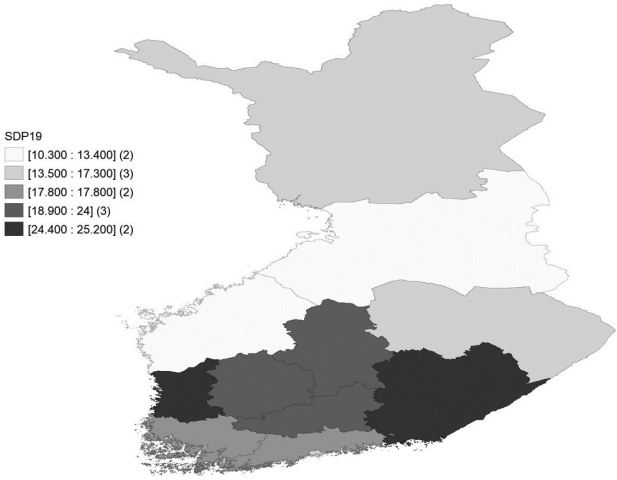


Рис. 2.2.6. Картограмма результатов голосования за Социал-демократическую партию на выборах 2019 года

Партия «Истинные финны» результаты выборов 2019 года расценивает как успех. Это справедливо, принимая во внимание, что, несмотря на раскол в партии 2017 года, уровень электоральной поддержки партии в целом по стране остался практически неизменным в сравнении

с 2015 годом: 17,5% и 39 (+1) мест в парламенте. При этом наблюдаются заметные колебания по ряду электоральных округов. С одной стороны, в целом наибольший уровень поддержки сохраняется в центре и на юге (за исключением столицы и округа Уусимаа), с максимумом в Сатакунта (небольшое снижение с 25% до 24,1%). С другой стороны, отмечается несколько заметных снижений, в частности в округах Уусимаа (снижение с 18% до 15,9%), Юго-восточная Финляндия (с 21,1% до 18,9%) и Центральная Финляндия (с 19,3% до 18%). Но еще более заметным является рост поддержки в Оулу (с 16,2% до 20,4%), в Хяме (с 19,5% до 21%) и в округе Вааса (15,9–17,1%). При этом округом с минимальным уровнем (12,3%) остается столица — Хельсинки.

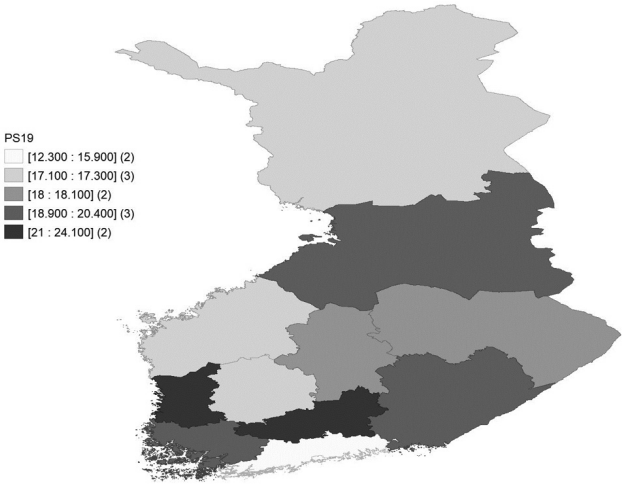


Рис. 2.2.7. Картограмма результатов голосования за партию «Истинные финны» на выборах 2019 года

На третьем месте по итогам выборов 2019 года находится Национальная коалиционная партия. Центром поддержки НКП остается Хельсинки, но результат партии там

заметно снизился (с 26% до 21,8%). Сопоставимое снижение наблюдается также в соседнем со столицей округе Уусимаа — с 24% до 20,9%. Еще одно заметное падение поддержки — в Хяме (с 21,5% до 19,2%). Среди регионов традиционной поддержки (юг Финляндии) заметный рост продемонстрировали только результаты в округе Юго-Восточная Финляндия. В центре и на севере страны поддержка партии стабильно сохраняется на уровне 10-13%, с минимальными значениями в Лапландии и Оулу.

Таким образом, по итогам выборов НКП с результатом 17%, что на 1,1% меньше результата 2015 года. С точки зрения полученных мандатов, тем не менее, Коалиционная партия увеличила свое присутствие с 37 до 38 мест, что можно объяснить тем, что партия традиционно добивается высоких результатов в Хельсинки и Уусимаа — округам с наибольшим числом мандатов.

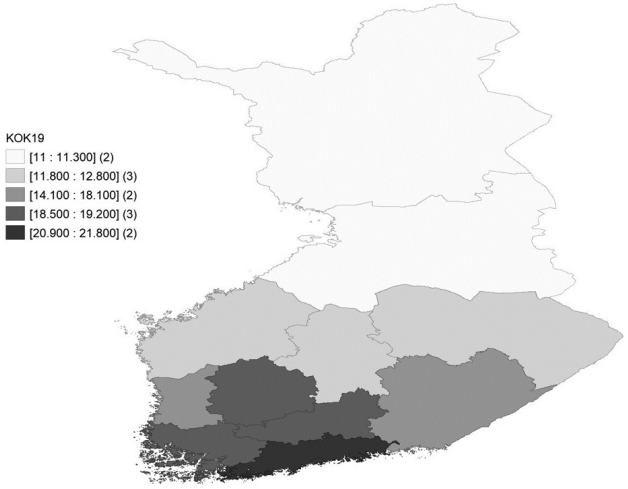


Рис. 2.2.8. Картограмма результатов голосования за Национальную коалиционную партию на выборах 2019 года

Вновь наиболее значительно изменились результаты партии Финляндский центр. Она получила только 13,8% голосов, что означало всего 31 место в парламенте (минус 18 мандатов). Даже в округах традиционной поддержки ФЦ на севере страны можно видеть резкое снижение: в Оулу — с 42,7% до 30,3% и еще более существенно в Лапландии — с 42,9% до 29,2%. Заметно ухудшились и результаты во всех других округах, вплоть до критических цифр в Хельсинки — всего 2,9%.

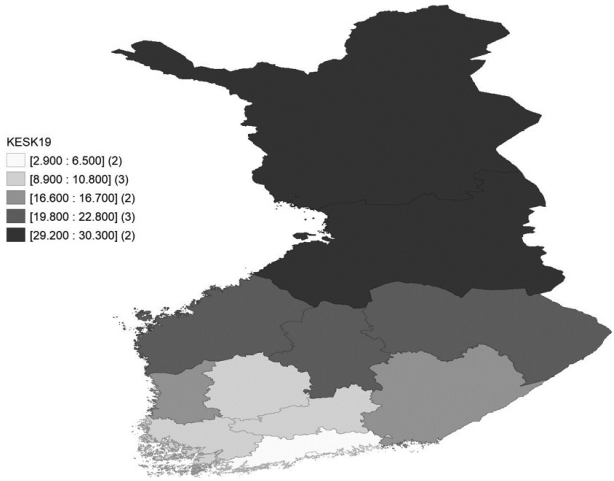


Рис. 2.2.9. Картограмма результатов голосования за партию Финляндский центр на выборах 2019 года

Интересно отметить, что на фоне резкого падения у ФЦ в Оулу и Лапландии возросла поддержка в этих округах не только у основных партий (например, «Истинные финны» в Оулу — + 4,2%), но и у более мелких партий. Наиболее значимый результат показали Зеленые (+ 1,7% в Оулу и сразу + 7,1% в Лапландии). В целом Зеленые на треть увеличили свое присутствие в парламенте с 15 до 20 мест.

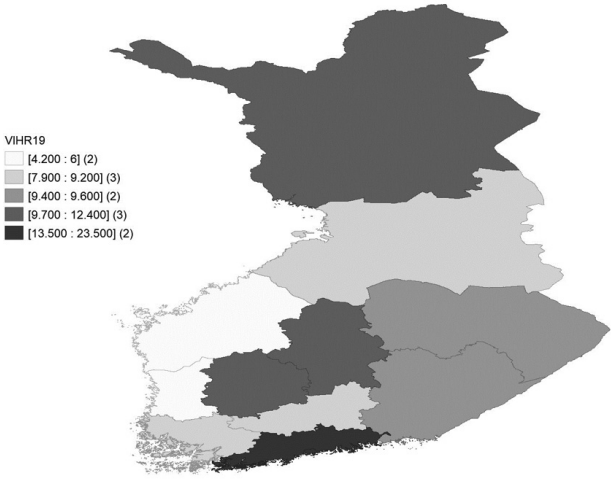


Рис. 2.2.10. Картограмма результатов голосования за партию Зеленых на выборах 2019 года

Анализируя карты, иллюстрирующие распределение электоральной поддержки для каждой из основных партий за два электоральных цикла 2011–2019 гг., можно сделать следующие выводы.

Север Финляндии, представленный двумя крупными по площади избирательными округами Лапландия и Оулу, дающими в совокупности 25 мандатов, в основном поддерживает Финляндский центр, который традиционно находит поддержку в сельских районах. В ситуации периодических снижений популярности Финляндского центра, поддержка избирателя переходит партии «Истинные финны» или небольшим партиям с социально-экологической повесткой, таким как Зеленые или Левый союз. Результаты СДП и НКП стабильно остаются на севере низкими.

Другой заметный «кластер» с устойчивыми электоральными предпочтениями — округ столицы страны Хельсин-

ки и окружающий его округ Уусимаа. Голосования в этих округах по многим партиям схожи. Заметное исключение составляет только партия «Истинные финны», набирающая в столице разительно меньше, чем в любом другом округе. Вместе от двух этих округов в парламенте представлено 48 депутатов, чем объясняется рост числа мандатов у Национальной коалиционной партии в 2019 году, несмотря на небольшое снижение поддержки в целом по стране.

Интересным представляется анализ результатов выборов в двух относительно новых избирательных округах — Северная Карелия и Юго-Восточная Финляндия. Как можно видеть из результатов голосования 2011 года, электоральные предпочтения в составивших их базовых округах не всегда совпадали. Например, достаточно серьезно (на 10%) отличался уровень поддержки Финляндского центра в Кюми (16,8%) и Южное Саво (25,4%) при общестрановом результате 15,8%. По итогам выборов 2015 года ФЦ получил в новообразованном округе 25,2% (по стране — 21,1%), в 2019 году — 16,6% (по стране — 13,8%).

Другой заметной, хотя и предсказуемой особенностью регионального распределения результатов выборов в Финляндии являются результаты Шведской народной партии, одной из старейших парламентских партий, традиционно входящих в правительственную коалицию. Как можно видеть из результатов голосования, имеет место четкое пространственное разграничение регионов ее поддержки: практически не имея сторонников в большинстве округов, она демонстрирует относительно небольшой, но стабильный результат в столице Хельсинки, примыкающем к ней округе Уусимаа и на юго-западе в Варсинайс-Суоми (от 5,3% до 9,1% на выборах 2019 года) плюс всегда получает значительную поддержку на западе страны, в округе Вааса (21,1%), где занимает обычно второе место.

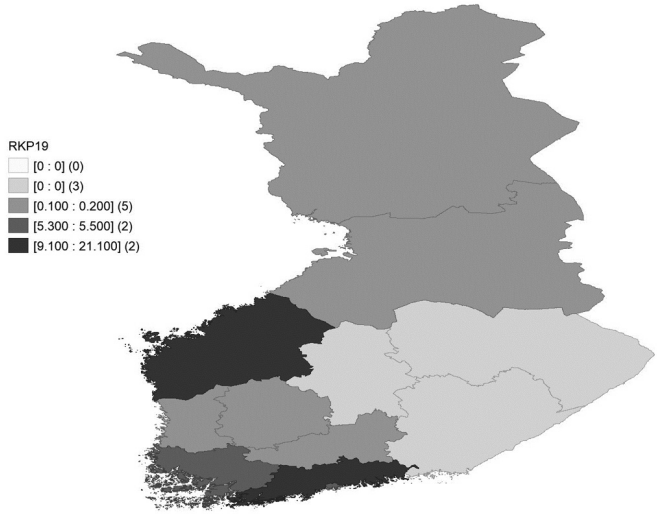


Рис. 2.2.11. Картограмма результатов голосования за Шведскую народную партию на выборах 2019 года

В то же время в целом с учетом количества и конфигурации избирательных округов в Финляндии очевидной пространственной зависимости не наблюдается. Это актуально также в отношении территорий, граничащих с Российской Федерацией. После реформы 2014 года пограничными с Россией являются избирательные округа Юго-Восточная Финляндия, Саво-Карелия, Оулу и Лапландия. Однако анализ голосования в этих округах за четыре электоральных цикла не указывает на то, что пограничное положение оказывает какое-то заметное влияние на результаты выборов. Поддержка Национального центра в Оулу и Лапландии связана с высокой долей сельского населения. Что касается Юго-Восточной Финляндии и Саво-Карелии, то в целом электоральные тенденции в этих округах повторяют общестрановые.

В программах основных политических партий теме отношений с Россией практически не уделяется внимание.

Исключение составляет Левый союз, среди внешнеполитических целей которого отдельно названа поддержка двусторонних переговоров с Россией для возвращения России в рамки всеобъемлющего европейского сотрудничества в долгосрочной перспективе[165].

В парламентских выборах обычно участвует некоторое число кандидатов, родным языком которых является русский. При этом они выдвигаются от разных политических партий Финляндии, однако на выборах 2019 года никто из них не получил достаточной поддержки, чтобы пройти в парламент[166].

В Финляндии зарегистрировано более 4,5 млн избирателей, но только около 80 тыс. жителей Финляндии могут быть отнесены к русскоязычным, что составляет примерно 1,5% населения страны[167]. Доля лиц российского происхождения статистически еще более незначительна как в целом по стране, так и в отдельных регионах и составляет менее 1% (максимально в области Северной Карелии /в составе избирательного округа Саво-Карелия/ — 0,62%).

С учетом этого, представляется нецелесообразным делать выводы о влиянии русскоязычного населения на результаты выборов в приграничных округах или о значительном влиянии российской повестки на электоральные предпочтения.

---

[165] Left Alliance's Goals 2020–2023. URL: https://vasemmisto.fi/themes-and-values/left-alliances-goals/ (дата обращения: 29.01.2021).

[166] Русскоязычные кандидаты не прошли в парламент. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/russkoyazychnye_kandidaty_ne_proshli_v_parlament/10740858 (дата обращения: 29.01.2021).

[167] Population by language on 31 December. URL: http://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html#V%C3%A4est%C3%B6%20kielen%20mukaan%2031.12 (дата обращения: 30.03.2021).

Список литературы

Гришина А. Анализ результатов парламентских выборов 17 апреля 2011 года в Финляндии / А. Гришина. — URL: http://www.regional-science.ru/wp-content/uploads/2011/11/%D0%93%D1%80%D0%B8%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F-2011.pdf (дата обращения: 29.01.2021).

Котегова М.А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт / М.А. Котегова. — Ижевск, 2007. — 179 с.

Любарев А.Е. Избирательные системы и российское электоральное законодательство / А.Е. Любарев // Полис. — 2003. — № 4. — С. 120–129.

Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов / А.А. Мишин. — Москва : Статут, 2013. — 520 с.

Могунова М.А. Государственное право Финляндии / М.А. Могунова. — Москва : Городец, 2005. — 368 с.

Павликова М.М. Парламентские и президентские выборы в Финляндии: динамика развития медиатизированной публичной сферы / М.М. Павликова, О.Л. Кряжева // Проблемы национальной стратегии. — 2013. — № 6 (21). — С. 55–74;

Павликова М.М. Финляндия: пресса в 2004–2005 гг. Пресса в преддверии выборов / М.М. Павликова // Медиаскоп. — 2008. — Вып. 1. — URL: http://mediascope.ru/node/48 (дата обращения: 15.03.2022).

Плевако Н.С. Национализм и правый популизм в Скандинавских странах и Финляндии / Н.С. Плевако // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН : электронный журнал. — 2018. — № 3.

Плевако Н.С. Финляндия: остановился ли сдвиг вправо? / Н.С. Плевако // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН : электронный журнал. — 2018. — № 2.

Плевако Н.С. Финляндия: Электоральные итоги 2019 / Н.С. Плевако // Вестник Института Европы РАН : электронный журнал. — 2019. — № 4.

Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония / А.Г. Орлов, В.И. Лафитский, И.А. Ракитская, Т.О. Кузнецова ; науч. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. — Москва : РЦОИТ : Новости, 2009. — С. 230.

Теория партий и партийных систем : хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. — Москва, 2008.

Чернышов С.И. Партийная система Финляндии / С.И. Чернышов // Вопросы политологии. — 2012. — № 2. — С. 115–127.

Gallagher M. Election indices / M. Gallagher. 2019. URL: http://www.tcd.ie/Political_Science/people/michael_gallagher/ElSystems/index.php (дата обращения: 22.02.2021).

Ganghof S. Normative Balance and Electoral Reform: A Finnish Puzzle and a Comparative Analysis / S. Ganghof, S. Eppner, K. Heeß // West European Politics. — 2015. — Vol. 38. — № 1. — P. 53–72. — DOI: 10.1080/01402382.2014.929342.

Jääskeläinen A. Finnish election system: overview. Publication of the Ministry of Justice. — 2010.

Karvonen L. Parties, Governments and Voters in Finland: Politics Under Fundamental Societal Transformation / L. Karvonen. — ECPR Press, 2014.

Schoultz A.V. Electoral systems in context: Finland / A.V. Schoultz // The Oxford Handbook of Electoral Systems. Ed. by Herron E.S., Pekkanen R.J., Shugart M.S. Oxford University Press, 2018.

The Politics of Electoral Systems / Ed. by Michael Gallagher, Paul Mitchell. — Oxford and New York : Oxford University Press, 2008.

2.3. Эстония

С момента повторного обретения независимости в Эстонии сформировалась весьма развитая партийная система; практически каждой из возможных идеологических позиций соответствует та или иная партия. В соответствии с принципами электоральной географии, те или иные партии традиционно более популярны в определенных регионах. В случае Эстонии на протяжении полутора десятилетий наблюдались схожие шаблоны: так, в северо-восточном уезде Ида-Вирумаа и в Таллине традиционно голосовали за Центристскую партию (о причинах чего ниже), в южных уездах Валгамаа и Вырумаа — за социал-демократов. Однако появление ряда новых игроков на политической сцене Эстонии смешало традиционные схемы, привело к формированию неожиданных для консервативной публики коалиций и переделу электоральной карты страны.

В данной главе мы стараемся ответить на следующие исследовательские вопросы: как изменилась партийная система Эстонии за последние годы; какие акторы имеют в ней первостепенное значение; как изменились региональные паттерны голосования за те или иные партии в Эстонии в последние годы; какую роль в этих изменениях играет этнический фактор и фактор приграничного положения? Представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу: появление новых партийных игроков в партийно-политической системе страны размыло традиционные электоральные предпочтения жителей тех или иных регионов, в результате чего этнический и пограничный фактор стал проявляться менее ярко.

Структура главы выглядит следующим образом. В первой части мы представляем краткий обзор партийной си-

стемы Эстонии в динамике с 2007 по 2019 г., т.е., с учетом последних четырех электоральных циклов, а также указываем на наиболее яркие региональные паттерны голосования за те или иные политические партии в означенный период (уровень анализа — волость / vald, а также уезд / maakond, в случае если конгруэнтность данных по уезду позволит сделать соответствующее обобщение до административно-территориальной единицы первого порядка). Далее мы считаем возможным указать на особенности проявления этнического фактора в эстонской электоральной динамике. Наконец, проанализировав динамику электорально-географической ситуации в Эстонии за последние 12 лет, мы формулируем основные причины и последствия произошедших изменений.

Партийная система Эстонии в достаточной степени фрагментирована. В парламент (Рийгикогу) входят пять партий, всего же на настоящий момент в стране зарегистрировано пятнадцать партийных объединений; то есть, по классификации Дж. Сартори, Эстонию можно отнести к странам с системой умеренного плюрализма. Постараемся подсчитать индекс эффективного числа партий Лааксо-Таагеперы для Эстонии, исходя из последних (2019 г.) парламентских выборов:

$$N = \frac{1}{\sum p_i^2} = \frac{1}{0{,}288^2+0{,}23^2+0{,}178^2+0{,}114^2+0{,}098^2} = \frac{1}{0{,}190128} = 5{,}3.$$

Расчет эффективного числа партий по индексу Г.В. Голосова дает для Эстонии несколько иной результат: 3,85. Однако результаты «по Голосову» традиционно ниже результатов «по Таагепера»; в данном случае речь может идти прежде всего об оценках действительного влияния на принятие решений пятой по электоральным результатам партии — социал-демократической. Наличие 4-5 партий, обладающих реальным влиянием на процесс принятия решений,

обусловило формирование в стране парламентской системы. Также в числе причин выбора данного пути развития можно назвать исторически сложившееся отрицательное отношение к широким полномочиям президента (негативный опыт диктатуры К. Пятса в 1934–1939 гг.) и особенности внутриэлитных взаимодействий начала 1990-х гг. (образование нескольких политически влиятельных элитных групп, независимых от исполнительной власти). Правительство формируется в соответствии с расстановкой сил в Рийгикогу по результатам выборов (либо, что происходит чаще, в соответствии с результатами коалиционных переговоров), а президент избирается парламентом и наделяется символическими полномочиями. Парламент избирается сроком на четыре года, количество парламентариев — 101. Выборы проходят по пропорциональной системе, по закрытым партийным спискам. Мандаты распределяются согласно методу Д'Ондта. С 2003 г. страна разделена на 12 избирательных округов (см. рис. 2.3.1).

Вкратце осветим особенности развития и идеологии парламентских партий Эстонии[168].

Центристская партия (Keskerakond) — одна из старейших партий Эстонии, образованная еще в 1991 г. на базе Народного фронта Эстонии (одной из двух структур, сыгравших ключевую роль в новом обретении страной независимости). Возглавил партию Эдгар Сависаар. Идеология партии — социал-либерализм, левый популизм, при этом традиционно центристы эксплуатируют нужды русскоязычного электората, говоря о своей поддержке русскоязычного образования, упрощения натурализации и прочих насущных проблемах. Поэтому неудивительно, что с 1999 г. (после выхода пар-

[168] Также считаем необходимым отослать читателя к наиболее полному исследованию истории и структуры политических партий Эстонии в 2000–2010 гг., проведенному Р. Тоомла. См.: Toomla R. Eesti erakonnad 2000–2010. Tartu : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. 250 lk.

тии из относительной политической изоляции, связанной с рядом скандалов) в цвета центристов традиционно окрашиваются северо-восточный уезд Ида-Вирумаа (наиболее «русскоязычный» уезд Эстонии, приграничный с Россией) и город Таллин, где также очень высок процент русскоязычных граждан. В 2016 г. Э. Сависаара на посту лидера сменил Ю. Ратас (о последствиях чего см. далее); «смена караула» сопровождалась обвинениями бывшего лидера в коррупции и связях с Кремлем (конкретно — с В. Якуниным и рядом функционеров партии «Единая Россия»). Еще в 2010 г. Полиция безопасности Эстонии (KaPo, Kaitsepolitsei, основная эстонская спецслужба) в своем рапорте назвала Сависаара «агентом влияния России»[169].

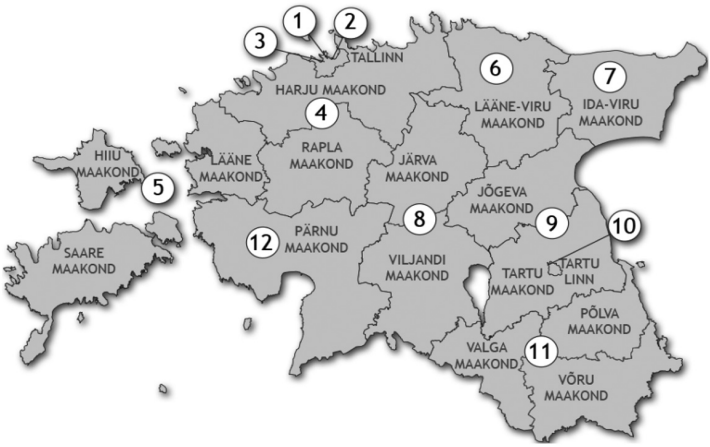


Рис. 2.3.1. Избирательные округа Эстонии

Источник: Valimisringkonnad ja valimisjaoskonnad // Valimised. 2019. URL: https://www.valimised.ee/et/valimiste-meelespea/valimisringkonnad-ja-valimisjaoskonnad

[169] Kaitsepolitseiameti käskkiri. 21.12.2010. № 98Т. См. также: Самородний О. Бремя полуверок: особенности русской политики в Эстонии. Таллинн : Vali Press, 2012. 207 с.

Праволиберальная Партия реформ (Reformierakond) — также старожил эстонской политической сцены. Сийм Каллас, тогда президент Банка Эстонии, сейчас — вице-президент Европейской комиссии, основал партию в 1994 г., опираясь на идеи либеральной экономики Ф. фон Хайека и М. Фридмана. Представители партии входили в правящие коалиции с 1999 по 2016 г. Собственно, и на выборах 2019 г. реформисты (из-за своего символа также называемые в обиходе «белочками») набрали больше всего голосов; но все равно недостаточно, чтобы сформировать правительство единолично. Карты практически всех эстонских уездов в той или иной степени окрашиваются в цвета реформистов, начиная с 2007 г., когда партия перестает быть лишь удобным коалиционным партнером и превращается в мощную самостоятельную политическую силу.

Социал-демократическая партия Эстонии (Sotsiaaldemokraatlik erakond) была основана в 1990 г. на основе нескольких социал-демократических групп, выступавших за независимость Эстонии как внутри страны, так и из-за рубежа. Первым лидером партии стала социолог Марью Лауристин. В 1996–2004 гг., в союзе с аграриями, партия именовалась «Умеренные» (“Mõõdukad”). В правительстве социал-демократы оказались представлены лишь в 2016 и в 2019 гг., будучи удобным и компромиссным партнером, способным привнести дополнительную опору для кабинета, не ставя невыполнимых условий (в этом смысле их положение напоминает ситуацию Свободной партии Германии — партии-маятника, готовой поддержать ту или иную коалицию, но большинство голосов получить a priori не способную). С 2007 г. становится очевидным, что партия была наиболее популярна на юге страны, в уездах Валгамаа и Вырумаа. Однако анализ электоральных карт 2015 и 2019 гг. демонстрирует резкое падение уровня поддержки социал-демократов:

в 2019 г. во всей стране не нашлось волости, где они получили бы большинство голосов (см. рис. 2.3.2 и 2.3.3). Симпатии жителей уезда Вырумаа перешли к правым популистам из Эстонской консервативной народной партии, а валгасцы предпочли голосовать за реформистов и центристов. Волость Кохтла в приграничном с Россией уезде Ида-Вирумаа, в 2015 г. поддержавшая Социал-демократическую партию, в 2017 г. была включена в состав волости Тойла, и в 2019 г. объединенная волость проголосовала за реформистов (см. рис. 2.3.2 и 2.3.3).

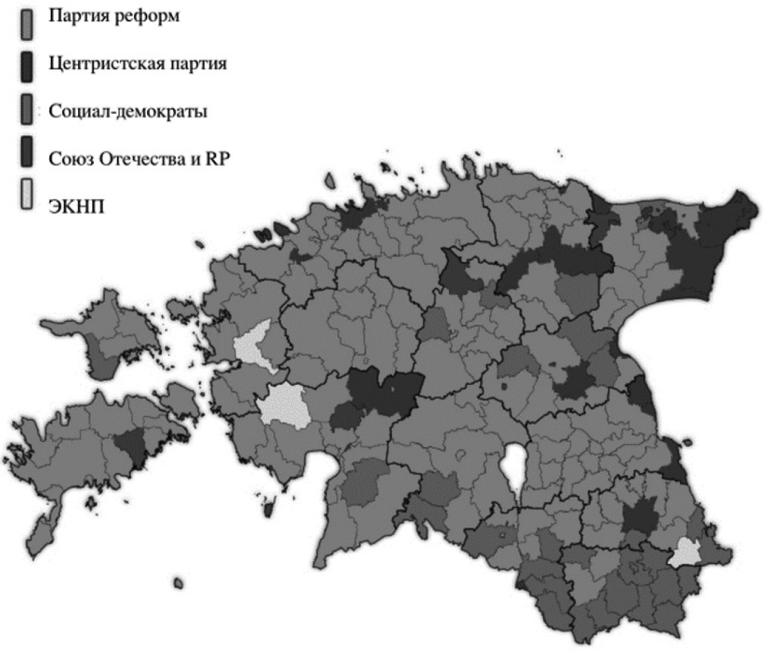


Рис. 2.3.2. Распределение голосования за основные партии на выборах в Рийгикогу 2015 г.

Источник: Eesti Erakondade Ajalugu // Erakonnad. 2015. URL: http://www.erakonnad.info/kaardid/2015-RK.html

«Отечество» (Isamaa; до 2018 — Союз Отечества и Res Publica, IRL) — правоконсервативная партия, идеология которой близка к христианской демократии. «Союз Отечества» (Isamaaliit) возник в 1995 г. в результате слияния Партии национальной независимости Эстонии (ПННЭ) и Национальной коалиционной партии «Отечество» (объединение христианских демократов, консерваторов и республиканцев). В 2006 г. к ним присоединилось консервативное объединение Res Publica. Часто партия ассоциируется, особенно зарубежными комментаторами и русскоязычными избирателями, с эстонским национализмом; ряд авторов даже (совершенно неоправданно) назвали ее ультраправой[170]. Подобным имиджем «Союз Отечества» обязан прежде всего своему прошлому. В 1990-е годы именно его представители стали главными адептами полного экономического и политического реформирования страны, вхождения ее в европейские и атлантические интеграционные структуры. Именно ПННЭ и «Отечество» аккумулировали в начале 1990-х гг. основной массив советских диссидентов, националистически настроенной интеллигенции и вернувшихся эмигрантов.

В последние годы партия IRL старалась избавиться от такого образа, привлекая русскоязычных избирателей. Кульминацией этой стратегии стало привлечение в качестве одной из ключевых фигур на парламентских выборах русскоязычной журналистки Виктории Ладынской[171]. Однако достигнутый эффект был практически нивелирован, когда перед выборами 2019 г. «Отечество» избрало своим главным лозунгом фразу “Isamaa on eesti keeles”, т.е. «Отечество

[170] Еремина Н.В., Середенко С.Н. Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств. СПб. : Алетейя, 2016. С. 84.

[171] Ладынская В. Политдневник. Таллинн : Petrone Print, 2015. С. 36–38.

на эстонском языке»: логично, что чувствительные русскоязычные избиратели увидели в этом потенциальную угрозу русскоязычному полю. На электоральных картах 2007–2019 гг. волости и уезды, где преобладали голоса за IRL, разбросаны в пространстве; интересно, что в 2019 г. большинство голосов было отдано за «Отечество» только в волости Йыгева уезда Йыгевамаа (см. рис. 2.3.3; что особенно удивляет, учитывая, что волостной старейшина Ааре Ольго, как и его предшественник Энн Кург, — центристы; вероятно, здесь как раз-таки сыграла свою роль определенная усталость от доминирования Центристской партии).

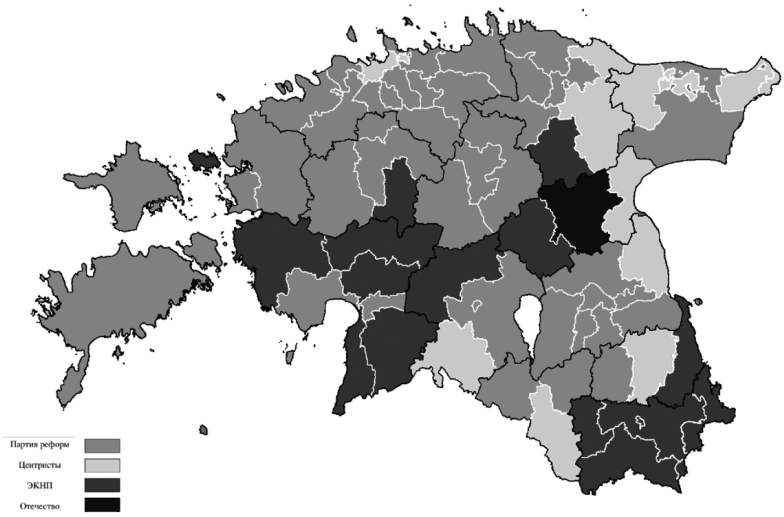


Рис. 2.3.3. Распределение голосования за основные партии на выборах в Рийгикогу 2019 г.

Источник: Estonian Legislative Election 2019 // Electoral Geography. 2019. URL: https://www.electoralgeography.com/new/en/estonia2019/2019-estonia-legislative-municipalities.png

Таллинский исследователь Т. Саартс считает возможным говорить о формировании в эстонском политическом поле «двух типов демократий», одна из которых, «националистическая оборонительная демократия», наследует традиции образованного в 1990 г. Эстонского комитета и характеризуется приоритетом ценностей национальной безопасности перед непосредственно демократическими, а также конфронтационной риторикой. Вторая же, «гражданская демократия», проистекает из традиции Народного фронта Эстонии, отдает приоритет демократическим ценностям и компромиссной риторике[172]. Первая «демократия» характерна для «Отечества», вторая — для центристов и социал-демократов.

Эстонская консервативная народная партия (Eesti Konservatiivne Rahvaerakond, EKRE, ЭКНП), которую уверенно можно классифицировать как правопопулистскую, возникла в 2012 году в результате слияния Эстонского народного движения (Eesti Rahvuslik Liikumine, ERL, ЭНД) и Эстонского народного союза (Eestimaa Rahvaliit, ЭНС). Партия отличается евроскептической, антииммигрантской, антироссийской и гомофобной риторикой; также лидеры ЭКНП упрекали правительство (до тех пор, пока не стали его частью) в «недемократической централизации управления и монополизации СМИ»[173]. Возглавил ЭКНП Март Хельме, ранее в том числе занимавший пост посла Эстонии в Российской Федерации. Партия активно эксплуатирует тезисы об «иммиграционной угрозе», «российской угрозе» и Европейском союзе, якобы пытающемся подорвать эстонский суверенитет. Особую роль в партии играет молодежное

[172] Saarts T. Kahest demokraatiamudelist ja Eesti poliitika tumikpingest // Vikerkaar. 2012. № 6. Lk. 80–82.

[173] Liivik E. Right-Wing Extremism and Its Possible Impact to the Internal Security of the Republic of Estonia // Proceedings of Estonian Academy of Security Sciences. 2015. № 14. P. 98.

крыло — «Синее пробуждение», которое служит эффективным инструментом рекрутирования правой молодежи. С момента образования ЭКНП ее электоральная привлекательность существенно возросла за счет популистских лозунгов (на карте 2015 г. в ее цвета окрашены лишь три волости: Мартна в уезде Ляэнемаа, Коонга в Пярнумаа и Орава в Пылвамаа, а в 2019 г. таких областей уже существенно больше; см. рис. 2.3.2 и 2.3.3), и в 2019 г. партия вошла в коалиционное правительство с центристами и партией «Отечество» (кабинет получил название EKREIKE — EKRE, Isamaa, KeskErakond).

Помимо ЭКНП, в эстонскую политику за последние пять лет вошли еще некоторые новые партии. Наиболее примечательные из них — это Свободная партия Эстонии и партия «Эстония 200». Свободная партия Эстонии (Eesti Vabaerakond) была создана в преддверии выборов 2015 г. и представляла собой партийную организацию, чьей целью было лишь привлечение голосов и прохождение в парламент; своеобразная «партия ради партии». Свободную партию основали «ветераны» IRL, недовольные объединением «Союза Отечества» и Res Publica и опасающиеся поражения на выборах — 2015[174]. Эксперты отмечали отсутствие у партии четкой идеологии[175], но приблизительно ее можно было бы охарактеризовать как правоцентристскую. В 2015 г., благодаря привлечению в свои ряды нескольких известных общественных деятелей, Свободная партия смогла получить места в Рийгикогу, но в 2019 г. она уже не сумела преодолеть 5%-ный порог.

---

[174] Ланко Д.А. Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 73.

[175] Jaagant U. On keegi näinud? Vabaerakond otsib oma maailmavaadet // Eesti Päevaleht. 2015. 15. Aug. URL: https://epl.delfi.ee/eesti/on-keegi-nainud-vabaerakond-otsib-oma-maailmavaadet?id=72205049

«Эстония 200» (Eesti 200) — также интересный пример сугубо предвыборного проекта. Партия была основана в 2018 г., ее название — аллюзия на отмечавшийся в том году столетний юбилей Эстонии. Названием подразумевается, что Эстония под руководством данной партии должна решить стоящие перед ней насущные проблемы и прийти к двухсотлетнему юбилею процветающей страной. Председателем партии стала политолог Кристина Каллас. Предвыборная агитация партии вызвала массу критики: на остановках общественного транспорта технологи «Эстонии 200» разместили надписи «Только для эстонцев» и «Только для русских», без пояснения того факта, что подобные обозначения — лишь элемент предвыборной кампании. Таким специфическим образом партия пыталась обратить внимание на сохраняющийся в стране раскол между крупными частями общества по этническому и языковому признаку; однако такой ход привел лишь к падению рейтинга партии в два раза[176]. В результате скандалов и отсутствия четкой позиции (помимо манихейского дискурса «за все хорошее») «Эстония 200» не смогла преодолеть порог парламентского представительства.

Самое крупное и заметное этническое меньшинство в Эстонии — это русские (сознательно избежим термина «русскоязычные» в силу его большей инклюзивности). При этом не стоит упускать из виду неоднородность русского населения Эстонии: это как потомки русских, проживавших в Эстонии до революции (из которых отдельной и достаточно представительной группой являются старообрядцы, поселившиеся в районе Чудского озера — в При-

[176] Епифанова М. «Прорусскость уже не такая проблема»: как прошли парламентские выборы в Эстонии, где победили националисты и оппозиция // Новая газета. 2019. 4 марта. URl: https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/04/79770-prorusskost-eto-uzhe-ne-takaya-problema

чудьи — в конце XVII века) и в период «первой» независимости (1918–1940), так и прибывшие в Эстонию после ее включения в состав СССР (и их потомки); наконец, определенный процент «эстонских русских» составляют эмигранты последних десятилетий.

Практически априорно возникающая при обсуждении русского населения Эстонии проблема негражданства — подмножество, с проблемой русских не совпадающее, так как, во-первых, из упомянутых эстонских русских она касается только тех, кто приехал в Эстонию после 1940 г. (и их потомков; притом далеко не всех), во-вторых, не все эстонские апатриды — этнические русские. По данным Департамента статистики Эстонии, в 2019 г. в стране проживает 328 299 русских (24,78% населения), из которых большая часть — в уездах Харьюмаа (184 600, включая столицу Таллин; 30,87% от населения уезда) и пограничном Ида-Вирумаа (101 248; 74,34% населения уезда)[177]; при этом на 1 января 2019 г. в стране проживало 76 148 апатридов. Числа явно несопоставимые. О процентном составе апатридов автору удалось обнаружить только данные 2011 г., но, учитывая неуклонную положительную динамику, они также свидетельствуют о несовпадении подмножеств «русские» и «неграждане» и нерелевантности соответствующего дискурса: в 2011 г. только 21,1% этнически русских жителей Эстонии имели «паспорт иностранца».

Сама же проблема «негражданства» возникла из-за того, что вернувшая себе независимость Эстония избрала правовой принцип континуитета (преемственности от республики 1918–1940 гг.), что подразумевало в том числе автоматическое предоставление гражданства только гражданам той

[177] Rahvastik soo, rahvuse ja maakonna järgi, 1. jaanuar // Eesti Statistika Andmebaas. 2019. URL: http://andmebaas.stat.ee/OECDStat_Metadata/ShowMetadata.ashx?Dataset=RV0222&Lang=et

самой республики и их прямым потомкам[178]; остальные же могли (и могут) либо получить гражданство, пройдя процедуру натурализации (окончательно формализованную лишь в 1995 г. с принятием новой редакции Закона о гражданстве), либо довольствоваться статусом «негражданина» (по-эстонски — «иностранца», välismaalane). В этом смысле Эстония во многом пошла по пути, схожему с латвийским (где также был сделан выбор в пользу континуитета и создан статус «неграждан» — nepilsoņi, однако перечень их прав гораздо меньше, чем в Эстонии), и отличному от литовского, где, в силу отсутствия значимого русскоязычного меньшинства (что, в свою очередь, объяснялось намного меньшими объемами внутренней миграции в Литву из РСФСР) был принят «нулевой вариант» гражданства. Отчасти решение о непредоставлении гражданства части населения было продиктовано (обоснованными) опасениями, что, получив электоральные права, столь крупное меньшинство сохранит ориентацию на бывший СССР и демократическим путем создаст препятствия к радикальному реформированию экономической и политической системы страны.

В связи с подобной ситуацией Эстонию и Латвию некоторые исследователи классифицируют как «этнократии» (концепт, в отечественной социологии развиваемый Ж.Т. Тощенко[179]) или «этнические демократии». Действительно, на первый взгляд эстонское общество подходит под базовое определение этнической демократии, которая, по словам С. Смухи, «отдает предпочтение [этническо-

[178] Подробнее см.: Полещук В. Неграждане в Эстонии. М. : Европа, 2005. 96 с.

[179] Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М. : РОССПЭН, 2003. С. 55. Также см.: Бузаев В.В., Никифоров И.В. Современная европейская этнократия: нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М. : Фонд «Историческая память», 2009. 280 с.

му] большинству и стремится удовлетворять его интересы, вместо того чтобы служить всем гражданам на равной основе»[180]. С этим соглашается и П. Ярве, утверждающий, что Эстония удовлетворяет всем критериям этнической демократии — «этнический национализм предшествует созданию государства, присутствует реальная или мнимая угроза этнической нации… большинство привержено демократии… численность меньшинства такова, что им реально управлять»[181]. Однако мы склонны полагать, что такая характеристика была в полной мере применима приблизительно до середины 2000-х годов. В настоящий момент, как мы стараемся в том числе продемонстрировать в рамках данной главы, эстонская нация находится в процессе перехода от эксклюзивной/этнической к инклюзивной/гражданской форме существования, и релевантность по отношению к ней термина «этническая демократия» может быть оспорена (в том числе принимая в расчет данные об объемах натурализации, представленности меньшинства в органах управления и национализации партийной системы). Тем не менее, несомненно, что в случае трех стран Балтии речь идет о запоздалом (заторможенном объективными причинами) проекте создания национального государства (“Nation State”) — как раз в тот период, когда данный концепт постепенно отмирает[182].

В контексте данной главы нас интересует прежде всего влияние негражданства на голосование. Влияния этого практически нет: неграждане (держатели т.н. «паспортов

---

[180] Smooha S. The Model of Ethnic Democracy: Israel as a Jewish and Democratic State // Nations and Nationalism. 2002. Vol. 8. № 4. P. 478.

[181] Järve P. Re-Independent Estonia // The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe. Budapest : European Center for Minority Issues, 2005. P. 64.

[182] Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза. М. : Аспект-Пресс, 2018. С. 194.

иностранца», välismaalase pass) не имеют права голосовать на национальных выборах (но имеют — на муниципальных, в отличие от Латвии). Поэтому упомянутая Центристская партия не может рассчитывать на голоса *всех* русских/русскоязычных, а только натурализовавшихся — то есть большей части русскоязычных. В свою очередь, для русских, прошедших процедуру натурализации (или получивших эстонское гражданство другими путями), их этнический статус уже не столь важен в определении электоральных предпочтений. Многие русскоязычные голосуют за другие партии, в то время как электорат центристов не ограничивается русскими: как отмечал в 2015 г., то есть до смены лидерства в партии, Д.А. Ланко, «хотя большинство русскоязычного населения Эстонии поддерживают на выборах Центристскую партию, русскоязычные избиратели есть и у практически всех прочих партий»[183]. Он же подсчитал, что по итогам выборов в Рийгикогу в 2015 г. «депутатский мандат получили 12 представителей русскоязычного населения страны, представляющие практически все политические партии»[184]. Несмотря на это, партия под руководством Э. Сависаара осознанно создала себе образ «прорусской», что, учитывая постепенное строительство гражданской нации «эстоноземельцев» (eestimaalased), включающей натурализованных русских, постепенно пытается исправить новый партийный лидер Ю. Ратас. Как и любой процесс трансформации публичного образа, это несет за собой как приобретения, так и потери, что мы и можем видеть на приведенных выше электоральных картах Эстонии последних лет. К примеру, в 2019 г., по сравнению с 2015 г., центристы потеряли в традиционно «своем» уезде Ида-Вирумаа крупнейшую во-

[183] Ланко Д.А. Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 67–68.

[184] Там же. С. 75.

лость Алутагузе (куда с 2017 г. вошли волости Алайыэ, Лисаку, Иллука, Мяэтагузе и Тудулинна; см. рис. 2.3.2 и 2.3.3). Примечательно, что основные «потери» центристов ушли к Партии реформ: русскоязычные натурализованные избиратели постепенно избавляются от «привычной» лояльности русофильской социал-демократии в пользу инклюзивного правого либерализма.

Интересно также взглянуть на результаты выборов в органы местного самоуправления, которые прошли в стране в 2017 г. и на которых, как было указано выше, имеют право голосовать неграждане. Первое место, в отличие от национальных выборов, все же получила Центристская партия (27,3% голосов), причем в Таллине она набрала 44,4% голосов, а в уезде Ида-Вирумаа — 52,9%. ЭКНП же не получила поддержки на северо-западе вообще, в Таллине — лишь 7% голосов, на национальном уровне — 6,7%[185]. Подобный разброс с результатами национальных выборов, состоявшихся двумя годами позднее, демонстрирует как различный подход избирателей к выборам разных порядков (исходя из функций, которые должны будут выполнять избранные кандидаты), так и консерватизм электоральных предпочтений категории населения, не имеющей права голоса на национальных выборах; с другой стороны, амплитуда также указывает на отсутствие прямой связи между результатами муниципальных и национальных выборов, особенно учитывая имеющийся временной лаг.

В числе основных причин изменений сложившихся региональных паттернов голосования за те или иные партии в Эстонии, как нам представляется, стоит назвать (1) коалиционное строительство, (2) появление новых партийных игроков.

---

[185] См.: Valimistulemused // Kohalikud Valimised 2017. URL: https://kov2017.valimised.ee/valimistulemus.html

Коалиция 2016 г. стала серьезным имиджевым ударом для партий-участниц. Традиционно центристы если и вступали в коалиционные переговоры, то только с умеренными игроками, позиционирующими себя ближе к центру; правая же IRL в основном рассматривала в качестве партнеров реформистов или умеренных социал-демократов. В ноябре же 2016 г. было сформировано первое правительство Юри Ратаса — из министров, представляющих Центристскую партию, Социал-демократическую партию и «Союз Отечества». Многие избиратели, рассматривавшие центристов как электоральный оплот русскоязычного населения, в заключении договора с воспринимающейся как сугубо правая и даже националистическая партией «Союз Отечества» увидели предательство собственных интересов. «Сработало» это и наоборот — для избирателей правых, которых разочаровал общий кабинет с «пророссийскими» центристами. Не стоит переоценивать роль конкретной коалиции в деле размытия электоральных паттернов: ведь центристы уже до этого потеряли часть электората, сменив популярного лидера Э. Сависаара на молодого технократа Ю. Ратаса, который к тому же объявил недействительным договор своей партии с «Единой Россией» и назвал присоединение Крыма к России оккупацией. Так же и часть «ястребов» национальной эстонской идеи, голосовавшая за «Союз Отечества», была разочарована примирительной риторикой своей партии. Существенные части обеих групп граждан на следующих парламентских выборах проголосовали за Эстонскую консервативную народную партию.

Здесь первый предложенный нами фактор встречается со вторым. Новые правые партии (точнее, партия — как мы уже сказали ранее, Свободная партия фактически не пережила последнюю каденцию) удачно сыграли на определенном разочаровании части электората традиционных «зубров»

и смогли на выборах 2019 г. существенно их потеснить. Собственно, определенный вес ЭКНП набрала еще на предыдущих парламентских выборах 2015 г., но тогда ее процент во многом определялся антииммиграционными настроениями, которые партия успешно эксплуатировала. Благодаря же политике своих партнеров по политическому полю, к 2019 г. ЭНКП превратилась в такую политическую силу, с которой невозможно не считаться. На волне разочарования «старыми» партиями на сцену выходят национал-популисты, готовые громкими лозунгами привлекать как национал-консерваторов, так и русскоязычных. Не случайно еще в 2016 г. представителям ЭКНП в Рийгикогу на Рождество подарили кусок паркета: так было обыграно эстонское слово parketikõlblik, букв. «пригодный для паркета», «рукопожатный».

В этом смысле столь обширно критикуемое решение лидера центристов Ратаса заключить с национал-популистами коалиционный договор было во многом оправдано: с точки зрения многих теоретиков правого популизма, попав в правительство, популистская партия сталкивается с невозможностью выполнить свои громкие обещания и теряет популярность (или же, напротив, приобретя дополнительную ответственность, отказывается от радикальных установок[186]), в то время как в оппозиции ее влияние только растет благодаря образу жертвы, обнесенной «санитарным кордоном». Однако эта стратегия работает не везде: к примеру, если в Финляндии подобный маневр удался, то в Австрии к провалу правых привела не неспособность выполнить обещания, а громкий политический скандал — так называемый Ibiza-Gate.

[186] Krause W., Wagner A. Becoming part of the gang? Established and nonestablished populist parties and the role of external efficacy // Party Politics. 2019. Vol. 25. № 5. P. 20.

Особого внимания заслуживает способность ЭНКП привлечь голоса русскоязычных избирателей. А. Макарычев и В. Сазонов отмечают инклюзивную стратегию по отношению к русскоязычному меньшинству у отдельных функционеров ЭКНП, которые рассматривают русскую общину как возможного «союзника» в антииммигрантских кампаниях и как возможный электоральный ресурс[187]. Значимость «российской угрозы» при этом не преуменьшается, но партийные лидеры стремятся дискурсивно разделить местных русских (как часть эстонского электората) и гипотетически враждебную Российскую Федерацию[188].

Как бы то ни было, на настоящий момент, разумеется, мы не располагаем электоральной картой следующего избирательного цикла, но можем предположить, что традиционные карты, знакомые нам с 2007 г., еще более «размоются» за счет включения существенных участков голосования за ЭНКП (и за возможные новые партии, которые возникнут в преддверии выборов 2023 г.), а также за реформистов, отстраненных центристами от участия в правительстве. Если часть избирателей, «скрепя сердце», «простила» Центристской партии коалицию с правыми консерваторами, то коалиции с откровенными правыми популистами, которых даже обвиняют (не вполне обоснованно) в пронацистских симпатиях, ортодоксальный центристский электорат терпеть не готов. Из партии даже демонстративно вышел старейшина Пыхья-Таллина Раймонд Кальюлайд; о готовности покинуть ряды центристов заявил и ветеран партии Владимир

[187] Makarychev A., Sazonov V. Populisms, popular geopolitics and the politics of belonging in Estonia // European Politics and Society. 2019. Vol. 20. № 3. P. 454.

[188] Petsinis V. Contentious politics in the Baltics: the ‘new’ wave of right-wing populism in Estonia // Open Democracy. 2016. 28 Apr. URL: https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/vassilis-petsinis/contentious-politics-in-baltics-new-wave-of-right-wing-populism

Вельман (правда, угрозу свою он не выполнил). По последним опросам, скандалы, произошедшие в первые месяцы работы второго кабинета Ратаса, привели к тому, что поддержка центристов гражданами снизилась до лишь 17,8%, а Партии реформ (победителя выборов, возможность коалиции с которой Ратас отверг, что привело к формированию шаткого правительства с участием правых популистов) — выросла до рекордных 38,5%[189]. В январе 2021 г. правительство Ю. Ратаса ушло в отставку и был сформирован двухпартийный кабинет центристов и реформистов. Очевидно, что Ю. Ратас исходил в том числе из «обновленного» рейтинга Партии реформ.

Таким образом, ключевую роль в эстонской политике играют на настоящий момент пять партий, представленных в Рийгикогу: Центристская партия, Партия реформ, «Отечество», Социал-демократическая партия и Эстонская консервативная народная партия. Из нескольких новых партийных проектов, образованных в последние годы, только ЭКНП стала успешной, притом успешной настолько, чтобы войти в состав коалиционного правительства (где была представлена до января 2021 г.). Этнический фактор русского меньшинства (и идущий с ним рука об руку фактор близости к эстонско-российской границе), хотя и весьма существенный для политического развития страны, в электоральной сфере играет все меньшую роль: русскоязычные натурализовавшиеся избиратели постепенно переходят от устойчивого голосования за Центристскую партию к другим партиям, прежде всего к Партии реформ, что является одним из признаков консолидации и становления гражданского общества

[189] Ummelas O. Estonia Government Nears Collapse After Nationalist Party Targets Police Chief // Bloomberg. 2019. 16 Aug. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-16/nationalist-targeting-police-chief-has-estonia-staring-at-crisis

Эстонии на общегражданских, а не на этнических принципах. К тому же межгосударственное и межмуниципальное сотрудничество в районе российско-эстонской границы не отличается высокой интенсивностью, соответственно, не так высока и концентрация трансграничных социальных контактов в данном регионе; следовательно, влияние «соседства» на электоральное поведение неуклонно ослабевает. На последних парламентских выборах (2019 г.) стало очевидно, что социал-демократы, «Отечество» и центристы постепенно теряют позиции в традиционно «принадлежавших» им волостях и уездах, но не за счет новых партий (фактор наличия которых также играет свою роль, но не является определяющим), а за счет издержек работы последних коалиционных правительств, чей состав оказался достаточно неожиданным для верных избирателей соответствующих партий и повлиял на электоральную лояльность.

Учитывая данные последних социологических опросов, можем предположить, что электоральная карта Эстонии будет изменяться и далее, уходя от традиционных паттернов в силу трансформации партийного дискурса и самой партийной системы. В свете изложенного представляется, что в настоящий момент на повестке дня для исследователей партийной системы Эстонии и других стран ЦВЕ стоит развитие междисциплинарных исследований с применением максимально широкого методического инструментала, включающего методы электоральной географии, статистики, критического анализа дискурса, ивент- и сентимент-анализа и др. Лишь путем подобного методического синтеза возможно адекватно отразить всю палитру институциональных и дискурсивных трансформаций партийно-политических систем в данном регионе.

Список литературы

Бузаев В.В. Современная европейская этнократия: нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / В.В. Бузаев, И.В. Никифоров. — Москва : Фонд «Историческая память», 2009. — 280 с.

Епифанова М. «Прорусскость уже не такая проблема»: как прошли парламентские выборы в Эстонии, где победили националисты и оппозиция / М. Епифанова // Новая газета. 2019. — 4 марта. — URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/04/79770-prorusskost-eto-uzhe-netakaya-problema (дата обращения: 25.03.2022).

Еремина Н.В. Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств / Н.В. Еремина, С.Н. Середенко. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2016.

Ладынская В. Политдневник / В. Ладынская. — Таллинн : Petrone Print, 2015. — С. 36–38.

Ланко Д.А. Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов / Д.А. Ланко // Балтийский регион. — 2015. — № 2 (24).

Полещук В. Неграждане в Эстонии / В. Полещук. — Москва : Европа, 2005. — 96 с.

Самородний О. Бремя полуверок: особенности русской политики в Эстонии / О. Самородний. — Таллинн : Vali Press, 2012. — 207 с.

Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки / Ж.Т. Тощенко. — Москва : РОССПЭН, 2003.

Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза / А.И. Тэвдой-Бурмули. — Москва : Аспект-Пресс, 2018.

Jaagant U. On keegi näinud? Vabaerakond otsib oma maailmavaadet / U. Jaagant // Eesti Päevaleht. — 2015. — 15. Aug. — URL: https://epl.delfi.ee/eesti/on-keegi-nainud-vabaerakond-otsib-oma-maailmavaadet?id=72205049 (дата обращения: 15.03.2022).

Järve P. Re-Independent Estonia / P. Järve // The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe. — Budapest : European Center for Minority Issues, 2005.

Kaitsepolitseiameti käskkiri. — 21.12.2010. — № 98T.

Krause W. Becoming part of the gang? Established and nonestablished populist parties and the role of external efficacy / W. Krause, A. Wagner // Party Politics. — 2019. — Vol. 25. — № 5.

Liivik E. Right-Wing Extremism and Its Possible Impact to the Internal Security of the Republic of Estonia / E. Liivik // Proceedings of Estonian Academy of Security Sciences. — 2015. —№ 14. — P. 98.

Makarychev A. Populisms, popular geopolitics and the politics of belonging in Estonia / A. Makarychev, V. Sazonov // European Politics and Society. — 2019. — Vol. 20. — № 3. — P. 454.

Petsinis V. Contentious politics in the Baltics: the 'new' wave of right-wing populism in Estonia / V. Petsinis // Open Democracy. — 2016. — 28 Apr. — URL: https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/vassilis-petsinis/contentious-politics-in-baltics-new-wave-of-right-wing-populism (дата обращения: 15.03.2022).

Saarts T. Kahest demokraatiamudelist ja Eesti poliitika tumikpingest / T. Saarts // Vikerkaar. —2012. — № 6.

Smooha S. The Model of Ethnic Democracy: Israel as a Jewish and Democratic State / S. Smooha // Nations and Nationalism. — 2002. — Vol. 8. — № 4. — P. 478.

Toomla R. Eesti erakonnad 2000–2010 / R. Toomla. — Tartu : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. —250 lk.

Ummelas O. Estonia Government Nears Collapse After Nationalist Party Targets Police Chief / O. Ummelas // Bloomberg. — 2019. — 16 Aug. — URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-16/nationalist-targeting-police-chief-has-estonia-staring-at-crisis (дата обращения: 25.03.2022).

2.4. Латвия

Латвийский парламент — Сейм — является однопалатным и состоит из ста депутатов, которые избираются по пропорциональной системе раз в четыре года в пяти избирательных округах (Рига, Видземе, Курземе, Земгале и Латгалия). Чтобы получить представительство в парламенте, партия должна преодолеть 5%-ный барьер.

Рис. 2.4.1. Электоральные округа в Латвии согласно «Закону о выборах в Сейм»[190]: Курземе, Земгале, Рига, Видземе и Латгалия

Распределение мандатов ведется по методу Сент-Лагю, когда места распределяются последовательно и на каждом

[190] Закон о выборах в Сейм в редакции 2022 года. Портал правовых актов Латвийской Республики // Likumi.lv. URL: https://likumi.lv/ta/id/35261-saeimas-velesanu-likums.

шаге место отдается той партии, которая имеет самую большую квоту, вычисляемую по специальной формуле, а потом квота пересчитывается с учетом нового количества полученных мест. В отличие от метода д'Ондта, при подсчете по методике Сент-Лагю крупные партии преимущества не получают.

Голосование одобрительно-неодобрительное, то есть избиратели могут не только выбрать партию, но и поставить плюсы или минусы около фамилий соответственно предпочтительных и нелюбимых кандидатов, повлияв на их итоговое положение в списке и, соответственно, прохождение в парламент. Надо сказать, латвийцы этой возможностью активно пользуются, приводя к победе кандидатов даже из конца списка (пример — Алдис Гобземс на выборах 2018 года) и, наоборот, лишая места в парламенте видных членов партий, которые пользуются плохой репутацией (пример — Солвита Аболтиня на выборах 2014 года).

На протяжении вот уже трех десятилетий с момента восстановления независимости основным свойством общественной структуры и партийно-политического ландшафта Латвии остается острый этнолингвистический раскол между латышским большинством и русскоязычным меньшинством. Хотя русскоязычные составляют более трети населения страны, партии, их представляющие, не допускаются до формирования правительства, даже если получают на выборах больше всех остальных политических сил.

Стоит отметить, что не все русскоязычные допущены к политическому участию, поскольку многие из них остаются негражданами — это особый статус постоянных жителей, не имеющих доступа к целому ряду прав, включая базовое политическое право избирать и быть избранными. В начале 1990-х новая правящая элита независимой Латвии решила восстановить действие Конституции 1922 года и ав-

томатически дать гражданство только тем, кто был гражданами первой Латвийской Республики до 17 июня 1940 года, и их потомкам. Остальные — треть постоянных жителей страны — оказались негражданами. Изначально статус задумывался как временный, но спустя почти тридцать лет каждый десятый латвиец остается негражданином[191].

В итоге русскоязычные составляют около 36%[192] населения страны, но лишь около 27%[193] граждан Латвии, что искусственно ограничивает электорат партий, опирающихся на это этнолингвистическое меньшинство. В то же время, хотя сами неграждане не имеют право ни баллотироваться в выборные органы, ни голосовать ни на одном из уровней (в отличие от неграждан Эстонии, которые могут голосовать на местных выборах), проблематика негражданства остается важной линией размежевания для латвийской политики.

Однако еще более существенное влияние на партийно-политическую структуру имеют «красные линии» латышской элиты, которая (по крайней мере на общенациональном уровне) не допускает сотрудничества с «русскими» партиями.

---

[191] Iedzīvotāju skaits un īpatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā // Centrālā statistikas pārvalde. URL: https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/tabulas/ire060-iedzivotaju-skaits-un-ipatsvars-pec (дата обращения: 30.09.2021).

[192] 60,8 % Latvijas iedzīvotāju dzimtā valoda ir latviešu // Centrālā statistikas pārvalde. URL: https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/meklet-tema/2747-608-latvijas-iedzivotaju-dzimta-valoda-ir-latviesu (дата обращения: 30.04.2021).

[193] Последние данные на этот счет относятся к переписи 2011 года, однако можно допустить, что они мало изменились, поскольку темпы натурализации остаются крайне низкими.

Tautas skaitīšana. Galvenie rādītāji // Centrālā statistikas pārvalde. URL: https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/tautas-skaitisana/galvenie-raditaji/latvija-2011-gada-1-marta-dzivoja-2-070 (дата обращения: 30.04.2021).

Из-за этого после каждых парламентских выборов волеизъявление четверти электората фактически игнорируется.

Такое положение дел имеет целый ряд негативных последствий. Во-первых, маргинализированный статус мешает консолидации русскоязычных политических сил. (Впрочем, здесь свою роль играют и амбиции их лидеров). Как отмечал Я. Икстенс[194], усугубляет ситуацию тот факт, что перспектив попасть в правительство у этих партий не появится, пока ценностный разрыв между латышами и русскоязычными не исчезнет, и спустя десятилетия каких-то значимых подвижек в этом плане не наблюдается.

Во-вторых, отсечение столь значительной части электорального поля расшатывает положение партий латышского мейнстрима, которые вынуждены идти на серьезные компромиссы и формировать неустойчивые коалиции[195]. Всего за тридцать лет независимости в Латвии прошло десять парламентских выборов, но сменилось уже два десятка правительств, и какой-то тенденции к стабилизации не наблюдается.

В-третьих, столь упорное игнорирование мнения около четверти избирателей, когда победитель выборов раз за разом не попадает в правительство, в сочетании с объединением в рамках одного правительства идеологических противников, неспособных в таких условиях выполнять свою предвыборную программу, последовательно подрывает доверие общества к политической системе. Как отмечает

[194] Ikstens J. Eastern Slavic Political Parties in Latvia // Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions / Ed. by Nils Muižnieks. Riga, 2006. P. 41–52.

[195] Окунев И.Ю., Жирнова Л.С. Этнический раскол в электоральном поведении Латвии // Обозреватель — Observer : научно-аналитический журнал. 2019. № 11 (358). С. 78–90.

В.В. Воротников[196], недовольство правящими политиками стимулирует аполитичность, которая проявляется в последовательном снижении явки на выборах. Если в 1993 году она составляла 91,2%, то в 2010 году только 63,12% избирателей пришли на участки, а минимум явка составила в 2018 году — 54,6%. Обострение украинского кризиса в 2022 году переломило эту тенденцию, и осенью 2022 года на парламентских выборах проголосовали 59,4% избирателей, что сопоставимо с уровнем 2011 года, но насколько устойчивым будет это изменение, можно будет судить только в следующем электоральном цикле.

Рис. 2.4.2. Явка на парламентских выборах в Латвии с 1990 по 2022 г.

Перечисленные факторы создают благодатную почву для появления новых партийных проектов, преимущественно

[196] Воротников В.В. Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 5 (5). С. 85–90.

популистского толка, стимулируя и без того большую фрагментацию политического поля. По классификации Дж. Сартори[197], латвийскую партийную систему можно охарактеризовать как систему умеренного плюрализма, но тенденция к ее фрагментации нарастает. Достаточно сказать, что после выборов 2018 года в парламент вошли семь партий, из которых пять сформировали правительство, а в 2022 году на места в парламенте претендовало рекордное число политических сил — 19, и многие из них не смогли укомплектовать списки полностью.

На высокую фрагментацию партийной системы указывают и значения индексов эффективного числа парламентских партий, рассчитанные[198] по методикам Лааксо-Таагеперы (11,8) и Голосова (5,4) (на основе результатов выборов 2018 года). Индекс Голосова ниже, поскольку при его расчете меньший вес придается тем партиям, которые значительно уступают победителю выборов, что особенно актуально для Латвии, где отрыв от победителей выборов является большим и многие партии балансируют на грани пятипроцентного барьера.

Географический фаворитизм электоральной системы является низким, поскольку пропорциональное голосование не дает преимущества крупным общенациональным партиям с равномерным территориальным распределением электората или локальным партиям с большим влиянием в конкретных регионах. Однако одобрительно-неодобрительное голосование не только несколько повышает географический фаворитизм, но и закрепляет этнолингвистический раскол, поскольку регулярно фиксируются случаи, когда избиратели

[197] Sartori G. Parties and Party Systems. ECPR Press, 2005. P. 111–112.

[198] Golosov G.V. The Effective Number of Parties: A New Approach // Party Politics. 2010. № 16 (2). P. 171–192. DOI:10.1177/1354068809339538

опускают в списке «латышской» партии кандидатов с русскими фамилиями, и наоборот.

В случае Латвии, вероятно, можно говорить о консенсуальном эффекте соседства — классическом типе эффекта соседства, усиливающем голосование за доминирующую в регионе партию. Примером такого голосования может быть десятилетний контроль партии «Согласие» над Ригой, когда за нее стали голосовать не только русскоязычные избиратели, но и латыши. Косвенным указанием на превалирование именно такого эффекта соседства может являться тот факт, что эффект соседства при голосовании за большинство латвийских партий растет по мере роста их популярности.

Латвийские выборы и партийная система регулярно становятся предметом научного интереса латвийских и российских исследователей, причем именно этнолингвистический раскол оказывается в центре внимания. Так, уже упомянутый Я. Икстенс и И. Балцере[199] отмечают, что в латвийском общественно-политическом дискурсе традиционное деление партий на левые и правые зачастую лишено того смысла, который оно имеет в западных странах, и определяется в первую очередь по той же принадлежности к условно «русским» и «латышским» партиям: «русские» партии определяются как левые и лево-центристские, а «латышские» — как правые или правоцентристские[200].

---

[199] Ikstens J., Balcere I. Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity // Coalition Governance in Central Eastern Europe / eds. G. Ilonszki, T. Bergman, W.C. Muller. Great Britain : Oxford University Press, 2019. P. 252–302.

[200] В связи с этим классификация партий, использованная в этой книге, может не совпадать с привычной для латвийских читателей, поскольку она опирается на гарвардское «Глобальное исследование партий», а не на общепринятые в Латвии обозначения.

Ту же особенность фиксирует и В. Воротников[201], который пишет, что партии левоцентристского толка, которые на протяжении всех десятилетий независимости находились в оппозиции, ассоциируются в Латвии не столько с альтернативной социально-экономической программой, сколько с «пророссийскостью».

Стоит отметить, что не только этнический раскол в обществе предопределяет размежевание партий по этому признаку, но и партийные элиты охотно мобилизуют этнические лозунги в политической борьбе. Как показало исследование Бригиты Зепы и Инесе Шупуле[202], активное использование подобной риторики политиками остается одним из основных катализаторов этнического напряжения в обществе. За прошедшие десятилетия в этом плане мало что поменялось. Более того, как показало исследование Р. Накаи[203], именно в преддверии выборов наблюдается рост национализма как среди представителей этнических меньшинств, так и у латышского большинства, то есть этнический раскол только обостряется.

В то же время Юрис Розенвалдс[204] в начале 2000-х гг. фиксировал тенденцию к «дегерметизации» правящей элиты в Латвии и видел перспективы большего допуска

---

[201] Воротников В.В. Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 5 (5). С. 85–90.

[202] Zepa B. Šūpule I. Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord // Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions / Ed. by Nils Muižnieks. Riga, 2006. P. 33–40.

[203] Nakai R. Does Electoral Proximity Enhance National Pride? Evidence from Monthly Surveys in a Multi-ethnic Society — Latvia // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2018. P. 198–220.

[204] Розенвалдс Ю. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. № 3 (3/9/). С. 149–161. URL: https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-149-161

представителей национальных меньшинств к управлению государством, особенно на фоне некоторого дистанцирования меньшинственных партий от Москвы. Однако на фоне обострения геополитического противостояния между Россией и Западом, в последних электоральных циклах латышские политические силы вновь и вновь доказывали существенность красных линий против допуска того же «Согласия» в правительство, так что подобная «дегерметизация», вероятно, не будет быстрой.

Андрей Солопенко[205] отмечает еще одну особенность партийно-политического ландшафта: на этнолингвистический фактор голосования в Латвии накладывается размежевание между сельскими и городскими электоральными округами, поскольку русскоязычные расселены по стране неравномерно и концентрируются в основном в крупных городах, тогда как латыши живут и в городах, и в сельской местности. Исключение здесь составляют латгальские сельские регионы у границы с Россией и Беларусью, где доля нелатышского населения также традиционно велика.

При этом, как фиксируют Адам Немет и Золтан Довеный[206], Нацобъединение, продвигающее идею «латышской Латвии», более популярно не только в этнически гомогенных самоуправлениях с преобладанием латышского населения, но и в этнически гетерогенных городах с большой долей нелатышских жителей — здесь местные латыши склонны поддерживать этнонационалистический проект Нацобъединения. При этом в сельской местности такой

[205] Солопенко А.В. Электоральное поведение жителей Латвии на парламентских выборах 1993–2011 гг. LAP Lambert Academic Publishing, 2014. P. 30.

[206] Németh Á, Dövényi Z. Patterns of Ethnic Homogenisation, Fragmentation and Polarisation and the Vote Shares for Nationalist Parties in Latvia // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71. № 5. P. 774–804. DOI: 10.1080/09668136.2019.1604945.

жесткой поляризации и стремления латышей поддержать идею «латышской Латвии» уже не наблюдается.

Рис. 2.4.3. Перцентильная карта расселения русских в Латвии, 2020 г.

Андрей Мелешевич[207] проанализировал электоральную географию в Латвии, Литве, Эстонии, России и на Украине и выделил регионы, которые показывают устойчивую тенденцию к голосованию, отличному от общестранового. В Латвии таким регионом является Латгалия, регион у границы с Россией и Беларусью, в котором большинство населения говорят дома по-русски. Закономерно, что именно здесь силы, выступающие в защиту прав русскоязычных, набирали больше всего голосов.

[207] Meleshevich A. Geographical Patterns of Party Support in the Baltic States, Russia, and Ukraine // European Urban and Regional Studies. 2006. № 13 (2). P. 113–129.

При этом Янису и Юрису Пайдерсу[208] не удалось установить значимого эффекта близости российской и белорусской границы при голосовании в Латгалии на парламентских выборах 2010 года: вторым по значимости фактором электорального поведения после этнического они называют личностный — отдельных ярких кандидатов в округах.

Если давать характеристику пяти последним электоральным циклам, следует отметить тенденцию к росту числа партий, которые проходят в парламент. После выборов 2010 и 2011 года представительство в Сейме получали по пять партий, по результатам голосования в 2014 году — 6 партий, в 2018 году — уже 8 партий. В 2022 году в парламент прошло 7 политических сил, но еще двум не хватило буквально нескольких сотен голосов, чтобы преодолеть 5%-ный барьер. Выросло и число подаваемых списков: по 13 в 2010, 2011 и 2014 году, в 2018 году — 16, в 2022 году — 19.

Выборам 10-го Сейма, состоявшимся в 2010 году, предшествовала консолидация на правоконсервативном фланге, вызванная растущей популярностью «Центра согласия», опирающегося на русскоязычный электорат. На базе трех политических сил — «Новое время», «Гражданский союз» и «Общество за другую политику» — была создана партия «Единство». Консолидировались и латышские националисты — за три месяца до голосования партии «Все — Латвии» и «Отечество и Свобода» / Движение за национальную независимость Латвии образовали предвыборный союз Национальное объединение ВЛ-ТБ/ДННЛ. Также на объединение пошла Латвийская первая партия / Латвийский путь (ЛПП/ЛП), которая слилась с ветераном латвийской

[208] Paiders J., Paiders J. EU border proximity effect on political choice in parliamentary elections of Latvia // Regional Formation and Development Studies. 2014. DOI: http://dx.doi.org/10.15181/rfds.v9i1.59

политики Народной партией и с несколькими региональными силами.

Предвыборная кампания проходила на фоне экономического кризиса и обсуждения связанной с ним «революции булыжников» — массовых беспорядков 2009 года. На выборах победило «Единство» (31,22% голосов), которое стало главной партией власти в Латвии на много лет и является ей и сейчас.

Однако с 2010 по 2022 год этой партии уже не удавалось набрать больше всего голосов — на выборах 2011, 2014 и 2018 года она уступала первенство «Согласию», которое в правительство так ни разу и не попало.

Десятому Сейму не удалось проработать даже года. На фоне экономических проблем и недовольства населения президент Валдис Затлерс неоднократно поднимал вопрос о роспуске Сейма еще в 2009 году, а когда в 2011 году недавно избранный созыв парламента отклонил запрос прокуратуры на обыск у депутата Айнарса Шлесерса, президент заявил о том, что Сейм потерял доверие народа и инициировал референдум о роспуске парламента, который оказался успешным — 94,5% проголосовавших высказались за.

Новая предвыборная кампания прошла под лозунгом «борьбы с олигархами», в том числе и со Шлесерсом, и в итоге его партия, стартовавшая под брендом Партия реформ Шлесерса ЛПП/ЛП, не преодолела 5%-ный барьер. Победил «Центр согласия» (28,37%), на втором месте на фоне роста популярности президента, распустившего парламент, оказалась Партия реформ Затлерса (20,82%). Премьерская партия «Единство» столкнулась с резким снижением поддержки и довольствовалась третьим местом (18,83%), что, впрочем, не помешало ей вновь получить пост премьера и сформировать правительство без двух партий, обогнавших ее на голосовании.

Так как 11-й Сейм был внеочередным, он проработал три года вместо четырех. За это время депутаты успели разрешить двойное гражданство, а также дополнили конституцию (Сатверсме) преамбулой, где закрепили цель латвийского государства — гарантировать существование и развитие латышской нации, ее языка и культуры. Внесению преамбулы в основной закон предшествовал провал референдума о придании русскому языку статуса второго государственного, после которого латышская правящая элита практически полностью перестала считаться с русскоязычным меньшинством. Именно на преамбулу к Сатверсме впоследствии ссылался Конституционный суд при рассмотрении исков русскоязычных активистов, когда признал конституционным выдавливание русского языка из всех уровней образования в Латвии.

Период работы 11-го Сейма омрачила страшная трагедия — обрушение торгового центра Maxima 21 ноября 2013 года в рижском микрорайоне Золитуде, унесшее жизни 54 человек. Премьер-министр Валдис Домбровскис («Единство»), возглавлявший правительство с марта 2009 года, взял на себя политическую ответственность за случившиеся и покинул свой пост. Его заменила представительница его же партии Лаймдота Страуюма, которая продолжила возглавлять правительство и после выборов 2014 года.

На выборах в 12-й Сейм в 4 октября 2014 года победила партия «Согласие», правда, получила она немного меньше, чем в 2011 году — 23%. «Единство», оказавшееся на втором месте, отстало незначительно, получив 21,87%, и без особых проблем сформировало правительство с Союзом зеленых и крестьян и Нацблоком. Правда, в 2016 году в результате внутренних интриг «Единство» уступило премьерский пост СЗК.

Работа 12-го Сейма запомнилась образовательной реформой 2018 года, положившей конец билингвальному

образованию в школах и русскоязычным программам в вузах, в том числе и в частных. Более того, правила кабмина сделали латышский основным языком общения в дошкольных учреждениях вне зависимости от пожеланий родителей.

На выборах в 13-й Сейм 6 октября 2018 года вновь победила партия «Согласие», правда, набрала еще меньше, чем в прошлый раз — 19,8%. На второе место за счет популистской риторики и общего разочарования электората в правящей элите вышла партия актера Артусса Кайминьша KPV LV (от Kam pieder valsts? — «Кому принадлежит государство?»), но не прошло и двух лет, как она развалилась. Новый созыв Сейма был очень раздробленным, в него прошли сразу семь партий, а с учетом нежелания допускать в правительство «Согласие» задача по созданию правительства оказалась особенно сложной — в итоге на это ушли рекордные 109 дней. После нескольких неудачных попыток претендентов от других партий правящую коалицию возглавил теперь уже бывший евродепутат Кришьянис Кариньш, представлявший то же самое «Единство» (которое на этих выборах стартовало с приставкой «Новое», объединившись с несколькими региональными партнерами). И это при том, что «Новое Единство» получило всего 6,69% — меньше всех среди партий, прошедших в парламент. В правительство вошли пять партий, которые нещадно конкурировали между собой в преддверии выборов, а это обостряло.

На период работы 13-го Сейма выпали два масштабных кризиса — пандемия коронавируса и обострение украинского конфликта. Правительство Кариньша в этот период отметилось тенденцией к нарушению регламентов и игнорированию оппозиции. Режим чрезвычайной ситуации, введенный из-за пандемии, позволил с минимальным публичным обсуждением провести ключевое преобразование как с точки

зрения будущего развития страны, так и в контексте электоральной системы — административно-территориальную реформу с троекратным сокращением числа муниципалитетов. Однако из-за недостатка дискуссий о границах новых регионов в преддверии реформы, после ее принятия многие самоуправления обратились в Конституционный суд, и некоторые из их жалоб были удовлетворены, так что окончательное преобразование административно-территориального деления затянулось на годы.

Этнолингвистический вопрос оставался ключевым для работы 13-го Сейма. Одно из знаковых решений в этот период — принятие закона об автоматическом предоставлении гражданства Латвии детям неграждан, который остановил воспроизводство этой категории населения с 1 января 2020 года. Однако большинство решений парламентариев были связаны с дальнейшим ограничением прав русскоязычных, и особенно такая деятельность ускорилась в 2022 году на фоне обострения украинского кризиса. Именно в этот период русский язык был окончательно вычеркнут из системы образования, в том числе частного, были ограничены русскоязычные СМИ, было начато вытеснение русского языка из сферы рекламы и обслуживания клиентов. Под занавес работы Сейма было принято решение ужесточить правила получения и продления ВНЖ для граждан России и Беларуси, в том числе заставить около 20 000 бывших граждан и неграждан Латвии, получивших российское гражданство, сдать экзамен по латышскому языку, притом что речь во многом шла о пожилых людях, которые постоянно проживали в Латвии и взяли российское гражданство, чтобы раньше выйти на пенсию.

Выборы в 14-й Сейм 1 октября 2022 года прошли на фоне жесткой антироссийской риторики латвийских властей и необычайной раздробленности русскоязычного

электората. Обострение украинского кризиса значительно трансформировало положение многих партий в латвийском электоральном ландшафте. Если в предшествующие рассмотренные циклы фактическим монополистом на русскоязычном поле оставалось «Согласие», что позволяло ему набирать больше всех остальных партий, в этот раз оно даже не смогло преодолеть 5%-ный барьер, набрав 4,81% голосов. Популярность партии начала падать задолго до 2022 года, но решение осудить действия России на Украине и глубокий кризис лидерства привели к провалу на выборах. За голоса русскоязычных в этот раз конкурировали четыре «русских» партии, однако наиболее успешной из них оказалась «Стабильность!» — популистский проект бывшего муниципального депутата от «Согласия» Алексея Росликова, получивший 11 мест в парламенте. При этом значительная доля голосов русскоязычных ушла «латышским» партиям, в особенности СЗК, «Латвия на первом месте» и «Прогрессивным».

Среди других тенденций голосования следует отметить решительное лидерство «Нового Единства», которому удалось набрать почти 19% голосов, получить контроль над 26 депутатскими креслами и вновь возглавить правительство, но теперь уже в составе коалиции всего трех партий, а не пяти, как в прошлый раз. По-видимому, голосуя за премьерскую партию, избиратели выразили свое стремление к стабильности и по крайней мере частичное одобрение курса премьера Кришьяниса Кариньша в период пандемии.

Следует отметить также укрепление в парламенте партий, связанных с «олигархами», — среди прошедших в парламент их оказалось минимум три. Две — это осколки Союза зеленых и крестьян: та его часть, которая поддержала кандидатуру опального экс-мэра Вентспилса Айварса Лембергса на пост премьера и сохранила прежнее имя, смогла получить второе место на выборах и 12,4% голосов. Дру-

гая часть, слившаяся с Объединением регионов и связываемая с именем другого крупного бизнесмена, экс-премьера Андриса Шкеле, заняла третье место и вошла в правящую коалицию вместе с «Новым Единством» и Национальным объединением. Третий известный латвийский «олигарх» Айнарс Шлесерс на выборах 2022 года успешно прошел в парламент со своей новой партией «Латвия на первом месте», электорат которой, согласно опросу фонда Providus[209], более чем наполовину составили русскоязычные. Такое доверие избирателей партиям, так или иначе связанным с «олигархами», может свидетельствовать об усталости от громких геополитических лозунгов и желании сосредоточить усилия правительства на экономических вопросах на фоне обостряющегося кризиса.

Рассмотрим пространственные зависимости в голосовании за латвийские партии в последние пять электоральных циклов. Расчеты сделаны исходя из соседства по смежности по принципу k — ближайших соседей с числом соседей — 5. Так как деление на пять избирательных округов для пространственного анализа слишком крупное, представлены результаты по 119 самоуправлениям для выборов 2010, 2011, 2014 и 2018 годов и по 43 самоуправлениям (в соответствии с реформой АТД 2021 года) для выборов 2022 года.

Начнем с «русских» партий: «Согласия» и Русского союза Латвии.

Партия «Согласие» (ранее — «Центр согласия») образовалась в апреле 2010 года на базе трех политических сил: Социал-демократической партии Эгилса Рутковскиса, «Нового центра» Сергея Долгополова, а также Партии

[209] Kažoka I. Cerīga stabilitāte vai dusmīga prasība pēc pārmaiņām: ko vēsta Latvijas 2022. gada Saeimas vēlēšanas // Providus. 2022. URL: https://providus.lv/wp-content/uploads/2022/12/Ko-vesta-Latvijas-2022.gada-Saeimas-velesanas.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

народного согласия, чей лидер Янис Урбанович единственный входил во все созывы Сейма с 1995 года. Хотя руководство партии заявляло о том, что ориентируется и на русских, и на латышей, ее поддерживают в первую очередь русскоязычные избиратели. Если в целом давать характеристику рассматриваемым пяти циклам, они охватывают уникальный период взлета и падения партии «Согласие» и, соответственно, формирования и распада ее монополии на голоса русскоязычных.

С 2011 года партия трижды набирала больше всех на парламентских выборах, но ее результаты постепенно снижались, что связано с нежеланием части избирателей голосовать за «вечную оппозицию», а также с разочарованием неактивной защитой прав русскоязычных и антироссийскими заявлениями руководства. При этом в латышском информационном пространстве «Согласие» имеет устойчивую репутацию «руки Кремля», так что любое сотрудничество с ней мейнстримовских латышских партий на общенациональном уровне практически невозможно (а вот на региональном, где хозяйственные вопросы перевешивают геополитические, иногда встречалось).

На протяжении десяти лет «Согласие» удерживало власть в Риге, фактически ставя руководство столицы, где только по официальным данным проживает почти треть населения страны, в оппозицию центральному правительству. Однако после смещения Нила Ушакова с поста столичного мэра и его отъезда на работу в Европарламент партия пребывает в серьезном кризисе, который только усугубил провал на внеочередных выборах в Риге и выборах в Сейм в 2022 году.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную зависимость результатов голосования за «Согласие» на парламентских выборах (индекс Морана в 2010 году — 0,579, в 2011 году — 0,6, в 2014 году — 0,586, в 2018 году — 0,584, в 2022 году — 0,538).

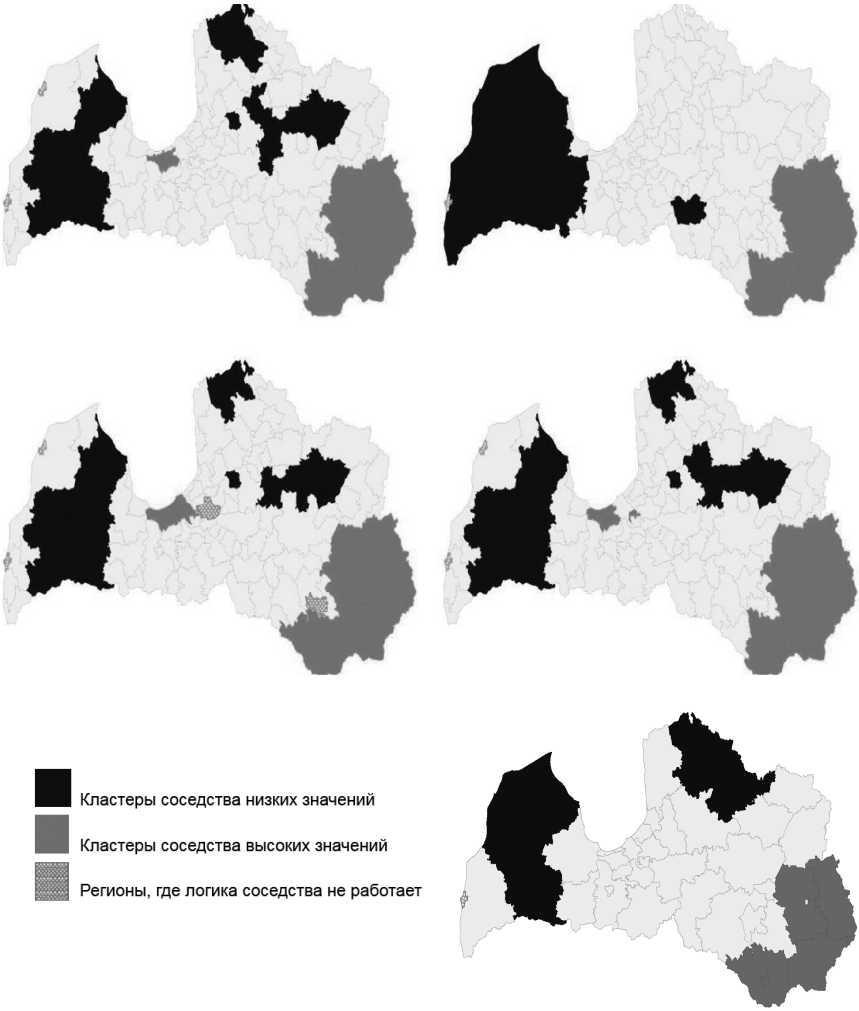


Рис. 2.4.4. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за партию «Согласие» на выборах в 2010, 2011, 2014, 2018 и 2022 годах (слева направо, сверху вниз)

Картограммы пространственной автокорреляции фиксируют два кластера соседства, которые проявляются во всех четырех рассматриваемых циклах. Во-первых, это кластер высоких значений в Латгалии, регионе с высокой долей русскоязычного населения. Во-вторых, это кластер низких значений в Курземе, регионе, где русских мало (обратите внимание, что монолитность этого кластера нарушают Лиепая и Вентспилс — крупные города, где тоже есть заметная доля русскоязычных).

Еще три кластера проявляются в части электоральных циклов. Это два кластера низких значений в Видземе, где также мало русских, и один кластер высоких значений вокруг столицы.

Вторая «русская» партия Русский союз Латвии за пять последних электоральных циклов ни разу не получила представительства в парламенте, но остается заметным игроком латвийской политики. РСЛ (до переименования в 2014 году — ЗаПЧЕЛ — «За права человека в единой Латвии») — одна из старейших латвийских партий. Она проводила депутатов в Сейм все созывы с 1993 по 2010 год, но потом лишилась парламентского представительства, а с 2009 до 2020 года не имела своих депутатов в Рижской думе. При этом лидер РСЛ Татьяна Жданок четыре раза успешно избиралась в Европарламент, обеспечивая партии международное сотрудничество и высокое представительство. На парламентских выборах 2022 года РСЛ, хоть и улучшил результат за счет разочарования избирателей в «Согласии», но в итоге получил только 3,6% голосов и провести своих депутатов в Сейм не смог.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную корреляцию результатов голосования за РСЛ на последних пяти парламентских выборах (индекс Морана в 2010 году — 0,446, в 2011 году — 0,406, в 2014 году — 0,395, в 2018 году — 0,362, в 2022 году — 0,49).

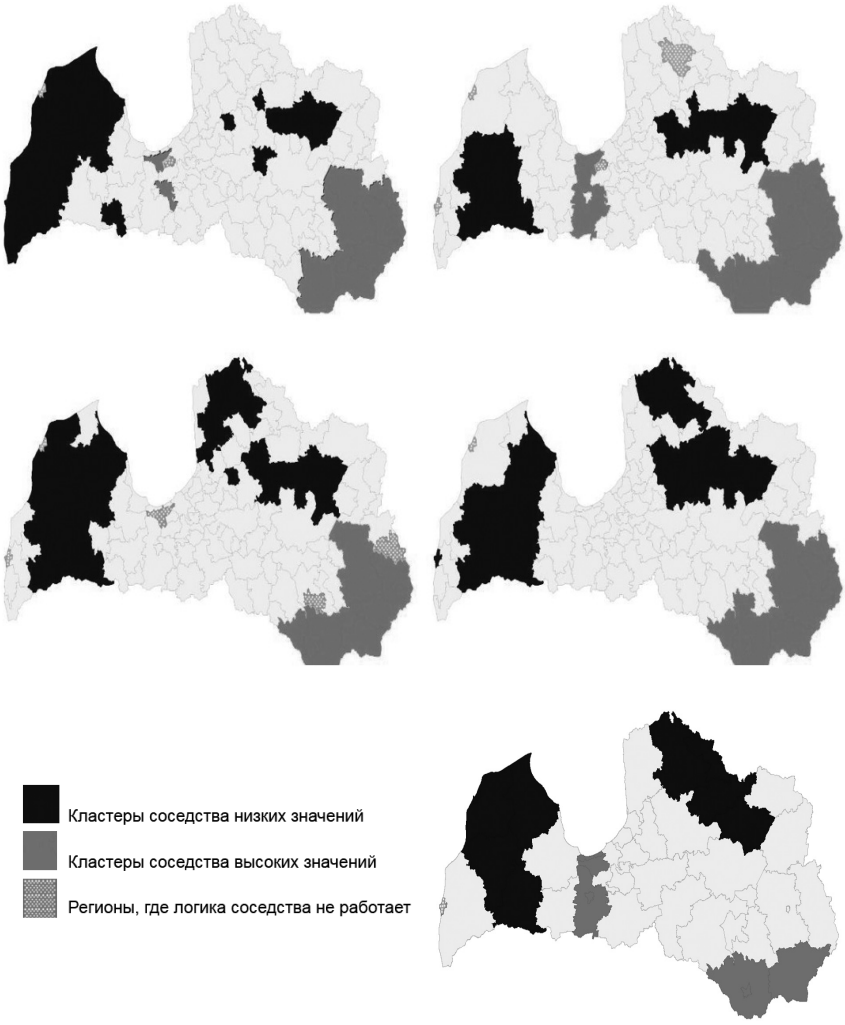


Рис. 2.4.5. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за Русский союз Латвии на выборах в 2010, 2011, 2014, 2018 и 2022 годах (слева направо, сверху вниз)

В целом кластеры соседства по результатам голосования за РСЛ похожи на те, которые есть у «Согласия», и соответствуют параметрам расселения русскоязычных. Точно так же на протяжении всего рассматриваемого периода проявляется латгальский кластер высоких значений и курземский кластер низких (с периодическими исключениями в виде Вентспилса и Лиепаи). Однако, в отличие от «Согласия», кластер низких значений в Видземе также фиксируется во все четыре электоральных цикла. В двух случаях в Видземе выделяются два таких кластера. А на картограммах 2011 и 2022 года проявился кластер, включающий Юрмалу и ряд земгальских самоуправлений.

Рассмотрим «латышские» партии, которые участвовали во всех рассматриваемых парламентских выборах.

Как уже упоминалось, «Единство» (с 2018 года выступающее на политической арене под брендом «Новое Единство» вместе с еще пятью региональными партнерами) с момента создания и по сей день является премьерской партией и только на период с 2016 по 2018 год отдало руководство правительством Союзу зеленых и крестьян в результате внутренних интриг. Хотя летом 2018 года за несколько месяцев до выборов рейтинг партии составлял около 3%, ей удалось консолидироваться, найти партнеров и все же пройти в 13-й Сейм, пусть даже с самой маленькой фракцией. Правда, именно «Новое Единство» в итоге сформировало правительство, пусть и изначально ослабленное пестрой коалицией и небольшим размером премьерской фракции. Несмотря на все противоречия и трудности пандемии, пик внутреннего кризиса был преодолен, что проявилось в победе на выборах в Европарламент в 2019 году (26,24%) и успешном выступлении на внеочередных выборах в Рижскую думу в 2020 году (третье место и 15,24%). Обострение кризиса на Украине в 2022 году помогло еще

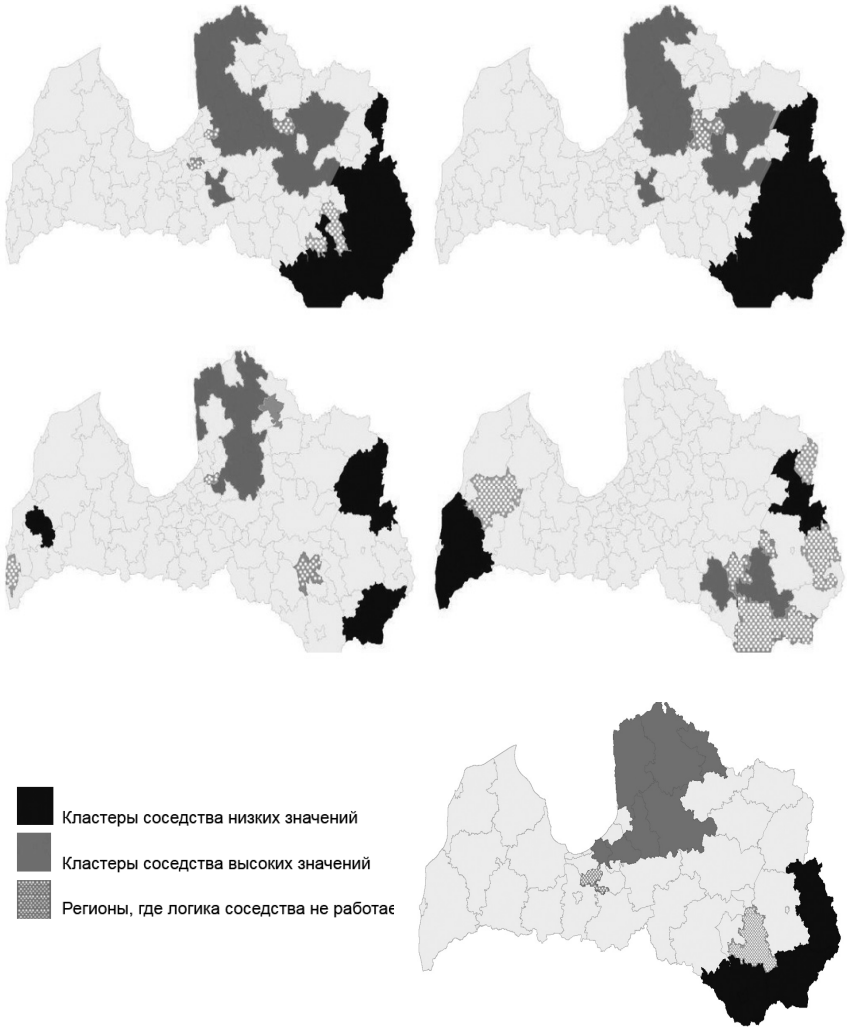


Рис. 2.4.6. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за «Единство» на выборах в 2010, 2011, 2014, 2018 и 2022 годах (слева направо, сверху вниз)

больше консолидировать электорат, что вылилось в решительную победу на очередных выборах в Сейм, и партия вновь возглавила правительство, причем уже из трех, а не пяти партий, что увеличивает шансы на продуктивную работу.

Хотя «Единство» в первую очередь имеет репутацию партии чиновничества, а бренд главных латышских националистов принадлежит Национальному объединению, именно «Единство» на протяжении всего десятилетия у власти реализовывало политику ограничения прав нацменьшинств, и именно представители этой партии разрабатывали и реализовывали наиболее жесткие в этом плане реформы, в том числе реформу образования.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную корреляцию результатов голосования за «Единство» в 2010, 2011 и 2022 годах и слабую корреляцию в 2014 и 2018 годах (индекс Морана в 2010 году — 0,056, в 2011 году — 0,622, в 2014 году — 0,279, в 2018 году — 0,173, в 2022 году — 0,49).

На картограммах пространственной автокорреляции только один кластер выделяется на протяжении всего рассматриваемого периода — это кластер низкой поддержки в Латгалии, регионе с большой долей нелатышского населения. Правда, если в 2010, 2011 и 2022 годах этот кластер охватывает большую часть Латгалии, к 2018 году в нем остаются только три самоуправления на северо-востоке. Пространственный кластер высокой поддержки в Видземе — во всех электоральных циклах, кроме 2018 года. Интересно, как рост популярности партии в 2022 году проявился в том числе и в «возрождении» прежних факторов соседства.

Еще одна из ключевых сил на латвийской политической арене — это Союз зеленых и крестьян, образованный в 2002 году Латвийским крестьянским союзом и Зеленой партией. В том же году СЗК успешно выступил на парла-

ментских выборах и с тех пор имел депутатов в каждом созыве. Позиции партии на выборах 2011 года подточила кампания по «борьбе с олигархами», поскольку один из партнеров по сотрудничеству СЗК — партия «Латвии и Вентспилсу», возглавляемая Айварсом Лембергсом — одним из трех основных латвийских «олигархов». Однако после выборов 2014 года партия вернулась в правительство, а с 2016 по 2018 год даже возглавляла его. Правда, в 2018 году СЗК заметно растерял свои позиции, получив всего 9,91% голосов вместо 19,5% на предшествующих выборах, и остался в оппозиции. По мере приближения выборов 2022 года в партии нарастали внутренние противоречия вокруг фигуры Айварса Лембергса, который к тому времени был уже смещен с поста мэра Вентспилса и осужден за коррупцию, но оставался одним из наиболее популярных политиков в стране. Последовал раскол СЗК — сторонники Лембергса сохранили прежний бренд, а другая часть стартовала под названием «Объединенный список» вместе с представителями Латвийского объединения регионов. Оба проекта оказались успешными и заняли на выборах в 14-й Сейм соответственно второе и третье место, а «Объединенный список» даже вошел в правительство.

СЗК опирается на сельский консервативный латышский электорат и, соответственно, скорее склонна к лозунгам защиты латышской нации. При этом в оппозиции она успешно сотрудничала с «Согласием», а на выборах 2022 года привлекла значительную долю русскоязычных избирателей — до четверти, по данным опроса Providus.

Анализ фиксирует умеренную положительную пространственную зависимость с минимальным значением в 2018 году (индекс Морана в 2010 году — 0,534, в 2011 году — 0,531, в 2014 году — 0,614, в 2018 году — 0,332, в 2022 году — 0,516).

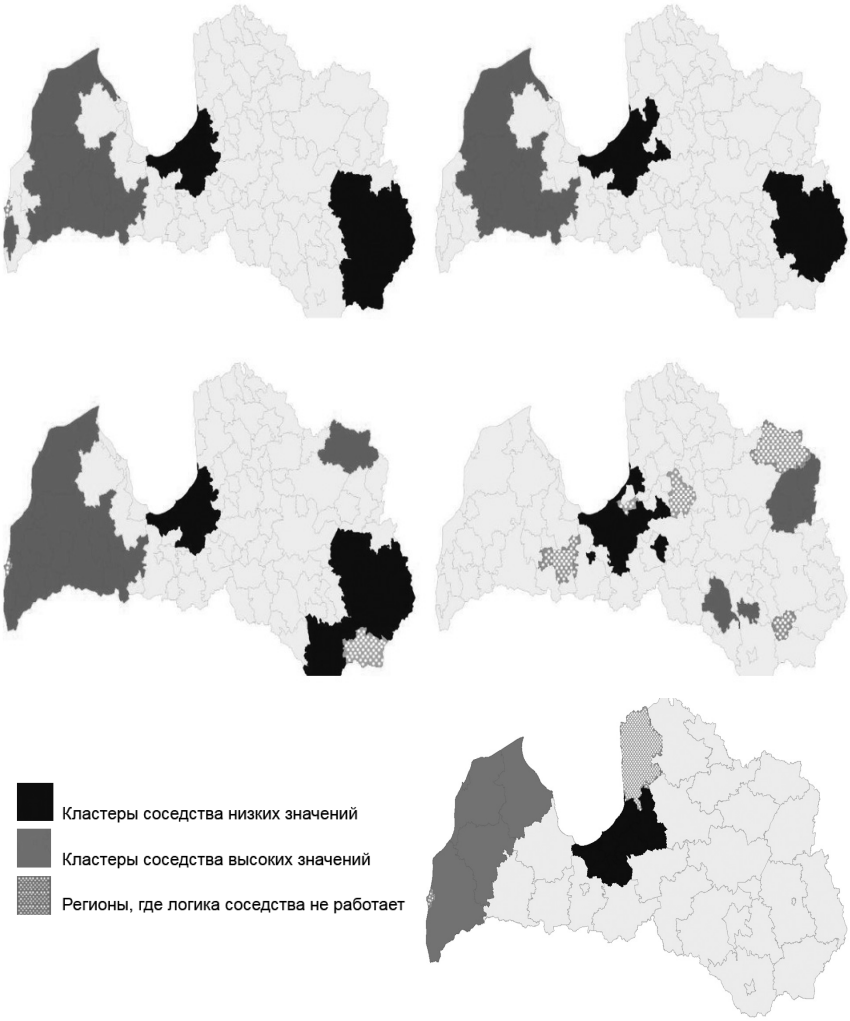


Рис. 2.4.7. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за Союз зеленых и крестьян на выборах в 2010, 2011, 2014, 2018 и 2022 годах (слева направо, сверху вниз)

Только один кластер проявляется во всех пяти электоральных циклах — это кластер низкой поддержки в Риге и Пририжье. Действительно, «рижское проклятье» довлеет над СЗК на протяжении всего существования, и пока партии нечем привлечь столичного избирателя. На всех выборах, кроме 2018 года, выделяется кластер высокой поддержки в Курземе. Кроме того, в первых трех циклах кластер низкой поддержки — в Латгалии.

Национальное объединение ВЛ-ТБ/ДННЛ — главный оплот латышских националистов, чьи представители в открытую постулируют цель построения «латышской Латвии». Эта политическая сила стабильно входила в правительство в четырех из пяти рассматриваемых электоральных циклов, за исключением первого. На протяжении трех первых выборов в 2010, 2011 и 2014 годах она наращивала результаты на выборах в Сейм (до 16,6% голосов в 2014 году), однако в 2018 году получила более низкий результат (11%), который оказался еще ниже в 2022 году (9,3%). Вероятно, размывание поддержки связано с тем, что лозунги национальной борьбы активно используются другими партиями и успешно воплощаются правительством под руководством «Нового Единства». Хотя сейчас Нацблок не играет ведущей роли в кабмине, многие его предложения получают поддержку партнеров по коалиции и становятся законами.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную корреляцию в результатах голосования в 2010, 2011 и 2018 годах, высокую корреляцию в 2014 году и низкую — в 2022 году (индекс Морана в 2010 году — 0,521, в 2011 году — 0,687, в 2014 году — 0,722, в 2018 году — 0,562, в 2022 году — 0,223). Примечательно, что пока Нацблок наращивал результаты, рос и эффект соседства, а в 2018 и тем более в 2022 году он заметно снизился.

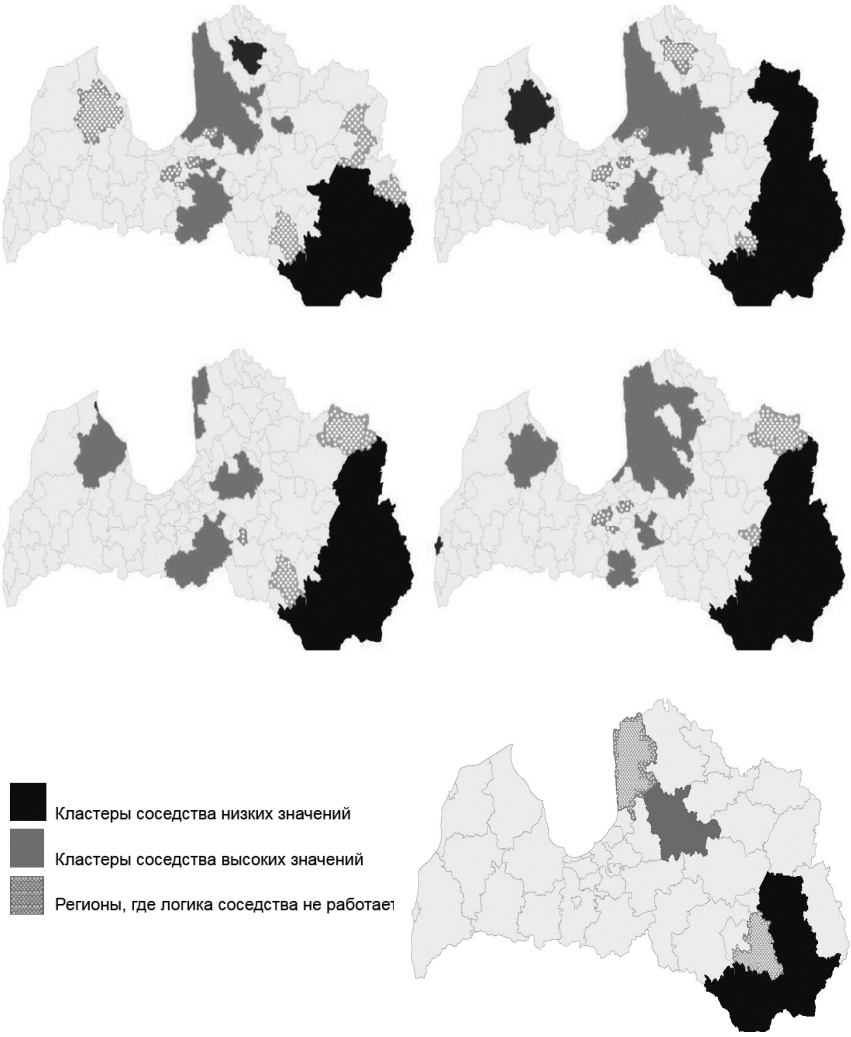


Рис. 2.4.8. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за Национальное объединение на выборах в 2010, 2011, 2014, 2018 и 2022 годах (слева направо, сверху вниз)

На картограммах все пять циклов выделяется обширный кластер низких значений в Латгалии, для нелатышского населения которой неприемлемы лозунги националистов. Просматривается и кластер высокой поддержки в Видземе, который, правда, дробится в 2014 году, а также кластер высоких значений в Земгале, который дробится в 2018 году.

Остальные партии в рассматриваемый период проходили в парламент только по одному разу: после выборов 2010 года это было объединение «За лучшую Латвию» (индекс Морана — 0,314); после выборов 2011 года — Партия реформ Затлерса (индекс Морана — 0,383); после выборов 2014 года — «От сердца — Латвии» (индекс Морана — 0,377) и Латвийское объединение регионов (индекс Морана — 0, 141); после выборов 2018 года — «Для развития / За!» (индекс Морана — 0,610), Новая консервативная партия (индекс Морана — 0,405) и KPV LV (индекс Морана — 0,646), после выборов 2022 года — «Объединенный список» (индекс Морана — 0,452), «Стабильность!» (индекс Морана — 0,516), «Латвия на первом месте» (индекс Морана — 0,393) и «Прогрессивные» (индекс Морана — 0,512) Соответственно, во всех случаях, кроме Латвийского объединения регионов, пространственная зависимость умеренная и положительная.

В этом списке одна партия, открыто опирающаяся на русскоязычный электорат — «Стабильность!». Интересно, что предвыборная компания этой политической силы опиралась на столь нетипичную для латвийской политики площадку, как видеохостинг TikTok, и была весьма экономной. Хотя для дебютанта выборов получить 11 депутатов в Сейме — это большой успех, учитывая, что это единственная «русская» партия в парламенте, можно сказать, что представительство русскоязычных в нем сократилось вдвое, и неясно, насколько эффективно популистская

партия без большого политического опыта сможет защищать интересы русскоязычных. Картограмма пространственной автокорреляции за 2022 год фиксирует кластеры соседства, соответствующие аналогичным картограммам «Согласия» и РСЛ, — это кластеры высокой поддержки в Латгалии и низкой в Курземе и Земгале.

Рис. 2.4.9. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за «Стабильность!» на выборах в 2022 году

Стоит отметить, что для семи из десяти оставшихся «латышских» партий анализ картограмм пространственной автокорреляции выделяет кластер низких значений в Латгалии, и только у партий «За лучшую Латвию», «Латвия на первом месте» и «От сердца — Латвии» в этом регионе со значительным, а местами преобладающим нелатышским населением фиксируется кластер поддержки. Это можно объяснить тем, что Латвийская первая партия / Латвийский

путь — одна из составных частей «За лучшую Латвию» — еще раньше позиционировала себя как партия и для латышей, и для нелатышей, и, по-видимому, такой подход был по крайней мере отчасти успешным. А партию «Латвия на первом месте» можно считать в некотором роде реинкарнацией «За лучшую Латвию», так как ее локомотивом также является Айнарс Шлесерс. Что касается «От сердца — Латвии», ее главу Ингуны Судрабы латышские политики чуть ли не напрямую называли «рукой Кремля» и остро критиковали за нежелание жестко высказаться по национальному вопросу, что, по-видимому, также привлекло нелатышских избирателей.

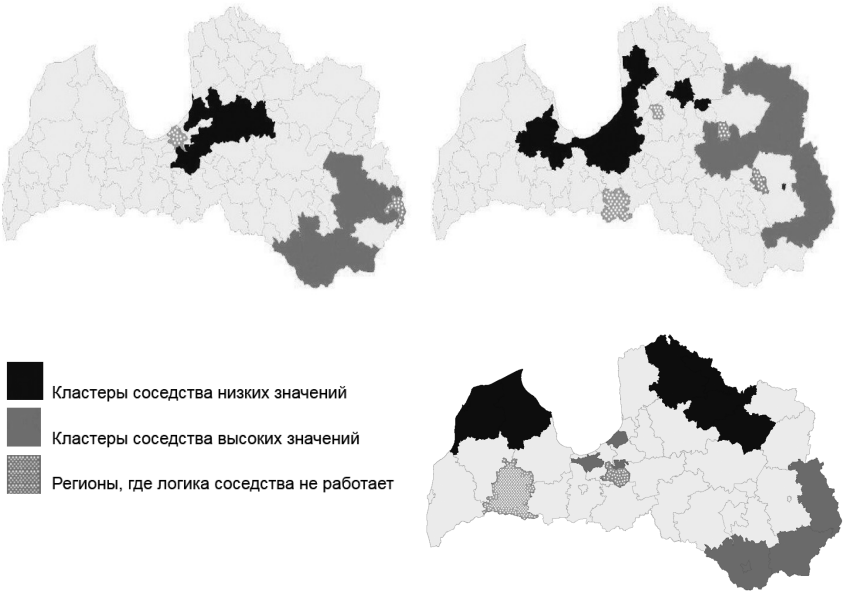


Рис. 2.4.10. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за объединение «За лучшую Латвию» в 2010 году, партию «От сердца — Латвии» в 2014 году и партию «Латвия на первом месте» в 2022 году (слева направо, сверху вниз)

Что касается регионов, граничащих с Россией, анализ выявляет четкие пространственные кластеры по результатам голосования в полном соответствии с отношением партий к русскоязычным и Российской Федерации в целом. «Русские» партии («Согласие», РСЛ и «Стабильность!»), а также партии, проявляющие некоторое расположение к русскоязычным («За лучшую Латвию», «Латвия на первом месте», «От сердца — Латвии»), имеют здесь кластеры высокой поддержки, а «латышские» партии — низкой. Однако эту закономерность, вероятнее всего, нужно связать не столько с близостью к российской границе, сколько с высокой долей нелатышского населения в Латгалии, которая, в свою очередь, также связана с тесными историческими связями с Россией и особенностями развития этого приграничного региона.

Список литературы

Воротников В.В. Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя / В.В. Воротников // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2018. — № 5 (5). — С. 85–90.

Окунев И.Ю. Этнический раскол в электоральном поведении Латвии / И.Ю. Окунев, Л.С. Жирнова // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. — 2019. — № 11 (358). — С. 78–90.

Розенвалдс Ю. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства / Ю. Розенвалдс // Сравнительная политика. — 2012. — № 3 (3/9/). — С. 149–161. — URL: https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-149-161.

Солопенко А.В. Электоральное поведение жителей Латвии на парламентских выборах 1993–2011 гг. / А.В. Солопенко. Lambert Academic Publishing, 2014. — P. 30.

Golosov G.V. The Effective Number of Parties: A New Approach / G.V. Golosov // Party Politics. — 2010. — № 16 (2). — P. 171–192. — DOI:10.1177/1354068809339538.

Ikstens J. Eastern Slavic Political Parties in Latvia / J. Ikstens // Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions / Ed. by Nils Muižnieks. — 2006. — Riga, 2006. — P. 41–52.

Ikstens J. Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity / J. Ikstens, I. Balcere // Coalition Governance in Central Eastern Europe / Ed. by G. Ilonszki, T. Bergman, W.C. Muller. — Great Britain : Oxford University Press, 2019.

Meleshevich A. Geographical Patterns of Party Support in the Baltic States, Russia, and Ukraine / A. Meleshevich // European Urban and Regional Studies. — 2006. — № 13 (2). — P. 113–129.

Nakai R. Does Electoral Proximity Enhance National Pride? Evidence from Monthly Surveys in a Multi-ethnic Society — Latvia / R. Nakai // Studies in Ethnicity and Nationalism. — 2018. — P. 198–220.

Németh Á. Patterns of Ethnic Homogenisation, Fragmentation and Polarisation and the Vote Shares for Nationalist Parties in Latvia / Á. Németh, Z. Dövényi // Europe-Asia Studies. — 2019. — № 71 (5). — P. 774–804. — DOI: 10.1080/09668136.2019.1604945.

Paiders J. EU border proximity effect on polital choice in parliamentary elections of Latvia / J. Paiders, J. Paiders // Regional Formation and Development Studies. — 2014. — DOI: http://dx.doi.org/ 10.15181/rfds.v9i1.59

Sartori G. Parties and Party Systems / G. Sartori. — ECPR Press, 2005. — P. 111–112.

Zepa B. Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord / B. Zepa, I. Šūpule // Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions / Ed. by Nils Muižnieks. — 2006. — Riga, 2006. — P. 33–40.

2.5. Литва

Значительное этнолингвистическое разнообразие Литвы, неравномерная массовая эмиграция из городов и сел, локализованный приток русскоязычных специалистов на открывавшиеся советские предприятия и Игналинскую АЭС, а также имущественное расслоение самой населенной страны Прибалтики позволяет предположить, что политические взгляды ее жителей значительно различаются по регионам и неодинаково формируются компактными территориальными сообществами. За последние 30 лет расхождение позиций литовцев произошло на множестве «точек бифуркации» — в частые моменты кардинальных внутренних и восточноевропейских трансформаций (от штурма телецентра в Вильнюсе в 1991 г. до экономической интеграции в еврозону и размежевания соседей Литвы после Украинского кризиса), вызывавших полярную реакцию граждан и из-за этого значительно дифференцировавших литовский идеологический ландшафт.

В данной работе рассмотрены подобные пространственные особенности политических предпочтений населения Литвы: их территориальное распределение и геополитическая направленность (а именно отношение жителей Литвы к сотрудничеству с Россией, выраженное в ходе голосования на парламентских выборах и детализированное при экспертном опросе). Выделены пространственные закономерности электоральной поддержки парламентских партий в 2016 г. (с акцентом на сходстве итогов выборов в некоторых географических зонах) и факторы появления этих тенденций. Рассмотрено территориальное распределение сторонников политических сил, проявлявших явную симпа-

тию и антипатию к России. С целью детализировать и объяснить это отношение многих избирателей страны проанализированы мнения представителей литовского экспертного сообщества.

К 2016 г. в Литве сложилась ***партийная система***, которую по классификации Дж. Сартори можно было бы назвать системой ограниченного плюрализма[210]. Действительно, последний раз победитель парламентских выборов получал около 30% голосов лишь на рубеже веков, а после 2004 г. ни одна партия не перешагнула 20%-ную отметку. Эти и другие индикаторы подвели и М. Ястрамскиса к выводу о фрагментированности литовского партийного ландшафта в начале 2010-х годов[211].

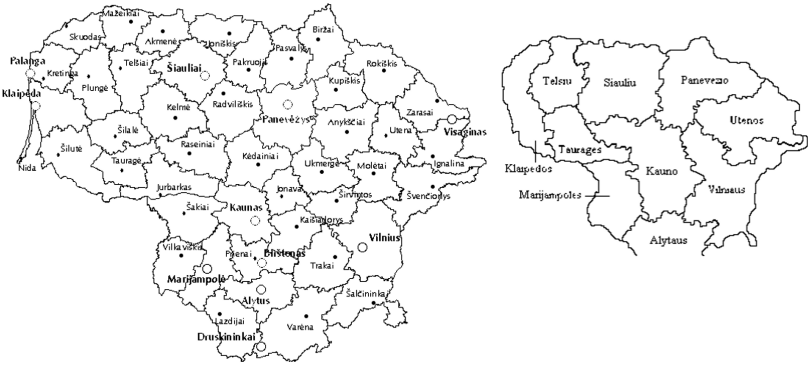


Рис. 2.5.1. Слева: пример электоральной фрагментации Литвы: распределение голосов на президентских выборах 1997 г. Справа: для сравнения административно-территориальное деление Литвы

[210] Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Vol. 1. New York : Cambridge University Press, 1976. 370 p.

[211] Jastramskis M. Election Forecasting in Lithuania: The Case of Municipal Elections // International Journal of Forecasting. 2012. № 28. P. 822–829.

При этом перечень фракций однопалатного парламента — Сейма — за предыдущие десять лет стабилизировался. Основными политическими силами к середине 2010-х годов были «Союз Отечества» (к тому времени в коалиции с «Литовскими христианскими демократами»), Социал-демократическая партия и Партия труда. Последние две к моменту выборов входили в правящую коалицию наряду с Избирательной акцией поляков Литвы, а также «Порядком и справедливостью». Существование небольших партий на протяжении длительного времени может объясняться наблюдением М. Льюис-Бек и М. Стегмайер: вслед за М. Харпером они отмечают способствовавшую электоральной волатильности растерянность избирателей, не доверявших ни оппозиционным партиям, ни находившимся у власти коммунистам и социалистам[212]. Таким образом, политическим силам, не получившим поддержку на одних выборах, имело смысл сохранить организационную форму в надежде на успех в следующем избирательном цикле (это и произошло с «Союзом крестьян и зеленых», популярность которого перед 2016 г. была невелика). Р. Мозер также подчеркивает отсутствие четких партийных предпочтений у большинства литовцев и наличие большого количества неопределившихся респондентов предвыборных опросов общественного мнения[213].

Выборы 2016 г. закрепили состояние партийной системы. Парламентские мандаты разделились в пропорции, показывающей значительную фрагментацию политических

[212] Harper Marcus A. Economic voting in postcommunist eastern Europe // Comparative Political Studies. 2000. № 33. P. 1222; Lewis-Beck M., Stegmaier M. The Economic Vote in Transitional Democracies // Journal of Elections, Public Opinion and Parties. 2008. № 18 (3). P. 316.

[213] Moser R. Electoral Systems and the Number of Parties in Postcommunist States // World Politics. 1999. № 51 (3). P. 373.

сил: индексы эффективного количества партий составили по формуле Лааксо-Таагапера 4,42, по методике Г.В. Голосова — 3,33. Произошли события, характерные для такой ситуации: и смена победителя голосования (им стал оппозиционный «Союз Отечества», электоральная поддержка которого почти на 3% превысила результат Партии труда в 2012 г. — 22,63% по сравнению с 19,82%), и неожиданный выход на второе место «Союза крестьян и зеленых» (который со времен успеха председателя К. Прунскене в президентской гонке 2004 г. набирал лишь 4-7% голосов, а в этом году уступил «Союзу Отечества» лишь 0,18%).

С точки зрения фрагментации партийной системы стоит отметить, что к 2016 г. она сократилась со своих максимальных значений в 1996 г.: согласно расчетам Р. Мозера по разным методикам, в тот момент эффективное количество партий составило 7,75–7,94[214]. Сокращение разброса электоральных предпочтений литовцев на протяжении 1990-х и в начале 2000-х гг. выявлено также А. Мелешевичем[215].

Степень рассредоточения политических сил и частая смена парламентского лидера отчасти объясняются смешанным характером действовавшей на тот момент избирательной системы. Половина депутатских мест (71 из 141) распределяется по одномандатным округам, что позволяет партиям без 5%-ной поддержки по всей стране, необходимой для избрания по пропорциональной системе, провести своего кандидата в Сейм. Однако эта задача затруднена тем, что перед вторым туром выборов в одномандатных округах у конкурентов малой партии за счет их узнаваемости есть возможность консолидировать неосведомленных о ней

[214] Ibid. P. 375.

[215] Meleshevich A. Geographical Patterns of Party Support in the Baltic States, Russia and Ukraine // European Urban and Regional Studies. 2006. № 13 (2). P. 122.

избирателей[216]. Тем не менее замечено, что смешанный характер избирательной системы усиливает проявление привязанности избирателей к политикам, родившимся или ведущим деятельность в их избирательном округе[217]. Эта тенденция сильна, но не приводит к частому расхождению популярных политиков с партийным курсом (и тем более к проведению ими своей предвыборной кампании после разрыва со своей партией), поскольку наличие пропорционального элемента в литовской избирательной системе делает выгодной борьбу за электоральный ресурс внутри устоявшихся партий, а не самостоятельно[218].

Количество партий не снижается, по мнению Т. Кларка и Дж. Уиттрок, и из-за большой роли президента. Поскольку исполнительная власть принимает ключевые решения во многих сферах, у партий нет таких больших стимулов усиливаться предвыборными альянсами или постоянным соединением ресурсов для политической борьбы, как в парламентских республиках[219].

Нормативно ограничен размах количества избирателей между округами, и таким образом обеспечена сравнимость итогов выборов в разных частях страны. Порог явки по од-

---

[216] Поскольку из-за этой особенности результаты второго тура (по мажоритарной процедуре) могут расходиться с первоначальными предпочтениями проголосовавших в первом туре, в настоящей работе проанализированы только итоги голосования по пропорциональной системе.

[217] Herron E., Michael S. Lynch. Friends and Neighbors. Voting Under Mixed-Member Majoritarian Electoral Systems: Evidence from Lithuania // Representation. 2019. № 55 (1). P. 81–99.

[218] Preece J. How the Party Can Win in Personal Vote Systems: The “Selectoral Connection” and Legislative Voting in Lithuania // Legislative Studies Quarterly. 2014. Vol. XXXIX. № 2. P. 147–167.

[219] Clark T., Wittrock J. Presidentialism and the Effect of Electoral Law in Postcommunist Systems: Regime Type Matters // Comparative Political Studies. 2005. Vol. 38. № 2. P. 182–183.

номандатной системе составлял 40%, по общенациональной пропорциональной — 25%[220], фактическая составила 50,6%. Также перед выборами 2016 г. была изменена конфигурация округов с целью сделать их практически равновеликими — во исполнение решения Конституционного суда 2015 г., обратившего внимание на неравное население территорий голосования[221].

Стоит отметить, что данное исследование проведено на материале года относительной стабильности избирательной системы, а значит не стоит ожидать большого числа статистических выбросов, связанных с конъюнктурной эксплуатацией политиками каких-либо неапробированных юридических норм. Обзор эволюции электорального законодательства Литвы под авторством Ж. Мартинайтиса показал, что к 2010 г. основные черты электорального дизайна уже устоялись[222].

Материалом для исследования послужила база электоральной статистики ЦПАМО ИМИ МГИМО МИД России с результатами выборов в Сейм 2016 г. по избирательным округам[223], а также данные 19 глубинных экспертных интервью об электоральном поведении и пространственном позиционировании Литвы, собранных сотрудниками упомянутого центра с 26 октября по 26 ноября 2020 г.

---

[220] Inter-Parliamentary Union. URL: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/2189_B.htm; https://data.ipu.org/content/lithuania?chamber_id=13450

[221] По указанию Конституционного суда 2015 года — абз. 4. Two new electoral districts to be created in Vilnius. European Foundation for Human Rights. URL: https://media.efhr.eu/2015/11/30/two-new-electoral-districts-to-be-created-in-vilnius/ (дата обращения: 17.02.2021).

[222] Martinaitis Z. Explaining Electoral Reforms in Lithuania // Journal of Baltic Studies. September 2012. Vol. 43. № 3. P. 389–400.

[223] Доступны на странице https://mgimo.ru/about/structure/ucheb-nauch/imi/geo/docs/geo-research/#1 или по прямой ссылке: https://mgimo.ru/upload/2020/11/Elections-outcome-and-Russians-ratio.zip

Расхождение электоральных показателей в различных точках страны проанализировано количественными ***методами***: по упомянутой базе данных ЦПАМО рассчитаны *картограммы размаха* и *локальные индикаторы пространственной автокорреляции*, то есть индекс I Морана. Эти способы позволяют кластеризовать результаты выборов и выделить влияние популярности партий в одном регионе, доли русских жителей в нем на итоги голосования в соседних с ним избирательных округах («эффекта соседства»).

Наоборот, обобщение данных проведено следующими способами. В каждом регионе были просуммированы *доли избирателей*, поддержавших «Порядок и справедливость» и блок Избирательной акции поляков Литвы и Союза христианских семей, поскольку эти политические силы объединяло *позитивное отношение к России и консервативная* идеология. При этом кодировщики партийных программ отдавали себе отчет в том, что политиков постсоветского пространства особенно трудно корректно расположить на шкале «правые-левые»[224]. Полученные значения были изображены на картограмме размаха аналогично слагаемым (результатам отдельных партий).

В целом по всем 11 странам, охваченным упомянутой базой данных ЦПАМО ИМИ МГИМО МИД России, агрегированы[225] результаты многих партий, совпадающих либо во взглядах на сотрудничество с Россией, либо в оценке консервативных принципов. Однако среди литовских партий

---

[224] Pop-Eleches Grigore, Tucker Joshua A. After The Party: Legacies and Left-Right Distinctions in Post-Communist Countries // 2010 Annual Meeting of the American Political Science Association, Sept 2-5. Washington, DC, 2010. 48 p.

[225] Наряду с этнической статистикой по процедуре, описанной в файле “Database composition.doc” интернет-архива с базой ЦПАМО по адресу: https://mgimo.ru/upload/2020/11/Elections-outcome-and-Russians-ratio.zip

с четкой позицией в отношении России такая категоризация[226] выявила сходство лишь упомянутых организаций.

Стоит отметить, что голоса за Партию труда, также благосклонно расположенную к России (более того, основанную миллионером русского происхождения В. Успасских), не были присоединены к полученной сумме. Дело в том, что при кодировании партийной ориентации эта политическая сила была признана центристской, а значит анализировалась отдельно от консерваторов. Также обособленными остались результаты блока Союза Отчества и «Литовских христианских демократов», поскольку их консерватизм сочетался с антироссийской позицией.

Другая общенациональная картограмма размаха позволила скорректировать выводы традиционного («непространственного») *корреляционного анализа*. На ней рассчитана пропорция *результата партий* одинаковых категорий на выборах к доле русских в одинаковых регионах: приблизительное число голосов за политическую организацию *на одного русского* жителя[227]. Двухфакторный «эффект соседства» (соотношение со средней долей русских по соседним регионам — двухфакторные локальные индикаторы пространственной автокорреляции без использования медианных значений) в данном случае не оценивался из-за искажений, вносимых усреднением доли русских в регионах с разным населением и разбросом явки в «фокусном» избирательном округе: неточным мог оказаться, соответственно, как знаменатель, так и числитель индекса I Морана. Кроме

[226] Основания для классификации партийных идеологий изложены в файле “Sources for party classification.doc” внутри упомянутого электронного архива по адресу: https://mgimo.ru/upload/2020/11/Elections-outcome-and-Russians-ratio.zip

[227] Источником для значений этого делителя послужили итоги всеобщей переписи населения 2011 года, агрегированные Департаментом статистики Литвы и представленные в вышеупомянутой базе ЦПАМО.

того, эти аналитические инструменты позволили уловить влияние близости регионов к государственной границе.

Итоги экспертного опроса подвергнуты *частотному* и *корреляционному* анализу. Поскольку выборка проведенного опроса недостаточна для надежного расчета традиционных статистических коэффициентов (заведомо ожидается, что они окажутся незначимы), был применен *байесовский подход* к оценке зависимостей между переменными. Он позволяет предположить, каким может быть значение коэффициента (например, насколько тесно связаны индикаторы) в более обширных выборках или всей генеральной совокупности (в данном случае — литовском экспертном сообществе). Вместо единственной степени взаимосвязи, вычисляемой классическими статистическими инструментами, данный метод определяет диапазон значений, из которых одно или несколько считаются наиболее вероятными (в байесовских терминах — «правдоподобными»), но значения с меньшим уровнем правдоподобия не исключаются[228].

Таким образом, был проведен частичный анализ политических предпочтений литовцев на материале различных источников. С помощью количественных методов (как традиционных для статистики, так и пространственных и байесовских) зафиксирована неоднородность итогов выборов 2016 г. и концентрация результатов парламентских партий в территориальных кластерах. Предложено объяснение обнаруженных закономерностей экономическими, идентитарными и другими факторами.

Партия «Порядок и справедливость» набрала полтора десятка процентов голосов в российском пограничье (особенно на западе), поскольку избиратели посчитали выгодными для себя призывы этих политиков к нормализации от-

[228] Доманов А.О. Основы байесовского подхода к количественному анализу (на примере евроскептицизма) // Политическая наука. 2021. №1.

ношений с Россией и критику членства в ЕС. Кроме того, голосованием за эту партию избиратели могли проявить солидарность с курсом российского правительства на укрепление традиционных ценностей[229]. Показательно, что карта локальных индикаторов пространственной автокорреляции (рис. 2.5.3) демонстрирует кластер усиленной поддержки партии в деревнях между городами (обычно более либеральными, чем сельская местность) Шяуляй и Клайпеда.

Также среди регионов повышенной поддержки партии выделяется округ Висагинас-Зарасай. В консервативном выборе этих жителей мог сыграть свою роль тот факт, что данная территория населена многими русскими, въехавшими в Литовскую ССР для работы на Игналинской АЭС и пострадавшими затем от неолиберальных экономических реформ, а также традиционалистскими крестьянами, воспринявшими риторику членов партии о развитии сельского хозяйства.

Консервативный и этнический мотивы голосования за эту партию могли совместно обеспечить ей относительно высокую поддержку в восточном Вильнюсе. Из-за разницы с результатами в других столичных пригородах (менее традиционалистских, чем западные сельские районы, поэтому и слабее поддерживавших партию) этот округ отмечен на рис. 2.5.3 как статистический выброс “high-low” из группы закрашенных близлежащих регионов. Расчеты привели к такому результату даже несмотря на довольно равномерно распределенный этнический фактор: русских в остальных регионах этого кластера также 8-12% населения. Социальные популистские положения партийной программы наподобие увеличения зарплат учителям и ученым тоже могли принести партии симпатии ностальгирующих по советскому прошлому.

[229] Более подробно идентитарные факторы поддержки различных политических сил рассмотрены в: Neringa Klumbyte. Memory, Identity, and Citizenship in Lithuania // Journal of Baltic Studies. 2010. № 41 (3). P. 295–313.

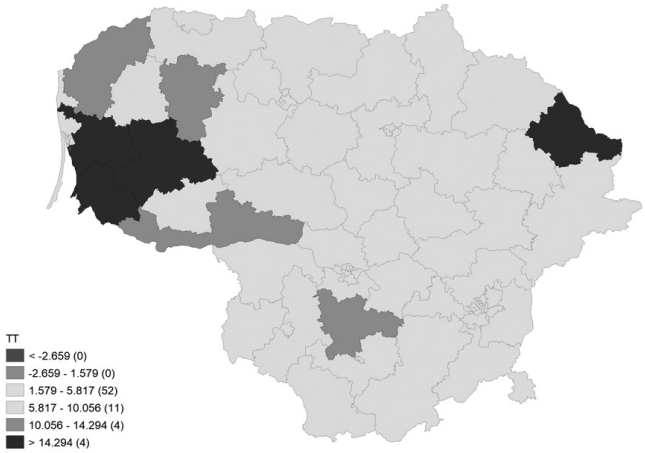


Рис. 2.5.2. Картограмма размаха долей избирателей округа, проголосовавших за «Порядок и справедливость»

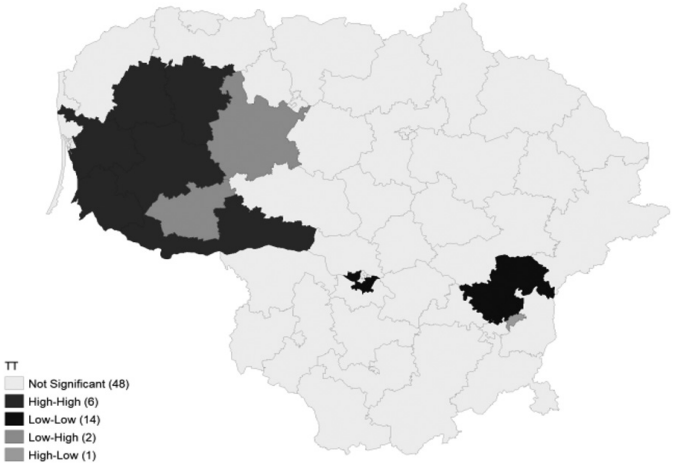


Рис. 2.5.3. Локальные индикаторы пространственной автокорреляции (в размере 0,33) долей избирателей округа, проголосовавших за «Порядок и справедливость»

Значительную электоральную поддержку Антикоррупционная коалиция Н. Путейкиса и К. Кривицкаса (Литовская партия центра и Литовская партия пенсионеров) получила в регионах российского пограничья. Зафиксирована тесная пространственная автокорреляция итогов выборов (0,73), проявившаяся в группировке почти всех регионов Литвы между Калининградом и латвийской Лиепаей в единый кластер сторонников этой организации. Причиной тому могли послужить призывы Путейкиса и Кривицкаса сохранить традиционную семью, усилить контроль государства над экономикой и проводить евроскептическую внешнюю политику, которые, несмотря на намерение сохранить санкции против России, привлекли консервативных и пророссийских избирателей.

Высокий уровень поддержки объединения в Клайпеде связан с тем, что здесь родился один из лидеров партии. Кроме того, в городе много избирателей с достаточным уровнем достатка, чтобы позволить себе отмежеваться от ЕС.

Голосование жителей белорусского пограничья против этой партии подчеркивается особым кластером на карте локальных индикаторов пространственной автокорреляции. Скорее всего, это связано с тем, что в этих регионах живут многие поляки и белорусы и голосуют за польских политиков. Таким образом, конкуренцию Путейкису и Кривицкасу составили не только крупные партии, обладающие максимальным финансовым и административным ресурсом возле столицы, но и Избирательная акция поляков Литвы.

Отчетливо выделяется кластер с максимальной поддержкой блока Избирательной акции поляков Литвы и Союза христианских семей. Эта территория расположена вдоль белорусской границы, особенно сильная поддержка наблюдается на юго-востоке. Высокий коэффициент пространственной автокорреляции (0,5) объясняет кластеризацию

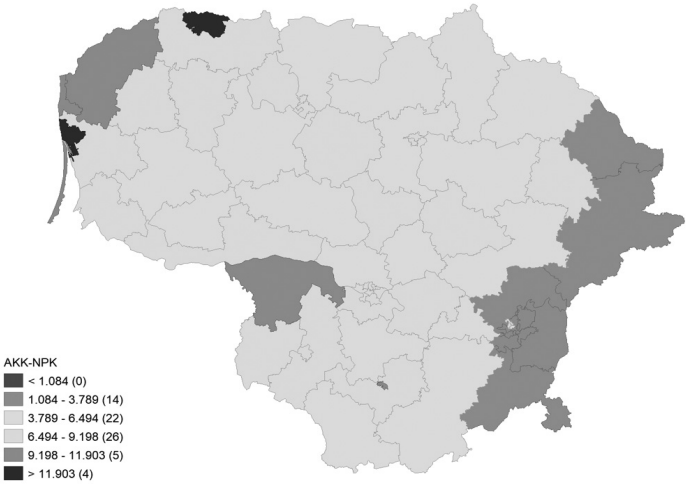


Рис. 2.5.4. Картограмма размаха долей избирателей округа, проголосовавших за коалицию Путейкиса и Кривицкаса

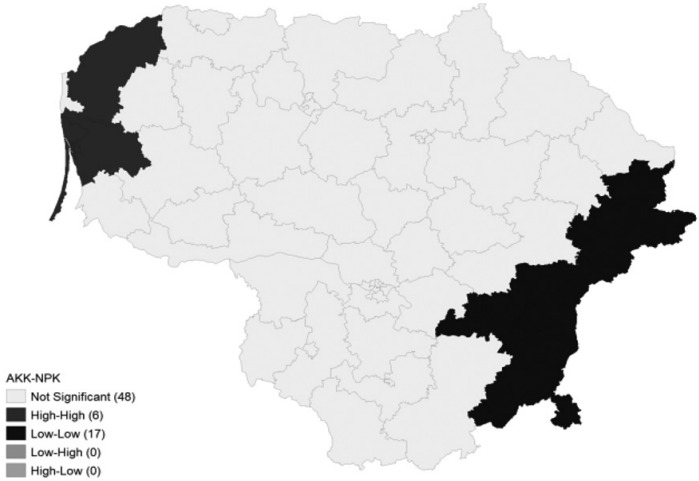


Рис. 2.5.5. Локальные индикаторы пространственной автокорреляции долей избирателей округа, проголосовавших за коалицию Путейкиса и Кривицкаса

ее локальных индикаторов в местах компактного проживания «целевой аудитории» партийной агитации в защиту прав польского меньшинства (см. рис. 2.5.6 и 2.5.7). Выделяются Вильнюсский и Шальчининский район, преимущественно населенный поляками.

Избирательная акция активно сотрудничает с русскими политическими объединениями[230], в частности с Союзом русских в Литве, а также в целом положительно относится к России. Также руководство партии активно призывает славянские страны объединиться против распространения ислама в Европе, невзирая на их политические разногласия. Такая риторика привлекает избирателей на границе с Беларусью и Россией (например, высокая поддержка зафиксирована в Неринге), но отталкивает жителей всех остальных регионов Литвы — обширный западный кластер на рис. 2.5.7 показывает крайнюю непопулярность партии на остальной территории страны. Там партия часто подвергается критике за благосклонность в отношении русских и России и предлагает избирателям прежде всего не более тесную евроинтеграцию или укрепление экономики, а защиту прав поляков.

Соседство с Россией усилило экономические факторы поддержки только в Неринге, заинтересованной в совместном развитии туризма с россиянами. Видимо, для привлечения избирателей в остальных пограничных регионах реверансов в адрес России и русских оказалось недостаточно.

В регионах, граничащих с Беларусью, у Союза отечества и «Литовских христианских демократов» наименьший уровень поддержки. Это связано с тем, что партия открыто

[230] Csergo Zs., Regelmann A.-Ch. Europeanization and Collective Rationality in Minority Voting // Problems of Post-Communism. 2017. № 64 (5). P. 303–305. (Poles and Russophones in Lithuania: The Emergence of an Interethnic Minority Coalition.)

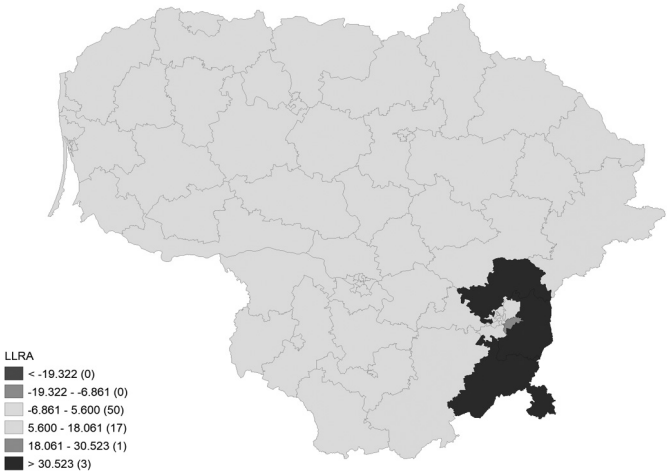


Рис. 2.5.6. Картограмма размаха долей избирателей округа, проголосовавших за Избирательную акцию поляков Литвы

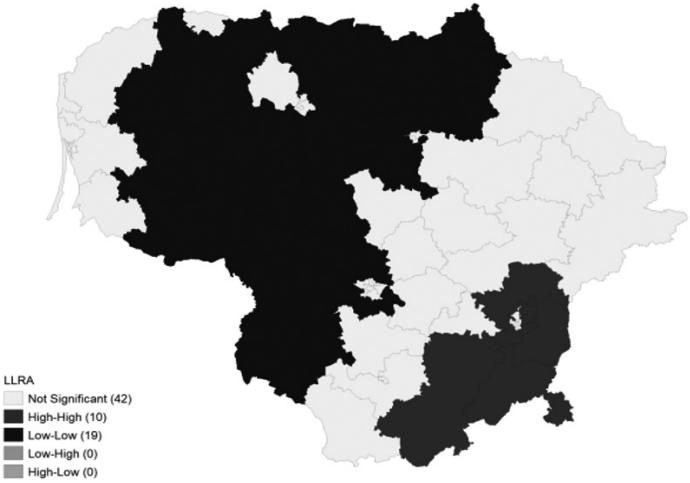


Рис. 2.5.7. Локальные индикаторы пространственной автокорреляции долей избирателей округа, проголосовавших за Избирательную акцию поляков Литвы

разделяет литовский национализм, и ее антироссийская позиция не одобряется многими проживающими там белорусами.

Призывы партии к более тесной евроинтеграции объясняют, почему у партии максимальная поддержка в двух крупнейших литовских городах — Вильнюсе и Каунасе. Оба города уже крепко интегрированы в ЕС (имеют международные аэропорты, находятся на межгосударственных автомобильных трассах), имеют развитую сферу услуг. В Каунасе расположена свободная экономическая зона, куда инвестируют свои средства многие европейские компании.

Евроэнтузиастской ориентацией может объясняться и поддержка антироссийской партии вблизи одновременно и Польши, и Калининградской области. Эти регионы больше ориентированы на ЕС, чем на Россию.

Обращает на себя внимание дилемма горожан Клайпеды. С одной стороны, для них ценны наработанные связи с ЕС: в местный порт инвестируют крупные европейские страны, а также США и Канада; идет интенсивный товарообмен. С другой стороны, гуманитарные и экономические контакты с Россией для упомянутых поселений тоже важны; вдобавок избирателей русского происхождения мог насторожить декларированный литовский национализм. В итоге популярность партии в городе сравнительно невелика.

Сравнивая успехи партии на севере и юге российско-литовской границы, можно предположить, что ***близость избирательного округа к России влияет на результаты выборов только в том случае, если страны ЕС находятся далеко***: так, довезти товары в Польшу из Занавикского района (восточнее Каунаса) дешевле, чем из Клайпеды в Гданьск, так что местные жители Каунаса считают более перспективным евроинтеграционный курс. Менее правдоподобной причиной различий вдоль границы может быть наличие

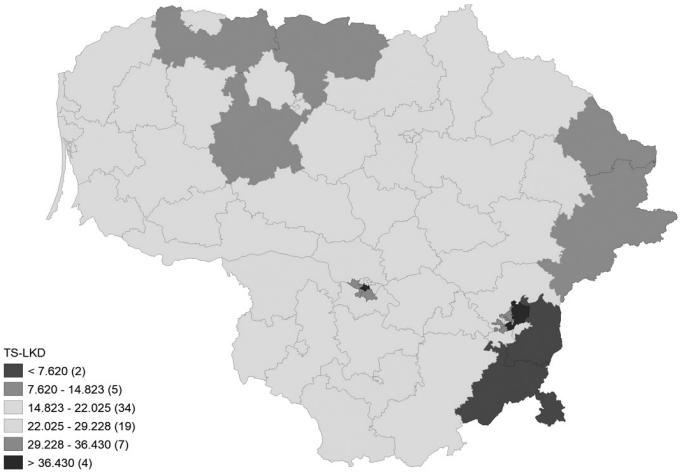


Рис. 2.5.8. Картограмма размаха долей избирателей округа, проголосовавших за Союз отечества и «Литовских христианских декмократов»

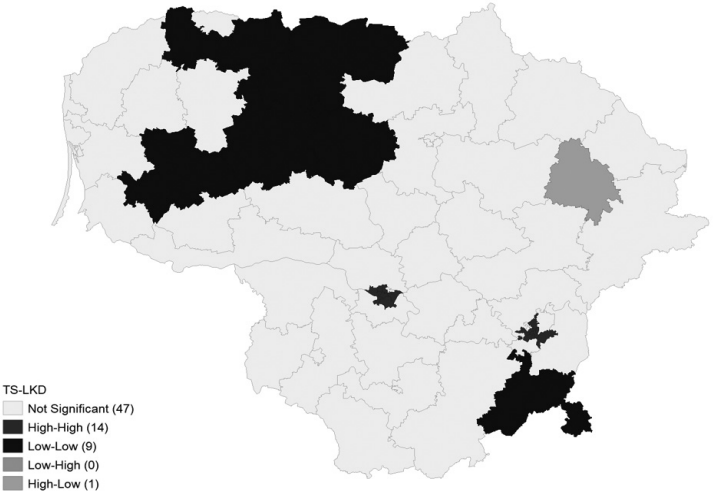


Рис. 2.5.9. Локальные индикаторы пространственной автокорреляции (в размере 0,51) долей избирателей округа, проголосовавших за Союз отечества и «Литовских христианских демократов»

русских, поскольку роль этнического фактора в поддержке этой партии в принципе не видится значительной: возможно, высокая доля русских препятствовала успеху партии в Клайпеде, но не в Вильнюсе.

В целом по стране поддержка Либерального движения Литовской Республики невелика. Тем не менее можно выделить две группы регионов с максимальной поддержкой. Первая включает в себя город Вильнюс — главный экономический центр страны, где зарегистрированы многие крупные компании: там приоритетные задачи партии (снижение налоговой ставки для бизнеса и в целом минимальное вмешательство государства в экономику) встретили понимание избирателей.

Вторую группу составляют такие регионы, как Неринга и Клайпеда. Хотя территориальная близость к российским бизнес-партнерам и могла сыграть свою роль, ключевым фактором электорального успеха здесь следовало бы считать наличие крупного бизнеса и иностранных инвестиций.

Несколько выделяется среди соседних регионов Ионишкский район с высоким уровнем электоральной поддержки. Несмотря на сельскохозяйственную специализацию, там есть инвестиционные компании, которые оказывают финансовые услуги фермерам.

Как видно на рис. 2.5.10, регионы, граничащие с Россией и Беларусью, слабо поддерживают эту партию. В этом могло проявиться соседство с рынками этих стран, поскольку Либеральное движение выступает за евроинтеграцию, которая может противоречить экспорту в ЕАЭС в случае углубления санкционного противостояния. Кроме того, промышленная и сельскохозяйственная специализация, а также традиционализм жителей небольших поселков подталкивают потенциальный электорат к голосованию за другие партии.

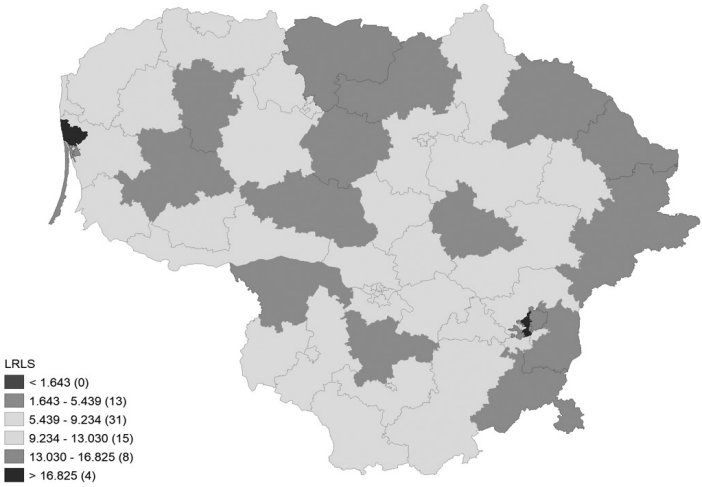


Рис. 2.5.10. Картограмма размаха долей избирателей округа, проголосовавших за Либеральное движение

В общем по стране у Социал-демократической партии Литвы довольно высокий уровень поддержки. На этом фоне выделяются четыре региона с максимальными показателями — Таурагский, Вилкавишкский, Йонавский и Пренайский районы, что связано с программой партии, посвященной снижению безработицы и созданию новых рабочих мест как об одной из наиболее важных задач. Эти тезисы особенно актуальны для отраслей промышленности, пострадавших от долгового кризиса ЕС начала 2010-х годов, таких как текстильная и пищевая; и на этих территориях как раз хорошо развиты пищевая, текстильная, химическая и авиационная отрасли.

Близость этих регионов к российской границе облегчает экспорт произведенных здесь товаров. Однако это обстоятельство едва ли сыграло важную роль, так как промышленность здесь более ориентирована на экспорт ЕС или на внутренний рынок.

Жители регионов с более развитой сферой услуг хуже восприняли партийные лозунги о проблемах промышленных рабочих. Характерно, что в кластерах с минимальной поддержкой партии — северо-западном, Вильнюсе и Каунасе, а также восточном — преобладает сфера услуг. Соседство Клайпеды с Россией могло оказать сильное воздействие, поскольку избиратели северо-запада были заинтересованы совместно с россиянами развивать рекреационные услуги в районе Куршской косы.

С точки зрения этнической мотивации избирателей примечательно, что на юго-востоке, как и в случае некоторых других упомянутых партий, зафиксирован минимальный уровень поддержки. В этих районах проживают преимущественно поляки и белорусы, которые прохладно относятся к попыткам распространения литовского национализма. Возвращаясь к экономическим факторам, стоит отметить, что здесь уровень развития промышленности невысок, основа экономики — сельское хозяйство.

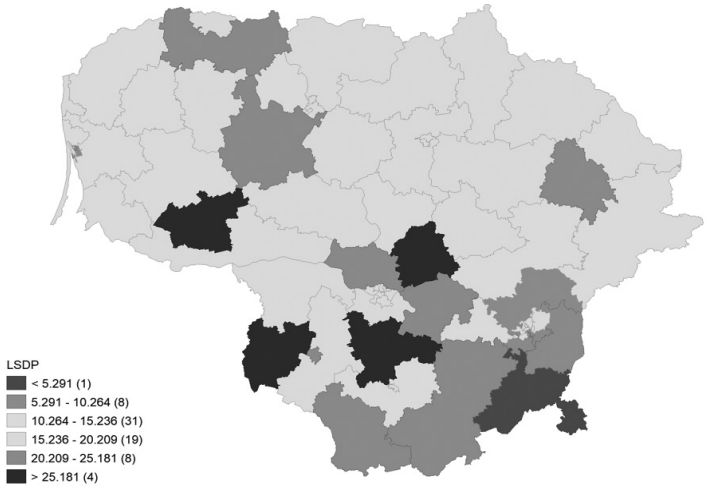


Рис. 2.5.11. Картограмма размаха долей избирателей округа, проголосовавших за Социал-демократическую партию Литвы

Партия труда имела высокую поддержку среди населения центральных регионов и белорусского пограничья: сравнительно бедных районах со специализацией на сельском хозяйстве. Местные жители были восприимчивы к популистским обещаниям партии развить важнейшие отрасли экономики, бороться с коррупцией и повысить зарплаты.

А потенциальный электорат возле российской границы, видимо, поддержал идеологически близкую социал-демократическую партию. Также слабая поддержка на российском пограничье может быть связана с недоверием к руководству партии, основанной миллионером.

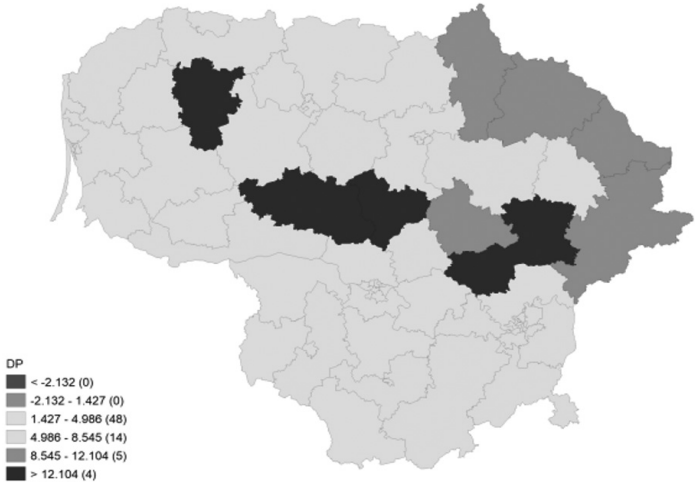


Рис. 2.5.12. Картограмма размаха долей избирателей округа, проголосовавших за Партию труда

В целом по стране наблюдается высокий уровень поддержки Литовского союза крестьян и зеленых, максимальный, — в Шяуляйском уезде. Это связано с тем, что партия выступает за права аграриев и за развитие сельского хозяйства, в том числе используя “зеленые” технологии, а это

крупный район свекловодства и льноводства, а также молочно-мясного животноводства. Карта локальных индикаторов пространственной автокорреляции (рис. 2.5.14) и ее высокий коэффициент (0,79) подтверждают, что партия особенно популярна в провинциальном центральном севере: местным жителям требовалось сохранить занятость в агропромышленном комплексе (даже путем лоббирования фермерских субсидий в структурных фондах ЕС) после финансового кризиса и удорожания национальной валюты (в 2015 году Литва перешла на евро, чей относительно высокий курс был невыгоден экспортерам).

Напротив, кластеры низкой поддержки располагаются на рис. 5.14 в тех местностях, экономическое развитие которых меньше зависит от сельского хозяйства: столичный регион имеет дешевый доступ к экспортному рынку ЕАЭС, а Клайпеда — еще и выход к морю.

Высокий уровень поддержки также наблюдался на остальных территориях вдоль российской границы. Это может объясняться интенсивностью культурных связей с Россией, а также заинтересованностью в экспорте продукции (в том числе сельскохозяйственной) на российский рынок и калининградском транзите. При этом, сравнивая низкие результаты партии в окрестностях Клайпеды и высокие — на остальных пограничных сегментах, следует признать, что хотя близость границы с Россией и оказывает воздействие на электоральное поведение, решающим фактором является специализация регионов на сельском хозяйстве.

Сопоставлены ***этнические и географические факторы*** электоральной поддержки. Как следует из рис. 2.5.15, суммарная популярность консервативных сторонников России высока вблизи городов с долей русского населения более 10%: Висагинаса, Клайпеды и Вильнюса (особенно в местах компактного проживания поляков, где их голоса

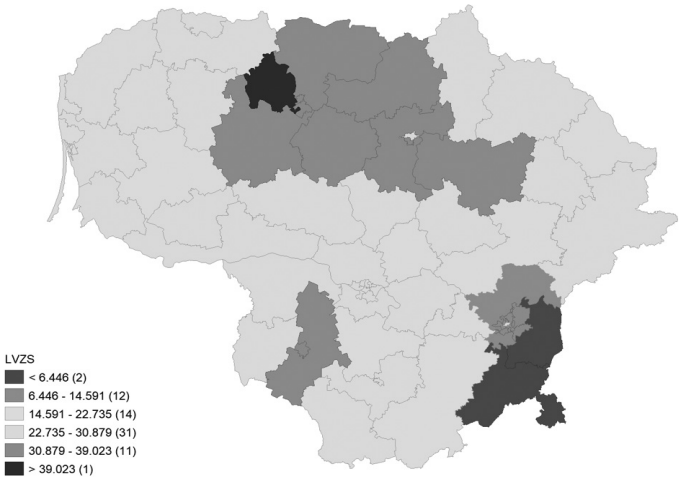


Рис. 2.5.13. Картограмма размаха долей избирателей округа, проголосовавших за Литовский союз крестьян и зеленых

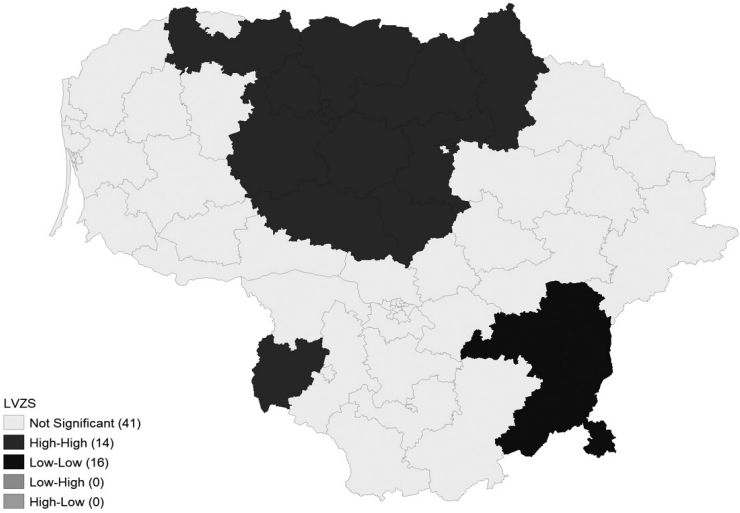


Рис. 2.5.14. Локальные индикаторы пространственной автокорреляции долей избирателей округа, проголосовавших за Литовский союз крестьян и зеленых

за Избирательную акцию поляков Литвы составили львиную долю популярности политической группы). Кроме того, поддержку данным партиям оказали до 13,2% жителей многих сельских округов по пути транзита из Калининграда в Беларусь; и приведенная картограмма размаха не позволяет сопоставить этнический и географический фактор по степени влияния на результат выборов.

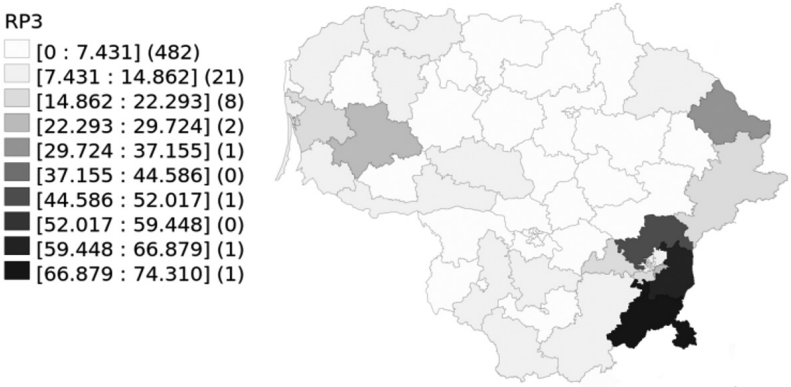


Рис. 2.5.15. Картограмма размаха совокупных долей избирателей округа, проголосовавших за «Порядок и справедливость» и блок Избирательной акции поляков Литвы и Союза христианских семей

С одной стороны, этническое происхождение обладает в этом сравнении довольно большой предсказательной силой. Корреляционный анализ показал, что малая доля русских в населении избирательного округа часто соответствует низкой совокупной популярности рассмотренных партий и наоборот: коэффициент Пирсона равен 0,38.

С другой стороны, такая величина корреляции означает, что указанный фактор объясняет лишь 14% изменчивости результатов выборов: параметр R-квадрат равен 0,14. Кроме того, разброс пропорций исходных показателей (*результатов*

партийной группы к доле русских) по регионам Литвы говорит о том, что этническая зависимость проявляется в разной мере на различных территориях: наиболее сильно — вблизи российско-литовского рубежа и российско-белорусских магистралей (рис. 2.5.16).

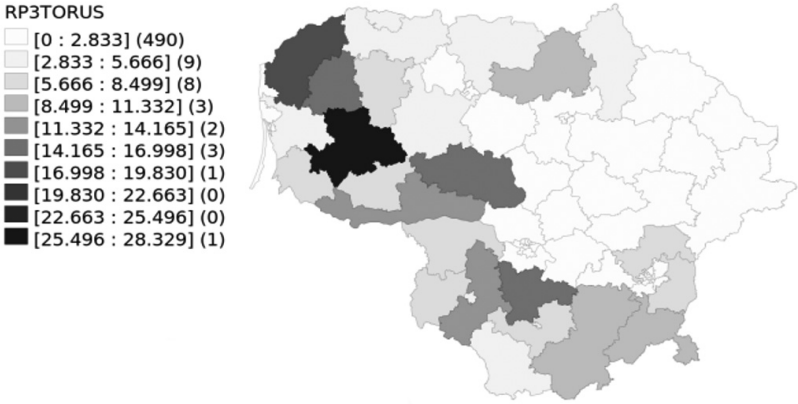


Рис. 2.5.16. Картограмма размаха голосов за «Порядок и справедливость» и блок Избирательной акции поляков Литвы и Союза христианских семей на 1 русского

Действительно, в большинстве регионов 50-километровой полосы по границе с Россией эти партии пользуются поддержкой 8-16% избирателей, даже если среди них (правда, включая тех, кто не участвовал в выборах) относительно мало русских: например, в Жемайтийском округе 0,8% русских, но за данные партии подано в десятки раз больше, 23,2% голосов. Напротив, даже при наличии русских избирателей отдаленность от России снижает популярность пророссийских сил: например, при заселенности Висагинаса русскими на 35% эти партии набрали там лишь 4,4%. При этом преждевременно утверждать, что популярностью в своих опорных округах (к востоку от Вильнюса)

эти партии обязаны преимущественно близостью к ЕАЭС и транзитному пути из Беларуси в Калининград, а не наличию русского населения (оно составляет там лишь 7-8%): значительную поддержку им оказали проживающие там поляки.

Та же зависимость от близости к нашей стране наблюдается у центристов с позитивным отношением к России и антироссийских консерваторов (рис. 2.5.17 и 2.5.18). При этом значимость низких коэффициентов корреляции электоральной поддержки с долей русских недостаточна, что не дает права говорить о тесной взаимосвязи данных признаков. Картограммы размаха для электоральных результатов этих организаций повторяют приведенные ранее диаграммы для единственной компоненты каждой категории: соответственно, блока Союза Отчества и «Литовских христианских демократов», а также Партии труда.

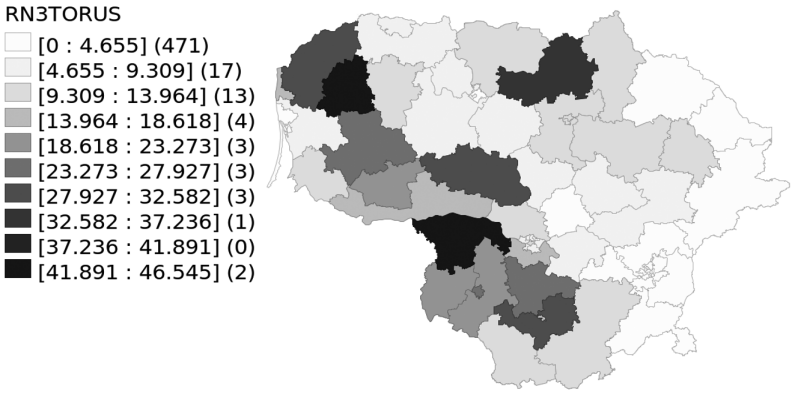


Рис. 2.5.17. Картограмма размаха голосов за блок Союза Отчества и «Литовских христианских демократов» на 1 русского

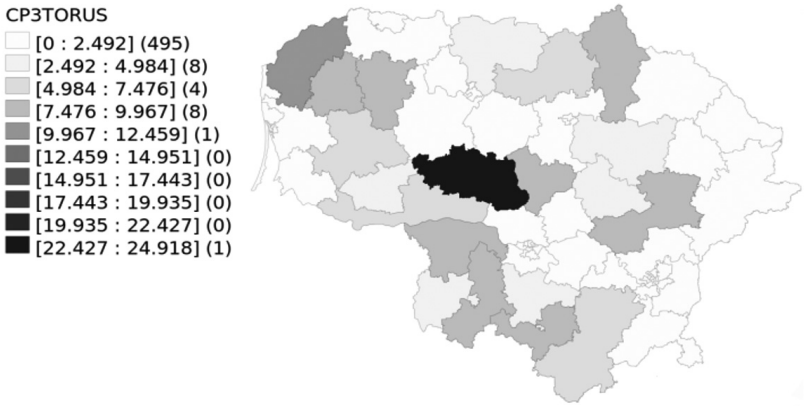


Рис. 2.5.18. Картограмма размаха голосов за Партию труда на 1 русского

Таким образом, устойчивость зависимости от близости к России в случае различных партий позволяет считать этот географический фактор не менее важным, чем этнический. Более того, низкие значения коэффициентов в двух измерениях корреляции из трех заставляют усомниться в повсеместном действии последнего фактора.

Участвуя в упомянутом социологическом опросе ЦПАМО, некоторые избиратели детализировали желательные для них ***направления дальнейшего сотрудничества с Россией***. Они назвали наиболее отвечающими литовским интересам следующие модели отношений с Россией: предлагаемые Партией труда и Избирательной акцией поляков Литвы (по 22% респондентов), Партией свободы (11%), «Литовскими христианскими демократами», Социал-демократической партией и Либеральным движением Литовской Республики (по 6%). Поскольку первые два объединения закодированы в упомянутой базе данных ЦПАМО как сторонники России, последние две — как индифферентные, и лишь христианские демократы — как противники, можно

утверждать, что большинству респондентов неприемлема враждебность национальных властей к нашей стране.

Половина респондентов затруднилась определить такую политическую силу. Видимо, даже для таких высококвалифицированных участников общественной жизни позиция партии в отношении России не является важным параметром оценки партийной идеологии.

Некоторые респонденты посчитали ряд политических сил «пророссийскими» (как было сформулировано в вопросе): в частности, Избирательную акцию поляков Литвы назвали 67% опрошенных, Партию труда — 50% (был возможен множественный выбор). При этом такая позиция упомянутых партий называлась соответствующей литовским интересам (в ответе на предыдущий вопрос) довольно редко, в оба списка некоторые респонденты включили лишь Избирательную акцию поляков Литвы и Партию труда.

Были собраны данные о деталях оценки России респондентами — мнения о дифференцированном сотрудничестве по разным направлениям. Наиболее устойчиво с желательностью развивать культурные и экономические отношения коррелировало чувство военной угрозы со стороны России, испытываемое респондентами: коэффициент Пирсона для обоих направлений диалога составил 0,39. Стоит отметить направление этой зависимости: чем больше респонденты опасались российской армии, тем больше (а не меньше, как можно было ожидать) они стремились сотрудничать с Россией в упомянутых областях. В этом может проявляться желание направить потенциал нашей страны в мирное русло (в надежде показать потенциальному, по мнению респондентов, агрессору выгоду от торговли, несовместимой с боевыми действиями) или острая потребность литовцев, пострадавших от коронакризиса, налаживать хозяйственные связи с любой страной. Объяснить данное наблюдение статистическим выбросом

(из-за малого размера выборки) трудно: довольно высокий показатель т.н. «байесовского фактора»[231] — 0,84 — говорит о том, что такую степень тесноты связи вполне можно обнаружить и на более солидных выборках.

Тесную корреляцию ощущения военной угрозы с пожеланиями отношений в наиболее близкой к ней сфере — политической — обнаружить на этой малой выборке не удалось: коэффициент Пирсона составил лишь 0,16. Тем не менее второстепенные результаты байесовского метода его расчета позволяют предположить, что взаимосвязь в генеральной совокупности может быть теснее, а проведенное исследование не выявило ее из-за дизайна выборки. Апостериорное распределение значений на рис. 2.5.19 показывает, что величина коэффициента 0,35 (чья ордината на графике находится около единицы) также вполне вероятна.

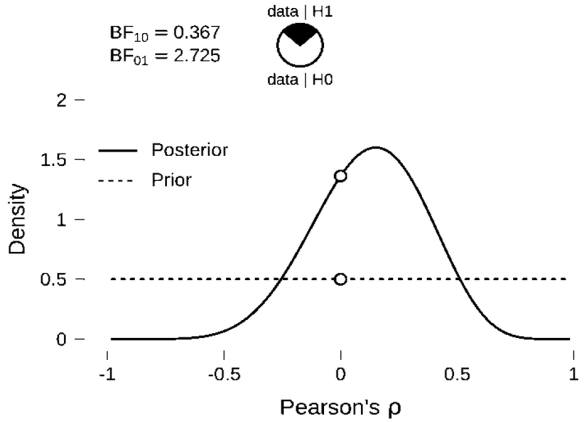


Рис. 2.5.19. Байесовская корреляция восприятия военной угрозы от России и желания иметь дружественные политические отношения с Россией

[231] Отдаленно напоминающего коэффициент значимости в традиционной статистике, но с «развернутой» измерительной шкалой, на которой низкие значения, наоборот, считаются недопустимыми.

Корреляция гордости за свою страну (а именно, оценки Литвы как «модели для подражания для других стран») с желанием дружественных экономических и культурных связей с Россией составила, соответственно, -0,25 и -0,24: чем менее респонденты уверены в способности своей страны подать пример, тем меньше у них желания сотрудничать с Россией. Предположительно, неуверенность в своем государстве порождает страх перед другими, особенно превосходящими по объему дешевеющего (по мере повышения курса евро к рублю) экспорта и количеству рабочей силы. Вполне вероятно, что этот показатель составляет -0,4 по причинам, указанным ранее; причем в случае экономических и культурных контактов это вероятнее, чем в первом, поскольку немного выше значения байесовских факторов (соответственно, 0,47 и 0,45 по сравнению с 0,37).

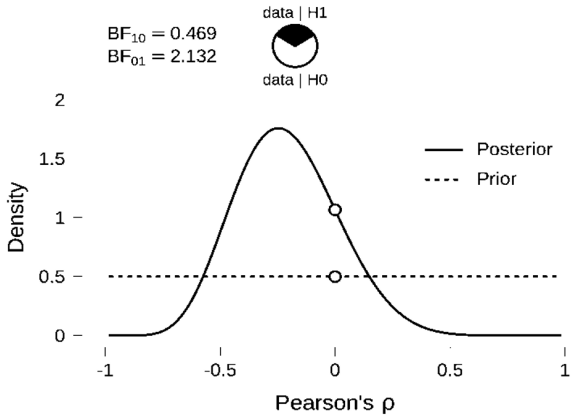


Рис. 2.5.20. Байесовская корреляция мнения о Литве как примере для подражания и желания иметь дружественные экономические отношения с Россией

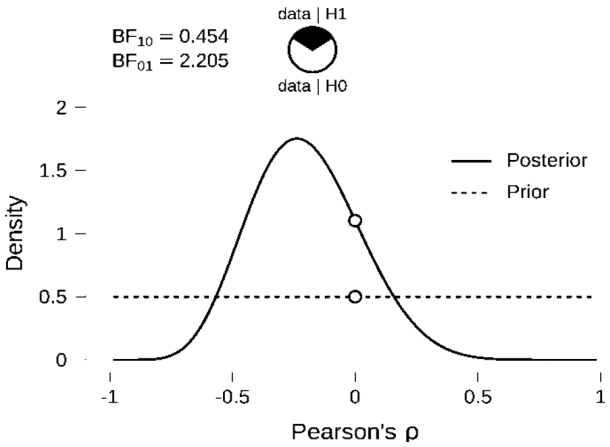


Рис. 2.5.21. Байесовская корреляция мнения о Литве как примере для подражания и желания иметь дружественные культурные связи с Россией

Список литературы

Доманов А.О. Основы байесовского подхода к количественному анализу (на примере евроскептицизма) / А.О. Доманов // Политическая наука. — 2021. — № 1.

Clark T. Presidentialism and the Effect of Electoral Law in Postcommunist Systems: Regime Type Matters / T. Clark, J. Wittrock // Comparative Political Studies. — 2005. — Vol. 38. — № 2. — P. 171–188.

Csergo Zs. Europeanization and Collective Rationality in Minority Voting / Zs. Csergo, A.-Ch. Regelmann // Problems of Post-Communism. — 2017. — № 64 (5). — P. 291–310. (Poles and Russophones in Lithuania: The Emergence of an Interethnic Minority Coalition.)

Harper Marcus A. Economic voting in postcommunist eastern Europe / A. Harper Marcus // Comparative Political Studies. — 2000. — № 33. — P. 1191–1227.

Herron E. Friends and Neighbors. Voting Under Mixed-Member Majoritarian Electoral Systems: Evidence from Lithuania / E. Herron, Michael S. Lynch // Representation. — 2019. — № 55 (1). — P. 81–99.

Jastramskis M. Election Forecasting in Lithuania: The Case of Municipal Elections / M. Jastramskis // International Journal of Forecasting. — 2012. — № 28. — P. 822–829.

Lewis-Beck M. The Economic Vote in Transitional Democracies / M. Lewis-Beck, M. Stegmaier // Journal of Elections, Public Opinion and Parties. — 2008. — № 18 (3). — P. 303–323.

Martinaitis Z. Explaining Electoral Reforms in Lithuania / Z. Martinaitis // Journal of Baltic Studies. — September 2012. — Vol. 43. — № 3. — P. 389–400.

Meleshevich A. Geographical Patterns of Party Support in the Baltic States, Russia and Ukraine / A. Meleshevich // European Urban and Regional Studies. — 2006. — № 13 (2). — P. 113–129.

Moser R. Electoral Systems and the Number of Parties in Postcommunist States / R. Moser // World Politics. — 1999. — № 51 (3). — P. 359–384.

Neringa Klumbyte. Memory, Identity, and Citizenship in Lithuania / Klumbyte Neringa // Journal of Baltic Studies. — 2010. — № 41 (3). — P. 295–313.

Pop-Eleches Grigore. After The Party: Legacies and Left-Right Distinctions in Post-Communist Countries / Grigore Pop-Eleches, Joshua A. Tucker // 2010 Annual Meeting of the American Political Science Association, 2-5 Sept. — Washington, DC, 2010. — 48 p.

Preece J. How the Party Can Win in Personal Vote Systems: The “Selectoral Connection” and Legislative Voting in Lithuania / J. Preece // Legislative Studies Quarterly. — 2014. — Vol. XXXIX. — № 2. — P. 147–167.

Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis / G. Sartori. — New York : Cambridge University Press, 1976. — Vol. 1. — 370 p.

2.6. Польша

Республика Польша — демократическое правовое унитарное государство. По Конституции 1997 года Польша имеет республиканскую форму правления с разделением власти на законодательную, исполнительную и судебную. Современное польское государство помимо официального наименования в основном законе страны также называется Третьей Речью Посполитой, что, с одной стороны, провозглашает преемственность Польской Республики в межвоенный период (1918–1939), а с другой — дистанцирует от Польской Народной Республики эпохи социализма (1944–1989).

Законодательную власть в Польше осуществляет двухпалатный парламент, состоящий из Сейма и Сената. Де-факто наибольшими властными полномочиями наделен Сейм, нижняя палата парламента, состоящий из 460 депутатов. Для нашего исследования выборы в Сейм представляют наибольший эвристический потенциал, так как каждые 4 года именно результаты выборов в эту палату отражают настроения и политические предпочтения «Польской Нации», как польский народ назван в конституции[232], а победившая партия (или коалиция) в Сейме формирует правительство и определяет основы государственной политики.

В конституции Польши закреплен принцип многопартийности. На практике партийные избирательные блоки и коалиции также играют активную роль в политической системе. От 63 до 82% мест в Сейме с 2007 года занимают, как правило, две партии — «Право и справедливость»,

[232] Конституция Польши. URL: http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/rosyjski/kon1.htm

ПиС (Prawo i Sprawiedliwość, PiS) и «Гражданская платформа», ГП (Platforma Obywatelska, PO), поэтому можно констатировать, что политическая система страны сконцентрирована вокруг двух партийных образований, хотя в настоящее время в польском обществе происходят изменения партийных предпочтений.

Несмотря на то что в польском парламенте представлены партии, расположенные по всей широте политического спектра, преобладающими идеологиями являются правые — от националистов-государственников до умеренных консерваторов. Одна из основных причин разбалансировки партийного поля в Польше кроется в том факте, что Польская объединенная рабочая партия, являясь руководящей и центральной партией в социалистическую эпоху, не имела оппонентов «слева», а все ее критики придерживались более «правых» взглядов, в том числе и профсоюзное движение «Солидарность» (которое по определению должно быть более левым). А. Липинский пишет о том, что в Польше наблюдается раскорреляция экономического и аксиологического измерений раскола между правыми и левыми: первые часто провозглашают социальные лозунги, а вторые — ориентируются на рынок, в то время как традиционное (англосаксонское) ценностное разделение подразумевало противоположные позиции[233].

Вместе с тем стоит упомянуть, что, согласно статье 13 Конституции Польши, «запрещается существование политических партий, обращающихся в своих программах к тоталитарным методам и практике деятельности нацизма, фашизма и коммунизма…».

[233] Липинский Артур. Политические партии и партийная система в условиях посткоммунизма. Казус Польши // PolitBook. 2014. № 2. С. 113–134.

Говоря о партийной фрагментации, по классификации Дж. Сартори Польшу можно отнести к системе «умеренного плюрализма», так как конкуренция на политической арене современной страны, как правило, происходит между тремя-четырьмя основными партиями: помимо упоминавшихся ПиС и ГП, также стоит выделить СДЛС (Союз демократических левых сил) и ПКП (Польская крестьянская партия)[234]. Согласно проведенным расчетам по индексу Лааксо-Таагепера[235] по данным выборов 2019 года, эффективное число партий для Польши равно 3,4; по индексу Голосова — 2,7[236].

Проведя общий анализ избирательных циклов «Третьей республики» (1991–2019), возможно выделить три периода, основанных на конфигурации партий, представленных в Сейме: (1) избирательный цикл 1991 г., характеризующийся глубокой политической фрагментацией, при которой 29 партий получили депутатские мандаты; (2) избирательные циклы 1993–1997–2001 гг., отмеченные сильной позицией СДЛС (с оговоркой, что в 1997 г. правая коалиция «Избирательная Акция Солидарность» набрала больше голосов, но уже в следующем цикле фактически исчезла); (3) избирательные циклы 2005–2007–2011–2015–2019 гг., в которых основная конкуренция реализуется между ПиС и ГП, на ее фоне выделяется деятельность СДЛС, ПКП, а также вновь создаваемых партий.

---

[234] Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Партии и выборы : хрестоматия / ИНИОН РАН ; МГИМО (У) МИД РФ. Ч. 1. М. : ИНИОН РАН, 2004. С. 14–27. Серия «Политическая наука».

[235] Laakso M., Taagepera R. “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. № 12 (1). P. 3–27.

[236] Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

Перебалансировка партийной системы произошла в 2015 году, когда ПиС одержала победу над своим главным конкурентом — ГП, а затем подтвердила свою позицию в 2019 году.

Большинство голосов на выборах в Сейм Польши в 2015 и в 2019 годах получила либерально-консервативная политическая партия «Право и справедливость», которая выдвигалась вместе с партиями «Солидарная Польша» и «Польша вместе» / «Согласие» в блоке «Объединенные правые». Вопросы отношений с Россией являются одним из ключевых элементов программы внешней политики и безопасности главной польской партии правых. ПиС преподносит себя как антироссийская. Единственной точкой соприкосновения ПиС с Россией и российским обществом могла бы стать приверженность к христианским традиционным ценностям, однако культурно-идеологической связи недостаточно для кардинального изменения риторики по отношению к России. Согласно статистике проекта Manifesto Project Database, индикатор "Right-Left position" в 2007 году составил 9,8; в 2011 г. — 17,5; в 2015 г. — 10,8; в 2019 г. — 11,2[237].

Второй партией по количеству мест в парламенте в 2015–2019 гг. стала либерально-консервативная[238] политическая партия «Гражданская платформа». ГП ориентирована на сотрудничество с ЕС, в то время как ПиС проявляет евроскептицизм. Согласно статистике проекта Manifesto Project Database, индикатор "Right-Left position" в 2007 году составил 6,0, в 2011 — -4,4; в 2015 — -13,3. ГП критически воспринимает политику России, но от слов «противник» и «враг» всегда воздерживалась. ГП всегда делала ставку

[237] Manifesto Project Database. URL: https://manifesto-project.wzb.eu/

[238] Женгота К. Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и качественный анализ // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 3. С. 125–141.

на развитие отношений с Германией и углубление европейской интеграции[239].

Социал-демократическая партия «Союз демократических левых сил» СДЛС (Sojusz Lewicy Demokratycznej, SLD) на выборах в Сейм 2019 года получила третье место по количеству мандатов. В 1993–2011 гг. СДЛС набирала от 20% до 41% голосов, в то время как в 2005–2019 гг. общее количество голосов, отданных за СДЛС, не превышало 12%. Эта партия в своей политике сохраняет прокоммунистические принципы. Также СДЛС отличает уважительное отношение к общей истории Польши и России. Представители СДЛС предлагают смягчить польскую политику в сторону России и наладить отношения с Москвой. Согласно статистике проекта Manifesto Project Database, индикатор "Right-Left position" в 2005 году составил — -0,6, в 2011 — -0,9. В феврале 2020 года СДЛС инициировала процесс поглощения «Весенней партии», избрав новое название «Новые левые» (Nowa Lewica) и сменив логотип на более современный.

Наконец, «Польская крестьянская партия», ПКП (Polskie Stronnictwo Ludowe, PSL) возглавляет блок «Польская коалиция», а на наднациональном уровне входит в Европейскую народную партию. Пик популярности партии пришелся на 1993 год, когда ей удалось получить 27% голосов избирателей. Одним из важных элементов политической программы партии ПКП является постулат о прекращении экономических санкций против России, от которых теряет прибыль польский сельскохозяйственный сектор. В отношении этой партии появлялись обвинения в пророссийских

[239] Трухачев В. Польша под властью антироссийских евроскептиков / РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/polsha-pod-vlastyu-antirossiyskikh-evroskeptikov

настроениях[240]. Несмотря на то что ПКП нельзя отнести к дружественно настроенным по отношению к России, партия настроена на партнерство. В 2016 году именно ПКП выступила за отмену санкций Евросоюза против России. Согласно статистике проекта Manifesto Project Database, индикатор "Right-Left position" в 2007 году составил 2,3, в 2011 — 18,3, в 2015 году — -7,3.

Говоря о новшествах в польском избирательном процессе нельзя не отметить, что в 2015 году крайне правой партии KORWiN (Коалиция обновления республики Свобода и Надежда; с 2022 года переименована в партию «Новая надежда») евродепутата Януша Корвина-Микке, которая считается пророссийской, не хватило голосов до попадания в Сейм, так как, будучи в избирательном блоке с «Национальным движением» и представителями «Конгресса новых правых», партия должна была преодолеть 8%-ный барьер. Однако в 2019 году она в составе блока «Конфедерация свободы и независимости» набрала 6,8% голосов избирателей и получила 3 места в Сейме (всего Конфедерация получила 11 мест, была зарегистрирована как партия). Лидер партии Януш Корвин-Микке выступает за налаживание отношений с Россией, а также допускает вхождение Польши в Евразийский союз, который продвигает Россия[241].

Также следует отметить, что в отмеченный период в Сейм Польши входили такие партии, как право-популистская «Кукиз'15» и либеральная партия «Современная»

---

[240] Женгота К. Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и качественный анализ // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 3. С. 125–141.

[241] Шаншиева Л.Н Правый радикализм в Восточной Европе : сборник научных трудов / ИНИОН РАН, Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем, Отдел Европы и Америки (сектор Восточной Европы). М., 2018. 220 с. (Серия «Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России»). URL: http://inion.ru/site/assets/files/2958/2018_snt_pravyi_radikalizm.pdf

(«новички» на выборах 2015 года), а также социально-либералистская партия Движение Паликота.

«Кукиз'15», лидером которой является Павел Кукиз, польский актер и панк-рок-музыкант, показывает большее беспристрастие и прагматизм в польско-российских отношениях, выражая как критические отзывы, так и касающиеся необходимости улучшения отношений с Россией[242]. В парламентских выборах 2015 г. партия объединилась с ультраправым «Национальным движением» и «Конгрессом новых правых». Благодаря успеху блока партии удалось провести в Сейм пять депутатов. На выборах 2019 года представители партии «Кукиз'15» объединились в блок «Польская коалиция» вместе с ПКП, благодаря чему ей удалось провести шестерых депутатов. Впервые с 2007 г. в Сейме оказались депутаты открыто националистических позиций, несмотря на то что блок определяет себя как аидеологический[243]. Согласно статистике проекта Manifesto Project Database, индикатор "Right-Left position" в 2015 году составил -1,5.

Партия «Современная» входила в правоцентристскую коалицию вместе с «Гражданской платформой», представителями «Польской крестьянской партии» и «Женской партии». Ее основатель Рышард Петру в одном из интервью заявил, что отношения Польши и России могут наладиться, когда Польша будет занимать более сильные позиции

[242] Женгота К. Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и качественный анализ // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 3. С. 125–141.

[243] Шаншиева Л.Н. Правый радикализм в Восточной Европе : сборник научных трудов / ИНИОН РАН, Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем, Отдел Европы и Америки (сектор Восточной Европы). М., 2018. 220 с. (Серия «Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России»). URL: http://inion.ru/site/assets/files/2958/2018_snt_pravyi_radikalizm.pdf

в Европейском союзе[244]. Согласно статистике проекта Manifesto Project Database, индикатор “Right-Left position” в 2015 году составил 4,4.

Партия «Твое движение» (до 2013 г. носила название «Движение Паликота») относится к партиям социал-либерального толка[245]. Провела 40 депутатов в Сейм в 2011 году, заняв третье место по данному показателю, но в избирательном цикле 2015–2019 гг. потеряла свои позиции. Согласно статистике проекта Manifesto Project Database, индикатор “Right-Left position” в 2011 году составил 6,1.

Избирательная система в Польше — пропорциональная с индивидуальным выбором в многомандатных округах. Иными словами, избирателю необходимо выбрать из партийного списка конкретную фамилию. Мандаты между тем распределяются с помощью метода д’Ондта, который дает преимущество более крупным партиям. Данный метод распределения последовательно использовался в избирательных циклах, кроме 2001 года, когда использовался метод распределения Сент-Лагю. Все граждане от 21 года могут быть избраны в Сейм как от партии, так и самовыдвижением. Барьер составляет 5% для партий и 8% для коалиций. При выборах в Сейм существует избирательная квота для женщин и мужчин — 35% от всех кандидатов в партийном списке для каждого пола. Кроме того, существует квота для партий национальных меньшинств (одно место).

Польская избирательная система представляет собой сложную для классификации смешанную систему, в которой

---

[244] Отношения с Россией стали одной из центральных тем предвыборных дебатов в Польше // ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2363918

[245] Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. I (Transformation of the party and political landscape in European Union countries in the period of crisis. Part I) / отв. ред. Б.П. Гуселетов. М. : Институт Европы РАН, 2017. С. 126.

избиратель голосует и за партию, и за конкретных кандидатов. Исходя из классификации, предложенной А.Е. Любаревым, ее можно отнести к системе открытых (свободных) партийных списков, при этом голосование за кандидата является преференциальным[246].

Территория Польши разделена на 41 избирательный округ, число мандатов в которых рассчитывается в зависимости от количества жителей в них. Количество округов не менялось на протяжении четырех рассмотренных электоральных циклов с 2007 по 2019 год. Всего на выборах в 2019 году регионы получили от семи до двадцати мандатов.

Электоральная география Польши была предметом изучения таких ученых, как М. Барвиньский[247], К. Ящевич[248], М. Ковальский[249], Т. Зарицкий и А. Новак[250]. Вопрос взаимосвязи электорального поведения граждан и существования региональных кластеров проанализирован в докладе «Электоральная география и выборы в Польше», который был представлен Чрезвычайным и Полномочным Послом Польши в России Влодзимежем Марчиняком во время седьмого заседания междисциплинарного семинара САЕ «Вы-

[246] Любарев А.Е. Избирательные системы и российское электоральное законодательство // Полис. 2003. № 4 (75). С. 120–129.

[247] Barwiński M. Influence of former political borders on election results in Poland. Paper presented at the conference “Borderscapes: spaces in conflict / symbolic places / networks of peace”. Trento, June 11–14, 2006.

[248] Jasiewicz K. “The past is never dead”: identity, class, and voting behavior in contemporary Poland // East European Politics and Societies. 2009. № 23. P. 491–508.

[249] Kowalski M. Geografia wyborcza Polski. Przestrzenne zróżnicowanie zachowań wyborczych Polaków w latach 1989–1998 (Poland’s electoral geography. Spatial diversity of Poles’ voting behavior in 1989–1998) // Geopolitical Studies. 2000. Vol. 7.

[250] Zarycki T., Nowak A. Hidden dimensions: the stability and structure of regional political cleavages in Poland // Communist and Post-Communist Studies. 2000. № 33. P. 331–354.

зовы социального развития» в 2017 году. В докладе большое внимание было уделено политической регионализации Польши и ее влиянию на результаты выборов. В. Марчиняком был сделан вывод о том, что исторические и демографические особенности отдельных районов влияют на политическую позицию их жителей[251].

Рис. 2.6.1. Карта избирательных округов Польши

Источник: Официальный сайт парламентских выборов в Польше. 2019 год. URL: https://sejmsenat2019.pkw.gov.pl/sejmsenat2019/en/wyniki/sejm/pl (дата обращения: 25.03.2022).

[251] Марчиняк В. Электоральная география и выборы в Польше. VII заседание междисциплинарного семинара САЕ «Вызовы социального развития». 2018. URL: https://social.hse.ru/news/212672030.html

Особенности политического поведения граждан в зависимости от их исторической принадлежности к империям отмечает Т. Зарицкий[252]. Далее представлена карта исторического деления регионов Польши, которую важно принимать во внимание при интерпретации данных голосования.

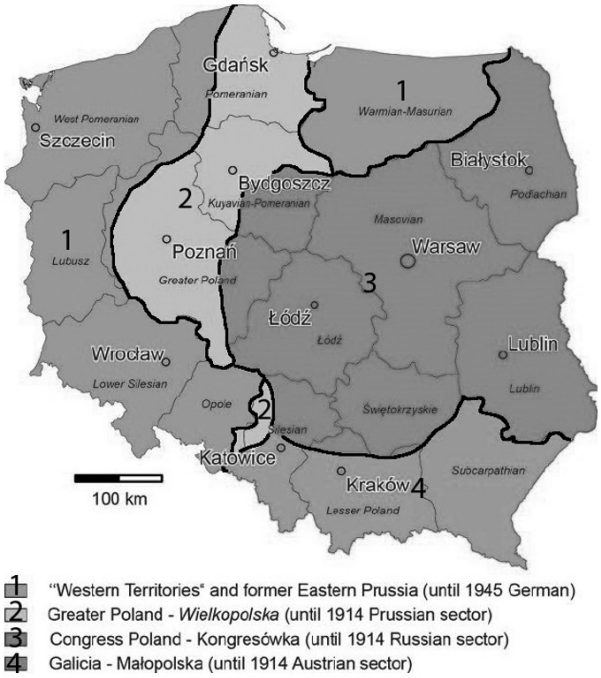


Рис. 2.6.2. Административное деление и исторические регионы Польши

Источник: Zarycki T. The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations

[252] Zarycki T., Nowak A. Hidden dimensions: the stability and structure of regional political cleavages in Poland // Communist and Post-Communist Studies. 2000. № 33. P. 331–354.

Важнейшей особенностью политической карты Польши является сложносоставный характер ее территории, сформированной в ходе асинхронных исторических потерь и приобретений земель вкупе с проведением новых границ. Ключевые территориальные разделительные линии проходят между бывшими российскими территориями Царства Польского (центр и восток), австрийской территорией Галиции (юг), а также прусскими территориями (как в составе Речи Посполитой, так и «Возвращенные земли» после 1945 года — север и запад). Кроме того, следует отметить дихотомию между коренными поляками, живущими в нынешнем центре страны, и переселенцами из Галиции и России, территориально локализованными на западе Польши. По религиозному принципу следует выделить католический центр и юг страны, а также менее религиозный запад. Кроме того, в Польше выделяется кластер протестантов, в основном представленный немецким меньшинством (в частности, Опольское воеводство на юго-западе страны).

Таким образом, логика развития идейно-политического пространства Польши отражает основные расколы, выделенные Липсетом и Рокканом[253]: «раскол» «центр — периферия», связанный с формированием единого польского государства, достижением независимости и необходимостью унификации разрозненных территорий; «государство — церковь», проявляющийся в существовании секуляризированных и католических регионов; «город — село», имеющий отношение к различному уровню социо-экономического развития крупных городов и аграрных регионов; «собственники — рабочие», ставший основой Польской Народной Республики и ее развития во второй половине XX века. Новый раскол «глобализация — суверенизация» отчетливее всего

[253] Rokkan S. Citizens, elections, parties: Approaches to the comparative study of the processes of development. Oslo : Universitetsforlaget, 1970.

проявляется в отношении Польши к своей роли и положению в рамках Европейского союза. Особенностью польского политического пространства является ярко выраженное наложение данных расколов друг на друга, оказывающих взаимное усиление. Так, основные политические, культурные и социо-экономические различия, аккумулированные территориально, в польском политико-экономическом дискурсе выражены в концепции Польши «А» и Польши «Б». Так, Польша «А», расположенная к западу от Вислы, более космополитична, евроориентированна и в целом более развита по сравнению с Польшей «Б», расположенной к востоку от Вислы и являющейся более религиозной и традиционной, а также менее развитой. Генеральный секретарь Торгово-промышленной палаты М. Клочко в 2007 году высказался о существовании уже «трех Польш», добавив в логический ряд «еще одну Польшу», представленную мегаполисами страны[254]. Релевантность выделения крупных городов в одну категорию частично доказывается тем фактом, что территориальная логика поддержки партий в таких городах, как Варшава или Познань, зачастую не соблюдается.

Следует констатировать, что территориальная дифференциация, закрепленная разделительными линиями прошлого, в целом сохраняется на партийном уровне, но не является стабильной. Так, леволиберальные партии (СДЛС и ГП), являющиеся духовными наследниками правящей Польской объединенной рабочей партии времен Польской Народной Республики, пользуются поддержкой более секулярных жителей бывших прусских территорий, в то время как за консервативные ПиС и ПКП выступают жителями бывших русских и австрийских территорий, придерживающихся христианско-демократических ценностей. Подоб-

[254] Borkowska I. Polska Polsce nierówna // Raport Polska.pl. 04.06.2008.

ные региональные идентичностные партии склонны к территориальной дифференциации, так как ориентируются на своих сторонников. Однако аксиология польских партий находится в динамике — они могут трансформироваться, меняя названия и состав сторонников, уходить с политической арены и вновь на нее возвращаться, пересматривать некоторые положения собственных программ, при этом дихотомия «пост-ПОРП/пост-Солидарность», которая выражается в делении на условных в польском политическом контексте «левых» и «правых», как представляется, является определяющей. С данной точки зрения обе партии приобретают признаки электоралистских. Косвенным подтверждением данного вывода является тот факт, что две современные системообразующие партии ГП и ПиС «вышли» из «Избирательной акции Солидарность», которая в свою очередь являлась основной антикоммунистической партией в 1996–2001 гг. Однако со временем ГП и ПиС стали тяготеть к разным полюсам политического спектра. Вместе с тем выборы 2015 г. продемонстрировали, что за один избирательный цикл партия может потерять своих традиционных сторонников из-за радикального изменения собственной программы, что и произошло с ГП, которая «полевела», забрав голоса своих немногочисленных соратников, но уступив более многочисленным консервативным оппонентам.

Переориентация затронула и ПКП, традиционно являющуюся сподвижником «левых» партий, для которой теперь главным конкурентом в сельской местности является ПиС. Однако в 2010-х годах партия начала терять поддержку сельских избирателей (особенно на юго-востоке Польши, например, в Подкарпатском воеводстве).

В целом партийную систему Польши можно охарактеризовать как территориализованную, т.е. не имеющую сильных

региональных партий, но демонстрирующую неравномерную территориальную поддержку ведущих партий со стороны электората[255].

Принцип пропорциональности и открытых партийных списков при выборах в Сейм уменьшает напрасные голоса по сравнению с гипотетической мажоритарной системой, в связи с чем можно говорить о низком уровне географического фаворитизма. Как известно, пропорциональная избирательная система менее зависима от структуры географической нарезки страны на избирательные округа и больше восприимчива к общественным настроениям[256]. Так, несмотря на то что в польском государстве присутствуют два условных территориальных кластера сторонников «левых» и «правых», выборы 2015 г. продемонстрировали среди прочего возможность для ПиС «перетянуть» в свой лагерь сторонников ГП без значительного изменения собственной программы.

В 2019 г. сторонников ГП оказалось больше сторонников ПиС только в пяти избирательных округах, являющихся крупными городами. При этом в случае использования мажоритарного метода подсчета голосов, уровень поддержки ГП упал бы еще более значительно.

ПКП, ориентирующаяся на сельских аграриев, на выборах 2019 года получила неожиданно высокую поддержку в городах. Принимая во внимание высокую дисперсию ее сторонников по избирательным округам, она не могла бы претендовать на место в Сейме в случае проведения мажоритарных выборов, так как не имеет ярко выраженной под-

[255] Caramani D. The nationalization of poli-tics: The formation of national electorates and party systems in Western Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

[256] Окунев И. Географический фаворитизм партий и избирательных систем // Политическая наука. 2022. № 4. С. 90–104.

держки в конкретных регионах, которая смогла бы перевесить поддержку, оказываемую ПиС.

Зависимость территориального фактора и уровня поддержки партий, которые выступают за поддержание отношений с Российской Федерацией, проанализирована в статье К. Женготы «Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше». Сделан вывод о том, что степень поддержки политических партий, в программах которых содержится стремление активно участвовать в отношениях с Россией, различается[257].

В статье И.Н. Тарасова и Е.С. Фидря «География электоральной волатильности в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши» сделан вывод о том, что в Польше существуют устойчивые региональные кластеры, которые первоначально сформировались под влиянием территориального фактора, однако различия в политических предпочтениях, существующих в них, сохранились на протяжении нескольких электоральных циклов[258].

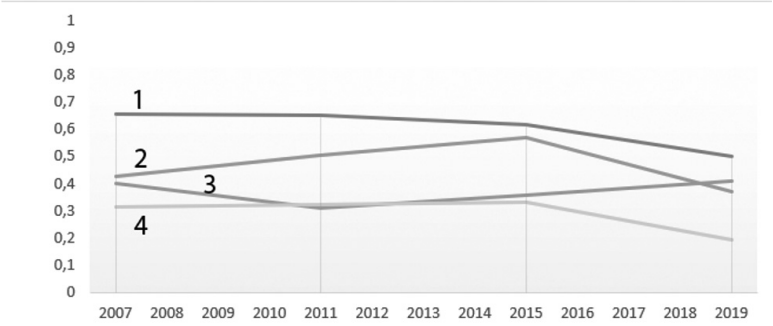
Анализ индекса Морана за четыре электоральных цикла позволяет сделать вывод об общем уменьшении пространственной зависимости в последнем электоральном цикле.

На выборах 2019 года в Сейм Польши индекс Морана у лидирующих партий ПиС и ГП снижается. У ПиС индекс снизился с 0.614 в 2015 г. до 0.501 в 2019 г., а у ГП с 0.596 в 2015 г. до 0.372 в 2019 г. У ПКП индекс снизился с 0.332 в 2015 г. до 0.192 в 2019 г.

---

[257] Женгота К. Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и качественный анализ // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 3. С. 125–141.

[258] Тарасов И.Н., Фидря Е.С. География электоральной волатильности в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 4. С. 78–89.



	2007	2011	2015	2019
1 PiS	0,654	0,651	0,614	0,501
2 PO	0,425	0,503	0,569	0,372
3 SLD	0,401	0,309	0,356	0,411
4 PSL	0,315	0,321	0,332	0,192

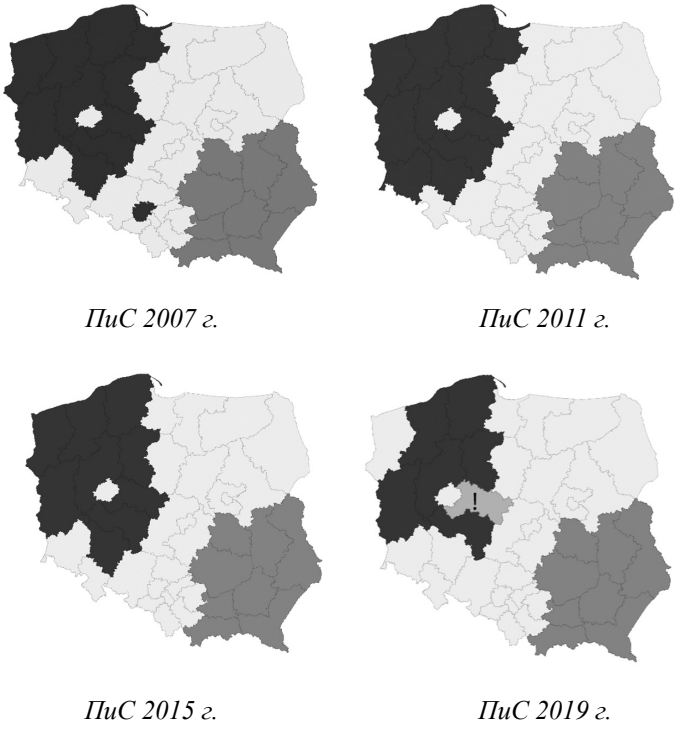
Рис. 2.6.3. График изменения индекса Морана голосования за партии в период с 2007 по 2019 г.

Из приведенных данных следует вывод: граничащие регионы со временем перестают оказывать взаимное влияние друг на друга. Таким образом, выдвинутая ранее в докладе Влодзимежа Марчиняка «Электоральная география и выборы в Польше 2001–2015» гипотеза о том, что политические регионы определяют политическое поведение, не подтвердилась на выборах 2019 года.

Правые партии получают по-прежнему большинство голосов, но это уже не связано со сложившимися традициями голосования. Рост популярности партии ПиС во всех избирательных округах зависит от общенациональных настроений, а не от локальных особенностей. Пространственная корреляция традиционно «правых» избирательных округов ослабляется. С партией левого толка СДЛС ситуация иная: ее кластеры пространственной корреляции укрепляются, так как на выборах 2019 года индекс Морана вырос до 0.411, тогда как в 2015 г. он составил 0.356.

Появившаяся на политической арене крайне правая партия Януша Корвина-Миккэ не может быть описана с точки зрения индекса Морана, так как принимает участие в выборах только с 2015 года и округа не образуют устойчивые кластеры. Данные по ней не имеют существенного значения для исследования.

У партии ПиС обнаруживается два весьма устойчивых в течение нескольких электоральных циклов кластера на юго-востоке и северо-западе с незначительными изменениями в кластере низких значений (рис. 2.6.4).



ПиС 2007 г. *ПиС 2011 г.*

ПиС 2015 г. *ПиС 2019 г.*

Рис. 2.6.4. Картограмма пространственных кластеров голосования за ПиС 2007–2019 гг.

Так, по сравнению с 2015 г., в северо-западный кластер Польши, где популярность ПиС традиционно низкая, перестают входить три избирательных округа — пограничный Шецин, городской Вроцлав и соседствующий с Познанью Конин. При этом в Конине наблюдается статистическое ожидание низких показателей голосования, но на выборах 2019 года по отношению к соседям оно оказалось высоким. Город Познань, являющийся крупным торговым, промышленным и образовательным центром на западе, не входит в этот кластер на протяжении всех рассматриваемых четырех электоральных циклов, как и самые крупные города Польши: Варшава, Краков, Лодзь, Гданьск (Польша «А»).

Одним из возможных объяснений может служить так называемый реактивный эффект окружающей среды по модели соседства Миллера[259], согласно которому голосующие из одной условной группы избирателей могут приобрести негативный опыт при контакте с теми, кто происходит из другой, непохожей на них группы избирателей, и, таким образом, стать более яростными сторонниками «своей» партии. Именно в крупных городах, как представляется, жители склонны голосовать за ГП, а не ПиС, даже если город соседствует с территориями Польши «Б». Возможное объяснение наблюдаемых электоральных результатов может скрываться за более вероятными межгрупповыми социальными взаимодействиями в рамках самих городов, которые отличаются высокой дифференциацией населения.

На юго-западе, где наблюдается высокий процент голосов за лидирующую партию, кластер не изменялся в течение наблюдаемых циклов. Это может быть связано с тем, что в него входят воеводства «восточной стены» — Люблинское

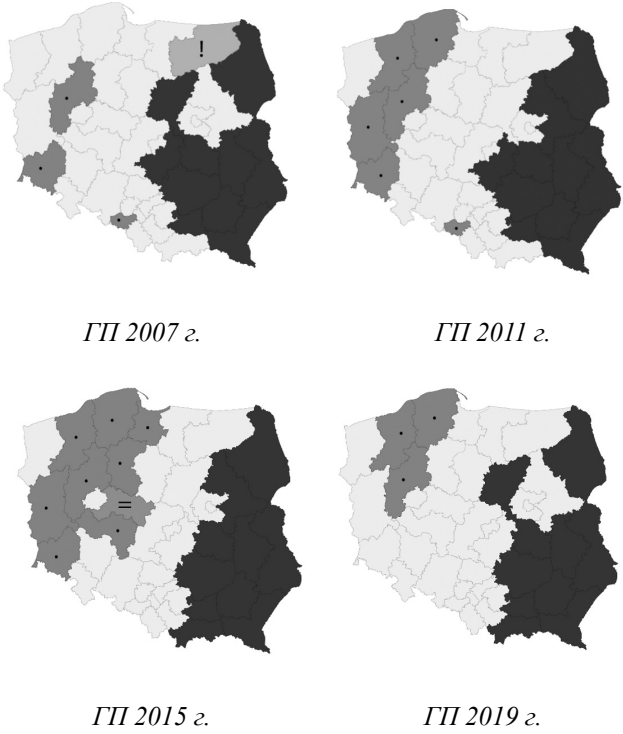
[259] Class Dealignment and the Neighbourhood Effect: Miller Revisited / I. Macallister, R.J. Johnston, C.J. Pattie, H. Tunstall, D.F.L. Dorling, D.J. Rossiter // British Journal of Political Science. 2007. № 31. P. 41–59.

и Подкарпатское, где длительное время существовали проблемы безработицы, преступности, недостаточного развития частной инициативы и привлечения инвестиций. Эти регионы являются преимущественно земледельческими и относительно промышленными, тогда как сфера услуг в них развита слабо (так называемая «Польша Б» в противовес «Польше А», расположенной к западу от реки Вислы). Заметим, что в кластер высоких показателей входит значительная часть территорий Галиции, что говорит о преемственности и стабильности электоральных традиций. Антикоммунистическую направленность и «крен вправо» бывших австрийских территорий отмечает и Т. Зарицкий[260].

Устойчивость преимущественно сельского кластера, в котором большинство поддерживает правые партии, и менее устойчивого городского кластера, в котором процент голосов за ПиС ниже, говорит о двух основных выводах. Во-первых, в сельской местности кластеры более устойчивы, чем в городах, что объясняется, с одной стороны, политической культурой традиционного типа, превалирующей на бывших российских территориях и распространяющейся на австрийских «соседей»; с другой стороны, австрийской «правотой», распространяющейся на бывшие российские воеводства. Взаимное влияние воеводств на границе российских и австрийских территорий подтверждает гипотезу о пространственной корреляции. Во-вторых, устойчивость кластера зависит от экономического положения округов, входящих в него. Промышленные районы менее заинтересованы в победе правых, потому что количество приверженцев либерализма больше среди городского населения.

[260] Zarycki T., Nowak A. Hidden dimensions: the stability and structure of regional political cleavages in Poland // Communist and Post-Communist Studies. 2000. № 33. P. 331–354.

Гипотеза, согласно которой кластеры теряют свою устойчивость, подтверждается на примере партии ГП (рис. 2.6.5).



ГП 2007 г. *ГП 2011 г.*

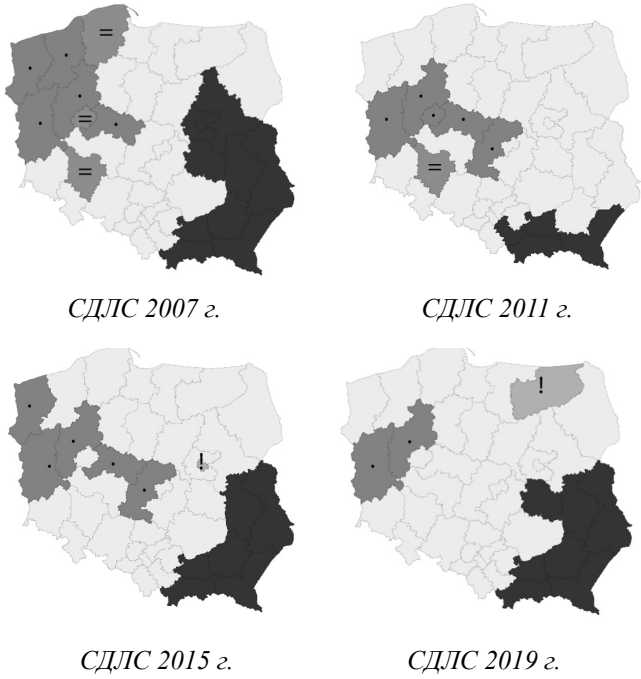
ГП 2015 г. *ГП 2019 г.*

Рис. 2.6.5. Картограмма пространственных кластеров голосования за ГП 2007–2019 гг.

На востоке страны выделяется относительно устойчивый кластер низких показателей поддержки ГП с колеблющимися округами Седльце и Плоцк, расположенными по соседству с Варшавой и, вероятно, испытывающими влияние столицы, и Новы Сонч на юге страны. Кластер высокого показателя голосования этой партии значительно уменьшился на последних выборах. В целом можно сделать вывод о том,

что партия теряет свои лидерские позиции, так как получила в 2019 году 57% от собственного результата 2011 года.

Кластер сильной пространственной автокорреляции низких показателей левой партии СДЛС располагается на территории Галиции и постепенно увеличивается, захватывая бывшие территории Российской империи (рис. 2.6.6).



СДЛС 2007 г. *СДЛС 2011 г.*

СДЛС 2015 г. *СДЛС 2019 г.*

Рис. 2.6.6. Картограмма пространственных кластеров голосования за СДЛС 2007–2019 гг.

На выборах 2015 и 2019 года он продолжает расти. Можно предположить, что увеличение кластера связано с высоким влиянием традиционных «правых» территорий Галиции на территории бывшей Российской империи, на которых исторически не было развито электоральное участие.

На выборах 2019 года на границе с Россией в Варминско-Мазурском воеводстве (избирательный округ Ольштын) впервые наблюдаются высокие показатели голосования при статистическом ожидании низких. Чтобы ответить на вопрос, связан ли этот феномен с территориальной близостью к России, необходимо проследить динамику голосования в нескольких избирательных циклах.

В западной части кластер пространственной автокорреляции с высокими показателями постоянно меняет местоположение и закономерную зависимость между граничащими округами проследить сложно.

ПКП имеет низкий индекс Морана, значительно уменьшившийся на выборах 2019 года (рис. 2.6.7).

Партию поддерживает стабильный кластер, находящийся на территории, входившей в Австрийскую империю. Существует также постоянно изменяющийся в последние четыре электоральных цикла кластер высокого показателя голосования. Он располагался преимущественно вдоль восточной границы Польши, но по результатам последних выборов сместился к центральной части страны и вдоль всей протяженности границы с Россией. Варшава, как и в случае с ГП, не подвергается зависимости от соседних округов и не входит в кластер. Напротив, в 2007 и 2011 гг. в Варшаве наблюдался более низкий статистический показатель автокорреляции, несмотря на то что ожидаем был более высокий.

Города в Польше, как правило, не входят в какие-либо кластеры, потому что в них представлены граждане разных политических взглядов. По сравнению с остальными избирательными округами, большое количество голосов крайне правой партии KORWiN отдается именно в городах. Сравнительно высокий процент голосов относительно остальных округов партия получает в таких городах, как Варшава,

Жешув, Краков, Бельско-Бяла, Катовице, Гливице, Вроцлав, Зелена-Гура, Гдыня, Гданьск (рис. 2.6.8).

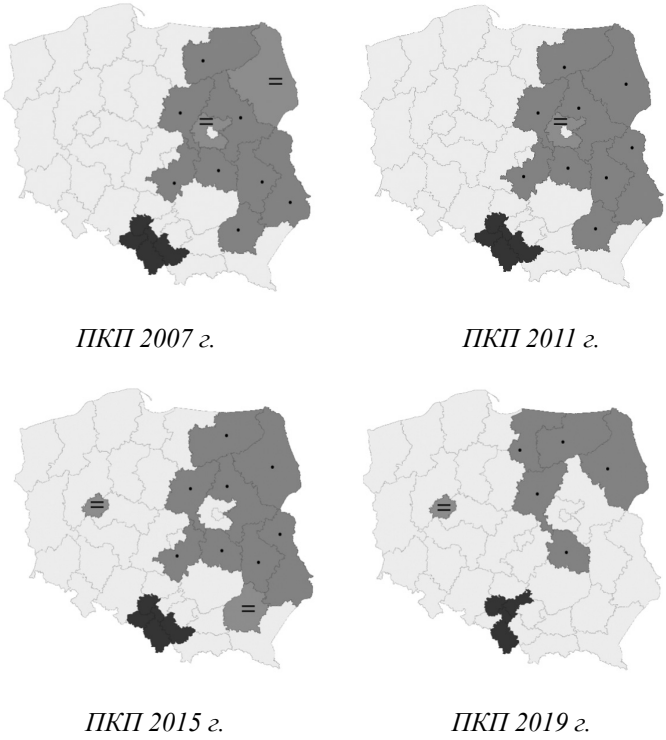


Рис. 2.6.7. Картограмма пространственных кластеров голосования за ПКП 2007–2019 гг.

На основании вышеуказанного можно сделать следующие выводы. В ходе электорального исследования парламентских выборов в Польше было замечено, что некоторые избирательные округа образуют кластеры партий, сохраняющиеся в течение нескольких циклов. Однако индекс Морана по основным польским партиям, прошедшим в парламент, показывает тенденцию к сокращению

пространственной зависимости. Из этого следует первый вывод о том, что соседние регионы имеют тенденцию к сокращению влияния на выбор друг друга.

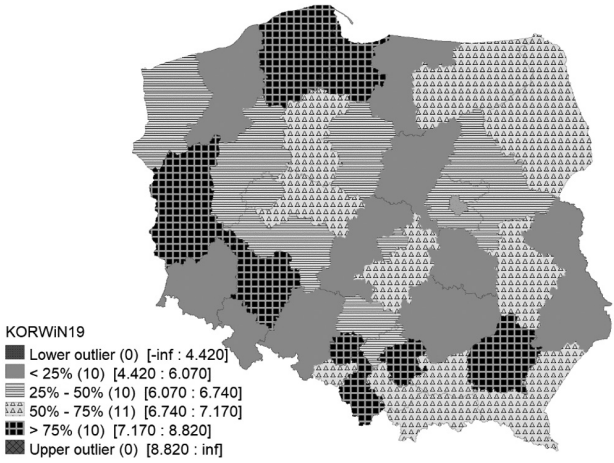


Рис. 2.6.8. Картограмма пространственного распределения голосов KORWiN 2019 г.

Местности, где кластеры остаются неизменными или подвергаются незначительным изменениям, сохраняя образующие регионы в своем составе, преимущественно являются сельскими. Это можно объяснить более низким уровнем культуры голосования (в случае с бывшими территориями Российской империи) и культурно-идеологическими традициями (Галиция). Электорату сельской местности проще проголосовать, «как голосуют соседи», и не изучать детально программы политических партий. Более развитые районы западной Польши имеют тенденцию к менее активной поддержке правых партий, так как в этой местности превалирует приверженность к либерализму. Согласно установленным в ходе исследования данным, ПиС постепенно становится

общегражданской партией, в то время как ГП трансформируется в региональную, усиливая склонность к территориальной дифференциации. Подтверждение этой гипотезе нашлось при анализе выборов в Сейм в 2019 году.

Некоторые кластеры остаются стабильными, некоторые — появляются эпизодически. Согласно проанализированным данным, существует общая тенденция к снижению пространственной автокорреляции, что говорит о снижении роли традиций в политической культуре граждан, а также о необходимости изменения политического курса и акцентов в агитации электората, который, по всей вероятности, начал сильнее проявлять гражданскую позицию и склоняться на сторону умеренно-правых партий значительнее, чем это было ранее.

Список литературы

Анохина Н.В. Партии и выборы : хрестоматия / Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешкина ; ИНИОН РАН ; МГИМО (У) МИД РФ. — Ч. 1. — М. : ИНИОН РАН, 2004. — С. 14–27. — (Серия «Политическая наука»).

Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003 / Г.В. Голосов. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

Женгота К. Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и качественный анализ / К. Женгота // Балтийский регион. — 2019. — Т. 11. — № 3. — С. 125–141.

Любарев А.Е. Избирательные системы и российское электоральное законодательство / А.Е. Любарев // Полис. — 2003. — № 4 (75). — С. 120–129.

Марчиняк В. Электоральная география и выборы в Польше / В. Марчиняк ; VII заседание междисциплинарного семинара САЕ «Вызовы социального развития». — 2018. — URL: https://social.hse.ru/news/212672030.html (дата обращения: 28.03.2022).

Тарасов И.Н. География электоральной волатильности в Варминско-Мазурском воеводстве Польши / И.Н. Тарасов, Е.С. Фидря // Балтийский регион. — 2016. — Т. 8. — № 4. — С. 78–89.

Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. I (Transformation of the party and political landscape in European Union countries in the period of crisis. Part I) / отв. ред. Б.П. Гуселетов. — Москва : Институт Европы РАН, 2017.

Трухачев В. Польша под властью антироссийских евроскептиков / В. Трухачев // РСМД. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/polsha-pod-vlastyu-antirossiyskikh-evroskeptikov (дата обращения: 28.03.2022).

Шаншиева Л.Н. Правый радикализм в Восточной Европе : сборник научных трудов / ИНИОН РАН, Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем, Отдел Европы и Америки (сектор Восточной Европы). — Москва, 2018. — 220 с. — (Серия «Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России»). — URL: http://inion.ru/site/assets/files/2958/2018_snt_pravyi_radikalizm.pdf

Barwiński M. Influence of former political borders on election results in Poland / M. Barwiński // Paper presented at the conference “Borderscapes: spaces in conflict/symbolic places/networks of peace”. Trento, June 11–14, 2006.

Jasiewicz K. “The past is never dead”: identity, class, and voting behavior in contemporary Poland / K. Jasiewicz // East European Politics and Societies. — 2009. — № 23. — P. 491–508.

Kowalski M. Geografia wyborcza Polski. Przestrzenne zróżnicowanie zachowań wyborczych Polaków w latach 1989–1998 (Poland’s electoral geography. Spatial diversity of Poles’ voting behavior in 1989–1998) / M. Kowalski // Geopolitical Studies. — 2000. — Vol. 7.

Laakso M. “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe / M. Laakso, R. Taagepera // Comparative Political Studies. — 1979. — № 12 (1). — P. 3–27.

Zarycki T. Hidden dimensions: the stability and structure of regional political cleavages in Poland / T. Zarycki, A. Nowak // Communist and Post-Communist Studies. — 2000. — № 33. — P. 331–354.

2.7. Беларусь

Партийная система Беларуси представляет собой занимательный политологический кейс, поскольку ее главной особенностью является традиционное преобладание беспартийных депутатов в нижней палате парламента — Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь. В связи с этим в литературе можно встретить две точки зрения относительно классификации белорусской партийной системы. С одной стороны, некоторые эксперты полагают, что в Республике Беларусь формально установлена многопартийная система[261], и ссылаются на ст. 5 Основного закона страны, согласно которому «Политические партии, другие общественные объединения, действуя в рамках Конституции и законов Республики Беларусь, содействуют выявлению и выражению политической воли граждан, участвуют в выборах»[262].

Действительно, по состоянию на 1 января 2020 года Министерством юстиции Республики Беларусь были зарегистрированы 15 политических партий: Белорусская аграрная партия, Белорусская партия «Зеленые», Белорусская партия левых «Справедливый мир», Белорусская патриотическая партия, Белорусская социал-демократическая партия (Грамада), Белорусская социально-спортивная партия, Коммунистическая партия Беларуси, Консервативно-Христианская Партия — БНФ, Либерально-демократическая партия, Объединенная гражданская партия, Партия «Белорусская

[261] URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/72581/1/Kotlyarov._I._V.._Gavrikov._A._V..pdf

[262] URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2019_01/Malyshev.pdf

социал-демократическая Грамада», Партия БНФ, Республиканская партия, Республиканская партия труда и справедливости, Социал-демократическая партия Народного Согласия.

Однако данная характеристика белорусской партийной системы как многопартийной представляется недостаточно обоснованной ввиду следующих обстоятельств: данная система не соответствует самой сути многопартийности, подразумевающей наличие у нескольких партий реальной возможности получить большинство мест в парламенте и сформировать правительство; более того, ни одна белорусская партия не соответствует предложенным Дж. Сартори критериям релевантности: они не обладают ни коалиционным потенциалом, ни способностью влиять на тактику партийного соревнования[263], что ставит под вопрос саму возможность утверждать о наличии в Беларуси партийной системы как таковой.

В свою очередь о незначительной роли политических партий в функционировании государства свидетельствует, во-первых, факт того, что по результатам выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь четвертого, пятого, шестого и седьмого созывов (с 2008 по 2019 г.) более 80% победителей не имели партийной принадлежности; во-вторых, по мнению одного из ведущих экспертов Беларуси в области социологии И.В. Котлярова, белорусские партии не имеют политического лица (то есть большинство не имеют четко выраженной позиции по основным вопросам современности); не имеют систематизирующего фактора, который отличал бы одну партию от другой; не проводят теоретическую работу по изменению политических программ, которые так и остались

[263] Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.

неизменными со времени их создания; не выполняют свою главную функцию — представление и защита на высшем государственном уровне интересов своего электората; не имеют запоминающихся лидеров, которые в трудные политические моменты способны принимать важные политические решения[264].

Тем не менее в случае рассмотрения партийной системы Беларуси как многопартийной представляется целесообразным определить эффективное число партий (по формуле, предложенной российским политологом Голосовым Г.В.). По результатам выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва, среди 110 избранных депутатов 21 являлись членами политических партий: Белорусская аграрная партия — 1, Белорусская патриотическая партия — 2, Коммунистическая партия Беларуси — 11, Либерально-демократическая партия — 1, Республиканская партия труда и справедливости — 6. Представленные данные позволяют рассчитать эффективное число партий, которое составило 3,5. Стоит добавить, что к партиям, традиционно проходящим в парламент, относятся Коммунистическая партия Беларуси, Белорусская аграрная партия, Республиканская партия труда и справедливости и Белорусская патриотическая партия, что коррелирует с результатом расчета эффективного числа белорусских партий в 2019 году.

Справочно: Григорий Голосов предложил усовершенствованный способ определения эффективного числа партий:

$$Np = \sum_{1}^{x} \frac{s_i}{s_i + s_1^2 - s_i^2}$$

[264] Котляров И.В. Политические партии Беларуси на современном этапе белорусского общества / И.В. Котляров. Минск, 2015.

где s_1 — величина наибольшего компонента (доля голосов, поданных за партию, представленная как доля от единицы).

Что касается идеологического окраса основных белорусских партий, в литературе также встречаются различные подходы и неоднозначные оценки. Наиболее распространенной и всеобъемлющей дихотомией является деление на пропрезидентские и оппозиционные партии, относительно которого специалисты во многом сходятся во мнениях[265]. Примечательно, что все четыре указанных выше партии являются пропрезидентскими и одновременно пророссийскими. Среди оппозиционных партий стоит выделить Объединенную гражданскую партию, которая отличается резко негативным дискурсом по отношению к «диктатору»[266] страны А.Г. Лукашенко и дальнейшей интеграции с Россией (или «поглощению»[267]). В свою очередь расположение основных политических партий Беларуси на идеологическом спектре является предметом экспертной дискуссии. Данный феномен можно объяснить тем, что на постсоветском пространстве партии зачастую номинально характеризуют себя «левыми», в то время как их программы во многом являются традиционалистскими или националистскими[268]. В связи с этим в литературе встречается следующее формальное распределение партий на идеологическом спектре:

- левые партии — Коммунистическая партия Беларуси, Белорусская патриотическая партия, Республиканская партия труда и справедливости, Белорусская аграрная партия;

---

[265] URL: http://www.hyno.ru/tom1/227.html

[266] URL: https://ucpb.info/repression/

[267] URL: https://regnum.ru/news/polit/2809114.html

[268] Трансформация партийной системы Беларуси / Галина Дракохруст, Юрий Дракохруст, Дмитрий Фурман // Белоруссия и Россия: общества и государства. М. : Права человека, 1998.

- левоцентристские партии (социал-демократические и социалистические) — Белорусская социал-демократическая партия (Народная Грамада), Белорусская социал-демократическая Грамада, Социал-демократическая партия Народного Согласия;
- правые и правоцентристские партии — Консервативно-Христианская партия — БНФ, Партия БНФ, Объединенная гражданская партия, Либерально-демократическая партия[269].

Однако авторы данной работы полагают, что более корректная методология деления партий по идеологическим принципам была предложена создателями базы данных Global Party Survey (GPS), направленной на определение и сравнение идеологий, политических установок и риторики политических партий по всему миру. По состоянию на 01.03.2020 аналитиками GPS политические партии Беларуси были расположены на идеологическом спектре следующим образом:

- левые — Белорусская партия левых «Справедливый мир»;
- центристские — Объединенная гражданская партия, Партия Белорусского народного фронта, Белорусская социал-демократическая партия (Грамада) и Партия «Белорусская социал-демократическая Грамада»;
- правые — Республиканская партия труда и справедливости, Коммунистическая партия Беларуси, Белорусская патриотическая партия, Либерально-демократическая партия[270].

---

[269] Романовский И.Ф. Современные политические партии Беларуси: генезис, динамика развития, проблемы // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал. У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2007. С. 185–188.

[270] Norris P. Global Party Survey, 2019 // Harvard Dataverse. 2020. URL: https://dataverse.harvard.edu/dataverse/GlobalPartySurvey (дата обращения: 01.03.2020).

Сопоставление данных двух подходов свидетельствует о диаметрально противоположных оценках идеологического окраса белорусских партий, что подчеркивает их институциональную незрелость и фрагментарность программ.

Что касается белорусской избирательной системы, в соответствии с конституцией страны, Палата представителей, состоящая из 110 депутатов, формируется полностью по мажоритарной системе. Согласно статье 82 главы 18 Избирательного кодекса Республики Беларусь, выборы признаются состоявшимися, если в голосовании приняло участие более половины избирателей округа, включенных в списки граждан, имеющих право участвовать в выборах. Избранным считается кандидат в депутаты Палаты представителей, получивший наибольшее число голосов избирателей, принявших участие в голосовании. При проведении голосования по одной кандидатуре кандидат считается избранным, если он получил более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании[271].

Соответственно, для проведения выборов депутатов Палаты представителей на территории Республики Беларусь образуется 110 избирательных округов (от каждого избирательного округа избирается один депутат). Избрание депутатов осуществляется на основе всеобщего, свободного, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Депутатом Палаты представителей может быть гражданин Республики Беларусь, достигший 21 года.

Вероятно, еще одним следствием преобладания беспартийных депутатов в нижней палате белорусского парламента является существенный пробел в научной литературе, посвященной электоральной географии страны. Общий обзор социологических и политологических исследований

[271] URL: http://www.rec.gov.by/ru/zakonodatelstvo-ru/

Рис. 2.7.1. Административная карта Беларуси

Источник: URL: https://gect.ru/country/europe/belorus/maps/political_maps_of_belorus1.jpп

Рис. 2.7.2. Карта избирательных округов Беларуси

электорального поведения жителей Беларуси позволяет сделать вывод о том, что вопросы территориальной дифференциации электорального поведения в целом остаются периферийными для внимания ученых. Тем не менее выводы о наличии такой территориальной дифференциации часто можно встретить в публичном пространстве. В рамках данной работы была предпринята попытка изучить и наглядно отобразить при помощи методов пространственного анализа региональные различия, тем самым заполнив указанную исследовательскую лакуну.

При большом накопленном опыте социологического анализа в Беларуси, вопросы территориальной дифференциации не часто попадали в фокус интересов исследователей. Отметим наиболее интересные работы в этом направлении. И.В. Лашук (Белорусский государственный экономический университет) неоднократно обращалась к вопросам социокультурной дифференциации белорусского общества, в том числе в территориальном разрезе, различиям регионов «относительно значимости… инструментальных ценностных факторов»[272]. В этой работе подчеркиваются следующие различия: «в Брестской области по сравнению с другими регионами наиболее востребованными являются профессионально-образовательные и семейные ценности; в Гомельской — нравственно-правовой вектор; в Гродненской — корыстный; в Минске — личностные качества. Могилевская и Минская области отличаются достаточно низкой востребованностью всех ресурсов. Напомним, что эти регионы имеют по сравнению с остальными самый низкий уровень потребления»[273].

[272] Лашук И.В. Социокультурная дифференциация современного белорусского общества // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 115.

[273] Там же.

Коллега по университету Н.Н. Сечко исследует общественное мнение граждан Беларуси с точки зрения их отношений к российско-белорусской интеграции[274]. Г.В. Ридевский из Могилевского областного института развития образования изучает различного рода центр-периферийные процессы и их составляющие: «процессы метрополизации, регионополизации и локополизации»[275] в Беларуси, территориальную дифференциацию различных социально-экономических явлений[276], плодотворно сотрудничает с российскими и белорусскими учеными[277]. Н.Л. Прокофьева (Витебский государственный технологический университет) акцентирует свое внимание на региональной дифференциации экономического развития Беларуси[278].

В таблице 2.7.1 представлено распределение по партиям депутатов, получивших мандаты в ходе выборов 2008–2019 гг.

---

[274] Сечко Н.Н. Социокультурные основы интеграционных процессов в Беларуси и России // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X Международной научной конференции. Гомель, 25–26 мая 2017 г. / под общ. ред. В.В. Кириенко. Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2017. С. 77–79.

[275] Ридевский Г.В. Центр-периферийные отношения в расселении населения современной Беларуси // Региональные исследования. 2013. № 2 (40). С. 95.

[276] Ридевский. Г.В. Дифференциация регионов Республики Беларусь по уровню жизни населения и необходимость коренной трансформации региональной политики // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15. С. 26–37.

[277] Российско-белорусское приграничье: современные проблемы и пути развития / А.П. Катровский, Г.В. Ридевский, А.В. Шадраков // Творческое наследие А.С. Посникова и современность в рамках программы «Возвращенные имена». Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2016. С. 63–70.

[278] Прокофьева Н.Л., Домбровская Е.Н. Межрегиональная дифференциация в Республике Беларусь: состояние и альтернативы // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития : материалы I Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 24 мая 2018 г. В 2 т. Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2018. С. 61–66.

Таким образом, от 6 до 19% мест в парламенте в каждом созыве занимают депутаты, обладающие партийной принадлежностью.

Таблица 2.7.1

Распределение избранных партийных депутатов (результаты голосования в 2008–2019 гг.)

	IV созыв 2008	V созыв 2012	VI созыв 2016	VII созыв 2019
Коммунистическая партия Беларуси	6	3	8	11
Белорусская аграрная партия	1	1	-	1
Белорусская патриотическая партия	-	-	3	2
Либерально-демократическая партия	-	-	1	1
Республиканская партия труда и справедливости	-	1	3	6
Объединенная гражданская партия	-	-	1	-
Итого избранных партийных депутатов (из 110)	**7**	**5**	**16**	**21**

Ниже представлены перцентильные карты, демонстрирующие территориальную дифференциацию голосов, отданных за партийных кандидатов, которые в итоге получили места в парламенте в период с 2008 по 2019 г. Данные карты были созданы авторами при помощи компьютерного программного обеспечения GeoDa.

Рассмотрение динамики результатов голосования во всех 110 избирательных округах в ходе выборов депутатов Палаты представителей четвертого, пятого, шестого и седьмого созывов продемонстрировало фактически отсутствие территориальных размежеваний по типу «Север — Юг» или «Запад — Восток» в рамках деления голосования за «партийных —

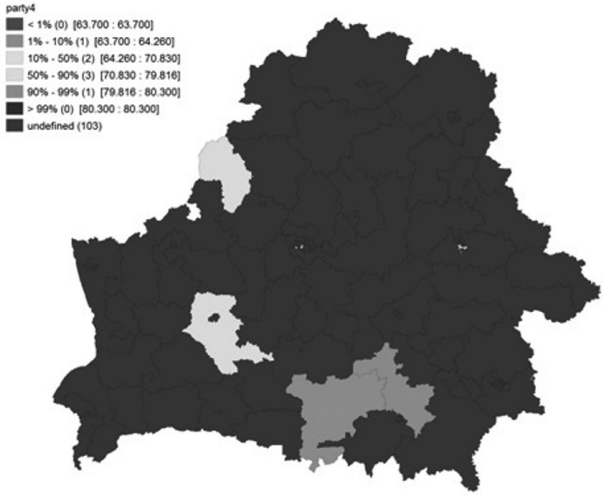


Рис. 2.7.3. Перцентильная карта голосов, полученных партийными победителями в ходе выборов депутатов IV созыва

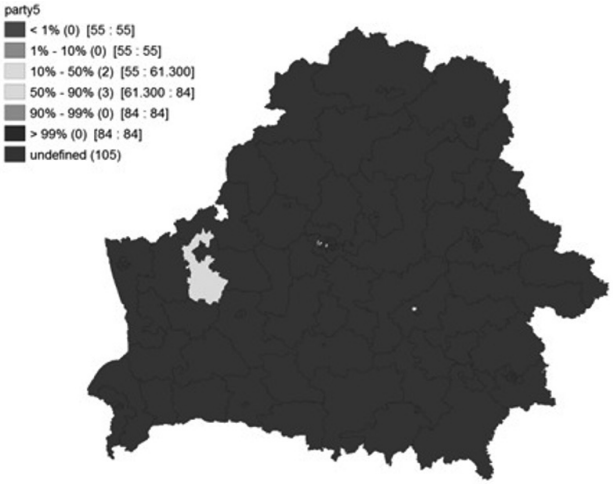


Рис. 2.7.4. Перцентильная карта голосов, полученных партийными победителями в ходе выборов депутатов V созыва

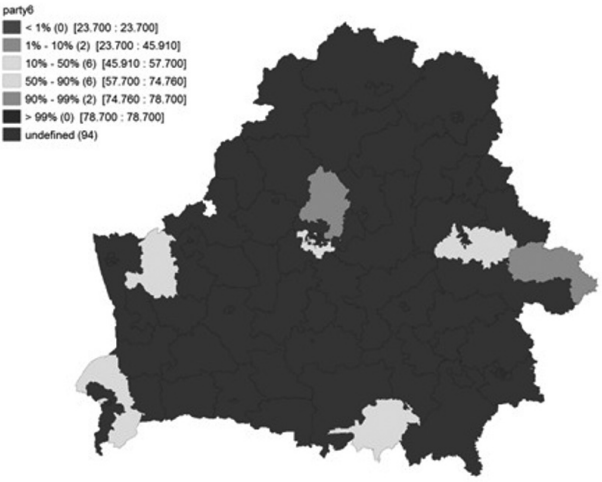


Рис. 2.7.5. Перцентильная карта голосов, полученных партийными победителями в ходе выборов депутатов VI созыва

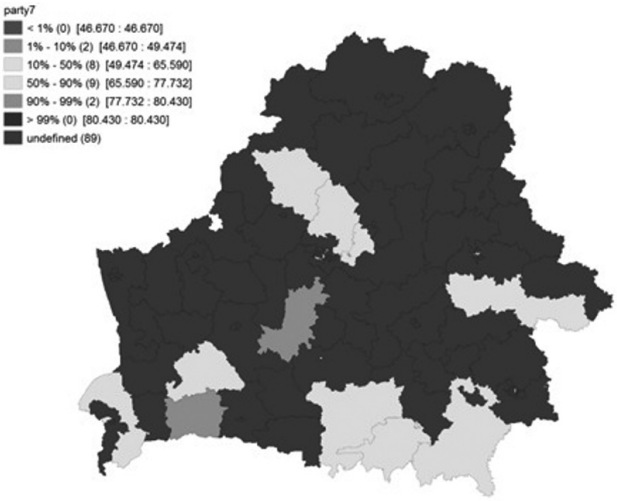


Рис. 2.7.6. Перцентильная карта голосов, полученных партийными победителями в ходе выборов депутатов VII созыва

беспартийных кандидатов». Однако важно указать на то, что с каждым новым избирательным циклом количество голосов, отданных за партийных кандидатов, которые в итоге стали победителями, возрастало (рис. 2.7.4–2.7.6). Так, на рисунке 2.7.4 представлено распределение по избирательным округам максимального числа голосов, отданных за партийных кандидатов-победителей в ходе выборов депутатов парламента седьмого созыва, причем прослеживается тенденция среди избирателей, проживающих на юге страны, более активно выражать поддержку именно партиям (черным цветом отмечены те избирательные округа, в которых одержали победу беспартийные кандидаты). Иными словами, на этом этапе можно выдвинуть гипотезу о том, что в Беларуси начинает усиливаться не линия размежевания «Запад — Восток» (о которой часто говорят эксперты), а линия размежевания «Север — Юг», а если точнее — различия в поведении жителей, живущих ближе к Украине (особенно в наиболее связанной с ними Гомельской области). Данная тенденция наблюдается при сопоставлении рис. 2.7.5 (6 созыв) и рис. 2.7.6 (7 созыв), где в Брестской и Гомельской областях прослеживаются, во-первых, рост числа партийных победителей — представителей пророссийских партий БПП, КПБ и РПТС, во-вторых, рост числа голосов, полученных партийными победителями. Причем близость к южному соседу скорее повышает симпатию жителей данных регионов к восточному. Однако это только намечающийся тренд, который требует дополнительных проверок. При этом не удалось определить какой-либо паттерн распределения голосов, отданных за беспартийных кандидатов-победителей, поскольку результаты каждого из четырех голосований рисовали практически новую карту электоральных предпочтений.

Таблица 2.7.2

Матрица распределения партийных победителей по регионам Беларуси (результаты голосования в 2008–2019 гг.)

	4 созыв		5 созыв			6 созыв					7 созыв				
Брестская область	1	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	0	2
Витебская область	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Гомельская область	1	1	0	0	0	0	1	0	0	0	4	0	0	0	1
Гродненская область	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Минская область	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	4	0	0	0	1
Могилевская область	1	0	0	0	1	0	1	0	1	0	2	0	0	0	0
Город Минск	2	0	3	0	0	1	4	2	0	1	1	0	1	1	2
	КПБ	БАП	КПБ	БАП	РПТС	БПП	КПБ	РПТС	ЛДП	ОГП	КПБ	БАП	БПП	ЛДП	РПТС

В таблице 2.7.2 представлено распределение партийных победителей 4–7 созывов по регионам Беларуси. Можно констатировать, что единственной областью, где за последние четыре избирательных цикла не получил мандата ни один партиец, является Витебская область. Кроме того, результаты всех выборов в нижнюю палату парламента свидетельствуют о характерном для многих стран размежевании «столица — регионы», которое выражается в традиционно активном пропартийном голосовании избирателей Минска. Преимущественно жители столицы голосуют за членов провластной Коммунистической партии Беларуси, однако только для Минска также характерен даже незначительный процент поддержки оппозиционных партий. Например, на выборах депутатов Палаты представителей шестого

созыва в одном из 20 избирательных округов Минска одержала победу член антиправительственной и антироссийской Объединенной гражданской партии, что стало первым таким прецедентом за всю современную историю Беларуси. Такая расстановка голосов, вероятно, может быть также объяснена тем, что штаб-квартиры всех партий расположены в Минске и, соответственно, кандидаты, баллотирующиеся в столице, имеют больше технических возможностей для избрания.

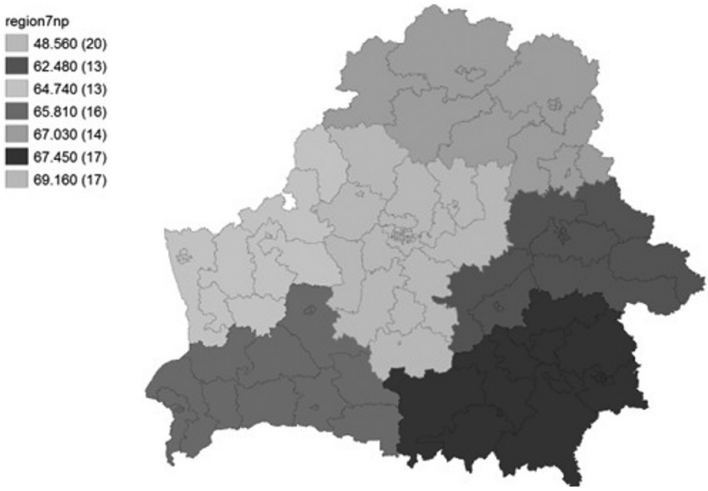


Рис. 2.7.7. Средний процент голосов, набранных беспартийными победителями на выборах депутатов VII созыва (распределение по регионам)

Так, рисунок 2.7.7 четко отображает факт того, что беспартийные кандидаты пользуются гораздо меньшей степенью поддержки столичных избирателей по сравнению с жителями остальных регионов, в результате чего в парламенте интересы Минска представляет максимальное число партийных депутатов. Абсолютный рекорд был поставлен на выборах депутатов Палаты представителей шестого созыва, когда

от Минска получили депутатские мандаты 8 членов различных партий. Некоторые белорусские ученые, изучая центр-периферийные отношения, также отмечают, «что активная метрополизация, которая происходит в стране сегодня, тормозит развитие регионополисов Беларуси, и дальнейший гипертрофированный рост столичного мегаполиса вряд ли может быть признан рациональной моделью территориальной организации страны»[279].

Список литературы

Катровский А.П. Российско-белорусское приграничье: современные проблемы и пути развития / А.П. Катровский, Г.В. Ридевский, А.В. Шадраков // Творческое наследие А.С. Посникова и современность в рамках программы «Возвращенные имена». — Смоленск : Издательство СмолГУ, 2016. — С. 63–70.

Котляров И.В. Политические партии Беларуси на современном этапе белорусского общества / И.В. Котляров. — Минск, 2015.

Лашук И.В. Социокультурная дифференциация современного белорусского общества / И.В. Лашук // Социологические исследования. — 2013. — № 11. — С. 107–117.

Прокофьева Н.Л. Межрегиональная дифференциация в Республике Беларусь: состояние и альтернативы / Н.Л. Прокофьева, Е.Н. Домбровская // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития : материалы I Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 24 мая 2018 г. — В 2 т. — Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2018. — С. 61–66.

Ридевский Г.В. Центр-периферийные отношения в расселении населения современной Беларуси / Г.В. Ридевский // Региональные исследования. — 2013. —№ 2 (40). — С. 94–99.

Ридевский. Г.В. Дифференциация регионов Республики Беларусь по уровню жизни населения и необходимость коренной трансформации региональной политики / Г.В. Ридевский // Псковский регионологический журнал. — 2013. — № 15. — С. 26–37.

[279] Ридевский Г.В. Центр-периферийные отношения в расселении населения современной Беларуси // Региональные исследования. 2013. № 2 (40). С. 94–99.

Романовский И.Ф. Современные политические партии Беларуси: генезис, динамика развития, проблемы / И.Ф. Романовский // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал. У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] — Мінск : БДУ, 2007. — С. 185–188.

Сечко Н.Н. Социокультурные основы интеграционных процессов в Беларуси и России / Н.Н. Сечко // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X Международной научной конференции. Гомель, 25–26 мая 2017 г. / Министерство образования Республики Беларусь ; под общ. ред. В.В. Кириенко. — Гомель : ГГТУ имени П.О. Сухого, 2017. — С. 77–79.

Трансформация партийной системы Беларуси / Галина Дракохруст, Юрий Дракохруст, Дмитрий Фурман // Белоруссия и Россия: общества и государства. — Москва : Права человека, 1998.

Norris P. Global Party Survey, 2019 // Harvard Dataverse. — 2020. — URL: https://dataverse.harvard.edu/dataverse/GlobalPartySurvey (дата обращения: 01.03.2020).

Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. — Cambridge : Cambridge University Press, 1976.

2.8. Грузия

Грузия является унитарным государством. Согласно административно-территориальному делению, включает в себя один город государственного значения (Тбилиси), девять краев и две автономные республики (Абхазия и Аджария). Административно-территориальной единицей второго уровня являются муниципалитеты. В рамках исследования рассматриваются 69 муниципалитетов.

Форма правления — парламентская республика. Высшим законодательным органом является однопалатный парламент, избираемый на 4 года на основе всеобщего голосования и состоящий из 150 депутатов, из которых до 2020 г. 77 избирались по партийным спискам, а 73 — от одномандатных округов. В 2020 г. 120 депутатов избирались по пропорциональной системе с порогом в 1%, а 30 — по одномандатным округам[280]. На выборах 2020 г. была произведена перенарезка избирательных округов, а именно в Тбилиси было создано 7 округов; по остальной Грузии округа распределялись следующим образом: Гурия — один, Аджария — три, Самегрело — три, Рача-Лечхуми и Земо Сванети — один, Имерети — четыре, Шида Картли — два, Кахети — три, Квемо Картли — три, Самцхе Джавахети — два, Мцхета-Мтианети — один[281].

---

[280] Georgian Parties Sign Election-Reform Memorandum After Months of Talks // Radio Free Europe Radio Liberty. 2020. 9 March. URL: https://www.rferl.org/a/georgian-parties-sign-election-reform-memorandum-after-months-of-talks/30478091.html (дата обращения: 14.02.2021).

[281] Как распределяются по регионам мажоритарные округа на выборах 2020 // Sputnik. 2020. 10 марта. URL: https://sputnik-georgia.ru/politics/20200310/247934128/Kak-raspredelyatsya-po-regionam-mazhoritarnye-okruga-na-vyborakh-2020.html (дата обращения: 13.04.2021).

В одномандатных округах кандидат получает статус депутата парламента в случае набора им 50% голосов в первом туре. Если этого не происходит, то два лучших кандидата принимают участие во втором туре, побеждает набравший больший процент голосов. Ни одна из партий не может получить большинство мест, если она набирает менее 40% голосов избирателей[282].

Рис. 2.8.1. Политический спектр грузинских партий

По результатам парламентских выборов 2020 г. в парламент вошли «Грузинская мечта», коалиция «Сила в единстве», «Европейская Грузия», «Лело», «Стратегия Агмашенебели», «Альянс патриотов Грузии», «Гирчи», «Граждане» и Лейбористская партия[283]. Согласно партийному компасу Грузии[284], к левым партиям относятся «Европейская Грузия» и «Гирчи», к левоцентристам — коалиция «Сила в единстве и Граждане», к центристским партиям были отнесены Демократическое движение «Единая Грузия» (участие в президентских выборах 2013 г. и всеобщих выборах 2016 г.), «Стратегия Агмашенебели», Консервативная партия Грузии (в составе Грузинской мечты), «Лело». Правоцентристскими

[282] Ibid.

[283] Результаты парламентских выборов 2020 г. // ЦИК Грузии. URL: https://cesko.ge/geo/static/1587/saparlamento-archevnebi (дата обращения: 10.02.2021).

[284] Электоральный компас Грузии. URL: https://kompasi.partiebi.ge/ka/ptv/1 (дата обращения: 12.02.2021).

партиями считаются «Грузинская мечта» и Лейбористская партия, правыми — «Альянс патриотов Грузии». На идеологическом спектре партии можно расположить следующим образом.

По результатам парламентских выборов, партия «Грузинская мечта» получила 48,22% голосов[285], по классификации Дж. Сартори[286], партийная система является системой с доминирующей партией. Б. Чедия писал о грузинской партийной системе как о модели «неэффективного плюрализма», связывая это с соревнованием не идей, а интересов, а значит, партии создаются только ради получения власти[287]. Эффективное число партий по индексу Лааксо-Таагепера[288] составляет 3,2, по Голосову[289] — 2,1.

Вопросами электоральной географии Грузии занимается Д. Сичинава из Тбилисского государственного университета. В своих работах он указывает на влияние социетальных размежеваний на электоральное поведение граждан. Отметим, что грузинское общество расколото по многим основаниям (этнические, социально-экономические, региональные, территориальные)[290]. Так, Д. Сичинава отмечал,

---

[285] Preliminary results. October 31, 2020. Parliamentary Elections in Georgia // CEC. URL: https://results.cec.gov.ge/#/en-us/election_43;path=election_43/dashboard (дата обращения: 15.02.2021).

[286] Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.

[287] Чедия Б. политические партии Грузии в процессе транзиции страны // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 4. С. 30–38.

[288] Laakso M., Taagepera R. “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. № 12 (1). P. 3–27.

[289] Golosov G.V. The Effective Number of Parties: A New Approach // Party Politics. 2010. № 16 (2). P. 171–192. DOI: 10.1177/1354068809339538.

[290] Политические системы современных государств : энциклопедический справочник. В 4 т. Т. 1. Европа / МГИМО (У) МИД России, ИНОП ; гл. ред. А.В. Торкунов ; науч. ред. А.Ю. Мельвиль; отв. ред. М.Г. Миронюк. М. : Аспект Пресс, 2012. 616 с.

что партия «Единое национальное движение» (ЕНД), вместо того чтобы национализироваться, опиралась на электоральную поддержку тех муниципалитетов, в которых проживали этнолингвистические и религиозные меньшинства[291]. Он также отмечал, что на электоральное поведение граждан Грузии влияет в целом, во-первых, раскол по линии «город — деревня» (или «центр — периферия»), который был сформирован еще в советский период, когда менялась социальная структура грузинских городов. Вторая линия раскола («скрытая») проходит по этнической линии, что, в частности, выражается в недостаточной включенности меньшинств в политический процесс[292]. Кроме того, исследователи отмечают, что на голосование также влияет и экономический фактор, а именно, например, на выборах 2008 г. оппозиция набирала больше всего голосов в тех муниципалитетах, на которые было наложено российское эмбарго, а М. Саакашвили поддерживали те муниципалитеты, в которых за время его президентства улучшились экономические показатели[293].

В этом контексте видится необходимым представить визуализацию проживания наиболее многочисленных религиозных и этнических групп в Грузии.

---

[291] Sichinava D. Cleavages, electoral geography, and the territorization of political parties in the Republic of Georgia // Eurasian Geography and Economics. 2018. URL: https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1442734

[292] Sichinava D. Cleavage Theory and the Electoral geographies of Georgia // Security, Democracy and Development in the Southern Caucasus and the Black Sea Region, Interdisciplinary Studies on Central and Eastern Europe / Ed. by Ghia Nodia, Christoph H. Stefes. Bern : Peter Lang, 2015. Vol. 14. P. 27–44.

[293] General characteristics and regional patterns of electoral behavior: 2008 presidential elections in Georgia / V. Chkhaidze, G. Gogsadze, J. Salukvadze, D. Sichinava // Region and regionalism. 2008. № 9. P. 65–78.

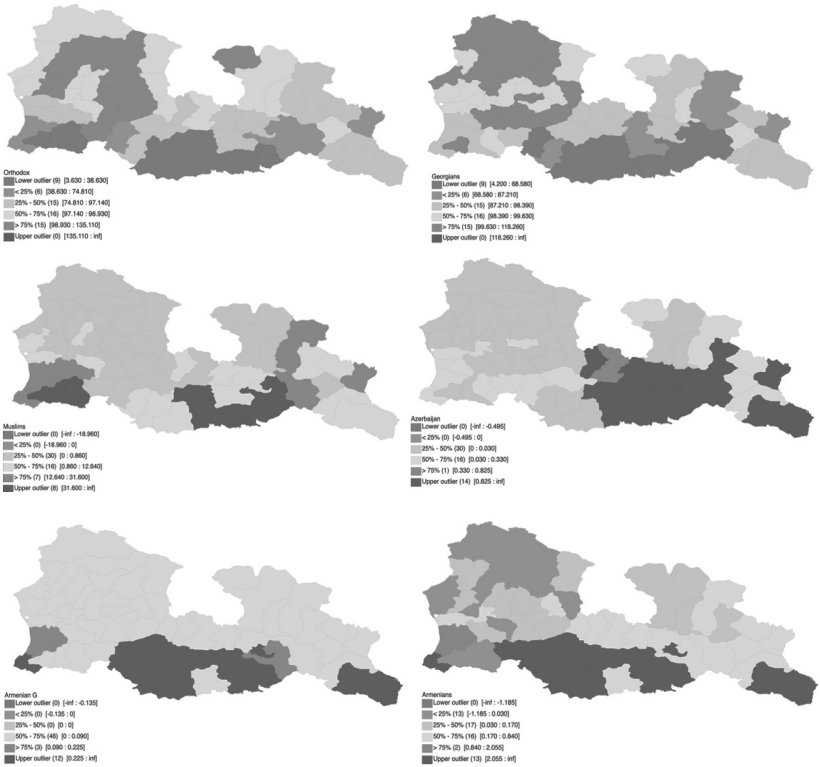


Рис. 2.8.2. Картограммы размаха жителей Грузии по религиозному и этническому составам (слева — расселение православных, мусульман и ортодоксальных армян, справа — расселение грузин, азербайджанцев и армян)

Электоральную ситуацию в Грузии нельзя описать как стабильную. Как отмечал Р.В. Лесков, Грузия отличается специфичной цикличностью и скачками кризисных ситуаций, что характерно для политического стиля страны[294].

[294] Лесков Р.В. Трансформация политического процесса в Грузии // Научно-аналитический журнал обозреватель — Observer. 2009. № 8 (235). С. 75–85.

В парламентских выборах 2008 г. участвовало три избирательных блока и девять политических организаций независимо. Крупным оппозиционным блоком был блок «Объединенная оппозиция — Национальный совет — Новые», объединивший восемь оппозиционных политических сил. Для 2008 г. характерным было лидерство ЕНД, которая получила наибольшее количество мест в парламенте, хотя и благодаря победе в мажоритарных округах.

На выборах 2012 г. в парламенте партия «Грузинская мечта» (созданная в 2011 г.) участвовала в выборах как коалиция, состоявшая из шести разных по своей сути партий: Республиканская партия, «Наша Грузия — Свободные демократы», «Промышленность спасет Грузию» (правая неолиберальная), «Консервативная партия Грузии» (социал-консерваторы), «Национальный форум» (соответственно, националисты), наконец, сама «Грузинская мечта». Задача коалиции состояла в свержении ЕНД. После выборов 2012 г. «Грузинская мечта» становится правящей партией, причем механизм завоевания власти похож на способ, который применяла в 2004 г. ЕНД, а именно через создание множественного альянса. Отметим, что помимо схожего принципа прихода к власти, партии выступали каждая в свой период (2004 и 2012 г. годы соответственно) примерно с одинаковой повесткой. Она заключалась в том, что партии выступали за «восстановление территориальной целостности», «внедрение западных ценностей», вхождение в состав ЕС и НАТО. Кроме того, отстаивали необходимость развития малого и среднего бизнеса, выдачу государственных льготных кредитов для виноделия. Они говорили о необходимости снизить прожиточный минимум, увеличить пенсию и снизить возрастной ценз выхода на пенсию. Единственная линия, которая их отличала — вопрос Абхазии и Южной Осетии. «Грузинская мечта» выступала за то, чтобы решать

указанный вопрос за счет развития самой Грузии, создания комфортных условий для жизни и работы, при этом непосредственное решение проблемы сепаратистских регионов откладывалось. ЕНД придерживалась более жесткой позиции в отношении этих территорий.

Парламентские выборы 2016 г. характеризовались тем, что даже в день выборов невозможно было предугадать их исход, поскольку населению не нравились ни власть, ни оппозиция. Что касается идеологической направленности, то западный вектор остается неотъемлемой составляющей внешней политики Грузии. Все претендовавшие на победу на выборах партии заявляли о необходимости вступления Грузии в НАТО и Евросоюз. Так, «Грузинская мечта» позиционировала себя как центристскую партию, выступающую за интеграцию Грузии с Западом, при этом за нормализацию отношений с Россией, за сдержанный подход в отношении продвижения западных ценностей в стране[295]. По итогам выборов партия «Грузинская мечта» получила конституционное большинство, в оппозиционный блок вошли ЕНД, Альянс патриотов, промышленники и независимые депутаты. Успех «Грузинской мечты» объяснялся относительной стабильностью, установившейся в Грузии после прихода к власти Б. Иванишвили, а также снижением агрессивной враждебности в отношении России. ЕНД, в свою очередь, в этот период столкнулась с кризисом лидерства, что, в государстве, в котором превалируют клановость и патернализм в политике, привело к провалу на выборах[296].

[295] Гегелашвили Н.А. Грузия после парламентских выборов // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 4 (33). С. 71–80.

[296] Федоровская И.М. Парламентские выборы в Грузии: убедительная победа «Грузинской мечты» // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 1 (34). С. 109–117.

На парламентских выборах 2020 г. также победу одержала «Грузинская мечта». Представители власти столкнулись с обвинениями со стороны оппозиции в фальсификации результатов выборов. Отметим, что в течение 2020 г. «Грузинская мечта» теряла политический рейтинг[297]. В оппозиции — «Альянс патриотов Грузии» и «Граждане». Бойкотирующими партиями являются все остальные грузинские партии, которые подписали совместное заявление об отказе от своих мест в парламенте в связи с тем, что, по их мнению, власти фальсифицировали итоги парламентских выборов, и потребовали повторного голосования[298]. После выборов 2020 г. тысячи граждан вышли на улицы в Тбилиси с требованием провести перевыборы[299].

Перейдем к рассмотрению голосования за самые крупные партии Грузии за последние 4 электоральных цикла: Единое национальное движение, «Грузинская мечта», «Альянс патриотов Грузии». Подчеркнем, что ЕНД вошла в коалицию «Сила в единстве», объединившая десять оппозиционных партий по отношению к правящей «Грузинской мечте» (помимо ЕНД это «Служи Грузии», «Гражданский альянс для свободы», «Европейские демократы Грузии», Христианско-консервативная партия, «Государство для народа», «Новая Грузия», Республиканская партия Грузии, «Грузия среди лидеров» и Национально-демократическая партия Грузии.

---

[297] Айвазян А.С. Южный Кавказ 2020 г.: экономический кризис и политическая нестабильность // Европейский союз: факты и комментарии. 2020. № 101. С. 105–108.

[298] Opposition parties in Georgia sign joint statement renouncing their seats in parliament // JAM news. 2020. 03 November. URL: https://jam-news.net/georgia-document-nika-melia-opposition-parliament-boycott-national-movement-lelo/ (дата обращения: 20.02.2021).

[299] Thousands rally in Georgia's Tbilisi against election results // Aljazeera. 2020. 14 November. URL: https://www.aljazeera.com/news/2020/11/14/thousands-rally-in-tbilisi-to-protest-election-results (дата обращения: 20.02.2021).

Единое национальное движение

На картограмме размаха голосования за партию «Единое национальное движение» в 2008 году выделяются Ахалкалакский и Ниноцминдский муниципалитеты, в которых была высокая поддержка рассматриваемой партии. Чуть менее высокий уровень поддержки этой партии оказывали Адигенский, Ахалцихский, Аспиндский, Горийский, Карельский, Каспский, Лентехский, Ахалгорский, Цалкский, Марнеульский, Гардабанский, Дманисский и Болнисский муниципалитеты. Преимущественно это муниципалитеты, расположенные на юге и юго-востоке страны.

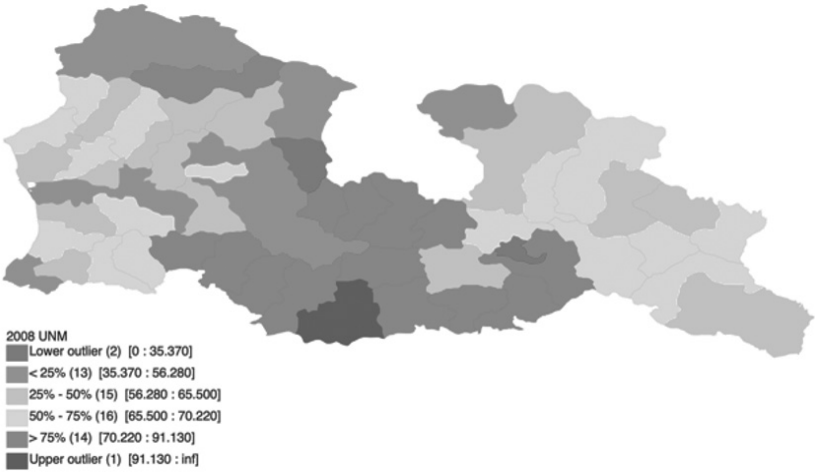


Рис. 2.8.3. Картограмма размаха голосования за «Единое национальное движение» в 2008 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за «Единое национальное движение» в 2008 году составил 0,275. Значение невысокое, отсюда можно сделать вывод о том, что пространственный фактор не влиял на голосование за рассматриваемую партию в 2008 г. Этого

нельзя сказать о голосовании за партию в 2012 году, поскольку индекс пространственной корреляции Морана был равен 0,427.

Что касается кластеров поддержки, то отчетливо виден раскол Грузии на две части: южную, в которой отмечался высокий уровень поддержки данной партии, и северную, где Единое национальное движение не получило широкой поддержки граждан в муниципалитетах. Отметим, что муниципалитеты, которые находятся дальше от российской границы, поддерживали именно эту партию в 2012 г.

Рис. 2.8.4. Картограмма размаха голосования за «Единое национальное движение» в 2012 г.

Принимая во внимание высокие значения индекса Морана, представляется возможным рассчитать локальные индикаторы пространственной автокорреляции голосования за «Единое национальное движение» в 2012 году.

Исходя из полученной картограммы можно констатировать, что выделяется кластер высоких значений тех

муниципалитетов, которые отдавали предпочтение рассматриваемой партии, при этом муниципалитеты находятся на границе с Арменией. В данном случае уместно говорить о том, что сработал эффект соседства и рядом расположенные муниципалитеты голосовали сходным образом и в этом большое значение имел и пространственный фактор. Выделился также и кластер низких значений муниципалитетов с преимущественно грузинским населением, расположенных непосредственно на границе с Южной Осетией.

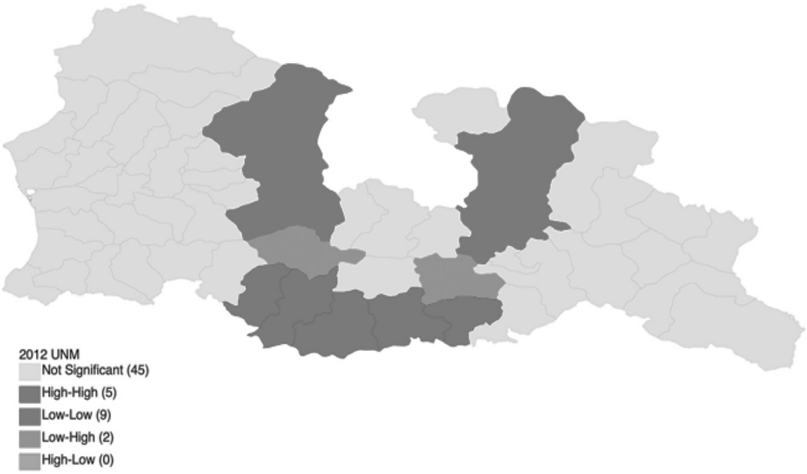


Рис. 2.8.5. Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за «Единое национальное движение» в 2012 г.

Что касается голосования за партию в 2016 г., то кластеры поддержки были модифицированы и сместились на запад страны, обходя при этом муниципалитеты с преимущественно армянским населением. Наименьшая поддержка партии наблюдалась по границе с Россией, при этом если в предыдущий электоральный цикл муниципалитеты со сванским

населением оказывали, пусть и слабую, поддержку партии, в 2012 году она значительно снизилась.

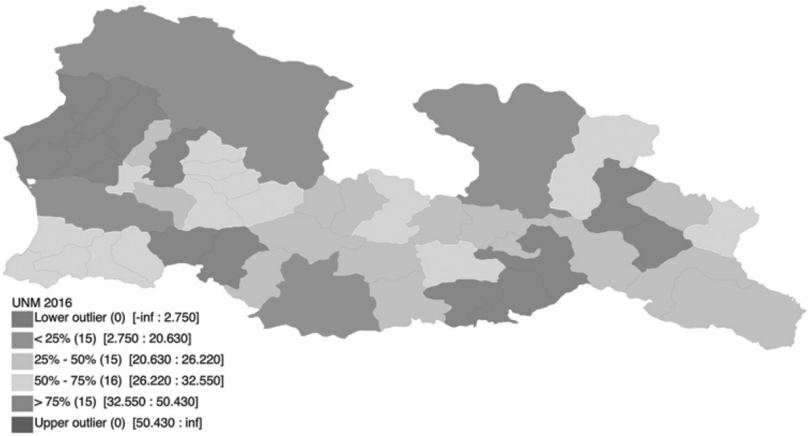


Рис. 2.8.6. Картограмма размаха голосования за «Единое национальное движение» в 2016 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за партию Единое национальное движение в 2016 г. составил 0,348, что позволяет говорить о том, что по сравнению с выборами 2012 г. влияние пространственного фактора снизилось, но общая тенденция на пространственную зависимость голосования за рассматриваемую партию сохранилась.

При построении диаграммы локальных индикаторов пространственной автокорреляции выделяются кластер низких значений, который объединяет те муниципалитеты Грузии, которые, с одной стороны, граничат с Россией, с другой стороны, являются непосредственными соседями Южной Осетии. В данных муниципалитетах отмечается наименьший уровень поддержки партии в 2016 году, и можно констатировать, что в данном случае снова сработал эффект соседства.

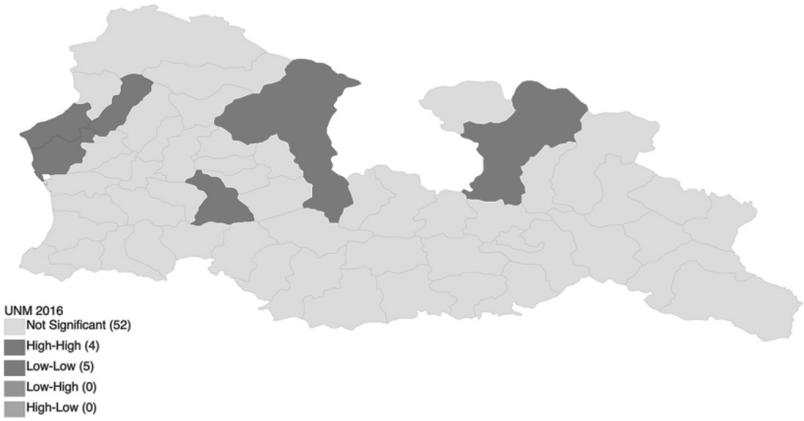


Рис. 2.8.7. Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за «Единое национальное движение» в 2016 г.

Отметим, что накануне президентских выборов в Грузии в 2018 г., 15 июля 2018 года была создана коалиция «Сила в единстве», объединившая оппозиционные силы в борьбе с «Грузинской мечтой». В коалицию вошли десять оппозиционных партий, однако в данном исследовании они все рассматриваются как единая сила. Состав участников коалиции был приведен ранее.

В электоральном цикле 2020 года отмечается в целом снижение поддержки данной партии. Отчасти это можно связать с расколом в самой партии (так, после поражения на парламентских выборах 2016 года Давид Бакрадзе покинул партию и создал собственную партию «Европейская Грузия», а Зураб Джапаридзе создал партию «Гирчи»). Условно можно говорить о том, что юго-восточные муниципалитеты отдали свое предпочтение данной партии, на юго-западе сильную поддержку оказывали следующие муниципалитеты: Батуми, Кеда, Хуло, Кобулети и Шуахеви.

Муниципалитеты с преимущественно армянским населением практически перестали поддерживать данную партию на выборах (Ахалкалакский и Ниноцминдский муниципалитеты).

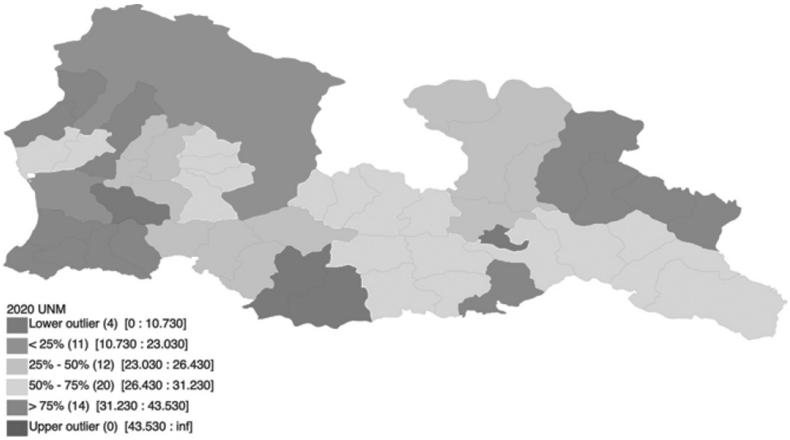


Рис. 2.8.8. Картограмма размаха голосования за «Единое национальное движение» в 2020 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за «Единое национальное движение» в 2020 г. составил 0,378, что в целом позволяет говорить о наличии пространственной зависимости голосования за указанную партию.

При построении диаграммы локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за рассматриваемую партию в 2020 году выявляется два противоположных друг другу кластера, при этом они претерпели изменения по сравнению с 2012 и 2016 годами. Так, кластер поддержки коалиции оппозиционных сил появился на границе с Республикой Дагестан. В данных муниципалитетах преобладающим населением являются грузины, однако

проживает около 10% армян и азербайджанцев. Второй кластер муниципалитетов с низким уровнем поддержки коалиции и располагается на границе с Россией в районе Кабардино-Балкарской Республики и Республики Северная Осетия.

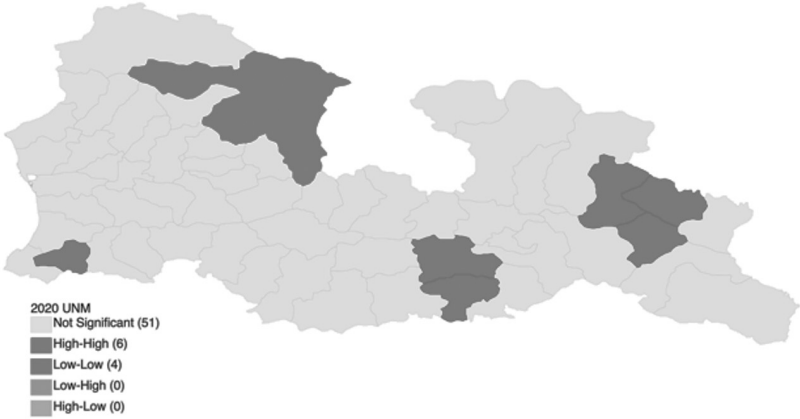


Рис. 2.8.9. Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за «Единое национальное движение» в 2020 г.

В целом можно говорить о том, что при голосовании наименьшую поддержку партии «Единое национальное движение» чаще всего оказывают северные, граничащие с Россией муниципалитеты, при этом граничащие с Абхазией муниципалитеты чаще всего оказывают высокий уровень поддержки рассматриваемой партии. При этом эти муниципалитеты по этническому составу на более чем 90% являются грузинскими. Кроме того, с течением времени за четыре электоральных цикла поддержка партии в северных муниципалитетах лишь ослабевала.

Стоит перечислить основные пункты программы партии на парламентских выборах в 2020 г., когда партия выступала

в рамках блока «Сила в единстве». По направлению здравоохранения и социальной сферы отмечалась необходимость увеличения минимальной пенсии до 400 лари, снижение цен на медикаменты в два раза, расширение программы социальной помощи, а также введение выплат 1 тысячи лари на третьего и следующего ребенка. На внешнеполитическом направлении партия выступала за вступление в НАТО, углубление сотрудничества с ЕС, расширение отношений с США и активизацию Женевских переговоров. Напомним, что Женевские дискуссии по безопасности и стабильности в Закавказье касаются поиска путей укрепления стабильности и безопасности на Южном Кавказе. В ходе 55-го раунда дискуссий не было достигнуто прорыва, поскольку Тбилиси отказывался включать в диалог Абхазию и Южную Осетию[300]. В экономической политике партия предлагала упразднить подоходный налог и налог на прибыль, а также отменить уголовную ответственность за неуплату налогов. В сельском хозяйстве упростить регистрацию земли. Кроме того, партия выступала за внедрение в суды иностранных судей и за то, чтобы увеличить заработную плату полицейским[301].

«Грузинская мечта»

Для данной партии представляется возможным рассмотреть только три электоральных цикла, а именно 2012, 2016 и 2020 гг., поскольку она была основана 7 мая 2012 г.

---

[300] Очередной раунд Женевских дискуссий по Закавказью закончился безрезультатно // ТАСС. 2021. 9 декабря. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13151573 (дата обращения: 28.02.2022).

[301] Что обещает партия Саакашвили после выборов? Коротко и ясно // Sputnik Грузия. 2020. 9 октября. URL: https://sputnik-georgia.ru/20201009/Chto-obeschaet-partiya-Saakashvili-posle-vyborov-Korotko-i-yasno--249673989.html (дата обращения: 26.02.2022).

бизнесменом Бидзиной Иванишвили, почти за полгода до парламентских выборов 2012 г., которые прошли 1 октября.

На картограмме размаха голосования за партию «Грузинская мечта» 2012 г. можно отметить южные муниципалитеты, оказывавшие низкий уровень поддержки партии. Отметим и две группы муниципалитетов, которые активно отдавали свои голоса партии: первая из них объединяет Сагареджинский, Душетский, Казбегский муниципалитеты, край Мцхета-Мтианети, Тианетский, Каспский муниципалитеты и Тбилиси. Вторая группа муниципалитетов включает в себя Батуми, Кабулетский, Ланчхутский и Озургетский муниципалитеты.

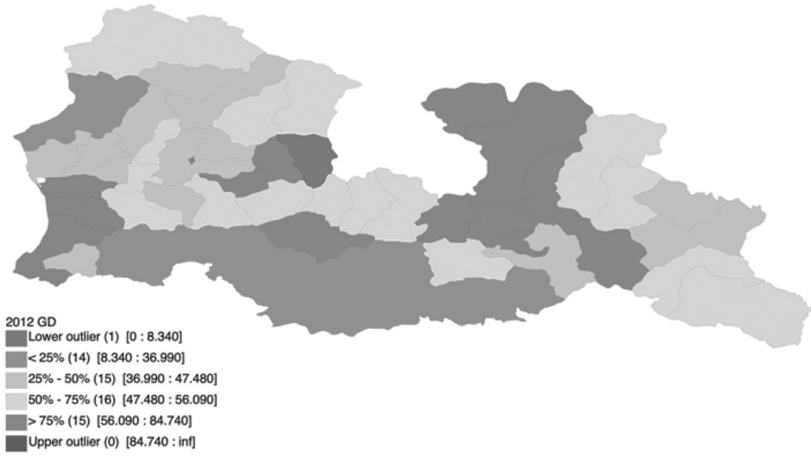


Рис. 2.8.10. Картограмма размаха голосования за «Грузинскую мечту» в 2012 г.

В электоральном цикле 2016 года заметны изменения в муниципалитетах, поддерживающих партию «Грузинская мечта». Так, наибольшую поддержку оказал Сачкхерский муниципалитет. Значительно прибавилась поддержка

в муниципалитетах, граничащих с Кабардино-Балкарской Республикой и республикой Северная Осетия, а также увеличилась поддержка в муниципалитетах с преимущественно армянским населением (Цалкский, Ниноцминдский и Ахалкалакский муниципалитеты). Одновременно с этим значительно уменьшилась поддержка партии в муниципалитетах, граничащих с Республиками Чечня и Дагестан. Также низкая поддержка этой партии в муниципалитетах, граничащих с Турцией.

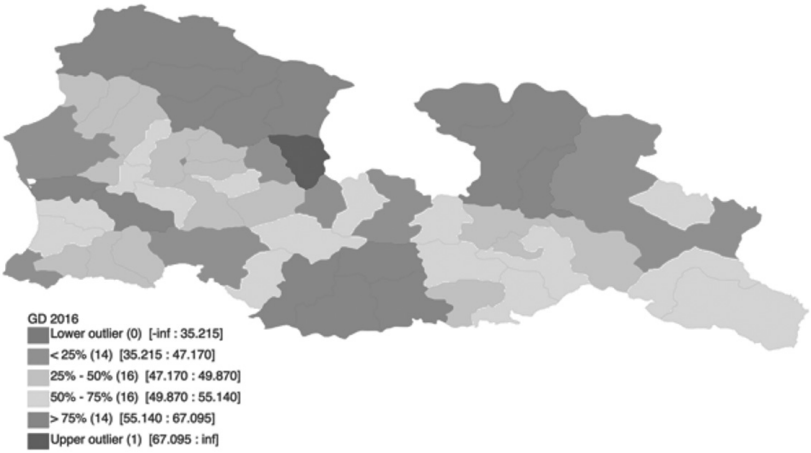


Рис. 2.8.11. Картограмма размаха голосования за «Грузинскую мечту» в 2016 г.

На картограмме размаха голосования за рассматриваемую партию в 2020 году можно проследить некоторые изменения в ее поддержке. Во-первых, появляется своего рода «пояс поддержки» партии, который объединил муниципалитеты, граничащие с Кабардино-Балкарией, затем через «мостик» в виде Чиатурского, Харагаульского, Сачхерского и Боржомского муниципалитетов поддержка распространяется на муниципалитеты с преимущественно или на треть

армянским населением. При этом отмечается низкая поддержка партии в муниципалитетах, граничащих с Турцией, и по сравнению с предыдущим электоральным циклом она стала ниже. Также низкая поддержка «Грузинской мечты» характерна для муниципалитетов, находящихся на границе с Северной Осетией, Чечней и Дагестаном. «Островок» низкой поддержки, который объединяет муниципалитеты Карели и Хашури, также виден в центре страны.

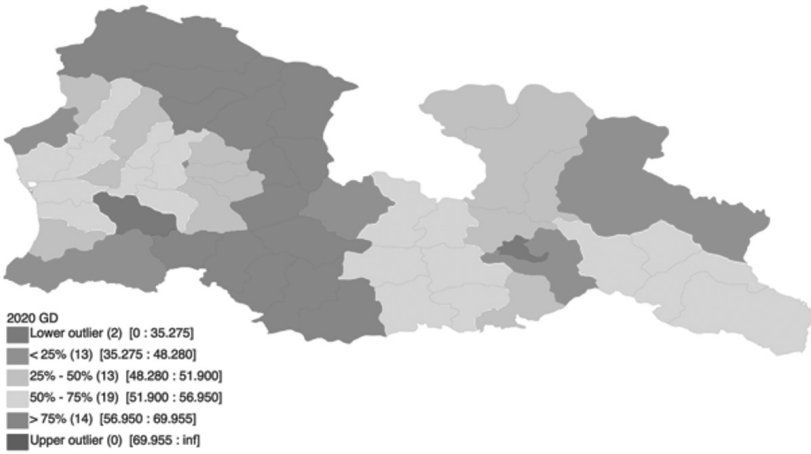


Рис. 2.8.12. Картограмма размаха голосования за «Грузинскую мечту» в 2020 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана голосования за партию «Грузинская мечта» в 2012 равен 0,397, а значит, можно говорить о наличии определенной пространственной зависимости голосования.

По этой причине можно построить картограмму локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за данную партию. В данном случае можно выделить два кластера, в которых можно говорить о пространственном эффекте при голосовании за партию. Первый из них —

кластер высоких значений, в который входят Душетский и Тианетский муниципалитеты, а также край Мцхета-Мтианети. Второй кластер — кластер низких значений, в которых граждане отдавали мало голосов за партию как в одном муниципалитете, так и в соседнем с ним. Это Дманисский, Ахалкалакский и Ниноцмидский муниципалитеты, в которых проживает большой процент армянского населения и частично азербайджанское население (Дманисский муниципалитет).

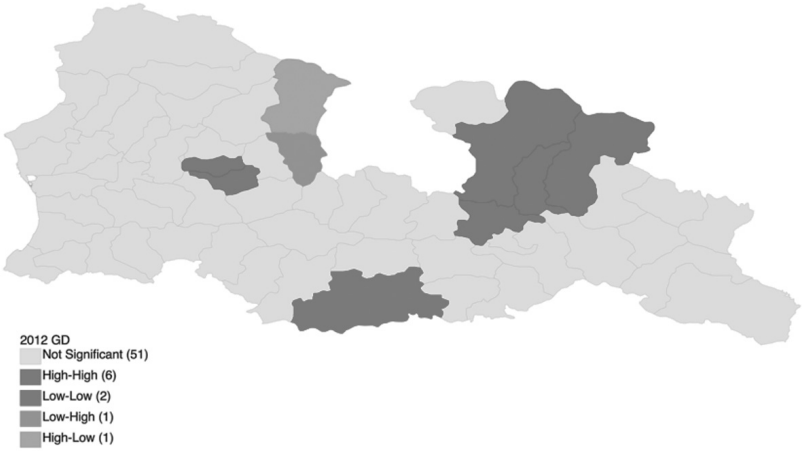


Рис. 2.8.13. Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за «Грузинскую мечту» в 2012 г.

Что касается индекса Морана голосования за партию «Грузинская мечта» в 2016 г., он значительно снизился по сравнению с предыдущим электоральным циклом и составил 0,173, а значит, говорить о пространственном факторе в данный электоральный цикл не является обоснованным. Этого нельзя сказать об электоральном цикле 2020 г., где индекс Морана составил 0,372, почти такие же значения, как

в электоральном цикле 2012 года, а значит, в данном случае снова пространственный фактор оказывал влияние на голосование.

В связи с этим была построена картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за партию в 2020 г. В этом электоральном цикле отчетливо выделяется большой кластер высокий значений, который проходит через Грузию в середине и включает такие муниципалитеты, как Харагаульский, Сачхерский, Дманисский, Цалкский, Амбролаурский, Онский, Ахалкалакский, Ахалцихский, Аспиндзский, Боржомский и Ниноцминдский. Исключением на этом фоне является Хашурский муниципалитет, являющийся узлом железнодорожных и автомобильных дорог.

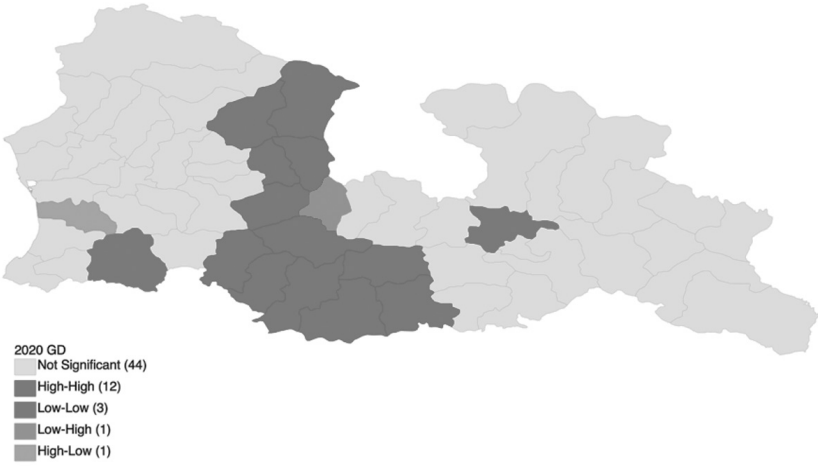


Рис. 2.8.14. Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за «Грузинскую мечту» в 2020 г.

Можно говорить о том, что в целом пространственное распределение поддержки партии «Грузинская мечта» неоднородно в ретроспективе, однако почти всегда партию поддерживают муниципалитеты, граничащие с Республиками Кабардино-Балкария и Северная Осетия, а самая низкая поддержка среди муниципалитетов, граничащих с Турцией, а именно в Аджарской Автономной Республике, имеющей на своей территории 54,51% православного и 39,78% мусульманского населения.

Что касается предвыборной кампании партии на парламентских выборах 2020 г., то, по словам Ираклия Кобахидзе, партия нацелена на решение двух проблем — оккупации и бедности, а также среди главных целей партии он видел «восстановление территориальной целостности мирными усилиями, примирение с абхазскими и осетинскими братьями и сестрами». Он также заявлял о том, что Грузия подаст официальную заявку на членство в ЕС в 2024 г.[302]

«Альянс патриотов Грузии»

Партия «Альянс патриотов Грузии» была создана в декабре 2012 года, а значит, для данной партии представляется возможным рассмотреть только два электоральных цикла 2016 и 2020 гг., поскольку электоральный цикл 2012 года закончился 1 октября. Партия считается русофильской, выступает с антитурецких позиций.

Согласно картограмме диаграммы размаха голосования за рассматриваемую партию в 2016 г. выделяется Сагареджинский муниципалитет, оказывавший наибольшую поддержку Альянсу. Главными отраслями экономики данного муниципалитета являются производство муки, вина, кур/

[302] Грузинская мечта представила свою предвыборную программу // Новостной портал Civil.ge. 2020. 02 октября. URL: https://civil.ge/ru/archives/372727 (дата обращения: 01.03.2022).

яиц, табака и кирпича. Также достаточно высокий уровень поддержки партии отмечался в крае Мцхета-Мтианети. Наименьший же уровень поддержки был характерен для приграничных с Арменией муниципалитетов, входящих в край Квемо-Картли. Приграничные с Россией муниципалитеты в целом оказывают поддержку партии, тогда как приграничные с Турцией (за исключением Батуми) слабо отдают за нее голоса.

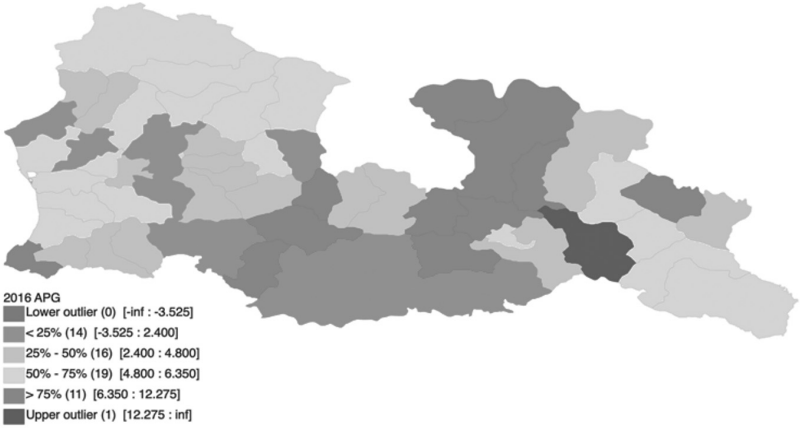


Рис. 2.8.15. Картограмма размаха голосования за «Альянс патриотов Грузии» в 2016 г.

На картограмме размаха голосования за партию «Альянс патриотов Грузии» в 2020 г. виден ряд изменений, причем выделяются группы муниципалитетов, которые являются составными частями регионов Грузии и которые складываются в своего рода кластеры поддержки партии. Так, например, активную поддержку партии оказывали муниципалитеты, находящиеся в регионе Самцхе-Джавахети, в котором половину населения составляют армяне. Это Ахалкалакский и Ниноцминдский муниципалитеты. Чуть меньшую поддержку партии оказывали муниципалитеты края Мцхета-Мтианети, граничащие с Чеченской республикой и Республ-

ликой Дагестан. Кроме того, высокий уровень поддержки партии был в части муниципалитетов Аджарии (Кедский, Хулойский и Шуахевский муниципалитеты). Наименьшая поддержка партии наблюдалась в части муниципалитетов края Квемо-Картли, в которых более 40% населения составляют азербайджанцы.

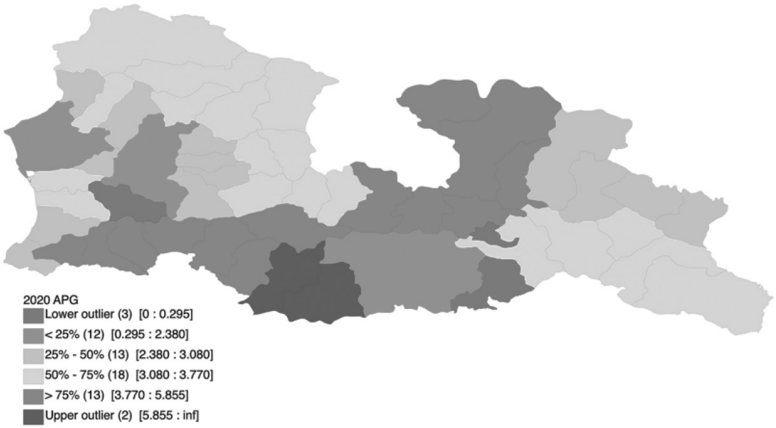


Рис. 2.8.16. Картограмма размаха голосования за «Альянс патриотов Грузии» в 2020 г.

Индекс пространственной автокорреляции Морана для голосования за партию «Альянс патриотов Грузии» в 2016 г. составил 0,262, что является низким значением и говорить о пространственной зависимости голосования за партию нельзя.

Индекс Морана для голосования за партию в 2020 г. также низкий и составил 0,290. Таким образом, в целом можно говорить о том, что для данной партии, несмотря на то что на диаграмме размаха очерчивались группы муниципалитетов, которые поддерживали партию и совпадали с территориями проживания этнических меньшинств на территории Грузии, пространственной зависимости голосования выявлено не было.

В целом можно говорить о том, что партия получает широкую поддержку в приграничных с Россией муниципалитетах региона Мцхета-Мтианети, тогда как остальные приграничные территории, особенно с большим сванским населением и делящие границу и с Абхазией, и с Южной Осетией, партию поддерживают, но значительно меньше. Также партию в 2020 году стали поддерживать муниципалитеты, граничащие с Турцией (Аджария и частично Самцхе-Джавахети) и Арменией (Самцхе-Джавахети и Квемо-Картли).

Что касается программы партии, то партия активно выступала против заселения Аджарии гражданами Турции, а также за налаживание отношений с Россией. Партия видит себя оппозиционной по отношению к «Единому национальному движению» и пыталась провести в парламенте его запрет. Кроме того, партия добилась запрета на продажу сельскохозяйственных земель иностранцам. С точки зрения внешней политики партия выступает против интеграции в НАТО и за ведение прямого диалога с Сухуми и Цхинвали[303]. Более того, в 2021 году партия «Альянс патриотов Грузии» обращалась к В.В. Путину с просьбой о содействии в урегулировании отношений с Россией[304].

Список литературы

Айвазян А.С. Южный Кавказ 2020 г.: экономический кризис и политическая нестабильность / А.С. Айвазян // Европейский союз: факты и комментарии. — 2020. — № 101. — С. 105–108.

[303] «Альянс патриотов Грузии» — справка // Sputnik Грузия. 2020. 26 октября. URL: https://sputnik-georgia.ru/20201026/Alyans-patriotov-Gruzii---spravka-249809142.html (Дата обращения: 01.03.2022)

[304] Партия «Альянс патриотов Грузии» обратилась с просьбой к Путину // РИА Новости. 2021. 3 августа. URL: https://ria.ru/20210803/prosba-1744135967.html (Дата обращения: 01.03.2022)

Гегелашвили Н.А. Грузия после парламентских выборов / Н.А. Гегелашвили // Россия и новые государства Евразии. —2016. — № 4 (33). — С. 71–80.

Лесков Р.В. Трансформация политического процесса в Грузии / Р.В. Лесков // Научно-аналитический журнал обозреватель — Observer. — 2009. — № 8 (235). — С. 75–85.

Политические системы современных государств : энциклопедический справочник. — В 4 т. — Т. 1. Европа / МГИМО (У) МИД России, ИНОП ; главный редактор А.В. Торкунов; научный редактор А.Ю. Мельвиль; ответственный редактор М.Г. Миронюк. — Москва : Аспект Пресс, 2012. — 616 с. — С. 374.

Федоровская И.М. Парламентские выборы в Грузии: убедительная победа «Грузинской мечты» / И.М. Федоровская // Россия и новые государства Евразии. — 2017. — № 1 (34). — С. 109–117.

Чедия Б. политические партии Грузии в процессе транзиции страны / Б. Чедия // Центральная Азия и Кавказ. — 2016. —Т. 19. — № 4. — С. 30–38.

General characteristics and regional patterns of electoral behavior: 2008 presidential elections in Georgia / V. Chkhaidze, G. Gogsadze, J. Salukvadze, D. Sichinava // Region and regionalism. — 2008. — № 9. — P. 65–78.

Golosov G.V. The Effective Number of Parties: A New Approach / G.V. Golosov // Party Politics. — 2010. — № 16 (2). — P. 171–192. — DOI: 10.1177/1354068809339538.

Laakso M. “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe / M. Laakso, R. Taagepera // Comparative Political Studies. — 1979. — № 12 (1). — P. 3–27.

Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis / G. Sartori. — Cambridge : Cambridge University Press, 1976.

Sichinava D. Cleavage Theory and the Electoral geographies of Georgia // Security, Democracy and Development in the Southern Caucasus and the Black Sea Region, Interdisciplinary Studies on Central and Eastern Europe / Ed. by Ghia Nodia, Christoph H. Stefes. — Bern : Peter Lang, 2015. — Vol. 14. — P. 27–44.

Sichinava D. Cleavages, electoral geography, and the territorization of political parties in the Republic of Georgia / D. Sichinava // Eurasian Geography and Economics. — 2018. — URL: https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1442734

2.9. Азербайджан

Азербайджанская Республика является унитарным государством, которое делится на 66 районов, включая 12 городов республиканского подчинения и Нахичеванскую Автономную Республику. Парламент Азербайджана — однопалатный и носит название *Милли Меджлис* или Национальное собрание Азербайджана. Милли Меджлис состоит из 125 депутатов, которые избираются на пять лет. При этом в Национальном собрании Азербайджана более 20 лет доминирует правящая партия «Новый Азербайджан». Согласно результатам парламентских выборов 2020 г. из 125 мест 70 мандатов — за представителями «Нового Азербайджана» (56%), то есть абсолютное большинство. Помимо этой партии, в парламент прошли еще 8 партий (табл. 2.9.1).

Таблица 2.9.1

Результаты выборов в Милли Меджлис в 2020 г. по партиям

Партия	Число мест в парламенте	Доля мест в парламенте
Новый Азербайджан	70	56,0%
Партия гражданской солидарности	3	2,4%
Партия Родины («Ана Ветен»)	1	0,8%
Партия народного фронта всего Азербайджана	1	0,8%
Партия Великого Устройства	1	0,8%
Партия демократических реформ Азербайджана	1	0,8%
Партия единства «Вахдат»	1	0,8%
Партия гражданского единства	1	0,8%
Партия демократического просвещения Азербайджана	1	0,8%
Независимые кандидаты	41	32,8%
Кандидаты, чьи результаты аннулированы	4	3,2%
Итого	125	100%

Источник: https://data.ipu.org/node/11/elections?chamber_id=13329

Депутаты Милли Меджлиса избираются в одномандатных округах по мажоритарной системе. Таким образом, избирательная система Азербайджана подпадает под категорию категорического голосования А.Е. Любарева, когда избиратель наделен правом проголосовать за одного кандидата. Деление на 125 избирательных округов не соответствует обозначенному выше АТД. Согласно конституции Азербайджана (ст. 83), выборы в Милли Меджлис носят характер всеобщих, равных и прямых при свободном, личном и тайном голосовании[305]. Если рассматривать четыре последних электоральных цикла, выборы в Милли Меджлис проходили в 2005, 2010, 2015 и 2020 годах, причем выборы 2020 года были проведены на девять месяцев раньше срока по предложению президента И. Алиева при согласии Национального собрания в декабре 2019 года.

Неконкурентность партийной системы и особенности политического режима в Азербайджане приводят к тому, что парламентские выборы в Азербайджане проводятся с нарушениями, которые фиксируют международные и азербайджанские наблюдатели. Наблюдатели из Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) прокомментировали по итогам выборов 2020 года, что «значительные процедурные нарушения во время подсчета голосов и подведения итогов вызывают сомнения в том, были ли результаты установлены честно»[306]. Аналогичные претензии международные наблюдатели выдвигали и на всех предыдущих парламентских выборах, например, в 2010 году

[305] Конституция Азербайджанской Республики // Министерство цифрового развития и транспорта Азербайджанской Республики. URL: https://mincom.gov.az/ru/view/pages/13/ (дата обращения: 09.03.2022).

[306] Early parliamentary elections in the Republic of Azerbaijan. 2020. 9 February. ODIHR Election Observation Mission Final Report. P. 1. // OSCE. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/7/e/457585_0.pdf (дата обращения: 09.03.2022).

Государственный департамент США отмечал случаи наполнения избирательных урн фальшивыми бюллетенями[307].

При этом следует отметить, что в Азербайджане на текущий момент зарегистрировано 59 партий[308], однако партийная система Азербайджана является ярким примером неконкурентной, гегемонистской партийной системы, в которой «другим партиям разрешено существовать, но в качестве партий второго сорта, лицензированных партий»[309]. Следовательно, ввиду наличия доминирующей партии, по классификации Дж. Сартори[310], партийная система Азербайджана является системой с доминирующей партией. Тем не менее по аналогии с Беларусью она не соответствует самой сути многопартийности, дающей реальную возможность партиям получить большинство мест в парламенте и сформировать правительство. Кроме «Нового Азербайджана», ни одна партия не соответствует предложенным Дж. Сартори критериям релевантности в части как коалиционного потенциала, так и влияния на соревнование между партиями. Эффективное число партий по индексу Лааксо-Таагепера[311] составляет 1,44, по Голосову[312] — 1,0, что подтверждает

[307] Выборы в Азербайджане не отвечали стандартам, считает госдеп // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20101109/294056226.html (дата обращения: 09.03.2022).

[308] Центральная избирательная комиссия Азербайджана. URL: http://www.msk.gov.az/uploads/partiyalar/2022/UmumiMelumat.php# (дата обращения: 09.03.2022).

[309] Guliyev F. Discursive closure: political parties and the (ir) relevance of ideology in Azerbaijan // Southeast European and Black Sea Studies. 2019. Т. 19. № 2. С. 243–268.

[310] Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.

[311] Laakso M., Taagepera R. “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. № 12 (1). P. 3–27.

[312] Golosov G.V. The Effective Number of Parties: A New Approach // Party Politics. 2010. № 16 (2). P. 171–192. DOI: 10.1177/1354068809339538.

тезис об Азербайджане как государстве с выраженной неконкурентной партийной системой.

Если анализировать 16 партий Азербайджана, попадавшие в последние три электоральных цикла в парламент, то следует отметить, что идеологические размежевания носят непринципиальный характер, так как важной особенностью политической системы страны является персонификация, аналогично с Абхазией, Грузией и Беларусью. Ввиду традиционализма и клановой структуры азербайджанского общества, усилившейся с момента обретения независимости республики[313], большинство партий тяготеют к правоцентристским программам, где «правые» заявления касаются политической жизни общества, а социально-экономические установки — центристские и ориентированы на широкий круг избирателей. Главный предмет партийного консенсуса — территориальная целостность страны и принадлежность Нагорного Карабаха.

Партия «Новый Азербайджан», или «Ени Азербайджан», была создана в 1992 году под руководством Гейдара Алиева, пришедшего к власти в 1993 году. После его смерти лидером партии стал Ильхам Алиев. Основой идеологии партии объявлены принципы независимого государства, законности, созидательного прогресса, азербайджанства, гражданской солидарности и социальной справедливости. «Новый Азербайджан» интенсивнее прочих партий республики персонифицирован, так как изначально задумывался как инструмент легитимации режима И. Алиева. Начиная с 1995 года, партия занимала от 46 до 63% мест в парламенте. Если рассматривать отношение членов партии к России, то его можно характеризовать как нейтральное. С одной

[313] Сидиков Б. Новое или традиционное? Региональные группировки в постсоветском Азербайджане // Вестник Евразии. 2004. № 2. С. 151–169.

стороны, в 2019 году И. Алиев отправил в отставку несколько пророссийски настроенных политиков, в том числе Рамиза Мехтиква, главу администрации президента[314]. С другой стороны, И. Алиев подписал в 22 февраля 2022 года Декларацию о союзническом взаимодействии с Россией[315].

Схожую ситуацию демонстрирует Партия гражданской солидарности, получившая 3 места в парламенте по итогам выборов 2020 года. Это партия-«спутник» «Ени Азербайджана», которая характеризуется более правыми позициями, как следует из программы[316]. Она была основана в 1992 году политиком и поэтом Сабиром Рустамханлы, допускавшим в отношении России высказывания как нейтрального[317], так и негативного характера[318]. Авторы находят возможным охарактеризовать Партию гражданской солидарности как партию-«спойлер», концентрирующий провластно, но более националистически настроенных граждан Азербайджана.

Тем не менее политическая история современного Азербайджана знает случаи более крупных партий, которые пы-

---

[314] Mansurov V., Sheikh A.M. Tovuz Clashes: A Message from Russia to Azerbaijan // Journal of Advances and Scholarly Researches in Allied Education. 2020. Т. 2. № 17. С. 73–82.

[315] Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5777 (дата обращения: 09.03.2022).

[316] Манифест Партии гражданской солидарности Азербайджана. URL: https://vhp.az/manifest/ (дата обращения: 09.03.2022).

[317] Сабир Рустамханлы: «Путин не из тех политиков, которые стоят на полпути...». URL: https://reyting.az/slayd/44299-sabir-rustmxanl-putin-osiyastcilrdn-deyil-ki-yolun-yarsnda.html,%20https://musavat.com/news/sabir-rustemxanli-rusiyadan-tam-asili-ola-ola-ermenistanin-eli-qerb-dovleletinin-cibindedir_845874.html (дата обращения: 09.03.2022).

[318] Сабир Рустамханлы: «Путин полностью перешел дипломатические границы». URL: http://teref.az/isti-isti/14299-putin-diplomatik-serhedleri-tamamile-ashdi-sabir-rustemxanli.html (дата обращения: 09.03.2022).

тались составлять конкуренцию «Новому Азербайджану» и персоналистскому режиму Гейдара Алиева. К ним относятся Партия народного фронта Азербайджана и «Мусават». Партия народного фронта была основана в 1988 году Абульфазом Эльчибеем и сыграла важную роль в обретении суверенитета Азербайджанской ССР. По политическим позициям она является правой и принадлежит к национально-демократическому течению идеологии. Однако после переворота 1993 года, когда А. Эльчибей был отстранен от власти, а Г. Алиев стал президентом республики, влияние Партии народного фронта неуклонно снижалось, и 18 марта 2005 года Партия народного фронта Азербайджана (ПНФА) подписала соглашение с другими оппозиционными партиями о создании единого оппозиционного блока «Свобода» для участия в парламентских выборах в ноябре 2005 года. Ее идеологическими преемниками стали Партия народного фронта всего Азербайджана и Партия демократических реформ Азербайджана, получившие по одному месту в Милли Меджлисе в 2020 году. Если изначально в отношении России Партия народного фронта была настроена негативно как к дестабилизирующему актору с имперскими амбициями, то у партий-«преемников» позиции складываются различно. Лидер Партии народного фронта всего Азербайджана Гудрат Гасангулиев неоднократно озвучивал мнение, что только Россия может разрешить Нагорно-Карабахский конфликт, надавив на Армению[319]. Некоторые его высказывания послужили основанием подозревать в нем «агента влияния» Кремля[320]. Партия демократических реформ настроена

[319] Гудрат Гасангулиев: «Если Россия от этого выиграет, пусть выиграет». URL: https://azpolitika.info/?p=684196 (дата обращения: 09.03.2022).

[320] Гудрат Гасангулиев — самая большая угроза нашей независимости. Он представитель российской «пятой колонны». URL: https://

в силу своей идеологической ориентации более проевропейски, поэтому в оценках России доминируют негативные настроения: так, лидер партии Асим Моллазаде негативно высказывается о роли России в регионе[321].

«Мусават» (от араб. «равенство) — старейшая партия Азербайджана, ведущая свою историю с 1911 года и возрожденная в 1989 году. Аналогично Партии народного фронта, эта партия — национально-демократическая, но из-за исторического наследия в ее повестке важное место занимают идеи пантюркизма и исламского либерализма[322]. На выборах 2000 года она получила 5% голосов избирателей и 2 места в Милли Меджлисе. Парламентские выборы 2005 года были для партии «Мусават» более удачными: в составе единого оппозиционного блока «Свобода» ее депутаты получили 5 мест. Однако начиная с 2010 года партия более не представлена в Национальном собрании Азербайджана. Несмотря на это, Мусават остается оппозиционной политической силой, консолидирующей более 40% сторонников.

Среди небольших партий, прошедших в Милли Меджлис в 2020 году, еще три партии отличаются правоцентристскими позициями и нейтральным/настороженным отношением к России, судя по заявлениям или их отсутствию их лидеров. К ним относятся: Партия Великого Устройства,

---

demokrat.az/az/news/107199/qudret-hesenquliyev-musteqilliyimize-en-boyuk-tehlukedir-o-rusiyanin-besinci-kolonunun-temsilcisidir (дата обращения: 09.03.2022).

[321] Асим Моллазаде: «Есть серьезные сомнения в том, что Россия является искренним стратегическим партнером Азербайджана». URL: https://anews.az/az/asim-mollazade-rusiyanin-azerbaycanla-semimi-strateji-terefdas-olmasina-ciddi-subhe-yaranib/ (дата обращения 09.03.2022); Асим Моллазаде: «Россия считает Армению своей территорией». URL: https://sesqazeti.az/news/politics/687582.html (дата обращения: 09.03.2022).

[322] Guliyev F. Discursive closure: political parties and the (ir) relevance of ideology in Azerbaijan // Southeast European and Black Sea Studies. 2019. Т. 19. № 2. С. 243–268.

Партия единства («Вахдат»), Партия Родины («Ана Ветен») и Партия демократического просвещения Азербайджана.

Из рассмотренного разнообразия правоцентристских партий не следует, что в Азербайджане отсутствуют левые/левоцентристские партии. Из тех политических организаций, которые в разное время получали представительство в Национальном собрании Азербайджана, к левой идеологии относят себя Партия гражданского единства (1 место в Милли Меджлисе в 2020 году), Партия социального благоденствия и Социал-демократическая партия. Из них только у последней были найдены факты, подтверждающие позитивное отношение ее членов к России. Лидер партии Араз Ализаде неоднократно высказывался в поддержку России и сохранении русского языка, в том числе не фоне СВО[323].

Как следует из описания партийной системы Азербайджана, в стране можно зафиксировать достаточно однородный ландшафт, где суровой доминантой возвышается правящая партия «Новый Азербайджан» с архитекторами современного режима республики — отцом и сыном Алиевыми, и есть множество мелких партий, которые либо перестали, либо не смогли составить конкуренцию «Ени Азербайджану» в неблагоприятных условиях. Поэтому исследователи и эксперты фокусировались больше на изучении и описании авторитарных тенденций на выборах и в парламенте[324], чем на электоральной географии. Согласно

[323] Араз Ализаде: «Россия победит в этой войне». URL: https://www.tezadlar.az/index.php/en/c-miyy-t/6477-bu-da-araz-%C9%99lizad%C9%99-rusiya-bu-m%C3%BCharib%C9%99d%C9%99-qalib-g%C9%99l%C9%99c%C9%99k.html (дата обращения: 09.03.2022); Араз Ализаде об оскорблениях в его адрес пользователей за поддержку России: «Меня не понимают». URL: https://modern.az/olke/347734/sosial-mediada-fikirlerim-haqda-ne-dusunurler-maraqli-deyil/ (дата обращения: 09.03.2022).

[324] Heinrich A., Meissner H. The Political System in Azerbaijan // Caucasus Analytical Digest (CAD). 2011. T. 24. URL: https://www.research-

собранной авторами базе данных о выборах в Милли Меджлис в 2010–2020 гг., можно найти отдельные избирательные округа, где устойчиво голосуют не за «Новый Азербайджан», но они не позволяют говорить об устойчивой пространственной закономерности. К таким округам относятся:

- Второй Насимский избирательный округ, голосующий за партию Демократического просвещения Азербайджана;
- Первый округ Сабунчи, голосующий за Партию Великого Устройства;
- Округа Аджигабул — Кюрдамир и Джалилабад — Масаллы — Билясувар, голосующие за Партию гражданской солидарности;
- Округ Сальян — Нефтчала, голосующий за Ана Ветен;
- Билясуварский округ, голосующий за Партию социального благоденствия.

Тем не менее исследователям не удалось найти картографическую основу для проведения геоэконометрических процедур идентификации кластеров, поэтому анализ партийной системы страны ограничивается дескриптивными процедурами. Все ключевые черты партийной системы Азербайджана, однако, возможно считать описанными ввиду ее гегемонистского характера.

Список литературы

Александров М. Современные тенденции внутриполитического развития Азербайджана / М. Александров // Россия и мусульманский мир. — 2009. — № 8. — С. 66–69.

---

collection.ethz.ch/bitstream/handle/20.500.11850/39115/eth-3013-01.pdf; Heinrich A. The formal political system in Azerbaijan and Kazakhstan: A background study // SSRN. 2010; Александров М. Современные тенденции внутриполитического развития Азербайджана // Россия и мусульманский мир. 2009. № 8. С. 66–69.

Сидиков Б. Новое или традиционное? Региональные группировки в постсоветском Азербайджане / Б. Сидиков // Вестник Евразии. — 2004. — № 2. — С. 151–169.

Early parliamentary elections in the Republic of Azerbaijan. Election Observation Mission Final Report. P. 1. // OSCE. — 9 February 2020. — URL: https://www.osce.org/files/f/documents/7/e/457585_0.pdf (дата обращения: 09.03.2022).

Golosov G.V. The Effective Number of Parties: A New Approach / G.V. Golosov // Party Politics. — 2010. — № 16 (2). — P. — 171–192. — DOI:10.1177/1354068809339538.

Guliyev F. Discursive closure: political parties and the (ir) relevance of ideology in Azerbaijan / F. Guliyev // Southeast European and Black Sea Studies. — 2019. — Т. 19. — № 2. — С. 243–268.

Heinrich A. The formal political system in Azerbaijan and Kazakhstan: A background study / A. Heinrich // SSRN. 2010.

Heinrich A. The Political System in Azerbaijan / A. Heinrich, H. Meissner // Caucasus Analytical Digest (CAD). — 2011. — Т. 24. — URL: https://www.research-collection.ethz.ch/bitstream/handle/20.500.11850/39115/eth-3013-01.pdf

Laakso M. “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe / M. Laakso, R. Taagepera // Comparative Political Studies. — 1979. — № 12 (1). — P. 3–27.

Mansurov V. Tovuz Clashes: A Message from Russia to Azerbaijan / V. Mansurov, Sheikh A.M. // Journal of Advances and Scholarly Researches in Allied Education. — 2020. — Т. 2. — № 17. — С. 73–82.

Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis / G. Sartori. — Cambridge : Cambridge University Press, 1976.

2.10. Абхазия

На развитие политической системы страны серьезное влияние оказал исторический контекст. В августе 1992 года политическое противостояние между Верховным Советом Абхазии и руководством Грузии переросло в серию вооруженных столкновений в связи с вводом на территорию Абхазии сил Национальной гвардии Грузии. Боевые действия продолжались вплоть до осени 1993 года. При посредничестве России 14 мая 1994 года было заключено Соглашение о прекращении огня и разделении сил. Политическим итогом противостояния стало провозглашение Верховным Советом Абхазии независимости Республики. С точки зрения международного права Республика Абхазия до 2008 года оставалась непризнанным государством, и практически все международное сообщество рассматривало Абхазию как часть Грузии. После 2008 года республика была признана пятью странами — членами ООН, первой из которых стала Российская Федерация.

Абхазия является президентской республикой, где президент — глава исполнительной власти — имеет достаточно широкие полномочия, однако не может отправить парламент в отставку. Примечательно, что для кандидатов в президенты установлен не только возрастной, но и этнический ценз: согласно конституции страны, президентом избирается лицо абхазской национальности, гражданин Республики Абхазия, не моложе 35 и не старше 65 лет, обладающий избирательным правом. Срок президентских полномочий составляет 5 лет[325].

[325] Конституция Республики Абхазия от 26.11.1994. URL: http://presidentofabkhazia.org/upload/iblock/9b1/Конституция_Республики_Абхазия_2015_03_31_13_14_23_110.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

Избранным считается кандидат в президенты Республики Абхазия, который получил более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании. В случае если ни один кандидат не набрал больше половины голосов, назначается второй тур выборов, в котором участвуют два кандидата, получившие наибольшее количество голосов. При повторном голосовании победителем признается кандидат, получивший большинство голосов. Кандидаты на выборах могут быть выдвинуты как политическими партиями, так и группами избирателей. Партия вправе выдвинуть кандидатом в президенты лицо, не являющееся ее членом[326]. На время выполнения своих полномочий президент приостанавливает членство в политических партиях и общественных объединениях[327].

Несмотря на то что конституция страны предполагает всенародные выборы президента, первый глава государства был назначен на свою должность. В 1994 году Верховный совет Абхазии (парламент) провозгласил независимость и принял конституцию страны. Одновременно с этим решением депутатов совета его председатель, В. Ардзинба, был избран президентом Республики Абхазия. А первые всенародные выборы состоялись лишь в 1999 году, когда на безальтернативной основе был избран действующий президент. Консолидация власти в руках президента стала своего рода реакцией на военный конфликт и его тяжелые социально-экономические последствия.

---

[326] Конституционный закон Республики Абхазия «О выборах Президента Республики Абхазия» от 28.05.2004 № 911-с-XIV. URL: http://abkhazinform.com/dokumenty/item/8834-konstitutsionnyj-zakon-respubliki-abkhaziya-o-vyborakh-prezidenta-respubliki-abkhaziya (дата обращения: 15.02.2023).

[327] Конституция Республики Абхазия от 26.11.1994. URL: http://presidentofabkhazia.org/upload/iblock/9b1/Конституция_Республики_Абхазия_2015_03_31_13_14_23_110.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

Законодательная власть в Абхазии представлена Народным собранием — парламентом, состоящим из 35 депутатов, избираемых на 5 лет с помощью равного, всеобщего и прямого избирательного права, посредством тайного голосования в рамках мажоритарной избирательной системы[328]. Первые выборы в Народное собрание Абхазии прошли в 1996 году и стали важным общественно-политическим событием послевоенной жизни молодого абхазского государства.

Партийная система в Республике Абхазия начала складываться уже на рубеже 1980–1990-х гг. Формально старейшей политической партией страны является Народная партия Абхазии, основанная в 1992 году. Но многие политические силы выросли из общественных движений. Старейшей общественной организацией, принимающей активное участие в политической жизни страны, стал народный форум «Аидгылара» («Объединение»), созданный в 1988 году. На момент создания ключевой целью деятельности «Аидгылара» стало объединение общества для национально-освободительной борьбы. Сегодня организация выступает с инициативами по стабилизации внутриполитической обстановки в стране, выстраиванию диалога между властью и оппозиционными силами[329]. Некоторые общественные движения перерождаются в партии. Так, партия «Амцахара» («Родовые огни») была создана в 1999 году как объединение ветеранов, участников грузино-абхазской войны. Несмотря на то что статус политической партии «Амцахара» формально

[328] Конституционный закон Республики Абхазии «О выборах депутатов Народного собрания — Парламента Республики Абхазия» от 24.02.2009 № 2299-с-IV. URL: http://presidentofabkhazia.org/upload/iblock/026/026efeab16aa03ebc8e0850f9b129270.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

[329] «“Аидгылара” объединяет политические силы вокруг идеи политической амнистии» / Первый независимый абхазский телеканал. URL: https://abaza.tv/news/index.php?ID=9401 (дата обращения: 15.02.2023).

получила только в 2013 году, с самого момента своего основания организация активно участвовала в политической жизни страны и оказывала поддержку кандидатам в президенты.

По состоянию на 1 апреля 2021 года в республике было зарегистрировано 11 политических партий:

- Республиканская политическая партия «Форум народного единства Абхазии»;
- Политическая партия «Апсны»;
- Коммунистическая партия Республики Абхазия;
- Политическая партия «Амцахара»;
- Республиканская политическая партия «Единая Абхазия»;
- Народная партия Абхазии;
- Партия экономического развития Абхазии (ЭРА);
- Политическая партия «Народный фронт Абхазии за справедливость и развитие»;
- Республиканская политическая партия «Акзаара»;
- Политическая партия «Айтайра»;
- Политическая партия «Аинар».

При этом важным актором политического процесса являются общественные организации. Их в стране насчитывается порядка 400[330]. Регистрируясь в Министерстве юстиции Абхазии не как политические, а как общественные, они занимаются активной политической деятельностью, участвуют в политической борьбе. Многие политические деятели продолжают выступать от имени общественных организаций. Это связано с особенностями регистрации политических партий в Абхазии. В соответствии с законом «О политических партиях» № 2298-с-IV от 24.02.2009[331]

[330] Министерство юстиции Республики Абхазия. URL: https://minjustra.org/ (дата обращения: 15.02.2023).

[331] Закон Республики Абхазия «О политических партиях» № 2298-с-IV от 24.02.2009. URL: http://presidentofabkhazia.org/upload/iblock/026/026efeab16aa03ebc8e0850f9b129270.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

для создания партии необходимо соблюсти ряд критериев, а именно набрать минимальное число членство в размере тысячи человек. Создание общественных или общественно-политических объединений менее трудозатратый процесс с точки зрения соблюдения формальных требований.

Историко-политический контекст определил также основной фокус политического дискурса в стране: укрепление суверенитета и стремление к широкому международному признанию республики. По данному вопросу у политических партий Абхазии нет разногласий, в обществе отсутствуют явные расколы. В этой связи все партии в своих программных документах и заявлениях особое внимание уделяют поддержанию добрососедских отношений с Российской Федерацией, которая одна из первых признала и поддержала независимость республики[332]. В Абхазии нет иных политических сил, кроме пророссийских. Однако отдельные политические силы осуждают излишнюю зависимость от российской финансовой помощи[333]. При этом, в отличие от Республики Южная Осетия, политические силы в Абхазии никогда не ставили вопрос о вхождении в состав РФ.

Важной особенностью политической системы страны является персонификация. Абхазия — это малое традиционное общество, в котором важную роль играет личный авторитет. Многие политические партии страны образовывались для продвижения интересов конкретного кандидата в президенты в рамках отдельного избирательного цикла. Поэтому персонификация заложена в их фундаменте. С этим отчасти связана и слабая проработка программ по-

[332] Программа кандидата в президенты Республики Абхазия Л.Ю. Дзапшб. URL: https://akzaara.ru/programma (дата обращения: 15.02.2023).

[333] Программа партии «Амцахара». URL: http://www.amtsakhara.org/ru/documents/party_program// (дата обращения: 15.02.2023).

литических партий, краткосрочность целей и задач, слабая проработка экономической повестки, популистская риторика. Генезис такого рода весьма непрочен, и при утрате своего лидера влияние партии значительно снижается. Ярким примером данного кейса является деятельность республиканской партии «Единая Абхазия». Она была создана в 2004 году и продвигала интересы С. Багапша (с 2005 по 2011 г. — второй президент Республики Абхазия). На выборах 2009 года кандидат партии получил абсолютное большинство голосов (61,2%). После смерти своего харизматичного лидера партия перестала проявлять себя в рамках электоральных процессов: после выборов 2004 года «Единая Абхазия» не выдвигала своих кандидатов, а лишь выражала поддержку представителям других партий. Персонификация политической системы приводит к ослаблению партийного института.

Неустойчивость партийной системы демонстрирует также то, что с середины 2000-х годов Абхазия пережила серию политических кризисов. Массовые протесты, нередко заканчивающиеся сменой власти, традиционно протекают бурно, сопровождаемые столкновениями противоборствующих сторон. У партий нет устойчивого электората, поддержка тех или иных политических сил может кардинально меняться от выборов к выборам. Например, кандидат «Форума народного единства Абхазии» по итогам выборов 2014 года получил абсолютное большинство голосов (50,6%), а в следующем электоральном цикле уровень поддержки снизился в два раза.

На основании данных о результатах президентских выборов за поселение 4 электоральных цикла в политическом ландшафте Абхазии по социально ценностным ориентациям можно выделить две группы партий. Первую немногочисленную группу составляют партии, продвигающие

консервативные ценности: сохранение духовных традиций и ценностей абхазского народа, укрепление института семьи и роли Совета старейшин. К ним относятся партии «Форум народного единства Абхазии» и «Амцахара». Остальные же партии занимают центристскую позицию.

Консервативная повестка начинает пользоваться большей популярностью у населения. По итогам двух последних президентских выборов большинство голосов получили кандидаты консервативных партий — «Форума народного единства Абхазии» и «Амцахара» (50,6% по итогам выборов 2014 г., 45,8% по итогам выборов 2019 г.[334]). Тогда как рассмотренные нами более ранние электоральные циклы демонстрируют безоговорочную поддержку центристских сил (69,4% в 2009 г. и 45,8% в 2011 г.).

Список литературы

Багдасарян Д.С. Государственно-правовое устройство Республики Абхазия в историко-правовом дискурсе / Д.С. Багдасарян, С.В. Перова, В.В. Бжания // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2018. — № 3. — С. 41–47.

Варгач М.А. Исторический путь становления Республики Абхазия / М.А. Варгач // Современные научные исследования и инновации. — 2020. — № 1. — URL: https://web.snauka.ru/issues/2020/01/91055 (дата обращения: 18.09.2023).

Гнедаш И.А. Публичная дипломатия России в отношении Абхазии: фактор грузино-абхазского конфликта / И.А. Гнедаш, Н.С. Иванов // Актуальные вопросы мировой политики : сборник научных статей. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 45–51.

Григорян Д.К. Роль российской элиты в грузино-абхазском конфликте / Д.К. Григорян, Е.Н. Кондратенко, Т.К. Фарапонова // Государственное и муниципальное управление. Записки ученых / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. — 2020. — № 3. — С. 170–175.

[334] Президентские выборы в Абхазии 2019 года закончились политическим кризисом, в результате которого к власти пришел сил А Бжания, имеющий поддержку партии «Амцахара».

Дзидзоев В.Д. Становление государств Абхазия и Южная Осетия как воплощение суверенной воли абхазской и югоосетинской нации / В.Д. Дзидзоев // Юридический вестник ДГУ. — 2018. — Т. 27. — № 3. — С. 26–33.

Скаков А.Ю. Абхазия в 2015 году: основные политические и социально-экономические тренды / А.Ю. Скаков, В.В. Новиков // Международная аналитика. — 2016. — № 1. С. 117–128. — URL: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2016-0-1-117-128

Стефанчак К. О'Бойхин. Гендер и выборы в признанных и непризнанных государствах: Парламентские выборы 2012 года в Грузии и Абхазии / К. О'Бойхин Стефанчак // Политическая наука. — 2014. — № 3.

Тужба Э.Н. Предвыборная ситуация в современной Абхазии / Э.Н. Тужба // Интеллектуальный потенциал общества как драйвер инновационного развития науки : сборник статей Международной научно-практической конференции. — Ч. 2. — Уфа : Омега Сайнс, 2019.

Ульянова Ю.С. Политический «фронт» в Абхазии и Южной Осетии / Ю.С. Ульянова // Современная наука и инновации. — 2016. — № 4. — С. 252–256.

Халилова А.С. Реальные субъекты политического процесса в Республике Абхазия начала XXI века: к вопросу о роли оппозиции / А.С. Халилова, А.Ш. Хашба, Г.Ф. Гебеков // Теории и проблемы политических исследований. — 2018. — Т. 7. — № 3А. — С. 63–73.

2.11. Южная Осетия

Южная Осетия — молодая президентская республика, образованная в результате принятия Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР 20 сентября 1990 года декларации о государственном суверенитете. После объявления независимости модель политического устройства страны формировалась в течение нескольких лет.

Сначала был сформирован однопалатный парламент, в то время называвшийся Верховным советом Южной Осетии, состоявший из 64 депутатов. Первые всенародные парламентские выборы прошли в стране 9 декабря 1990 года. Большинство голосов было отдано за представителей организации «Адæмон Ныхас» («Народное собрание»).

В это же время в стране начинает формироваться партийная система. Первой официально зарегистрированной в 1993 году Министерством юстиции партией является «Коммунистическая партия Южной Осетии». Остальные политические силы начинают оформляться лишь в конце 1990-х гг. Активизация процесса создания политических партий в республике после 1999 года связана с очередным раундом изменения избирательного законодательства. Мажоритарная система трансформировалась в смешанную: в выборах в парламент теперь могли участвовать политические партии, выдвигая своих кандидатов в своих списках.

По состоянию на январь 2023 года в республике было зарегистрировано 7 политических партий: «Ныхас», Народная партия, «Единство народа», Коммунистическая партия Республики Южная Осетия, «Единая Осетия», Социалистическая партия «Фыдыбæстæ», Юго-Осетинская респуб-

ликанская политическая партия «Единство»[335]. При этом в 2017 году партий в республике было в практически в 2 раза больше — 15. Снижение количества числа политических партий связано с ужесточением законодательства. Кроме того, Министерство юстиции республики на регулярной основе проводит проверки партий и на основании выявленных нарушений инициирует их закрытие. Одним из основных нарушений, выявленных в ходе проверок, является наличие «двойников» в списках партий — одно и тоже лицо является членом двух или более партий.

За годы парламентаризма Южной Осетии были испробованы все возможные формы избирательной системы: мажоритарная, смешанная, пропорциональная. Парламентские выборы первых трех созывов проводились по одномандатным округам. Вслед за этим выборы прошли по смешанной системе. С 2004 года депутаты стали избираться исключительно по партийным спискам. В 2018 году законодательство о выборах депутатов парламента Республики Южная Осетия было в очередной раз изменено: в настоящее время в стране парламент выбирают по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе[336].

Одной из специфических особенностей партийной системы страны является тот факт, что партии начинают создаваться в преддверии очередного электорального цикла. Так, например, к парламентским выборам 2014 года Министерство юстиции республики зарегистрировало 6 новых политических партий. При этом, согласно закону «О выборах

[335] Официальный сайт государственного информационного агентства «Рес». 2023. URL: https://cominf.org/node/1166547865/ (дата обращения: 13.02.2023).

[336] Конституционный закон Республики Южная Осетия «О выборах депутатов Парламента Республики Южная Осетия» № 141 от 30.03.2018. URL: https://cominf.org/node/1166522586 / (дата обращения: 13.02.2023).

депутатов Парламента Республики Южная Осетия», только те политические партии, которые зарегистрировались не менее чем за 1 год до выборов, могут быть допущены к ним[337].

Институт президенства в Южной Осетии возник несколько позже, чем парламент. После проведения вторых выборов в Верховный совет Южной Осетии в 1994 году началась активная работа над конституцией страны и переходом с парламентской формы правления на президентскую. 10 ноября 1996 года в результате всенародных выборов был избран первый Президент Республики Южная Осетия. Им стал Людвиг Чибиров, который набрал 55% голосов, а Верховный совет стал именоваться парламентом[338].

Южная Осетия — малое традиционное общество. Исторический фундамент общественной жизни республики — общинные отношения, основополагающими принципами которых являются иерархия, старшинство и личный авторитет[339]. В связи с этим важной характеристикой партийной системы Республики Южная Осетия является высокий уровень персонификации. Многие политические партии страны образовывались для продвижения интересов конкретного кандидата в президенты в рамках отдельного избирательного цикла. Электорат голосует за личностей, возглавивших те или иные партии, а не за конкретный институт с его политической программой.

---

[337] Алборова Д.Г., Койбаев Б.Г. Политические партии как фактор эволюции политических процессов в Республике Южная Осетия // Известия Юго-Западного государственного университета. 2019. Т. 9. № 4. С. 141–150. Серия «История и право».

[338] Официальный сайт Парламента Республики Южная Осетия. 2015. URL: https://parliamentrso.org/node/7 (дата обращения: 13.02.2023).

[339] Цаллагова З.Б., Чибиров Л.А. Осетины / Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО-Алания. М. : Наука, 2012. 605 с.

Все политические силы республики имеют пророссийскую ориентацию. Одни партии выступают за дальнейшее развитие дружеских связей с Россией (например, Коммунистическая партия Южной Осетии или партия «Фыдыбæстæ»), другие настроены более решительно и продвигают идею о вхождении Южной Осетии в состав России. Например, одна из самых мощных политических сил республики — партия «Единая Осетия» в своей программе обозначает в качестве ключевого приоритета объединение Республики Южная Осетия с Республикой Северная Осетия — Алания в составе Российской Федерации[340]. Партия «Единство народа» заявляет о приверженности курсу на вхождение в состав России[341], а партия «Ныхас» поддерживает идею о воссоединении осетинского народа в составе России[342].

В отличие от Республики Абхазия, в Южной Осетии неоднократно поднимался вопрос об отказе от независимости и вхождении в состав России. В 1992 году в рамках референдума о независимости Южной Осетии впервые была поднята тема воссоединения Южной Осетии с Россией. За воссоединение проголосовало 99,89% участников, а явка составила 97%. Попытки провести повторный референдум о вхождении в состав России были предприняты в 2017 и 2022 гг.

Конституция Южной Осетии, принятая в 2001 году, предполагает вступление в союз с другими государствами,

---

[340] Программа партии «Единая Осетия». URL: https://edinayaosetia.org/index.php/features/programma-parti (дата обращения: 13.02.2023).

[341] Официальный сайт Парламента Республики Южная Осетия. 2015. URL: https://vladikavkaz.bezformata.com/listnews/sotcialisticheskoj-partii-edinstvo-naroda/39195709/ (дата обращения: 13.02.2023).

[342] Предвыборная программа лидера партии «Ныхас» // Официальный сайт государственного информационного агентства «Рес». 2022. URL: https://cominf.org/node/1166542581 / (дата обращения: 13.02.2023).

а также передачу органам союза части своих полномочий. Таким образом предполагается отказ от курса независимости. Кроме того, в статье 8 говорится об отношениях с Республикой Северная Осетия — Алания на основе этнического, национального, историко-территориального единства, социально-экономической и культурной интеграции.

Несмотря на количество партий, политическая система страны не отличается идеологическим многообразием. Коммунистическая партия, Партия «Единство народа», «Единая Осетия» и «Новая Осетия» — ценностные консерваторы. Они выступают за экономику с преобладанием государственного сектора, одним из приоритетов считают сильное государство, пропагандируют традиционные ценности. Так, например, в проекте политической программы партии «Новая Осетия» в качестве одного из приоритетов заявлено сбережение национальной самобытности, в том числе посредством «возвращения людей в село»[343]. Остальные же политические партии в рамках группировки по идеологической ориентации были определены как центристские.

О незрелости политических партий также свидетельствует низкий уровень концептуальной проработки программных документов. Большинство партий не имеют оформленного программного документа, который бы раскрывал концептуально их идеологические основы. Это во много затрудняет классификацию партий по их политической ориентации. Характеристика партий зачастую дана исходя из публичных заявлений их лидеров. При этом главным акцентом в них зачастую является внешнеполитическая повестка и вопрос взаимоотношений с Российской Федерацией.

[343] Проект предвыборной программы партии «Новая Осетия». 2014. URL: https://ok.ru/newir/topic/62614464039765 (дата обращения: 13.02.2023).

Анализируя общенациональные парламентские выборы за четыре электоральных цикла (2004, 2009, 2014 и 2019 гг.), можно зафиксировать переток электората от центристских к консервативным политическим силам. У партий нет устойчивого электората, он довольно зыбкий и имеет кочующий характер от выборов к выборам. Если в 2004 и 2009 гг. большинство голосов было отдано за Народную партию Южной Осетии (54,6% и 46,4% соответственно), то начиная с 2014 года в качестве доминирующей политической силы выступает уже «Единая Осетия» (43,1% и 35,0% на выборах 2014 и 2019 гг. соответственно). При анализе электорального поведения в республике важно отметить, что новая избирательная система (смешанная мажоритарно-пропорциональная система) была введена перед парламентскими выборами 2019 года. Это позволило расширить политическое представительство в парламенте (6 из 35 мест достались самовыдвиженцам) и снизить концентрацию власти в руках одной политической силы. По итогам этих выборов правящая партия «Единая Осетия» потеряла большинство в парламенте.

Несмотря на то что данные об итогах выборов в территориальном разрезе в Южной Осетии отсутствуют, косвенно о пространственных особенностях электорального процесса мы можем судить по дифференциации между административными единицами показателей явки. Цхинвал, как правило, отличается самой низкой явкой, а самую высокую демонстрирует Ленингорский район, где, в отличие от других единиц АТД, значительную долю населения составляют этнические грузины (55,5% по переписи населения 2015 года) [344].

[344] Выводы сделаны на основании заявлений председателя ЦИК Южной Осетии (URL: https://sputnik-ossetia.ru/20190611/Vybory-v-parlament-pervye-itogi-8786845.html; https://region15.ru/v-yuzhnoy-osetii-progolosovalo-50-46-procentov-izbirateley/).

Список литературы

Алборова Д.Г. Политические партии как фактор эволюции политических процессов в Республике Южная Осетия / Д.Г. Алборова, Б.Г. Койбаев // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2019. — Т. 9. — № 4. — С. 141–150. — (Серия «История и право»).

Дзидзоев В.Д. Становление государств Абхазия и Южная Осетия как воплощение суверенной воли абхазской и югоосетинской нации / В.Д. Дзидзоев // Юридический вестник ДГУ. — 2018. — Т. 27. — № 3. — С. 26–33.

Конституционный закон Республики Южная Осетия «О выборах депутатов Парламента Республики Южная Осетия» № 141 от 30.03.2018. — URL: https://cominf.org/node/1166522586 (дата обращения: 13.02.2023).

Особенности политического и экономического развития Республики Южная Осетия / А.И. Суздальцев, Н.Н. Новик, В.Б. Тедеев, А.Г. Бесаева // Псковский регионологический журнал. — 2022. — Т. 18. — № 3. — С. 19–36.

Официальный сайт Парламента Республики Южная Осетия. 2015. — URL: https://vladikavkaz.bezformata.com/listnews/sotcialisticheskoj-partii-edinstvo-naroda/39195709/ (дата обращения: 13.02.2023).

Предвыборная программа лидера партии «Ныхас» // Официальный сайт государственного информационного агентства «Рес». — URL: https://cominf.org/node/1166542581 (дата обращения: 13.02.2023).

Программа партии «Единая Осетия». — URL: https://edinayaosetia.org/index.php/features/programma-parti (дата обращения: 13.02.2023).

Проект предвыборной программы партии «Новая Осетия». 2014. — URL: https://ok.ru/newir/topic/62614464039765 (дата обращения: 13.02.2023).

Ульянова Ю.С. Политический «фронт» в Абхазии и Южной Осетии / Ю.С. Ульянова // Современная наука и инновации. — 2016. — № 4. — С. 252–256.

Цаллагова З.Б. Осетины / З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров / Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО-Алания. — Москва : Наука, 2012. — 605 с.

2.12. Казахстан

Высшим законодательным органом Казахской ССР был Верховный Совет, состоявший из 360 депутатов: 270 избирались от избирательных округов, 90 — от общественных организаций. Кандидатуры предлагались трудовыми коллективами, общественными организациями, собраниями местных жителей.

В 1993 году был принят Кодекс о выборах в Республике Казахстан, который установил срок избрания депутатов в Верховный Совет Республики Казахстан (5 лет), сократил количество мандатов до 177, а гражданам дал возможность выдвигать свои кандидатуры. Избирательная система стала смешанной: 135 депутатов избирались по одномандатным округам, 42 — по списку, формируемому президентом[345].

Состав Верховного Совета 13-го созыва (1994–1995 гг.), избранный по новому закону, обладал сильным оппозиционным ядром. В мае 1994 года было принято «Заявление Верховного Совета РК», в котором выражалось недоверие текущей социально-экономической политике правительства. В условиях продолжающейся критики осенью того же года Н.А. Назарбаев отправил правительство в отставку. Весной 1995 года разразился новый этап политического кризиса. Поводом послужила жалоба, поданная на нарушения Кодекса о выборах в Абылайхановском избирательном округе. Итогом длительного разбирательства стало постановление Конституционного суда Казахстана, в котором отмечалось,

[345] Кодекс о выборах в Республике Казахстан от 9 декабря 1993 года // ЮРИСТ. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1002631 (дата обращения: 24.02.2021).

что методика подсчета Центризбиркома противоречит конституции республики. Это ставило под вопрос легитимность как самого парламента, так и сформированного с его участием правительства. В ходе развернувшегося политического кризиса Верховный Совет был распущен, правительство отправлено в отставку, а в стране установлен режим личной власти президента[346].

Итогом политического кризиса 1995 г. стало принятие новой Конституции Республики Казахстан, существенно изменившей избирательную систему страны. Высший представительный орган стал именоваться парламентом, был разделен на две палаты: Сенат и Мажилис. 47 депутатов избирались в Сенат через систему выборщиков. Мажилис состоял из 67 депутатов, избираемых по одномандатным территориальным избирательным округам[347].

В последующие годы в избирательное законодательство Казахстана неоднократно вносились изменения, существенно влияющие на порядок формирования парламента. По итогам изменений к моменту проведения внеочередных выборов 2007 года число депутатов Мажилиса было увеличено с 77 до 107 человек, из которых 98 человек получали мандат по итогам прямых выборов и еще 9 человек должны были избираться Ассамблеей народа Казахстана[348]. Для прохождения в парламент для партий был установлен 7%-ный минимальный барьер.

---

[346] Шеретов С.Г. Новейшая история Казахстана. Алматы : Юрист, 2003. ISBN 9965-431-47-77. С. 43–44.

[347] Конституция Республики Казахстан // ЮРИСТ. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 24.02.2021).

[348] Согласно изменениям, внесенным в законодательство Казахстана в 2022 году, Мажилис состоит из девяноста восьми депутатов, избираемых в порядке, установленном Конституционным законом по смешанной избирательной системе.

Анализируя особенности партийной системы Казахстана в конце XX — начале XXI вв., исследователи[349] выделяли следующие этапы партийного строительства.

1. 1986–1987 годы — появление предпосылок в рамках однопартийной системы многопартийности. Еще не существует политических партий, но ослабление центра и потеря монополии на информацию создает потенциал для их формирования.

2. 1987–1990 годы — возникновение протопартийных структур, групп интересов.

3. 1990–1995 годы — правовое оформление партийной системы. Генезис партий как политических единиц, начало функционирования партийной системы.

4. 1995–2002 годы — период поляризованного партийного плюрализма. Дальнейшая эволюция партийной системы.

5. 2002–2007 годы — формирование современной партийной системы. Абсолютное доминирование «Нур Отана».

Можно говорить о том, что партийная система, сложившаяся в начале 2000-х годов, для которой характерно очевидное преобладание крупной правящей партии «Нур Отан», сохранялась практически неизменной в анализируемый период. При этом Казахстан обычно относят к системам с партией-гегемоном, что подтверждается индексами эффективного числа партий. Хотя для последнего электорального цикла 2021 года значение индекса Таагеперы будет равно 1,90240633, что больше соответствует двухпартийным системам (к двухпартийным относят системы при индексе $1{,}8 \leq N \leq 2{,}4$), однако модернизированный индекс Голосова, позволяющий разграничить двухпартийные системы и системы с доминирующей партией, дает значение

[349] Кармазина Л. Сравнительный анализ институционализации партийных систем Казахстана и России. Ч. I // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 6 (60).

1,336361771, что является признаком системы с предоминантной партией. Многие исследователи сходятся на том, что партия «Нур Отан» является гегемоном политической арены Казахстана. Считается, что доминирование партии Н. Назарбаева произрастает из особенностей политической культуры, относящейся к азиатскому социокультурному типу, из высокой степени консолидации и гомогенности казахского общества, а также влияния политических традиций советского периода.

С учетом этих особенностей полноценный анализ пространственных закономерностей электоральных предпочтений избирателей затруднен. Однако возможно выделить и рассмотреть некоторые характерные тенденции.

Правящая и крупнейшая партия **«Нур Отан»**[350] («Сияющее Отечество») фактически существует с 1999 года. Тогда произошло преобразование общественного штаба в поддержку Н.А. Назарбаева на президентских выборах в Республиканскую политическую партию «Отан» («Отечество»). В 2006 году произошло объединение четырех партий: «Отан», Республиканской партии «Асар», Гражданской партии Казахстана и Аграрной партии Казахстана. Сам Назарбаев тогда отмечал, что создание общенациональной партии имеет важное значение для дальнейшей демократизации политической системы страны[351]. В том же году партию переименовали в Народно-демократическую партию «Нур Отан».

«Нур Отан» позиционирует себя как центристская партия, однако скорее тяготеет к «правому» крылу. С момента своего создания «Нур Отан» сохраняет лидирующее поло-

[350] В 2022 году партия «Нур Отан» была переименована в «AMANAT» («Завет предков»).

[351] Назарбаев продолжает поглощение политических партий // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2006/11/10/kazakh (дата обращения: 22.02.2021).

жение в политической жизни Казахстана: партия удерживает большинство после каждых выборов в парламент, а оба президента страны являлись ее членами[352]. На выборах 2007 года «Нур Отан» стала единственной партией, преодолевшей 7%-ный барьер на выборах в Мажилис. В 2010 году нижняя палата парламента единогласно приняла поправки в конституционные законы страны, которые закрепили за Назарбаевым статус Елбасы — лидера нации, а также наделили его новыми полномочиями[353]. В доктрине партии, принятой в 2013 году, Елбасы объявлялся «политическим идеалом» партии.

Политическая оппозиция в рассматриваемый период была представлена несколькими партиями разной политической направленности.

Народная партия Казахстана (НПК)[354] возникла в результате раскола Коммунистической партии Казахстана в 2004 году. Для новообразовавшейся Коммунистической народной партии Казахстана первые выборы в парламент, как и первое участие в президентских выборах оказались неудачными — партия набрала 2% голосов на выборах в Мажилис, а партийный кандидат в президенты получил всего 0,34% голосов. На парламентских выборах 2012 года партия смогла получить 7 мандатов, а на выборах 2016 года укрепила свои позиции, получив 10 мандатов.

---

[352] В 2022 году К.-Ж. Токаев вышел из партии AMANAT, обосновав этот шаг необходимостью сохранять политическую нейтральность на посту президента. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/prezident-tokaev-vyishel-iz-partii-amanat-467349/ (дата обращения: 22.01.2023).

[353] В 2023 году Конституционный суд признал утратившим силу Конституционный закон «О Первом Президенте Республики Казахстан — Елбасы». URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/397743?lang=ru (дата обращения: 22.01.2023).

[354] История Мажилиса // Официальный интернет ресурс Мажилиса Парламента Республики Казахстан. URL: https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/history?id=history (дата обращения: 13.09.2021).

В конце 2020 года на внеочередном съезде партии руководство решило провести ребрендинг, убрав из названия слово «Коммунистическая». Секретарь ЦК КНПК объяснил решение «наличием запроса на перемены в политической и социально-экономической ситуации» и «необходимостью пересмотра стратегии КНПК через ребрендинг»[355]. Однако на результаты выборов такое решение не оказало серьезного влияния — в январе 2021 года партия вновь получила 10 мандатов.

Представители НПК утверждают, что они являются единственной оппозиционной партией страны, противопоставляя себя «левым», с их точки зрения, «Нур Отан» и «Ак Жол». Однако, согласно исследованиям Пиппы Норрис[356], НПК является преимущественно центристской партией, тогда как «Нур Отан» и «Ак Жол» относятся к партиям правым.

Демократическая партия Казахстана «Ак Жол» («Светлый путь»)[357] позиционирует себя «конструктивной оппозицией» и последователем либерально-демократического национального движения «Алаш» (идеологически близки к партии кадетов), существовавшего в начале XX века. Идеи движения «Алаш» лежат в основе деятельности партии «Ак Жол», представители которой разработали программу по их распространению и последовательно ее реализуют.

---

[355] Казахстанских коммунистов переименовали // Информационно-аналитический центр МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. URL: https://ia-centr.ru/publications/kazakhstanskikh-kommunistov-pereimenovali/ (дата обращения: 25.02.2021).

[356] Global Party Survey. 2019 // Harvard Dataverse. URL: https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/WMGTNS (дата обращения: 13.09.2021).

[357] О партии // Официальный сайт демократической партии «Ак Жол». URL: https://akzhol.kz/ru/partija/ (дата обращения: 13.09.2021).

Своей социальной базой «Ак Жол» считает состоявшийся средний класс, ядром которого выступают интеллигенция и представители деловых кругов.

Партия «Ак Жол» образовалась на основе общественно-политического объединения «Демократический выбор Казахстана», созданного в 2001 году. Вскоре после создания, представители ДВК призвали к децентрализации власти, что привело к разногласиям внутри объединения. Часть членов движения приняла решение выйти из его состава, чтобы впоследствии создать более умеренную политическую партию «Ак Жол», которая была зарегистрирована в 2002 году. По результатам выборов 2004 года партия получила два мандата, после чего один из сопредседателей партии отказался от мандата в знак протеста против нарушений на выборах[358]. В 2012 и в 2016 годах партии удалось получить восемь и семь мандатов соответственно, а в 2021 — уже 12.

В 2005 году в «Ак Жол» произошел еще один раскол, который во второй раз поделил состав партии на умеренное большинство и более радикальное меньшинство. После раскола меньшинство сформировало партию «Нагыз Ак Жол» («Настоящий Ак Жол»), которая впоследствии была переименована в партию «Азат» («Свобода»). В 2009 году «Азат» и ***«Общенациональная социал-демократическая партия» (ОСДП)*** объявили о слиянии на базе последней.

В 2012 году, на первых выборах после объединения, ОСДП не прошла барьер, набрав 1,59% голосов. После объявления результатов лидеры партии призвали сторонников выйти на митинг, чтобы выразить несогласие с итогами выборов. По сообщениям СМИ, на митинг, который продолжался 45 минут, вышло около 250 человек. Позднее один

[358] Справка: Демократическая партия «Ак Жол» // Carnegie Endowment for International Peace. URL: https://carnegieendowment.org/2012/09/21/ru-pub-49442 (дата обращения: 23.02.2021).

из лидеров партии сообщил, что организаторы митинга активно призывали своих сторонников не выходить на митинг, потому что им «поступала информация о том, что готовится силовая операция»[359].

ОСДП считает себя единственной оппозиционной партией страны и утверждает, что все выборы в Казахстане проходят с многочисленными нарушениями законодательства. В 2016 году партия вновь не прошла 7%-ный барьер на выборах в парламент, а выборы 2021 года было решено бойкотировать. За все время существования партии ОСДП (даже до слияния с «Настоящим Ак Жолом»), представители партии ни разу не принимали участие в президентских выборах.

Народно-демократическая патриотическая партия «Ауыл» («Село») — еще одна зарегистрированная партия, которая ни разу не была представлена в парламенте страны. Народно-демократическая партия «Ауыл» образовалась в 2015 году в результате слияния Партии патриотов Казахстана и Казахстанской социал-демократической партии «Ауыл». Ключевым направлением деятельности партии является модернизация агропромышленного комплекса и защита интересов работников сельского хозяйства.

Партия «Бірлік» («Единство») сформировалась в 2013 году в результате объединения партий «Адилет» («Справедливость») и «Руханият» («Духовность»). Во время предвыборной кампании 2016 года представители партии выступали за социальные преобразования и уделяли значительное внимание экологическим вопросам[360]. Партия не прошла

[359] Митинг казахстанской оппозиции в Алма-Ате продолжался меньше часа // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20120117/541379279.html (дата обращения: 23.02.2021).

[360] Предвыборная программа политической партии «Бірлік» // Официальный сайт политической партии «Бірлік». URL: https://web.archive.org/web/20180922145332/http://pp-birlik.kz/pages/predvybornaya-programma (дата обращения: 26.02.2021).

в Мажилис ни в 2016, ни в 2021 годах. В марте 2020 года представители «Бірлік» предложили партии «Ауыл» объединиться, на что представители последний ответили отказом, аргументировав его отсутствием политической активности «Бірлік» после парламентских выборов 2016 года[361]. В ноябре 2020 года партия «Бірлік» была переименована в ***«Адал» («Справедливый»)***. Переименование, по словам председателя партии, связано с запросом населения на справедливость и обновление[362]. Партия выступает за справедливую социальную систему и «масштабную модернизацию всех сфер жизни общества на принципах справедливости для людей, подотчетности власти и конкурентоспособности бизнеса»[363], при этом может быть характеризована как центристская, поддерживающая политические курсы Назарбаева и Токаева[364].

Анализируя особенности электоральных процессов в Казахстане, необходимо отметить наличие мощного неформального механизма политической коммуникации в Казахстане, известного как «жузовая система». Жузы — это особые союзы племен, составляющие единую казахскую народность. Жузы жестко фиксированы в пространстве, то есть населяют строго определенную территорию. Всего выделяется три жуза: Улы жуз (“Старший”), Орта жуз (“Средний”)

---

[361] Партия «Ауыл» не захотела объединяться с партией «Бірлік» // Власть. URL: https://vlast.kz/novosti/41619-partia-auyl-ne-zahotela-obedinatsa-s-partiej-birlik.html (дата обращения: 26.02.2021).

[362] Политическая партия «Бірлік» переименована в «Адал» // Sputnik Kazakhstan. URL: https://ru.sputnik.kz/society/20201105/15397163/politicheskaya-partiya-birlik-pereimenovan-adal.html (дата обращения: 28.02.2021).

[363] Программа политической партии «Адал» // Официальный сайт политической партии «Адал». URL: https://adalpartiyasy.kz/program (дата обращения: 26.02.2021).

[364] В 2022 году произошло присоединение партии «Адал» к правящей партии «AMANAT».

и Киши жуз (“Младший”). Ареалом расселения старшего жуза традиционно был юго-восток, срединная территория является вотчинной среднего жуза, тогда как северо-запад закрепился за младшим жузом. Жузы обладают особой иерархией: самый слабый и не влиятельный род старшего жуза будет обладать большим политическим весом, чем самый влиятельный и богатый род среднего жуза и т.д. Род Нурсултана Назарбаева относится к старшему жузу[365]. Жузы присоединялись к Российской империи постепенно: сначала вошел младший, затем средний и, гораздо позднее, старший жуз. Старший жуз находился на пересечении двух азиатских социокультурных типов: арабского и китайского, сохранил отпечаток этих двух цивилизаций и традиционно тяготеет к Востоку[366].

Во времена Российской империи и СССР жузовая система отошла на второй план, кадровая политика была подчинена скорее классово-этническому подходу. Но в период застоя жузовская структура казахской элиты ожила и стала определяющей в политическом рекрутировании. В итоге для ключевых постов Казахстанской ССР была адаптирована следующая формула: 1+1+1 (Пост первого секретаря ЦК Коммунистической партии Казахстана занимал представитель старшего жуза, председатель Совета министров — представитель среднего жуза, президиум Верховного совета — младший жуз). Таким образом, был установлен «жузовый баланс», который сохранялся до прихода к власти

[365] Клан Назарбаевых // Eurasia Internet. URL: https://www.neweurasia.info/cgi-bin/datacgi/database.cgi?file=News&report=SingleArticleRu2005&ArticleID=0000981 (дата обращения: 09.09.2020).

[366] Любичанковский С.В., Тюгаева О.О. Казахские жузы в региональной системе управления Российской империи: механизмы интеграции в общегосударственную структуру // Актуальные проблемы государственного, регионального и муниципального управления: теория, аналитика, практика. 2012. С. 261–265.

Назарбаева[367]. На рис. 2.12.1 представлены исторические ареалы жузов.

Рис. 2.12.1. Карта расселения жузов в Казахстане

Для электоральной истории Казахстана последних двух десятилетий характерной чертой является проведение внеочередных парламентских выборов: из четырех рассматриваемых электоральных циклов трижды Мажилис избирали досрочно — в 2007, 2012 и 2016 годах. Выборы депутатов мажилиса 2021 года прошли согласно срокам, предусмотренным законодательством.

Во внеочередных парламентских выборах 2007 года приняли участие семь политических партий, однако 7%-ный барьер смогла преодолеть только пропрезидентская партия «Нур Отан», которая набрала 88,41% голосов и получила в результате все 98 депутатских мест в парламенте. Явка составила 64,56%. Алма-Ата стала центром оппозиционного

[367] Амрекулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // CA&C Press AB. Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 9. URL: https://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/16.Amrek.shtml

голосования, где за «Нур Отан» проголосовало около 62,8%. Второй результат по стране был у Общенациональной социально-демократической партии — 4,54% голосов. При этом в Алма-Ате ОСДП получила поддержку 21,5% избирателей, однако с учетом крайне низкой явки в городе (около 23%) этот результат не позволил партии получить число голосов избирателей, необходимое для прохождения в парламент. Демократическая партия Казахстана «Ак Жол» набрала в целом 3,09% голосов. Остальные партии получили менее 2% голосов каждая[368].

По результатам выборов в Мажилис 2012 года ситуация несколько изменилась. «Нур Отан» вновь победила со значительным перевесом, получив 80,99% голосов, показав наименьший результат в столице — Астане (69,71%). Однако в парламент удалось пройти двум другим партиям — Демократической партии Казахстана «Ак Жол» (7,47%) и Коммунистической народной партии Казахстана (7,19%). Итоговая явка избирателей составила 75,45%[369]. Регионами преимущественной поддержки коммунистов (более 8%) были Жамбылская, Павлодарская, Южно-Казахстанская (Туркестанская) и Восточно-Казахстанская области. Партия «Ак Жол» получила более 8% голосов в Восточно-Казахстанской, а также Кызылординской и Акмолинской областях.

В 2016 году прошли пятые внеочередные выборы в Мажилис. До выборов были допущены шесть партий, из кото-

[368] Выборы депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан в 2007 году // ЦИК Республики Казахстан. URL: https://www.election.gov.kz/rus/informatsiya-o-vyborakh-i-referendumakh-v-rk/informatsiya-o-proshedshikh-izbiratelnykh-kampaniyakh/vybory-deputatov-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazakhstan/vybory-deputatov-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazakhstan-v-2007-godu.php (дата обращения: 01.03.2021).

[369] ЦИК Казахстана сообщил о рекордной явке на парламентских выборах // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/world/499374 (дата обращения: 01.03.2021).

рых только три смогли пройти 7%-ный барьер: крупнейшая партия «Нур Отан», набравшая 82,20% голосов, «Ак Жол» и Коммунистическая народная партия Казахстана, получившие от избирателей 7,18 и 7,14% соответственно[370]. Явка составила 77,1% голосов[371]. Распределение электоральных предпочтений в целом осталось сходным с предыдущими выборами. Центром электоральной оппозиционности правящей партии «Нур Отан» снова стала Алма-Ата (70,1%), при этом максимум (85,1%) партия получила в столице на фоне резкого падения поддержки ОСДП (с традиционных 10% до 2%).

В январе 2021 года состоялись очередные выборы. «Нур Отан» вновь одержала победу со значительным перевесом (71,09% голосов), а две другие партии, прошедшие барьер — «Ак Жол» и Народная партия Казахстана набрали около 10% голосов каждая[372]. Показатели явки избирателей равнялись 63,3%[373]. Как можно заметить, несмотря на сохраняющееся безусловное доминировании партии «Нур Отан», ее поддержка заметно снизилась в сравнении с 2007 годом, а две называющие себя оппозиционными партии стабильно

[370] Сообщение об итогах внеочередных выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан шестого созыва // ЦИК Республики Казахстан. URL: https://www.election.gov.kz/rus/news/messages/index.php?ID=3294 (дата обращения: 01.03.2021).

[371] ЦИК: самую низкую явку показали жители Алматы // ИА Тотал Казахстан. URL: https://total.kz/ru/news/vnutrennyaya_politika/tsik_samuyu_nizkuyu_yavku_pokazali_jiteli_almatyi#begin_st (дата обращения: 01.03.2021).

[372] Заседание Центральной избирательной комиссии об итогах очередных выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан VII созыва // ЦИК Республики Казахстан. URL: https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=6198 (дата обращения: 01.03.2021).

[373] Выборы-2021: явка избирателей в Казахстане составила 63,3% // Almaty.tv. URL: https://almaty.tv/news/saılaý-2021/2251-vybory-2021-yavka-izbirateley-v-kazakhstane-sostavila-633percent (дата обращения: 01.03.2021).

показывают результат, достаточный для прохождения в парламент по итогам трех последних избирательных кампаний. В трех регионах (Алма-Ата, Мангистауская область и Астана) на выборах 2021 года партия «Нур Отан» получила меньше 60%. Эти же регионы стали территорией наибольшей поддержки «Ак Жол», тогда как наивысшие результаты НПК зафиксированы в Актюбинской, Восточно-Казахстанской и Атырауской области.

Таким образом, при анализе распределения результатов выборов по избирательным округам, обнаруживается, что в некоторых областях доминирование партии президента не такое подавляющее, как в регионах-соседях. Однако, за исключением Алма-Аты, нельзя говорить о формировании устойчивых кластеров оппозиционности в какой-либо части страны.

В этой связи необходимо коснуться вопроса об этническом составе населения Казахстана, размежевания которого связанны во многом с длительным периодом нахождения в составе Российской империи и СССР. Характерной особенностью этого периода было то, что многие важные политические и административные посты занимали «ставленники» Москвы, а на проекты всесоюзного масштаба, такие так освоение целины, привлекали русскоязычное население. Во время Великой Отечественной войны в Казахстан были эвакуированы жители западных и центральных регионов СССР, а в годы массовых политических репрессий Казахстан стал местом ссылки для заключенных и членов их семей, а также для тысяч жертв насильственной депортации народов, что повлияло на этнический состав страны в некоторых регионах.

В настоящее время этнические русские проживают преимущественно на севере и северо-востоке Казахстана, в Акмольской, Восточно-Казахстанской, Северо-Казахстанской,

Карагандинской, Костанайской и Павлодарской областях. Возможным последствием такого расселения является то, что в большинстве северных регионов Казахстана Коммунистическая партия традиционно получала достаточно высокую поддержку, хотя результаты выборов 2021 года не в полной мере подтверждают эту тенденцию.

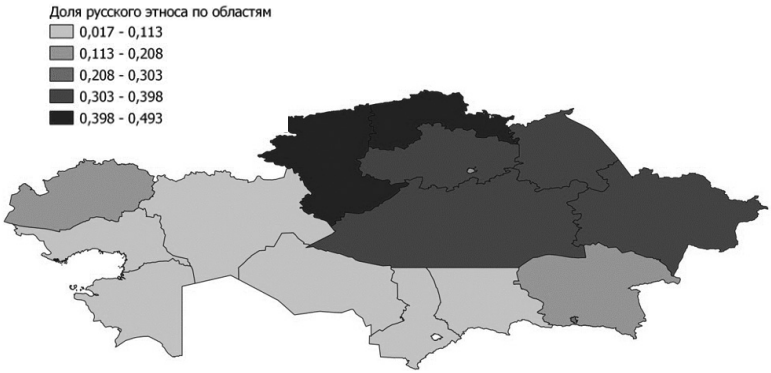


Рис. 2.12.2. Доля русского этноса в областях Казахстана

При анализе результатов выборов без этнической привязки можно обнаружить определенные сходства с границами расселения жузов. Например, электоральный цикл 2016 года выдает границы электоральных предпочтений, похожих на ареал жузов. При этом в один кластер попали восточные регионы Казахстана. Данный кластер образован племенами старшего и младшего жузов, его обособление скорее связано с близостью к России. Другой кластер включил в себя центральные регионы и западные, где проживают племена алимулы, байулы, жетыру, кыпшак и найман — племена младшего и среднего жузов. Цикл 2021 года в целом сохраняет общие векторы политического ландшафта: индустриальные урбанистические центры менее охотно голосуют

за «Нур Отан», но партия все равно доминирует в каждой области Казахстана.

В то же время необходимо отметить, что применение инструментов пространственного анализа для оценки результаты выборов для ключевых партий «Нур Отан» и «Ак Жол» затруднено, что связано, в случае первой партии, с ее крайней широкой репрезентацией и доминирующим положением, а в отношении второй — с ее преимущественно городским электоратом.

Список литературы

Алексеевич А.А. Национальная политика республики Казахстан в период становления российско-казахстанских отношений 1990–1995 гг. / А.А. Алексеевич // Вестник СПбГУ. — История. — 2009. — № 2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-politika-respubliki-kazahstan-v-period-stanovleniya-rossiysko-kazahstanskih-otnosheniy-1990-1995-gg (дата обращения: 24.09.2020).

Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. — 1992. — № 4.

Амрекулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана / Н. Амрекулов // CA&C Press AB. Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 9. — URL: https://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/16.Amrek.shtml

Атанова С.А. Казахстан и его национальный образ: между «мягкой силой» и «страной-брендом». / С.А. Атанова // Ислам в современном мире. — 2019. — № 15 (1). — С. 169–184. URL: https://doi.org/10.22311/2074-1529-2019-15-1-169-184

Баранов Н.А. Политическая культура России: традиции и современность / Н.А. Баранов // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015. — № 208. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-rossii-traditsii-i-sovremennost (дата обращения: 22.09.2020).

Баталов Э.Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) / Э.Я. Баталов // Общественные науки и современность. — 1994. — № 6.

Борисова Е.А. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном / Е.А. Борисова // Вестник Евразии. — 2002. — № 1. —

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-neformalnyh-institutov-v-upravlenii-kazahstanom (дата обращения: 21.09.2020).

Выборы в Казахстане. Политический брендинг и межнациональное согласие // Информационно-аналитический Центр МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. — URL: http://web.archive.org/web/20160405085627/http://ia-centr.ru/archive/public_details4409.html?id=758# (дата обращения: 19.02.2021).

Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. — Москва : Языки славянских культур, 2017. — ISBN 978-5-9551-0144-6.

Зарецкий А.М. Политические партии Казахстана-история и современность / А.М. Зарецкий // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. — 2015. — № 11–12. — С. 143–150. — (Серия «Экономика и право»).

Заседание Центральной избирательной комиссии об итогах очередных выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан VII созыва // ЦИК Республики Казахстан. — URL: https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=6198 (дата обращения: 01.03.2021).

Ионова Е.П. Особенности казахстанской модели транзита власти / Е.П. Ионова // Россия и новые государства Евразии. — 2019. — № 2. — С. 103–114.

Кармазина Л. Сравнительный анализ институционализации партийных систем Казахстана и России. Ч. I / Л. Кармазина // Центральная Азия и Кавказ. — 2008. — № 6 (60).

Касым-Жомарт Токаев выиграл — Жамбыл Ахметбеков // Inform.kz. — URL: https://lenta.inform.kz/cn/kasym-zhomart-tokaev-vyigral-zhambyl-ahmetbekov_a3536213 (дата обращения: 25.02.2021).

Комкова С.С. Политические элиты в государствах Центральной Азии: общие черты и коренные различия / С.С. Комкова // Архонт. — 2018. — № 2 (5). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-elity-v-gosudarstvah-tsentralnoy-azii-obschie-cherty-i-korennye-razlichiya (дата обращения: 22.09.2020).

Курганская В. Национальный вопрос в программных документах политических партий и движений Казахстана / В. Курганская, М. Сабит // Центральная Азия и Кавказ. —2000. — № 4. — С. 30–41.

Липсет С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей / С. Липсет, С. Роккан // Политическая наука. Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем :

сборник научных трудов / ред. и сост. Е.Ю. Мелешкина, А.Н. Кулик. — Москва : ИНИОН, 2004.

Любичанковский С.В. Казахские жузы в региональной системе управления Российской империи: механизмы интеграции в общегосударственную структуру / С.В. Любичанковский, О.О. Тюгаева // Актуальные проблемы государственного, регионального и муниципального управления: теория, аналитика, практика. — 2012. — С. 261–265.

Маркедонов С.М. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства / С.М. Маркедонов. — Москва : Academia, 2010.

Партия «Ауыл» не захотела объединяться с партией «Бірлік» // Vласть. — URL: https://vlast.kz/novosti/41619-partia-auyl-ne-zahotela-obedinatsa-s-partiej-birlik.html (дата обращения: 26.02.2021).

Перфильев А.Л. Политика российской империи по урегулированию межродовых конфликтов казахов Младшего и Среднего жузов / А.Л. Перфильев // Вестник Томского государственного университета. История. — 2010. — № 3 (11). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-rossiyskoy-imperii-po-uregulirovaniyu-mezhrodovyh-konfliktov-kazahov-mladshego-i-srednego-zhuzov (дата обращения: 22.09.2020).

Подпрятов Н.В. Межнациональные противоречия и причины роста национализма в СССР в 50–80-е гг. XX в. / Н.В. Подпрятов, Р.А. Соловьев, М.Г. Суслов // Вестник Вятского государственного университета. — 2011. — № 2–1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhnatsionalnye-protivorechiya-i-prichiny-rosta-natsionalizma-v-sssr-v-50-80-e-gg-hh-v (дата обращения: 22.09.2020).

Шеретов С.Г. Новейшая история Казахстана / С.Г. Шеретов. — Алматы : Юрист, 2003. — 237 с. — ISBN 9965-431-47-77.

Юсим М.А. «Средиземноморье» Ф. Броделя: человек в ландшафте большой истории / М.А. Юсим // Новая и новейшая история. — 2005. — № 6.

Agnew J. Identifying the Role of ‘Where’ // Political Science: The Spatial Dimensions of Political Analysis / J. Agnew, I. Hui // Research Gate. — URL: https://www.researchgate.net/publication/272565281_Identifying_the_Role_of_’Where’_in_Political_Science_The_Spatial_Dimensions_of_Political_Analysis

Agnew J. Mapping politics: how context counts in electoral geography / J. Agnew // Political geography. — 1996. — № 15/2.

Agnew J. The territorial trap: the geographical assumptions of international relations theory / J. Agnew // Review of international political economy. — 1994. — № 1.

Countries and Territories // Freedom House. — URL: https://freedomhouse.org/ (дата обращения: 09.09.2020).

Global Party Survey. — URL: https://www.globalpartysurvey.org/ (дата обращения: 11.09.2020).

Kurzman C. Waves of democratization / C. Kurzman // Studies in Comparative International Development // Studies in Comparative International Developmen. — 1998. — Vol. 33. — № 33 (1). — С. 42–64.

Miller A.H. Conceptions of democracy among mass and elite in post-Soviet societies / A.H. Miller, V.L. Hesli, W.M. Reisinger // British Journal of Political Science. — 1997. — С. 157–190.

Scarrow S.E.M. From social integration to electoral contestation / S.E. Scarrow, P. Webb, D.M. Farrell // Parties without partisans: Political change in advanced industrial democracies. — 2000. — С. 343–361.

Taagepera R. Predicting Party Sizes: The Logic of Simple Electoral Systems / R. Taagepera. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — ISBN 13:9780199287741. — URL: https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199287741.001.0001/acprof-9780199287741

Wyman M. Elections and voters in post-Communist Russia / M. Wyman, S. White, S. Oates. — Edward Elgar, 1998.

Zarycki T. The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations / T. Zarycki // Erdkunde. — 2015.

2.13. Монголия

Парламентские выборы в конкурентной политической системе являются не только средством, легитимирующим право прошедших «отбор» политических сил управлять государством, но и «зеркалом», отражающим сложившиеся общественные и групповые настроения, артикулированные в виде результатов голосования. В этой трактовке парламентские выборы, если использовать аналогию из физики, могут быть рассмотрены в «динамической» и «статической» перспективе. Под первой в данной статье следует подразумевать «протяженное» *изменение* институциональных и «поведенческих» параметров электоральной и партийной систем в межвыборное время. Вторая же характеризует констатацию ценностного, идеологического и «контекстуального» аспектов проведенной, проводимой и только планирующейся политики, зафиксированных на момент самих выборов. Первая объясняет выработку значимых, конституирующих политических действий. Вторая, даже «искаженная» агитацией, популистскими лозунгами, высказываниями, обещаниями и политическими технологиями, выявляет состояние политической среды, замеренное с высокой точностью.

Рассмотрение эффектов «динамики» и «статики» парламентских выборов мы бы хотели произвести на основе серии из четырех парламентских электоральных циклов в Монголии. Выбор монгольского кейса обусловлен недавним образованием современной демократической системы данного государства и активностью местных политических партий, которые являются ключевыми акторами политической жизни страны.

Успех демократизации Монголии во многом важен для понимания современного состояния партийного пространства бывших коммунистических режимов. Стартовав с похожих идеологических позиций, например, с Россией, Монголия является образчиком для других государств, в частности в вопросах установления демократии, в качественных изменениях своей политической структуры. Сложившаяся в Монголии к настоящему моменту политическая система даже при наличии доминирующей партии, которая в своем недавнем прошлом была единственной, демонстрирует наличие весомой политической воли к изменениям.

В то же время результаты парламентских выборов за последние четыре электоральных цикла видятся нами как наиболее актуальная «динамика» политической борьбы между партиями в условиях институциональных ограничений и политической фрагментации в оставшихся вне полей двух крупнейших партий идеологических полях и нишах (например, в зеленой повестке). Эффект «статики», по нашему определению, будет выражаться в предшествующих выборам социально-политических контекстах и «стартовых» условиях системы, задающих будущую борьбу партий.

Таким образом, сочетание вышеназванных факторов в нашей интерпретации становится линзой анализа современной монгольской политики как рассмотрения партийного пространства с позиции электорального анализа.

Статика. Электоральный и институциональный контекст

Выборы в Великий государственный хурал Монголии (Ульсин Ихх Хурал) — главное общественно-политическое событие четырехлетия[374].

[374] МНРП победила на выборах в Монголии // Информ Полис. URL: https://www.infpol.ru/171366-mnrp-pobedila-na-vyborakh-v-mongolii/ (дата обращения: 06.09.2020).

После принятия новой конституции Монголии и по результатам успеха демократической революции 1990 года в Монголии была установлена парламентская форма правления. Парламент, обладающий широкими полномочиями, является высшим государственным органом власти. Партия, которой удалось набрать наибольшее число парламентских мандатов, формирует правительство, возглавляемое премьером, и другие органы государственной власти в последующие четыре года.

Парламент Монголии — Великий государственный хурал Монголии — входит в число 179 парламентов — членов старейшей международной парламентской организации в составе Азиатско-Тихоокеанской группы[375]. Великий государственный хурал Монголии состоит из одной палаты, в состав которой входят 76 депутатов.

В последних парламентских выборах в Монголии, состоявшихся 24 июня 2020 года, приняли участие всего 485 из 606 зарегистрированных кандидатов. Они представляли 13 политических партий, 4 коалиции и свыше 120 независимых кандидатов. В соответствии с законодательством Монголии, победившая партия формирует новое правительство и назначает премьер-министра страны.

В течение последних четырех электоральных циклов активно применяются политические технологии, позволяющие осуществлять корректировку как позиций партий, так и отношения избирателей к политическим партиям в зависимости от целей авторитетных политических акторов и групп влиятельных акторов. Практически перед каждыми выборами происходит изменение законодательства (законов о выборах). Так, перед каждыми выборами проис-

[375] Межпарламентский союз (МПС) // Официальный интернет-портал Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/activity/crosswork/dep/65/ (дата обращения: 06.09.2020).

ходило изменение (под)категории избирательной системы: в 2008 году введена мажоритарная система блокового голосования (BV), в 2012 году — смешанная (параллельная) система, в 2016 году — система FPTP (вариант мажоритарной системы, при которой победа у кандидата, набравшего больше голосов, чем соперники по отдельности). Одной из ключевых причин изменения избирательной подсистемы было постановление Конституционного суда Монголии о неконституционности пропорциональной системы 2012 года[376]. В 2020 году вновь вводится избирательная система блокового голосования (BV). Одной из причин был показательный для Монгольской народной партии (МНП) опыт избирательной кампании 2008 года, в результате которой партия получила большинство мандатов.

В апреле 2012 г. накануне начала нового выборного цикла был арестован лидер Монгольской народно-революционной партии (МНРП) (отколовшейся от новообразованной МНП и сохранившей старое название), экс-президент Монголии Намбарын Энхбаяр по обвинению в коррупции и гибели нескольких человек во время беспорядков в 2008 году. Арест лидера одной из политических сил накануне начала предвыборной кампании, безусловно, связан со стремлением ослабить МНРП на выборах[377].

Изменения в избирательном законодательстве, принятые в 2019 году, касаются также антикоррупционных мер, лишая уличенное в коррупции лицо права баллотироваться. Однако

---

[376] Electoral system family — Mongolia // IDEA. Institute for Democracy and Electoral Assistance. URL: https://www.idea.int/answer/ans1303571706671147 (дата обращения: 23.12.2020).

[377] Сироткина Е. Анализ парламентских выборов в Монголии 28 июня 2012 г. // Интернет-портал «Политическая регионалистика» (Лаборатория региональных политических исследований НИУ ВШЭ). URL: http://www.regional-science.ru/wp-content/uploads/2012/10/Монголия-2012-Сироткина.pdf (дата обращения: 06.09.2020).

оппозиция в этом усмотрела манипулятивные возможности и риски «открытия коррупционных дел» на лидеров оппозиции. В 2020 году выборы происходили при распределении квоты из 76 парламентских мест по каждому округу и аймаку в качестве избирательных округов по всей стране. При этом граждане Монголии, проживающие за рубежом, не смогли голосовать на выборах. Кандидаты-госслужащие отказались от должности до 1 января 2020 г. и к ним применен ценз оседлости с 1 февраля 2020 года до даты выборов. Избирательная компания продлена до 22 дней против прежних 18. Финансовые взносы на проведение политических кампаний от физических лиц ограничены 5 миллионами тугриков, юридических — 20 миллионами тугриков.

Готовность списка избирателей — за 20 дней до даты голосования. Ограничивается законом и стоимость размещения избирательной рекламы на уровне среднего рекламного тарифа за 12 предшествующих месяцев.

Монгольская Народная партия, имея супербольшинство в парламенте, принимает 22 декабря 2019 года (за полгода до всеобщих выборов) новый закон о выборах. В соответствии с законом образуются многомандатные округа по 2-4 места в аймаке (административное подразделение первого порядка) и в дюреге (всего 9 дюрегов — муниципальных районов столицы Улан-Батора, которые также являются избирательными округами).

На протяжении четырех циклов всенародных выборов Великого государственного хурала в выборах принимали участие 73,65%, 73,58%, 65,25% и 74,31% избирателей в 2020, 2016, 2012 и 2008 годах соответственно. Стабильно высокая явка избирателей с небольшим снижением в 2012 году свидетельствует о высокой политической и электоральной активности граждан и успешной политической предвыборной агитации.

Партии, составлявшие на протяжении четырех электоральных циклов блоки и коалиции, не играют существенной роли в партийно-политической системе страны. Эти партии решают узкопартийные задачи без нацеленности на объединение партий по единству или схожести идейно-политических платформ. Отсутствие тенденции к объединению сохраняет значительную фрагментарность политической системы[378].

В контексте исключительно четырех циклов единственным серьезным успехом коалиционного «проекта» выступили выборы в 2012 году, на которых блок «Справедливость» заработал 10% голосов. По нашему мнению, это можно было связать со структурой оппозиционного политического пространства («протестное» голосование в столице), а также с избирательной системой. Этот эффект, возможно, достигался за счет списочного голосования — пропорциональной составляющей смешанной системы тех выборов.

Имеют место редкие попытки объединения малых партий, которые решают партийные задачи без нацеленности на преодоление фрагментирования политического пространства[379]. Также существуют идейно близкие партии, но их не стоит считать спойлерными, так как «оригинальные» партии набирают мало голосов, за исключением МНРП, которая может являться спойлером к МНП.

Перед каждыми выборами последних четырех избирательных циклов происходит значительное изменение в электоральных законодательствах и установках. При значительной фрагментарности политическое пространство Монголии

[378] Монголия // Политические системы современных государств : энциклопедический справочник. В 4 т. Т. 2. Азия / МГИМО (У) МИД России, ИНОП ; гл. ред. А.В. Торкунов ; науч. ред. А.Ю. Мельвиль ; отв. ред. М.Г. Миронюк. М. : Аспект Пресс, 2012. С. 337–347.

[379] Там же.

остается стабильно активным и политически свободным. Показательна и индексная оценка Монголии как совершенной демократии в Северной Азии[380].

Электорально-избирательный ландшафт Монголии последних четырех циклов вписывается в идею «закона М. Дюверже» о том, что использование однотуровых мажоритарных избирательных систем с течением времени приводит к двухпартийной схеме[381]. Действительно, результаты парламентских выборов 2020 года в Монголии продемонстрировали, что реальных политических сил в Монголии, способных подстроиться под использующиеся политические технологии, по-прежнему остается две.

Статика. Экономический и социальный контекст

Выборы 2020 года проходили в неоднозначном и не простом экономическом контексте. Так, с одной стороны, экономические условия можно считать благоприятными. Стабильность развития животноводческой отрасли и рост мировых цен на золото и меднорудные ресурсы как на основные экспортные статьи позволили значительно увеличить государственный бюджет страны с 1 триллиона тугриков в 2008 году до 11,8 триллиона тугриков в 2020 году. Были развернуты социальные программы по повышению пенсий, пособий (в том числе детских), зарплат работников бюджетной сферы. Усилилась социальная направленность внутренней политики, что обеспечивало перспективу улучшения уровня жизни.

---

[380] Mongolia // Polity IV. URL: http://www.systemicpeace.org/polity/mon2.htm (дата обращения: 23.12.2020).

[381] Дюверже М. Политические партии. М. : Академический gроект. 2002. 560 с. С. 262; Избирательные системы // ACE Project. The Electoral Knowledge Network. URL https://aceproject.org/ace-ru/topics/es/esd/esd01/esd01b/esd01b01 (дата обращения: 06.09.2020).

С другой стороны, рост мировых цен на нефть (импорт нефтепродуктов 100 %) и продовольствие (импорт продовольствия до 70 %) повлек за собой рост цен на эти товары и их производные. В результате произошло подорожание не только продовольствия и топлива, но товаров и услуг. Высокая инфляция обесценила не только рост пособий и зарплат, но и сами социальные программы. Качество жизни населения не улучшается, покупательная способность падает. Происходит рост недовольства населения. Усиливается критика парламента, правительства со стороны оппозиционных политических партий, гражданских движений под лозунгом защиты прав граждан. Такое неоднозначное и непростое социально-экономическое положение послужило своеобразным стимулом к участию в выборной кампании 13 политических партий, 4 коалиций и большого количества независимых кандидатов — 120 человек.

К особой экономической специфике следует отнести также удорожание выборной кампании и рост финансовых расходов на нее. Призывы к оказанию спонсорской помощи постоянно раздавались от кандидатов в парламентарии, непомерные амбиции которых, агитационная сверхактивность, обильное расходование народных денег вызывали негативное отношение избирателей. Электорат опасался сращивания государственной власти и бизнеса, снижения профессионализма парламентариев, замещения его финансовым превосходством.

При этом при обилии популистских лозунгов у всех кандидатов усматривается ряд позитивных посылов в процессе демократического развития монгольского общества, политических партий и общественных движений. В предвыборных платформах отражены не только острые проблемы монгольского общества, но и намечены пути и реальные перспективы их решения. В программных партийных

документах закрепляются социальные цели, предлагаются планы по разделу доходов от разработки месторождений между гражданами.

Статика. Основные партии и коалиции (на 2012 год)

Монгольская народная партия (Монгол Ардын Нам). Проект "Global Party Survey" позиционирует Монгольскую народную партию как центристскую партию правого толка, больше тяготеющую к консервативным ценностям. В то же время информационное агентство "Reuters" размещает данную партию в своем обзоре как лево-центристскую[382]. Центром "Perspective Monde" при Школе прикладной политики Университета Шербрука (Квебек, Канада) идеологическая платформа партии оценивается как левая[383]. Участники проекта «Политический атлас современности», работавшие также над энциклопедией «Политические системы современных государств», отмечают, что партия «во многом становится… социал-демократической»[384]. Эти расхождения, видимо, можно объяснить тем, что в условиях изменения идеологической платформы в связи со сменой режима в 1990 году была необходимость в «дрейфе» к демократии без потери основной части своего электората, наряду с кон-

---

[382] Duncan M. REFILE-Mongolia's free-market MDP claims election lead // Reuters. 29.06.2012. URL: https://www.reuters.com/article/mongolia-elections/refile-mongolias-free-market-mdp-claims-election-lead-idUSL3E8HS2LS20120629 (дата обращения: 06.09.2020).

[383] Mongolie — Législative — Élections 2012 // Perspective Monde. École de politique appliquée / Faculté des lettres et sciences humaines, Université de Sherbrooke, Québec, Canada. URL: http://perspective.usherbrooke.ca/bilan/servlet/BMElection?codePays=MNG&dateElection=MNG2012628&codeInstitution=1 (дата обращения: 06.09.2020).

[384] Монголия // Политические системы современных государств : энциклопедический справочник. В 4 т. Т. 2. Азия / МГИМО (У) МИД России, ИНОП ; гл. ред. А.В. Торкунов ; науч. ред. А.Ю. Мельвиль ; отв. ред. М.Г. Миронюк. М. : Аспект Пресс, 2012. С. 337–347.

сервативным («сберегающем») видением ценностей бывшей Монгольской Народной Республики.

Демократическая партия (Ардчислан Нам). Проект "Global Party Survey" позиционирует Демократическую партию как центристскую партию левого толка, больше тяготеющую к либеральным ценностям. Е. Сироткина характеризует идеологическую платформу партии как либеральную социал-демократическую[385]. В противоположность этой оценке центром "Perspective Monde" при Школе прикладной политики Университета Шербрука (Квебек, Канада) идеологическая платформа партии оценивается как правая[386]. В то же время информационное агентство "Reuters" размещает данную партию в своем обзоре как партию правой идеологической ориентации [387]. Участники проекта «Политический атлас современности», работавшие также над энциклопедией «Политические системы современных государств», характеризуют данную партию с точки зрения ее политических ценностей: это либерализм, западная демократия, возрождение традиционной монгольской культуры[388]. Вкупе это позволяет говорить о консервативной направленности партии. Современный консерватизм не отрицает ценность западной модели демократии и защищает традиционные ценности; кажущееся противоречие о соотнесенности принципов либерализма с консерватизмом

[385] Сироткина Е. Анализ парламентских выборов в Монголии 28 июня 2012 г. // Политическая регионалистика (Лаборатория региональных политических исследований НИУ ВШЭ). URL: http://www.regional-science.ru/wp-content/uploads/2012/10/Монголия-2012-Сироткина.pdf (дата обращения: 06.09.2020).

[386] Freedom in the World 2013. Democratic Breakthroughs in the Balance // Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/FIW_2013_Booklet.pdf (дата обращения: 03.05.2020).

[387] Duncan M. REFILE-Mongolia's free-market MDP claims election lead.

[388] Монголия // Политические системы современных государств : энциклопедический справочник. В 4 т. Т. 2. Азия. С. 337–347.

не является неразрешимым. Консервативные взгляды к настоящему моменту склонны защищать наиболее устоявшуюся политическую / идеологическую традицию, которой сейчас является либеральная.

Гражданская воля — зеленые (Иргэний Зориг Ногоон Нам). Центром "Perspective Monde" при Школе прикладной политики Университета Шербрука (Квебек, Канада) идеологическая платформа партии оценивается как центристская[389]. Партийная идеология представляет собой либерализм с экологическим уклоном. Это подтверждается в буклете данной партии, в котором описана история возникновения партии и ее основные политические ценности. Позиционируя себя как либеральная с момента образования, партия в самом начале 2012 года включила в свои ряды представителей зеленого движения (и изменила название)[390]. По итогам объединения в платформу партии добавились зеленые идеи. В частности, партия поддерживает развитие зеленой экономики в стране, не отказавшись от своих ключевых идей. Е. Сироткина предлагает считать партию либерально-демократической[391].

Коалиция «Справедливость» (МАХН-МУАН-ЫН Шударга Ес Эвсэл) — Монгольская народно-демократиче-

---

[389] Mongolie — Législative — Élections 2012 // Perspective Monde. École de politique appliquée / Faculté des lettres et sciences humaines, Université de Sherbrooke, Québec, Canada. URL: http://perspective.usherbrooke.ca/bilan/servlet/BMElection?codePays=MNG&dateElection=MNG2012628&codeInstitution=1 (дата обращения: 06.09.2020).

[390] Civil Will-Green Party // Global Greens. URL: https://www.globalgreens.org/parties/civil-will-green-party-mongolia (дата обращения: 30.04.2020).

[391] Сироткина Е. Анализ парламентских выборов в Монголии 28 июня 2012 г. // Интернет-портал «Политическая регионалистика» (Лаборатория региональных политических исследований НИУ ВШЭ). URL: http://www.regional-science.ru/wp-content/uploads/2012/10/Монголия-2012-Сироткина.pdf (дата обращения: 06.09.2020).

ская партия (до 2011 года — Национальная новая партия) (Монгол Үндэсний Ардчилсан Нам) + Монгольская народно-революционная партия (Монгол Ардын Хувьсгалт Нам). Как блок в целом центром "Perspective Monde" при Школе прикладной политики Университета Шербрука (Квебек, Канада) идеологическая платформа блока (коалиции) оценивается как левая[392]. Блок состоит из двух так называемых партий-спойлеров. Монгольская народно-демократическая партия своим названием отсылает к образованной в 1992 году партии с тем же названием. Просуществовав до 1999 года, она (оригинальная партия) стала одной из учредительниц нынешней Демократической партии (1999–2000 гг.). Появление Монгольской народно-революционной партии (в 2010 году) стало возможным в силу раскола, случившегося ранее в партии с тем же названием. Часть партийных функционеров не были готовы к смене названия на менее отсылающее к политическому прошлому партии, в силу чего после изменения названия (на Монгольскую народную партию) оригинальной партии Верховный суд зарегистрировал новую партию с тем же (Монгольская народно-революционная партия) названием. Сменив название перед очередным электоральным циклом, партии стали мало отличимы (особенно это касается Монгольской народно-революционной партии, часть членов которой были важными деятелями оригинальной партии; Е. Сироткина это фиксирует[393]) от своих «оригиналов». Совпадения в символике партии, их платформах не следует рассматривать как случайные, таким образом, это следует считать проявлением политических технологий.

---

[392] Mongolie — Législative — Élections 2012.

[393] Сироткина Е. Анализ парламентских выборов в Монголии 28 июня 2012 г.

Монгольская народно-демократическая партия (до 2011 года — Национальная новая партия). Идеологическая позиция партии на спектре: консерватизм. Основной вектор видения политики — национализм.

Монгольская народно-революционная партия (основана в 2010 году, не путать с МНРП до 2010 года). Проект "Global Party Survey" позиционирует данную партию как идеологически правую. Идеологическая позиция партии на спектре — социальный либерализм. Основной вектор видения политики — «ресурсный национализм»[394].

В вопросе идеологического позиционирования партий существуют противоречащие друг другу мнения экспертов и аналитиков. Ориентироваться будем на позиции (оценки) размещения партий на идеологическом спектре, которые встречаются с наибольшей частотностью. Возможным объяснением сложившейся ситуации могло бы выступить предположение, что источники оценивали идеологическую составляющую в динамике на определенном временном интервале, что фиксировало также поствыборные изменения идеологических позиций партий. Подобраны были наиболее соответствующие времени 2008–2020 годов источники, однако часть материалов, способных прояснить ситуацию на политической арене в Монголии с 2008 года, к настоящему моменту не существует в открытом доступе. В частности, коалиция «Справедливость» по итогам цикла 2012–2016 гг. распалась, и партии выступили на следующих выборах как разные политические силы, причем практически не добились успеха (из двух партий Монгольская народно-революционная партия смогла получить только 1 мандат по пол-

[394] Duncan M. REFILE-Mongolia's free-market MDP claims election lead // Reuters. 29.06.2012. URL: https://www.reuters.com/article/mongolia-elections/refile-mongolias-free-market-mdp-claims-election-lead-idUSL3E8HS2LS20120629 (дата обращения: 06.09.2020).

ностью мажоритарной системе, в противовес совместному успеху в 2012 году: 11 мандатов при смешанной системе, что временно повысило эффективное число партий почти на 1 ед.[395]).

Динамика. Изменения избирательной системы при выборах национального законодательного органа Монголии

За четыре избирательных цикла в Монголии с 2008 по 2020 год на фоне отсутствия изменений избирательной системы на выборах президента страны (с 1992 года сохранялась система ТРС[396]), изменения избирательного законодательства в отношении Великого государственного хурала Монголии не выходили за рамки плюральной/мажоритарной избирательной системы. Суть изменений сводилась к изменениям подкатегории, что объяснялось применением различных политтехнологий и поиском наиболее рациональной схемы. Типы подкатегорий избирательных систем Монголии за 4 электоральных цикла приведены в таблице 2.13.1.

В 2008 и 2020 году реализована блоковая (BV) подкатегория мажоритарной избирательной системы. Данная система предоставляет избирателю возможность голосовать за отдельных кандидатов и позволяет формировать избирательные округа географически разумных размеров.

---

[395] Сироткина Е. Анализ парламентских выборов в Монголии 28 июня 2012 г. // Политическая регионалистика (Лаборатория региональных политических исследований НИУ ВШЭ). URL: http://www.regional-science.ru/wp-content/uploads/2012/10/Монголия-2012-Сироткина.pdf (дата обращения: 06.09.2020).

[396] Согласно ст. 31 Конституции Монголии Президент Монголии избирается в два этапа. Парламентские партии и коалиции выдвигают кандидата по одному от каждой партии или коалиции партий. Граждане Монголии, имеющие право голоса, участвуют в выборах президента на основе всеобщего, свободного прямого избирательного права путем тайного голосования.

Кроме того, такая подсистема способствует усилению мощных сплоченных и хорошо организованных партий[397]. Недостатком такой подсистемы является выраженная непропорциональность, позволяющая занимать большинство мест в парламенте меньшим процентом голосов. Так, в 2020 году 44,93% дали Монгольской народной партии 61 (из 76) место в парламенте. Основным недостатком такой подсистемы являются ее супермажоритарные итоги, где самая сильная партия фактически получает все парламентские места при помощи простого большинства голосов и фактически блокирует развитие многопартийной системы.

Таблица 2.13.1

Типы подкатегорий избирательных систем Монголии за 4 электоральных цикла

Год проведения	Избирательная система (подкатегория)	Семья избирательной системы	Количество уровней
2008	BV (Блоковое голосование)	Плюрализм/большинство	1
2012	Параллельная	Смешанная (28 депутатов по партийным спискам и 48 по одномандатным округам мажоритарной системы относительного большинства)	2
2016	Система FPTP	Плюрализм/большинство	1
2020	BV (Блоковое голосование)	Плюрализм/большинство	1

Фактически голосование блоком в Монгольском случае представляет собой упрощенное использование системы First Past the Post (FPTP) в многомандатных округах при голосовании за кандидатов вне зависимости от их партийной

[397] Избирательные системы // ACE Project. The Electoral Knowledge Network. URL: https://aceproject.org/ace-ru/topics/es/esd/esd01/esd01b/esd01b01 (дата обращения: 06.09.2020).

принадлежности[398]. При этом избранные представители обязаны своим избранием конкретным географическим территориям, что повышает личную ответственность депутатов перед избирателями таких территорий.

К достоинствам блоковой системы BV и системы относительного большинства FPTP (2016 год) можно отнести возможность формирования однопартийного правительства, что делает незначащим влияние коалиционного меньшинства, которое не способно дестабилизировать работу правительства. Достоинством также является исключение из политической борьбы экстремистских партий. Сохраняется связь избирателей округа с их представителями в парламенте, формирование парламентского представительства по географическому признаку. Географическая подотчетность важна в аграрной части Монголии, так как позволяет выбирать и переизбирать конкретных кандидатов, оценивая их реальные действия в парламенте рационально. Возможность быть выбранным в качестве независимого кандидата основывается в случае Монголии на околосемейных, клановых связях более, чем на партийных или политических связях. Играет роль и простота и понятность для электората такой схемы. В целом подход подсистемы FPTP нацеливает избирателя на индивидуальный подход к кандидату, ориентируя избирателя на оценку имиджа и репутации кандидатов. Демонстрируя важность территориального распределения голосов, FPTP ориентирует избирателя на наиболее «проходного», а не «предпочтительного» кандидата.

К недостаткам следует отнести блокирование развития многопартийной системы за счет сдвигания на второй план «третьих» участников, которые не добирают поддержки электората, достаточной для получения мест в парламенте,

[398] Там же.

исключение малых партий из представительства, что можно видеть в случае Монголии. Меньшие возможности у национальных, религиозных и иных меньшинств, женщин быть представленными в парламенте из-за «синдрома» представления кандидата, приемлемого для наиболее широкого спектра избирателей. Существует также проблема «потерянных» голосов, при которой избиратели не участвуют в выборах, так как не надеются на победу своего кандидата. Данный факт ведет к снижению электоральной и политической активности, которое может закрепляться повторением ситуации и привести к электоральной апатии. При этом данные избирательные подсистемы недостаточно чувствительны к колебаниям общественного мнения и стимулируют фрагментацию внутри партийной системы[399].

Смешанная (параллельная) избирательная подсистема, реализованная в Монголии в 2012 году, была нацелена на совмещение положительных качеств двух систем: пропорциональной и мажоритарной (плюралистической). Такая подсистема характерна для стран с новой демократией. Используются две формулы, действующие параллельно, по которым голоса одних и тех же избирателей использованы для избрания представителей по двум схемам: одномандатным округам и партийным спискам. При этом результаты двух видов голосования обособлены и независимы при распределении мест, а пропорциональный компонент не компенсирует диспропорции в мажоритарных округах. При такой подсистеме существует угроза уменьшения демократичности, а партии походят на закрытые клубы, кандидатами от которых будут становиться самые влиятельные лица в партии. При распределении нескольких мандатов по одному округу

[399] Избирательные системы // ACE Project. The Electoral Knowledge Network. URL: https://aceproject.org/ace-ru/topics/es/esd/esd01/esd01b/esd01b01 (дата обращения: 06.09.2020).

возможно противостояние кандидатов из одной партии и оттягивание голосов друг у друга[400]. В Монгольском случае 2012 года это привело к смене лидирующей парламентской партии.

Преимуществом такой избирательной подсистемы является возможность выбрать не только кандидата, но и партию, что дает «третьим» партиям шансы занять пропорционально выделенные места в парламенте.

К недостаткам следует отнести возможность «отрыва» от избирателей и избирающей территории депутатов, прошедших по партийным спискам за счет воли партийных лидеров, а также наличие депутатов — «заложников» интересов электората выдвинувшего их округа, сложность и громоздкость функционирования подсистемы для избирателей.

По мнению П. Машкаринца, Монголия, с начала демократизации проводя выборы в однопалатный парламент, несмотря на частые изменения избирательного законодательства, сохраняла такой тип избирательной системы, который способствовал диспропорциональности и приводил к победе более крупные партии[401].

В выборах 1996 и 2004 года Демократические коалиции основных оппозиционных партий противостояли МНРП. Итоги этих выборов приближали партийную систему к двухпартийному формату, так как демократическая коалиция рассматривалась избирателями и противостоящей МНРП как единый претендент[402].

---

[400] Ганбаатар Д. Кому выгодно «смешать» смешанную избирательную систему Монголии? // ARD: Asia Russia Daily. 16.11.2015. URL http://asiarussia.ru/news/9922/ (дата обращения: 06.09.2020).

[401] Maškarinec P. Ticket splitting, strategic voting and personal vote in the 2012 Mongolian elections // Communist and Post-Communist Studies. 2019. Vol. 52. № 3. P. 235–245.

[402] Ibid.

Изменение подкатегории избирательной системы в 2008 году не привело к серьезным преобразованиям в монгольской партийной системе. Результаты выборов 2008 года вновь проявили склонность партийного устройства к двухпартийной схеме. При этом новым и мелким партиям, чтобы включиться в борьбу, необходимо было представлять в качестве кандидатов влиятельные персоны с высоким рейтингом доверия и популярности у населения.

Следующий этап изменений, повлиявших на дальнейшие выборы в Монголии, связан с институциализацией партийной системы и формы межпартийной конкуренции. Так, в 2010 году на съезде партии происходит ребрендинг МНРП в Монгольскую народную партию (МНП). Несогласные члены, отколовшись в 2011 году, сформировали новую партию под прежним названием МНРП во главе с экс-президентом Н. Энхбаяром.

Результаты выборов 2012 года продемонстрировали смену лидеров — победа Демократической партии оставила на вторых ролях МНП (бывшую МНРП), которая потеряла около половины мест по сравнению с предыдущими выборами, сохранив при этом позицию второй по величине парламентской фракции.

Особенностью выборной кампании 2012 года стало третье место у коалиции «Справедливость» с 11 местами в парламенте. Такая ситуация происходит впервые с 1992 года, когда третья партийная сила после двух ведущих партий получает более чем одно парламентское место.

Наметившаяся тенденция к увеличению эффективного числа партий пресекается выборами 2016 года. По их результатам Демократическая партия потерпела полное поражение (при этом доминируя в Улан-Баторе). Было изменено избирательное законодательство на подсистему FPTP — простую форму множественной мажоритарной избирательной систе-

мы с однокомпонентными округами и голосованием за кандидатов, а не за партии.

Выборы 2020 года неожиданностей не приносят. Монгольская народная партия почти без потерь сохраняет свои позиции — 61 против 65 мест в 2016 году. Демократическая партия несколько улучшает свои позиции — 11 против 9 мест в 2016 году.

Динамика. Изменение показателей выборов в Великий государственный хурал Монголии в течение последних четырех циклов

Рассмотрение и оценку динамики выборов в Великий государственный хурал Монголии за последние четыре цикла проведем с опорой на сводную таблицу 2.13.2, характеризующую основные значимые показатели.

Таблица 2.13.2

Динамика показателей выборов

Показатели	**2008**	**2012**	**2016**	**2020**
Количество партий / избирательных союзов	11 партий и 1 коалиция	11 партий и 2 коалиции	12 партий	13 партий и 4 коалиции
Количество мест в палате	76	76	76	76
Количество зарегистрированных кандидатов всего/мужчин/женщин	356	544	498/369/129	606/455/151
Явка избирателей	74,31%	65,35%	73,58%	73,65%
Количество партий/блоков, получивших места в парламенте	4	4	3	4

Окончание табл. 2.13.2

Показатели	**2008**	**2012**	**2016**	**2020**
Доля партий, получивших места в парламенте	33,33%	23,08%	25%	23,53%
Доля мест в парламенте, полученных крупнейшей партией	59,21% Монгольская народная партия	30,76% Демократическая партия	85,58% Монгольская народная партия	80,26% Монгольская народная партия
Общее распределение мест среди политических групп и партий	1. Монгольская народно-революционная партия — 45 2. Демократическая партия — 28 3. Гражданская воля — 1 4. Зеленая партия Монголии — 1 5. Независимые кандидаты — 1	1. Демократическая партия — 31 2. Монгольская народная партия — 25 3. Коалиция «Справедливость» — Монгольская народно-демократическая партия (до 2011 г. — Национальная новая партия) + Монгольская народно-революционная партия — 11 4. Гражданская воля — Зеленые — 2 5. Независимые кандидаты — 3 6. Вакантны — 4 (нарушения, недобор голосов)	1. Монгольская народная партия — 65 2. Демократическая партия — 9 3. Монгольская народно-революционная партия — 1 4. Независимые кандидаты — 1	1. Монгольская народная партия — 61 2. Демократическая партия (ДП) — 11 3. Наша коалиция- 1 4. Коалиция правых избирателей — 1 5. Независимые кандидаты — 1
Количество партий, сформировавших правительство	1 Монгольская народная партия (МПП)	2 коалиционно: Гражданская воля — Зеленые; коалиция «Справедливость»	1 Монгольская народная партия (МПП)	1 Монгольская народная партия (МПП)
Смена власти после выборов	Нет	Да	Да	Нет

За четыре избирательных цикла смена власти в Монголии происходила дважды — в 2012 и 2016 годах. В 2012 году парламентское относительное большинство было у Демократической партии — 31 мандат, в 2016 году лидирующие позиции вернула себе Монгольская народная партия с большинством в 61 мандат.

В 2012 году победу одержала оппозиция, при этом ни одна из партий не получила значительного большинства в парламенте. Выборы проходили в контексте пикового роста экономики в горнодобывающей отрасти (+17%)[403]. Этот экономический факт выгодно обыграла в своих программных документах Демократическая партия Монголии, выступив с популистскими предложениями по использованию доходов горнодобывающей отрасли и вовлечения в долевое участие жителей в сырьевых и добывающих предприятиях горнорудного сектора (уголь, медь, уран, золото). Основным покупателем сырья является Китай — около 90%. Демократической партии удалось убедить избирателей в эффективности ее плана перераспределения «сырьевых» доходов и увеличения социальной части бюджета.

Победа главной оппозиционной партии — Демократической — сопровождалась небольшим перевесом голосов — 31 против 25 у Монгольской народной партии, что означало необходимость создания парламентской коалиции.

Успех демократов наблюдатели, кроме удачного стечения политических предпосылок и экономических обстоятельств, агитационной активности в совокупности с эффективными политтехнологиями, объяснили возникновением новой партии — Монгольской народно-революционной партии (МНРП) во главе с экс-президентом Н. Энхбаяром.

[403] Голосование на парламентских выборах началось в Монголии // РИА Новости. URL https://ria.ru/20120628/686700276.html (дата посещения: 06.09.2020).

Новая МНРП отвлекла значительную часть голосов у МНП за счет авторитета и популярности у электората перешедших за Н. Энхбаяром (не баллотировался) сторонников[404].

Возможна ситуация, когда третьи партии или блоки способны при относительном неуспехе двух основных партий, как это наблюдалось в 2012 году, пробиться в парламент. Это противоречит тезису о двухпартийной системе (как было рассчитано, эффективное число партий в кампании 2012 года было на уровне 3 партий[405]), но не противоречит идее, что только две политические силы способны преодолеть избирательный барьер. Политическую арену дополняют некоторые малые партии с продолжительной историей, такие как, например, «Гражданская воля — Зеленые» и многочисленные «ситуативные» (предвыборные) блоки, коалиции и объединения, которые не связаны прочными связями, обязательствами. Наибольших успехов за последние 4 избирательных цикла добилась коалиция «Справедливость». Эта коалиция смогла провести в Хурал 11 депутатов. В других же случаях коалициям чаще всего удается делегировать только одного депутата.

В 2016 году поражение Демократической партии Монголии отчасти можно объяснить значительным падением темпов роста экономики.

В 2020 году победила правящая Монгольская народная партия. По мнению монгольских наблюдателей, избиратели

---

[404] Демократическая партия Монголии с небольшим отрывом от основного конкурента победила на парламентских выборах // ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/515224 (дата обращения: 06.09.2020).

[405] Сироткина Е. Анализ парламентских выборов в Монголии 28 июня 2012 г. // Политическая регионалистика (Лаборатория региональных политических исследований НИУ ВШЭ). URL: http://www.regional-science.ru/wp-content/uploads/2012/10/Монголия-2012-Сироткина.pdf (дата обращения: 06.09.2020).

проголосовали за «социальную» программу МНП, социальные аргументы перевесили в данном случае политические предпочтения, что объясняется ухудшившейся экономической и социальной ситуацией. Так, в программе МНП перечислены пункты, улучшающие положение избирателей: ежегодное медобследование, ипотека без первоначального взноса, процентная ставка по кредиту менее 1% в месяц, уменьшение подоходного налога вдвое, проекты «Детские сбережения», «Местная дорога», жилье для 70% населения, безопасность жителей Улан-Батора, экологический проект — уменьшение загрязнения воздуха на 80%, «Национальная стипендия», налоговые вычеты многодетным[406]. Лидер Демократической партии, получившей всего 11 мест в парламенте, уходит в отставку, молодые члены партии требуют замены всего партийного руководства[407].

В динамике показателей выборов в Великий государственный хурал Монголии изменения произошли не по всем индикаторам или не были резкими. Так, количество партий и коалиций, вышедших на выборы, колеблется в пределах 12-17. При неизменности количества мест в парламенте — 76. Количество зарегистрированных кандидатов увеличивается в 1,7 раза с 356 в 2008 году до 606 в 2020 году. Доля женщин за последние два цикла снизилась на 1%. При росте числа зарегистрированных избирателей явка колеблется с 74,31 до 73,65%. Количество партий, получивших места в парламенте, — 4, за исключением 2016 года, когда

[406] Что пообещала победившая на выборах Монгольская Народная партия? // Монголия сейчас. 25.06.2020. URL: http://www.mongolnow.com/chto-obeshhala-pobedivshaya-na-vyborah-mongolskaya-narodnaya-partiya/ (дата обращения: 06.09.2020).

[407] Организационные выводы после выборов в Монголии и отставки руководителей партий // Монголия сейчас. 26.06.2020. URL: http://www.mongolnow.com/organizatsionnye-vyvody-posle-vyborov-v-mongolii-i-otstavki-rukovoditelej-partij/ (дата обращения: 06.09.2020).

в парламент прошли 3 партии. Доля партий, получивших места в парламенте, уменьшилась с 33,33% в 2008 году до 23,53% в 2020 году. Доля мест в парламенте для крупнейшей партии менялась значительно. Так, в 2008 году этот показатель составил 59,21%, в 2012 году — 30,76%, в 2016 году — 85,58%, в 2020 году — 80,26%. Лидирующие позиции Монгольская народная партия уступила Демократической партии только в 2012 году. В этом же 2012 году правительство было сформировано коалиционно. Гендерный и возрастной диапазоны за два последних цикла существенных изменений не претерпели.

Выводы

С учетом того, что «статика» парламентских выборов (как предварительные условия и предвыборные расклады) по определению зависима от их «динамики», в случае Монголии последних электоральных циклов следовало бы отметить, что обратная связь проявляется в гораздо меньшей степени. Иными словами, имело место серьезнейшее влияние институциональных изменений на «стартовые условия» и контексты в каждом электоральном цикле, а «стартовые условия» практически не подготовили почву для изменений как в стратегии, так и в поведении властных акторов.

Имеющееся исключение — выборы 2012 года — единственное среди отобранных нами циклов, когда «стартовые условия» и контекст обеспечили изменение «динамики» следующих выборов. Беспорядки 2008 года и слабая по местным меркам легитимность выборов привели к провалу МНП на выборах 2012 года, даже с учетом применяемых политических технологий.

Влиятельным фактором также выступает поиск в конце 2000-х и на всем протяжении 2010-х гг. оптимального электорального механизма.

В настоящее время эффекты «статики» на парламентских выборах не могут быть выражены, например, протестным голосованием. Протестное голосование в наибольшей степени — феномен 2012 года. Для его успеха потребовалась констелляция нескольких факторов: противоречивость и слабая легитимность голосования 2008 года, пропорциональная избирательная система, продолжительное правление доминирующей партии без учета социальной и экономической повестки.

За последние четыре избирательных цикла доминирующая партия уступила в борьбе за власть лишь однажды. Политическая активность населения постоянно остается на высоком уровне.

На фоне «динамики» выборного процесса (парламентских выборов) формируется набор «стартовых условий», уточняющийся в течение электорального цикла — продолжительности созыва / срока исполнения полномочий депутатами парламента, — который обуславливает «статику».

Список литературы

Ганбаатар Д. Кому выгодно «смешать» смешанную избирательную систему Монголии? / Д. Ганбаатар // ARD: Asia Russia Daily. — 16.11.2015. — URL: http://asiarussia.ru/news/9922/ (дата обращения: 06.09.2020).

Голосование на парламентских выборах началось в Монголии // РИА Новости. — URL: https://ria.ru/20120628/686700276.html (дата обращения: 06.09.2020).

Демократическая партия Монголии с небольшим отрывом от основного конкурента победила на парламентских выборах // ТАСС. — URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/515224 (дата обращения: 06.09.2020).

Дюверже М. Политические партии / М. Дюверже. — Москва : Академический проект, 2002. — 560 с.

Избирательные системы // ACE Project. The Electoral Knowledge Network. — URL: https://aceproject.org/ace-ru/topics/es/esd/esd01/esd01b/esd01b01 (дата обращения: 06.09.2020).

Межпарламентский союз (МПС) // Официальный интернет-портал Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — URL: http://council.gov.ru/activity/crosswork/dep/65/ (дата обращения: 06.09.2020).

МНРП победила на выборах в Монголии // Информ Полис. — URL: https://www.infpol.ru/171366-mnrp-pobedila-na-vyborakh-v-mongolii/ (дата обращения: 06.09.2020).

Монголия // Политические системы современных государств : энциклопедический справочник. В 4 т. Т. 2. Азия / МГИМО (У) МИД России, ИНОП ; гл. ред. А.В. Торкунов ; науч. ред. А.Ю. Мельвиль ; отв. ред. М.Г. Миронюк. — Москва : Аспект Пресс, 2012. — С. 337–347.

Организационные выводы после выборов в Монголии и отставки руководителей партий // Монголия сейчас. — 26.06.2020. — URL: http://www.mongolnow.com/organizatsionnye-vyvody-posle-vyborov-v-mongolii-i-otstavki-rukovoditelej-partij/ (дата обращения: 06.09.2020).

Сироткина Е. Анализ парламентских выборов в Монголии 28 июня 2012 г. / Е. Сироткина // Интернет-портал «Политическая регионалистика» (Лаборатория региональных политических исследований НИУ ВШЭ). — URL: http://www.regional-science.ru/wp-content/uploads/2012/10/Монголия-2012-Сироткина.pdf (дата обращения: 06.09.2020).

Что пообещала победившая на выборах Монгольская Народная партия? // Монголия сейчас. — 25.06.2020. — URL: http://www.mongolnow.com/chto-obeshhala-pobedivshaya-na-vyborah-mongolskaya-narodnaya-partiya/ (дата обращения: 06.09.2020).

Civil Will-Green Party // Global Greens. — URL: https://www.globalgreens.org/parties/civil-will-green-party-mongolia (дата обращения: 30.04.2020).

Duncan M. REFILE-Mongolia's free-market MDP claims election lead / M. Duncan // Reuters. — 29.06.2012. — URL: https://www.reuters.com/article/mongolia-elections/refile-mongolias-free-market-mdp-claims-election-lead-idUSL3E8HS2LS20120629 (дата обращения: 06.09.2020).

Electoral system family — Mongolia // IDEA. Institute for Democracy and Electoral Assistance. — URL: https://www.idea.int/answer/ans1303571706671147 (дата обращения: 23.12.2020).

Freedom in the World 2013. Democratic Breakthroughs in the Balance // Freedom House. — URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/FIW_2013_Booklet.pdf (дата обращения: 03.05.2020).

Maškarinec P. Ticket splitting, strategic voting and personal vote in the 2012 Mongolian elections / P. Maškarinec // Communist and Post-Communist Studies. — 2019. — Vol. 52. — № 3. — P. 235–245.

Mongolia // Polity IV. — URL: http://www.systemicpeace.org/polity/mon2.htm (дата обращения: 23.12.2020).

Mongolie — Législative — Élections 2012 // Perspective Monde / École de politique appliquée, Faculté des lettres et sciences humaines, Université de Sherbrooke, Québec, Canada. — URL: http://perspective.usherbrooke.ca/bilan/servlet/BMElection?codePays=MNG&dateElection=MNG2012628&codeInstitution=1 (дата обращения: 06.09.2020).

ГЛАВА 3

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ ПРИГРАНИЧЬЯ С РОССИЕЙ

3.1. Социологические опросы

В процессе осуществления проекта для наиболее полного анализа электорального поведения жителей пограничных с Россией регионов стран-соседей применялись различные методы исследования, позволяющие ответить на главный вопрос: существуют ли внутритерриториальные различия в электоральном поведении жителей соседних с Российской Федерацией стран и есть ли какие-либо различия в отношении к России у жителей этих государств.

Нами были использованы различные качественные и количественные методы эмпирических исследований: экспертные опросы, включенное наблюдение на территории, а также массовое телефонное анкетирование. Остановимся на последнем методе, благодаря которому мы смогли сопоставить результаты исследования по трем странам: Беларуси, Грузии и Казахстану.

Массовые социологические опросы в виде формализованных, структурированных интервью — один из популярных социологических инструментов, используемых в различного рода исследованиях. Данный инструмент крайне востребован, когда необходимо за короткий срок получить срез общественного мнения у широкого круга респонден-

тов, а стандартизированные закрытые вопросы пригодны для сбора большого массива «однотипных данных»[408], поддающегося классификации и интерпретации с помощью статистических и математических методов.

Слабым местом количественных методов можно считать тот факт, что они «могут использоваться для получения ответов на некоторые стандартные вопросы и для изучения стационарных процессов»[409].

Существенным недостатком метода является также его высокая стоимость в прямом смысле этого слова, а также тот факт, что при данном виде опроса сложно скорректировать выборку по полу, возрасту, профессии, образованию и т.д. (вернее, это возможно, но не имеет смысла из-за увеличивающихся временных, человеческих и материальных затрат).

Среди достоинств можно отметить, что «ключевым элементом научного метода в социологии» является возможность сопоставить ответы при использовании одних и тех же вопросов»[410]. Именно эта идея и легла в основу части нашего исследования в рамках проекта: провести предельно схожее анкетирование жителей соседних с Россией государств, для того чтобы иметь возможность максимально операционализировать и сопоставить ответы респондентов. К тому же, «если выборка географически разрознена»[411], как в нашем случае, именно этот метод является самым подходящим. Среди существенных ограничений телефонного опроса можно отметить ограниченность по времени и, соответственно,

---

[408] Белановский С.А. Глубокое интервью и фокус группы М., 2019. 371 с. С. 8.

[409] Там же. С. 16.

[410] Венкатеш С. Главарь банды на день. Изгой-социолог выходит на улицы ; пер. с англ. М. Рейнолдс. М. : Рипол-классик, 2017. 320 с. С. 1.

[411] Браймен А., Белл Э. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес / пер. с англ. Гуманитарный центр, 2012. 776 с. С. 194.

достаточно короткий перечень вопросов, которые можно задавать в режиме данного рода анкетирования.

Одним из важных критериев отбора стран-соседей для проведения данного исследования был выбор государства, чья политика на протяжении постсоветского времени была максимально дружеской по отношению к российскому государству, чьи жители вероятнее всего чувствуют себя комфортно при общении с жителями соседнего государства (Беларусь); государства относительно «нейтрального» (Казахстан), а также государства, отношения с которым у России после распада СССР имели бы отрицательную динамику (Грузия).

Еще одним важным условием для допустимости сравнения соцопросов в разных странах была возможность приурочить их проведение к парламентским выборам в этих государствах. Все опросы проводились сразу после выборов в национальные парламенты этих стран: ноябрь 2019 г. — в Беларуси, ноябрь 2020 г. — в Грузии и январь 2021 г. — в Казахстане. В Казахстане и Беларуси массовые телефонные опросы были в дальнейшем дополнены экспертным интервьюированием.

Как свидетельствуют сроки опросов, ответы респондентов были даны до существенных геополитических трансформаций, которые произошли в настоящее время. Важно отметить, что были зафиксированы «температура и градус общественного мнения» в странах, приуроченные к очередному электоральному циклу в каждой, что позволяет сопоставлять результаты анкетирования, несмотря на разные годы проведения.

Основным требованием к телефонным опросам со стороны исследователей была контролируемая, равномерная (по возможности) выборка для всех регионов государств. Это было важно для установления наличия/отсутствия вну-

трирегиональной дифференциации. Интервьюерами фиксировались такие переменные, как пол, возраст, национальная принадлежность (со слов самих респондентов). Социальные и экономические характеристики опрашиваемых (образование, профессия, доход и т.д.) остались за рамками данного анкетирования. Все вопросы были закрытыми, использовался метод случайной выборки.

Факторами объективного ограничения проводимых соцопросов можно назвать звонки только на стационарные устройства, что в ряде случаев сокращало потенциальную базу опрашиваемых в малонаселенных или труднодоступных регионах (например, в ряде горных областей в Грузии), а также тот факт, что опросы проводились на русском языке. Последнее ограничение совсем не сыграло роли в Беларуси и почти не имело значения в Казахстане, но, очевидно, повлияло на состав респондентов и, соответственно, на их ответы, в Грузии. Интересно, что, согласно исследованию А.Г. Манакова, в ряде стран постсоветского пространства распространение русского языка даже увеличилось, хотя, очевидно, в этих странах «статус русского языка… также связан с долей русскоговорящего населения, но при этом сильно зависит от политической конъюнктуры»[412]. И это как раз касается государств, в которых были проведены соцопросы.

Таким образом, главным вопросом для массового телефонного опроса был для нас вопрос «сколько?», который в первую очередь и отличает классический количественный

[412] Манаков А.Г. Основные тренды этнической и языковой трансформации постсоветского пространства // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика : сборник научных статей VII Всероссийской научной конференции с международным участием. Смоленск, 2021. С. 345.

метод от качественного (с вопросом «почему?»). Именно анализ количественных результатов был для нас первостепенным в применении данного метода на территории трех соседних государств. С.А. Белановский же рекомендует оба подхода, количественный и качественный, «как взаимно дополняющие средства перекрестной валидизации»[413]. О сравнительном анализе экспертных интервью как основном качественном методе нашего исследования речь пойдет в следующем параграфе.

В анкете были представлены максимально унифицированные вопросы, связанные в первую очередь с социальными и культурно-бытовыми практиками, связанными с взаимодействием жителей стран-соседей с Россией, а также с оценкой особенностей электорального поведения жителей (см. приложение 1).

Наиболее интересным при анализе представлялся поиск территориальной дифференциации ответов на вопросы анкеты внутри изучаемых стран, попытка ответить на вопрос, есть ли какие-то отличия и закономерность в ответах между жителями приграничных с Россией регионов и остальных частей государств.

Это, собственно, и была первоначальная цель проекта — «изучить электоральную специфику пограничья в силу его особого положения»[414], тем более что в отечественной научной литературе наблюдается явная нехватка такого рода исследований. В качестве примера можно, пожалуй, привести

---

[413] Белановский С.А. Глубокое интервью и фокус группы. М., 2019. 371 с. С. 22.

[414] Шестакова М.Н. Электоральные процессы в пограничье: к постановке проблемы // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием / Московский педагогический государственный университет. Москва, 2019. С. 444.

работы А.С. Зиновьева[415], А.Г. Манакова[416], И.Н. Тарасова и Е.С. Фидри[417].

Протяженность границ исследуемых стран с Российской Федерацией составляет: с Грузией — 561 км (де-факто)[418], с Беларусью — 1239 км, с Казахстаном — 7598,6 км. Число регионов, граничащих с РФ, в сопредельных странах также разнится: в Беларуси — три области, в Грузии их четыре, при этом обращает на себя внимание, что данная граница из всех вышеперечисленных самая сложная с точки зрения физической доступности (в качестве барьера выступает Северо-Кавказский хребет), в Казахстане — семь непосредственно граничащих с Российской Федерацией областей.

В процессе самого исследования возникла еще одна гипотеза, помимо основной (наличие специфического электорального поведения жителей пограничных с Россией регионов): существует ли территориальная дифференциация между «центром» (столицей) и «периферией» в исследуемых государствах по отношению к своему большому соседу[419].

Верификацией этих гипотез и послужили эмпирические исследования в виде проведенных социологических опросов. В общей сложности количество звонков по трем

---

[415] Зиновьев А.С. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы / Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 48–56.

[416] Манаков А.Г. Фактор границы в жизни населения западных районов Псковской области // Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России : материалы XXXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС. 2016. С. 190–198.

[417] Тарасов И.Н., Фидря Е.С. География электоральной волатильности в Варминско-Мазурском воеводстве Польши // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 4. С. 78–89.

[418] Протяженность границ с Грузией де-факто и де-юре отличаются.

[419] Авторами уже опубликованы отдельные результаты исследований по Беларуси и Грузии.

странам насчитывает почти 20 тыс., получено 1577 полноценных анкет.

Было протестировано несколько рабочих гипотез.

Гипотеза первая, «возрастная»: старшее поколение соседних государств настроено более дружелюбно по отношению к России и больше выступает за союзнические/партнерские отношения между странами, чем более молодые граждане.

Мы исходили из предположения, что старшее поколение еще помнит свою прошлую жизнь в Советском Союзе, возможно идеализирует ее, и, соответственно, может сработать эффект ностальгии по лучшим молодым годам жизни, и ответы на вопросы будут иными, чем у других возрастных групп. Хотя во всех исследуемых странах официальная планка пенсионного возраста поднята (она варьируется в настоящее время для женщин[420] от 58 лет /Беларусь/ до 60 лет /Казахстан, Грузия/ и для мужчин от 63 лет /Беларусь, Казахстан/ до 65 лет /Грузия/)[421], мы все же выделили «старшее поколение» более традиционно — от 55 лет. Остальные две возрастные группы: «молодежь» — интервьюируемые до 35 лет и «среднее поколение» — от 35 до 55 лет.

Что касается удельного веса возрастных категорий в изучаемых странах, то больше всего молодых людей среди опрошенных было в Казахстане (41,8%), в остальных странах эта доля не превышала четверти от всей совокупности респондентов (Беларусь — 24%, Грузия — 19,6%). Удельный вес средней возрастной группы составлял примерно половину от всех опрошенных во всех исследуемых государствах. Старшая возрастная группа оказалась самой малочисленной в Казахстане (13,2%). Вероятно, различия удельного веса

[420] Данные на 2022 год.

[421] В 2022 г. в Грузии пенсионный возраст — 65 лет для мужчин, 60 лет для женщин; в Беларуси — 63 года для мужчин, 58 лет для женщин; в Казахстане — 63 года для мужчин и 60 лет для женщин.

респондентов по возрасту могли повлиять и на различия в ответах интервьюируемых, однако мы постарались сравнить в рамках нашей гипотезы ответы возрастных групп именно внутри самих государств, а потом, соответственно, их доли между самими государствами.

В ходе телефонного опроса всем респондентам был задан вопрос: какой формат взаимоотношений с Россией как страной-соседом они предпочитают. Варианты ответа: союзнический, партнерский, нейтральный или враждебный. Вполне ожидаемо, что жители Беларуси и Казахстана в большей степени выбрали союзнический формат: более половины всех опрашиваемых выступили за такой тип взаимоотношений (57,6% и 58,9% соответственно). Если же учитывать данные по выбору ответов союзнического и партнерского формата отношений суммарно, то данные будут весьма впечатляющие: 89,4% в Беларуси и 86,3% в Казахстане. Другие цифры мы наблюдаем в Грузии, что вполне естественно, учитывая непростые отношения с Россией на протяжении всего постсоветского периода. Тем не менее они также весьма существенны: так, в Грузии более 40% респондентов на момент проведения опроса выступали за союзнические отношения между странами. Если же суммировать данный ответ с выбором партнерских отношений, то для Грузии — почти ¾, что достаточно велико. Разброс по выбору варианта ответа за нейтральные отношения значителен: каждый 10-й респондент в Беларуси, каждый пятый в Грузии. Очень мала доля тех, кто хотел бы видеть между нашими государствами враждебные отношения: это 0,2% и 0,3% для Беларуси и Казахстана, и 3,2% для Грузии. На рисунках 3.1.1 и 3.1.2 продемонстрировано сопоставление ответов респондентов по всем странам, где интервьюеры выступали за союзнические и нейтральные отношения между своим государством и Россией.

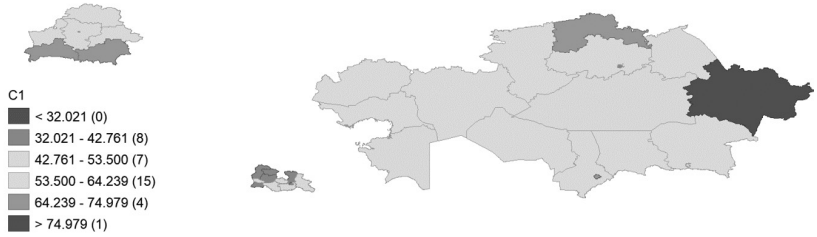


Рис. 3.1.1. Картограмма стандартных отклонений по выбору союзнического формата отношений между государствами и Россией

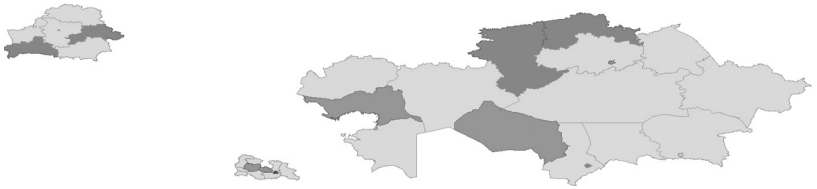


Рис. 3.1.2. Картограмма стандартных отклонений по выбору нейтрального формата отношений между государствами и Россией

Как показывают данные, в Беларуси и Казахстане больше всего выступают за союзнические отношения все группы независимо от возраста. При этом между группами практически нет никакой дифференциации не только в Беларуси и Казахстане (до 1,1 раза), но даже в Грузии разница между «поколениями» не столь существенна (1,5 раза) при более низких значениях в самом удельном весе (см. табл. 3.1.1[422]) и при небольшом перевесе в старшей возрастной группе. Примечательно, что и при крайне низких абсолютных значениях тех, кто выступил за враждебные отношения, наблюдается больший удельный вес старшего поколения.

[422] В таблицах и рисунках-диаграммах государства указаны в том хронологическом порядке, в каком проводились опросы.

Таблица 3.1.1

Удельный вес возрастных категорий в изучаемых странах, выступающих за разные форматы отношений (в % от всей возрастной группы)

	Союзнические отношения	*Партнерские отношения*	*Нейтральные отношения*	*Враждебные отношения*
Беларусь				
Молодежь	53,3	31,7	15	-
Среднее поколение	58,3	33,2	7,7	0,4*
Старшее поколение	59,1	29,1	11,8	-
Грузия				
Молодежь	29,6	33,7	34,7	2
Среднее поколение	45,6	30,9	20,8	2,7
Старшее поколение	46	31,7	18	4,3
Казахстан				
Молодежь	59,3	26,1	14,1	0,5
Среднее поколение	58,3	26,6	15,1	-
Старшее поколение	59,2	34,2	5,3	1,3

* Еще 0,4% затрудняется ответить на данный вопрос: это единственный случай во всех проведенных соцопросах, когда респондент затруднился в ответе.

Необходимо отметить, что это же соотношение наблюдается при суммарном значении долей тех, кто выступает и за союзнические, и за партнерские отношения. Более наглядно это продемонстрированно на рисунке 3.1.3.

Если сравнивать ответы между поколениями, то мы видим, что старшее поколение в среднем по своим ответам на данный вопрос не сильно отличается от молодежи, немного выделяются показатели в Грузии, но, если брать только союзнический формат отношений (в 1,5 раза), если суммировать с партнерским, данная дифференциация нивелируется. Больший поколенческий разрыв наблюдается, если проанализировать ответы респондентов, выступающих за нейтральные отношения между странами. Здесь уже

мы видим, что старшее поколение в меньшей степени предпочитает именно такой формат. Разница составляет от 1,3 раза в Беларуси (самая низкая дифференциация) до 2,7 раза в Казахстане (что неожиданно, поскольку по другим форматам жители разного возраста, проживающие в республике, довольно единодушны). Промежуточное место занимает Грузия (1,9 раза). Более четко это видно на рисунке 3.1.4.

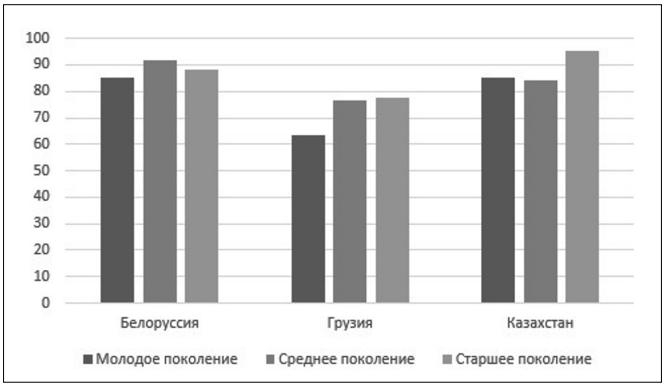


Рис. 3.1.3. Удельный вес возрастных групп, выступающих за союзнические и партнерские отношения с Россией

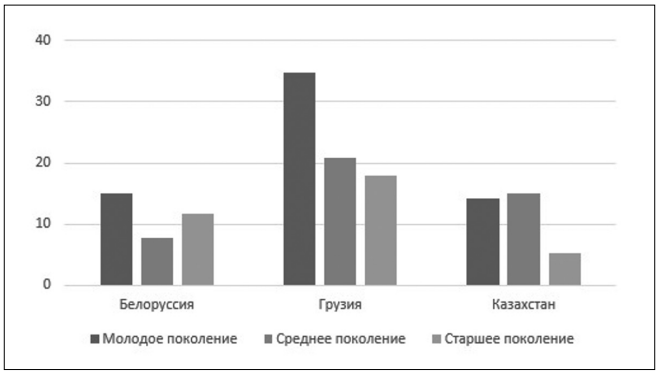


Рис. 3.1.4. Удельный вес возрастных групп, выступающих за нейтральные отношения с Россией

Немного другие цифры мы можем наблюдать, если сравним выборы вариантов ответов по каждой возрастной группе: так, например, в Беларуси молодежь выбирает союзнический формат отношений в 3,5 раза больше, чем нейтральный, а в возрастной категории старшего поколения это превышение составляет уже 5 раз и достигает максимального превышения в 7,5 у среднего поколения. Нечто подобное прослеживается и в Казахстане, однако здесь минимальный разрыв в выборе вариантов ответов между союзническим и нейтральным составляет у среднего поколения (3,8 раза), а максимальный — у старшего (11,2 раза). Из всех государств только в Грузии данный разрыв меньше всего: максимальный — у старшего поколения (2,5 раза), до 1,2 раза — у молодого поколения. Однако в последнем случае мы видим важное отличие: единственный раз, когда именно в данной возрастной группе есть превышение выбора ответа нейтрального формата взаимоотношений перед союзническим, который, однако, нивелируется, если суммировать выбор союзнического и партнерского вариантов (см. табл. 3.1.1).

Таким образом, данная гипотеза подтверждается частично.

Гипотеза вторая, «национальная»: население титульной нации в государствах, где проводились исследования, настроено менее «пророссийски» по сравнению с этническими русскими, проживающими на территории этих стран (то есть меньше выступает за формат союзнических и партнерских взаимоотношений).

В опросах во всех без исключения странах в основном принимало участие «титульное» население государств. Полученные в ходе соцопроса данные по государствам несколько отличаются от официальной статистики, это связано в том числе и с особенностями самого жанра телефонного опроса, а также (отчасти) и с тем, что анкетирование шло

на русском языке. Необходимо отметить общую тенденцию для всех изучаемых стран: в постсоветский период происходили процессы «этнизации», выражавшиеся в постепенном увеличении удельного веса «титульной» нации при уменьшении доли всех остальных национальностей, и особенно русского этноса. В разных странах данный процесс шел с различной скоростью, но тем не менее трек, направленный на увеличение моноэтничности после распада Советского Союза, очевиден. При этом существуют различные условия для жизни русскоязычного населения: так, например, в Беларуси и Казахстане русские (русскоязычные) граждане чувствуют себя довольно комфортно, русский язык остается языком межнационального общения; например, во втором пункте статьи 7 Конституции Казахстана сказано: «…наравне с казахским официально употребляется и русский язык»[423].

В Беларуси во время опроса 77,6% респондентов идентифицировали себя как представители коренной национальности (это меньше, чем по официальной статистике /83,7%[424]/), 14,4% представились русскими (по данным переписи, их в республике проживает 8,26%), на другие национальности пришлось 8%. К «прочим» национальностям в нашем опросе в первую очередь относятся поляки (2,8% против 3,1% государственной статистики), компактно проживающие в Гродненской области, и украинцы (2,4% вместо 1,7%[425]).

---

[423] Конституция Казахстана. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 25.07.2022).

[424] Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open//public/F501N_ru.saiku (дата обращения: 25.07.2022).

[425] Там же.

В Грузии также подавляющее большинство опрашиваемых принадлежит к титульной нации, ее доля последовательно увеличивалась в постсоветский период: 86% интервьюируемых ответили на вопрос о национальности, что они грузины, 4,5% — армяне, доля русских составила 3,7%, на прочие национальности пришлось менее 6%. При этом доля лиц грузинской и армянской национальности совпадает с официальной статистикой 2014 г.[426], но доля русских отличается. На территории самой Грузии можно также отметить районы компактного проживания других национальностей: так, в Квемо-Картли традиционно высока доля азербайджанцев, а в Самцхе-Джавахети — армян, хотя в нашем соцопросе и среди анкетируемых оказалось меньше лиц вышеуказанных национальностей, чем зафиксировано в переписи. «В Квемо-Картли доля азербайджанцев составляет 41,8%, армян — 5,1%. В Самцхе-Джавахети 50,5% населения составляют армяне»[427]. В опросе же приняли участие в Квемо-Картли 14% азербайджанцев и 4% армян; в Самцхе-Джавахети — 24% армян и 2% азербайджанцев. Некогда многонациональный Тбилиси за три десятилетия стал абсолютно моноэтничным городом, что и отражено в нашем соцопросе (97% опрошенных в городе — грузины).

В Казахстане соотношение национальностей согласно официальной статистике и тех респондентов, которые принимали участие в опросе, существенно отличается. Так, согласно переписи 2009 г. доля казахов в стране составляет 63,1%,

[426] Мосаки Н. Предварительные итоги переписи населения в Грузии: население Грузии составляет лишь 3,7 млн человек // Демоскоп weekly. 02–15.11.2015. № 661–662. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0661/analit05.php (дата обращения: 28.07.2022).

[427] Мосаки Н.З. Этническая картина Грузии по результатам переписи 2014 г. // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 110.

а русских — 23,7%[428], в то время как в анкетировании было задействовано 53,1% казахов и 33,1% русских. Что касается остальных национальностей, то их доля приблизительно одинакова: по официальным цифрам — 13,2%, по опросу — 13,9%. В соцопросе в эту группу прежде всего входят узбеки (3,3%) и украинцы (2,4%), что практически и соответствует данным переписи (2,8% и 2,1% соответственно). Заметим, что в течение всего постсоветского периода государственная политика в Казахстане направлена на «казахизацию» страны, поэтому даже после переписи 2009 г. некоторые источники дают другую информацию по национальному составу: казахи составляют 70%, русские — 20%, узбеки — 3%[429].

Согласно данным по всем изучаемым государствам, действительно можно отметить, что русское население все же в большей степени выступает за союзнические отношения, нежели титульная нация, но это различие невелико (в 1,2 раза в Беларуси), либо его совсем не наблюдается, как в Казахстане и Грузии (см. рис. 3.1.5). Такая же тенденция прослеживается, если суммировать выбор ответов за союзнические и партнерские отношения. Скорее можно наблюдать различия в ответах титульной нации по сравнению с русскими и прочими национальностями, если респонденты выбирали нейтральный формат взаимоотношений. Здесь различия могут достигать существенных величин, особенно это касается Беларуси и Казахстана (см. рис. 3.1.6). Те же немногие респонденты, которые выбирали при ответе вариант враждебного характера взаимоотношений (в Казахстане

[428] Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ (дата обращения: 28.07.2022).

[429] Статистика и информация. URL: https://rosinfostat.ru/naselenie-kazahstana-i-statisticheskaya-informatsiya/#i-6 (дата обращения: 28.07.2022).

их вообще не было), принадлежали к титульной нации (Беларусь, Грузия) (см. табл. 3.1.2). Те, кто был отнесен в группу «прочие национальности», отвечали по-разному. Во всех государствах удельный вес выступающих за союзнические отношения оказался сопоставим с титульным и русским населением.

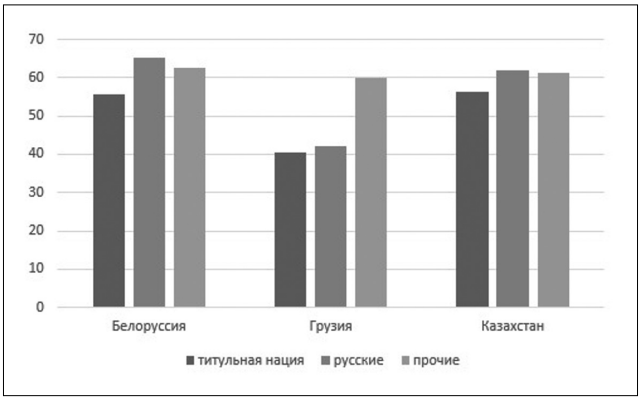


Рис. 3.1.5. Удельный вес граждан разных национальностей, выступающих за союзнические отношения с Россией

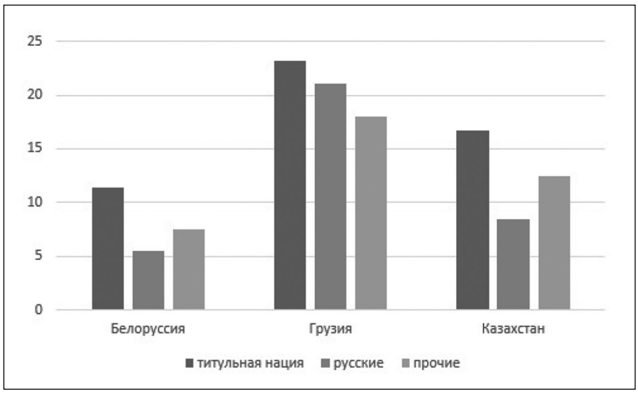


Рис. 3.1.6. Удельный вес граждан разных национальностей, выступающих за нейтральные отношения с Россией

Если же мы будем сравнивать полученные ответы внутри выделенных «национальных» групп, то здесь мы увидим следующую картину: в Казахстане и Беларуси превышение выбора союзнического формата отношений перед нейтральным для титульной нации составляет 3,4 и 4,9 раза соответственно, в то время как для респондентов, обозначивших себя русскими, такое превышение составляет 7,4 (Казахстан) и 11,9 (Беларусь). Выше эти цифры и для прочих национальностей, чем для титульной (4,9 раза в Казахстане и 8,7 раза в Беларуси). Меньшая дифференциация между ответами по национальным группам в Грузии: 1,7 раза для титульной нации, 2 раза для русских и 3,3 раза для прочих национальностей (см. табл. 3.1.2).

Таким образом, мы видим, что «национальная» гипотеза подтверждается лишь отчасти.

Таблица 3.1.2

Удельный вес национальностей в изучаемых странах, выступающих за разные форматы отношений (в % от национальности)

	Союзнические отношения	*Партнерские отношения*	*Нейтральные отношения*	*Враждебные отношения*
Беларусь				
Титульная нация	55,7	32,5	11,4	0,4
Русские	65,3	29,2	5,5	-
Прочие	62,5	30	7,5	-
Грузия				
Титульная нация	40,5	32,6	23,2	3,7
Русские	42,1	36,8	21,1	
Прочие	60	22	18	
Казахстан				
Титульная нация	56,2	26,5	16,7	0,6
Русские	62,1	29,5	8,4	
Прочие	61,25	26,25	12,5	

Гипотеза третья: респонденты, которые чаще бывают в России, больше выступают за союзнические и партнерские с ней отношения, нежели те, кто никогда в ней не были.

Выдвигая данную гипотезу, мы исходили из предположения, что те граждане, которые часто бывают в соседней стране (независимо от причин этих поездок), должны чаще выбирать союзнический и партнерский форматы взаимоотношений между государствами.

Мы разделили всех респондентов по ответу на данный вопрос на три группы:

- «часто ездят» — те, кто бывает в России несколько раз в год;
- «бывают эпизодически» — те, кто совершает поездки раз в год и реже;
- «никогда не были».

Разумеется, дифференциация ответов по странам весьма значительна. Так, вполне очевидно, что наиболее велика частота поездок в Россию у граждан Беларуси, здесь каждый пятый респондент выбрал первый вариант ответа, при этом здесь же самый низкий показатель тех, кто никогда не бывал в соседней стране — 23%. Следующим идет Казахстан — 13% жителей часто бывают в России и 34% здесь никогда не были. А вот в Грузии доля респондентов, которые часто бывают в Российской Федерации, совсем мала — 3%, и велика доля тех, кто в России никогда не был — почти 1/3 опрошенных, что свидетельствует о сохраняющейся тенденции по отдалению государств друг от друга. На картограммах (рис. 3.1.7 и 3.1.8) представлена частота поездок в Россию респондентов стран-соседей.

Достаточно велики также внутрирегиональные различия в самих странах. Особенно это выражается в Беларуси и Казахстане: здесь больше всего ездят в Россию жители пограничных с ней областей, а меньше всего — самые

отдаленные регионы. В Беларуси (рис. 3.1.9) наиболее интенсивные связи у Гомельской и Могилевской областей (в Российскую Федерацию ездит каждый пятый и каждый третий из респондентов), а также Минска (каждый четвертый из респондентов региона). Тех, кто никогда не бывал в России, больше всего соответственно в отдаленных Гродненской и Брестской областях (36,6% и 30,6% соответственно).

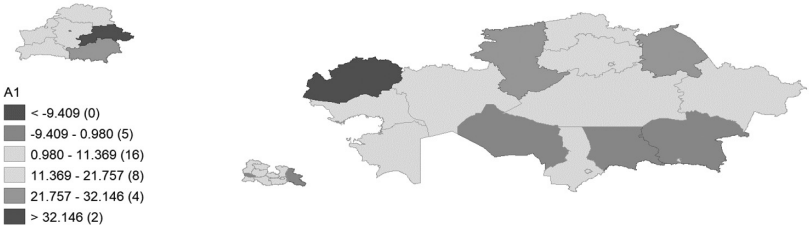


Рис. 3.1.7. Картограмма стандартных отклонений по частоте поездок в Россию (респонденты, которые часто ездят)

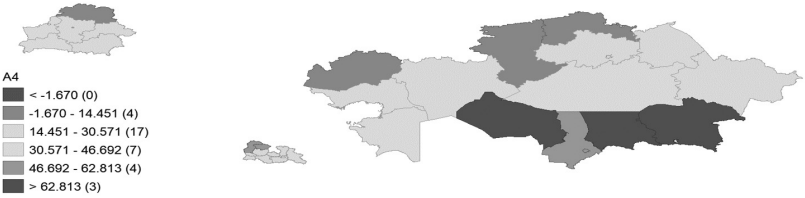


Рис. 3.1.8. Картограмма стандартных отклонений по частоте поездок в Россию (респонденты, которые никогда не были в России)

Похожая картина вырисовывается и в Казахстане (рис. 3.1.10): самые активные с точки зрения поездок в Россию респонденты живут в приграничных областях республики — Западно-Казахстанской, Костанайской, Павлодарской (34,3%, 28,6%, 25,7% соответственно) и некоторых других, которые к тому же являются и местом компактного прожива-

ния русских в Казахстане. И напротив, самое большое число респондентов, никогда не посещавших Россию, проживает в южных областях страны: Кызылординской, Жамбылской, Алматинской — 70,4%, 69,8% и 63,9% соответственно. Связи опрошенных, проживающих в обеих столицах, нынешней — Астане и прежней — Алма-Ате, с Россией не слишком интенсивны — менее 10% в каждой часто посещают Российскую Федерацию.

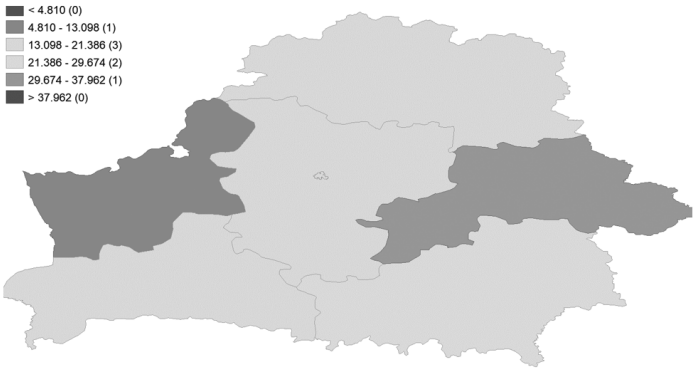


Рис. 3.1.9. Картограмма стандартных отклонений по частоте поездок в Россию из Беларуси (часто ездят)

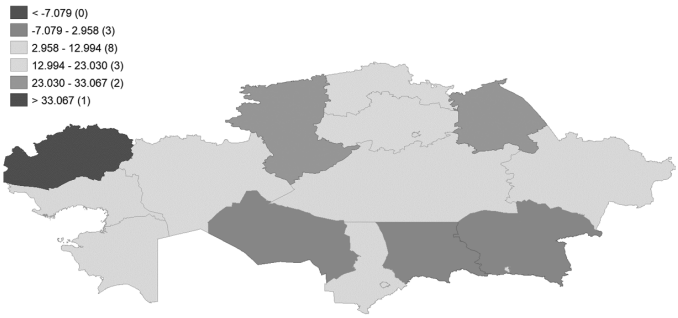


Рис. 3.1.10. Картограмма стандартных отклонений по частоте поездок в Россию из Казахстана (часто ездят)

В Грузии (рис. 3.1.11) мы наблюдаем совсем небольшое число респондентов, которые часто бывают в России, поэтому здесь нет сильной дифференциации между административными единицами. Среди респондентов, которые никогда не были в России, также нет четко выраженной территориальной дифференциации: это и соседняя к Абхазии Самегрело (более ½ всех респондентов), и отдаленная Кахети (32,5%), и даже Тбилиси — 42,4%.

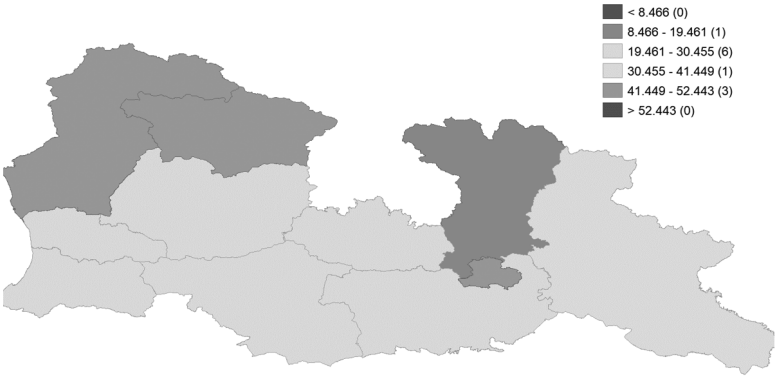


Рис. 3.1.11. Картограмма стандартных отклонений по частоте поездок в Россию из Грузии (никогда не были)

Мы отмечаем разнонаправленные тенденции: во-первых, разрыв между теми, кто часто бывает в России и никогда не был, и при этом выступает и за союзнические, и за партнерские отношения, практически нивелирован в таких государствах, как Беларусь и Казахстан. Лишь в Грузии он достаточно велик: те, кто никогда не был в России, почти в 2 раза реже выступают за союзнические отношения по сравнению с теми респондентами, которые бывают в соседнем государстве несколько раз в год, и даже если суммировать ответы за союзнический и партнерский формат отношений,

здесь наблюдается разрыв. Очевидно, это связано с тем, что при сложных официальных отношениях между двумя государствами те, кто часто бывает в России, имеют социальные, родственные и бытовые связи, которые позволяют более дружелюбно относиться к государству-соседу. И уже в который раз мы можем отметить различие между исследуемыми группами, если те выбирали нейтральный формат взаимоотношений. Так, разница при выборе данного ответа весьма велика во всех странах: в Казахстане и Грузии этот показатель превышает 2 раза, в Белорусии — в 3,5 раза. При этом удельный вес тех респондентов, которые никогда не бывали в России и которые хотели бы нейтральных отношений между государствами, значительно выше, чем тех, кто часто бывает в нашей стране (или даже ездит эпизодически) (см. табл. 3.1.3).

Таблица 3.1.3

Удельный вес граждан, выступающих за различные форматы взаимоотношений с Россией в зависимости от частоты поездок

	Союзнические отношения	*Партнерские отношения*	*Нейтральные отношения*	*Враждебные отношения*
Беларусь				
Часто ездят	54.2	41,1	3,7	0,4
Бывают эпизодически	58,1	30	11,5	0
Никогда не были	59,5	27,6	12,9	
Грузия				
Часто ездят	61,5	23,1	15,4	0
Бывают эпизодически	46,2	33,7	16,9	3,2
Никогда не были	32,7	28	36	3,3
Казахстан				
Часто ездят	61,33	28	9,33	1,33
Бывают эпизодически	61,6	27,9	10,2	0,3
Никогда не были	53,6	26,5	19,9	0

Мы можем прийти к выводу, что если рассматривать только лишь выбор ответов, касающихся союзнических и партнерских отношений, то он почти не зависит от частоты поездок (за исключением, пожалуй, Грузии), но если учитывать ответ о нейтральном формате взаимоотношений, то налицо превалирование в ответах той группы респондентов, кто никогда не был в России (рис. 3.1.12).

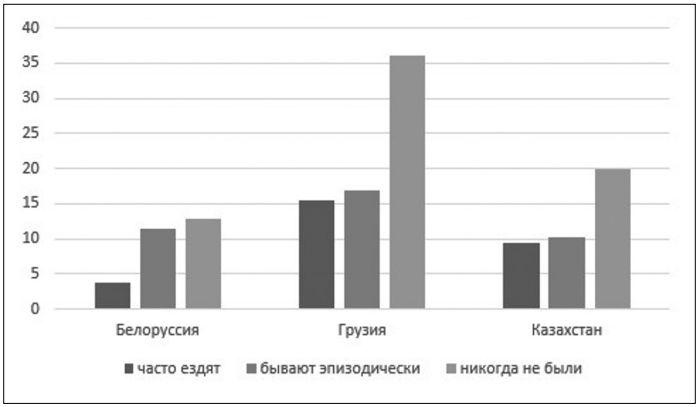


Рис. 3.1.12. Удельный вес граждан, выступающих за нейтральный формат взаимоотношений с Россией в зависимости от частоты поездок

С учетом распределения ответов внутри групп в зависимости от частоты поездок, здесь наблюдается следующая тенденция: наименьшая дифференциация между ответами при выборе союзнического или нейтрального формата взаимоотношений в группе респондентов, которые никогда не были в России, от 2,7 раза в Казахстане до 4,6 раза в Беларуси. В Грузии в этой группе обнаруживается пусть небольшое, но превышение выбора нейтрального варианта перед союзническим (в 1,1 раза), чего больше нет ни в одной из групп. А вот в группе часто посещающих соседнее го-

сударство число опрашиваемых, выбравших союзнический вариант взаимоотношений, существенно: в 4 раза в Грузии, 6,6 раза в Казахстане, 14,6 раза в Беларуси (см. табл. 3.1.3).

Таким образом, гипотеза частично подтверждается.

Гипотеза четвертая: те респонденты, которые получают информацию о России из российских СМИ, выступают за союзнические отношения.

В целом можно отметить тенденцию, свидетельствующую о том, что везде большая часть населения предпочитает новые источники информации традиционным СМИ: так, во всех государствах доля респондентов, получающих новости из интернета, незначительно колеблется от 49,5% (Грузия) до 56,8% (Казахстан). В свое время в исследовании, проведенном Центром социологических и политических исследований БГУ, было отмечено, что «отчетливо прослеживается тенденция перераспределения информационного влияния на аудиторию от традиционных СМИ к медиакоммуникативным»[430]. Очевидно, что данная характеристика в настоящее время подходит всем без исключения государствам, которые находились в фокусе нашей выборки, а не только к Беларуси, где этот проект был реализован.

Зафиксируем, что доля граждан, интересующихся новостями о своем соседе и получающих информацию из российских СМИ, находится в диапазоне от 20,8% (Казахстан) до 31,7% (Грузия). Каждый десятый анкетируемый в Беларуси и Грузии не интересуется новостями о России: в Казахстане удельный вес таких граждан немногим больше и составляет 15,1%. Есть территориальные диспропорции по ответу на данный вопрос и внутри государств, за исключением,

[430] Особенности социологической диагностики информационного поля Республики Беларусь / А.Н. Данилов, Д.Г. Ротман, А.В. Поставловский, И.И. Бузовский // Вестник РУДН. 2018. Т. 18. № 3. С. 386. Серия «Социология».

пожалуй, Беларуси. Так, в Грузии меньше всего интересуются жители столицы и Кахети, в Казахстане — в Алма-Ате и Шымкенте.

Мы предположили, что те граждане, которые получают информацию о России из российских СМИ, должны быть более пророссийски настроены и выбирать союзнический формат отношений. Данная гипотеза подтвердилась в той или иной степени во всех странах, поскольку везде доля смотрящих российские СМИ и выступающих при этом за союзнические отношения превышает долю не интересующихся новостями из РФ, но также выступающих за союзнические отношения в 1,3-1,6 раз (см. рис. 3.1.13). Если же сравнивать доли тех, кто получает информацию из российских средств массовой информации и выбирает союзнические отношения, с теми, кто также смотрит российские СМИ, но выбирает нейтральный формат взаимоотношений, то разница представляется гораздо более существенной. Так, в Грузии она составляет 3,5 раза, в Беларуси — 8,7, в Казахстане доходит до 12,4 (см. табл. 3.1.4).

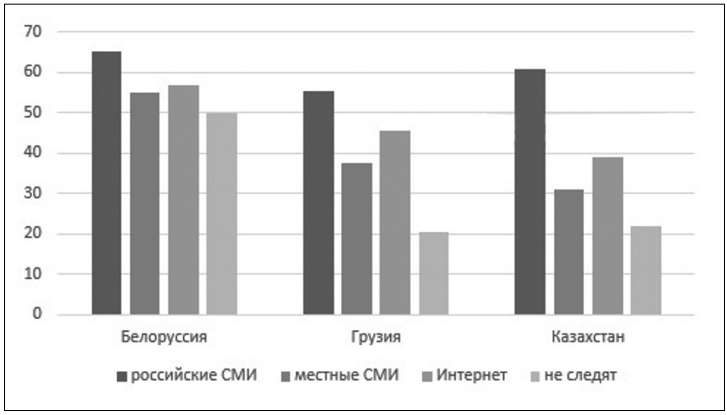


Рис. 3.1.13. Удельный вес граждан, выбирающих разные источники получения информации о России и предпочитающих союзнический формат взаимоотношений

Отметим достаточно очевидный, но важный факт: доля тех респондентов, которые не интересуются новостями из России и при этом выступают за нейтральные отношения между странами, везде превышает долю тех, кто также хотел бы видеть нейтральные взаимоотношения, но при этом получают информацию о России из российских источников. Разница между ними составляет от 2,2 (Беларусь) до 5 раз (Казахстан) (см. табл. 3.1.4).

Таблица 3.1.4

Удельный вес граждан,
которые получают информацию о России из разных источников
и выбирают разный формат взаимоотношений

	Союзнические отношения	*Партнерские отношения*	*Нейтральные отношения*	*Враждебные отношения*
Беларусь				
Получают информацию из российских СМИ	65,1	27,4	7,5	0
Получают информацию из местных СМИ	54,8	35,5	9,7	
Интернет	56,8	32,4	10,1	0,7
Не интересуются новостями из России	50	33,3	16,7	
Грузия				
Получают информацию из российских СМИ	50,9	34	14,5	0,6
Получают информацию из местных СМИ	37,5	37,5	17,5	7,5
Интернет	39,9	30,7	25,4	4
Не интересуются новостями из России	33,3	26	37	3,7
Казахстан				
Получают информацию из российских СМИ	71,7	22,5	5,8	0
Получают информацию из местных СМИ	52,4	30,9	14,3	2,4
Интернет	58,4	29,7	11,9	0
Не интересуются новостями из России	46	24,1	28,7	1,2

Гипотеза пятая: респонденты, которые выступают за союзнические отношения между государствами, считают взаимоотношения с Россией важной политической повесткой.

Мы сделали предположение, что те граждане, которые выбрали среди ответов союзнический формат взаимоотношений с Россией, должны считать эти отношения важной темой избирательной кампании. Данное суждение подтвердилось. Во всех государствах удельный вес респондентов, которые выбирали союзнические отношения и заявляли, что тема отношений с Россией должна быть актуальной во время избирательных кампаний, значительно выше, чем тех, для кого эта тема неважна, и превышают половину (за исключением Казахстана — 45,1%). В Беларуси разница составляет 4,7 раза, в Грузии — 4 раза, в Казахстане — 3,5 раза (см. табл. 3.1.5). Соответственно, противоположная картина наблюдается среди тех, кто нацелен на нейтральные отношения между странами и считает, что отношения с Россией важны. Их существенно меньше, чем тех, кто считает неважной данную повестку дня. Здесь разрыв также достаточно высок, но в обратную сторону в Беларуси (3,2 раза), и не слишком существенен в Грузии и Казахстане. По-прежнему обращает на себя внимание достаточно высокий процент затруднившихся ответить, причем для всех групп, выбравших разные форматы взаимоотношений. Доля затруднившихся с ответом в группе предпочитающих союзнические и партнерские отношения в Беларуси и Грузии чуть менее 1/3, в Казахстане — более 40%. Еще выше эта доля среди выбравших нейтральные отношения в том же Казахстане (59,7%), в Грузии (39,8%), что может свидетельствовать о некоторой индифферентности к данной проблематике. Лишь в Беларуси граждане, которые выбрали нейтральный формат отношений, в большей степени определяют тему взаимоотношений с Россией как неважную — 62,7%, а затруднились с ответом или считают важной темой

примерно одинаковое количество (19,6% и 17,7% соответственно) (см. табл. 3.1.5).

Таблица 3.1.5

Удельный вес респондентов, предпочитающих разные форматы взаимоотношений и считающих отношения с Россией важной/неважной темой повестки дня избирательных кампаний

	Важная тема	*Неважная тема*	*Затрудняются ответить*
Беларусь			
Союзнические	58,3	12,5	29,2
Партнерские	45,3	24,5	30,2
Нейтральные	19,6	62,7	17,7
Враждебные			
Грузия			
Союзнические	56,8	14,1	29,1
Партнерские	39	31,4	29,6
Нейтральные	34,5	25,7	39,8
Враждебные	31,2	43,8	25
Казахстан			
Союзнические	45,1	13	41,9
Партнерские	39,2	20,3	40,5
Нейтральные	22,1	18,2	59,7
Враждебные	0	0	100

Гипотеза шестая: жители, которые узнают новости о России из российских СМИ, считают, что взаимоотношения с Российской Федерацией — важная политическая тема избирательных кампаний.

Данная гипотеза совершенно логична, поскольку мы полагали, что те граждане, которым интересна Россия и которые получают информацию о ней из российских средств массовой информации, могут полагать, что взаимоотношения с Российской Федерацией должны быть важной темой тех избирательных кампаний, которые проводились

в государствах перед соцопросами. Наше предположение оказалось верным, и гипотеза подтвердилась.

Так, во всех без исключения государствах разница между теми, кто выбирает источником информации российские СМИ и считает, что взаимоотношения с Российской Федерацией — важная тема избирательной кампании, и теми, кто получает информацию из российских СМИ, но не считает данную тему важной, достаточно велика: в Грузии в 4 раза, в Беларуси и Казахстане — 5,8 и 6,1 раза соответственно (см. табл. 3.1.6). Удельный вес респондентов, которые считают тему отношений с Россией важной и черпают информацию о ней из разных видов СМИ, представлен на рисунке 3.1.14. Следует также обратить внимание на то, что во всех изучаемых государствах велика доля тех, кто не интересуется новостями из России и затрудняется с ответом на вопрос о важности темы отношений с Россией. Таких больше половины (54%) в Казахстане, почти половина (46,3%) в Грузии и более 40% в Беларуси (см. табл. 3.1.6). Это может свидетельствовать о том, что проблема взаимоотношений с Россией для участников опроса не является приоритетной либо они не интересуются политикой.

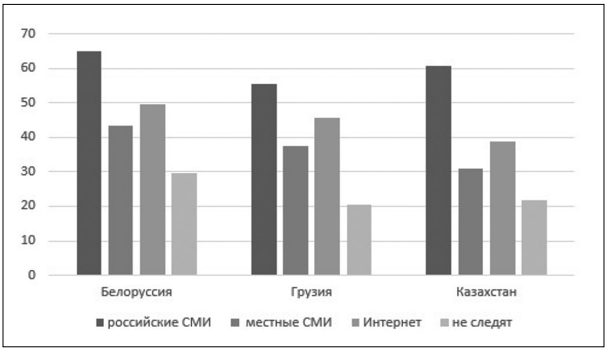


Рис. 3.1.14. Удельный вес граждан, выбирающих разные источники получения информации о России и считающих взаимоотношения с Российской Федерацией важной темой избирательных кампаний

Таблица 3.1.6

**Удельный вес граждан,
которые получают информацию о России из разных источников
и считают тему взаимоотношения с Российской Федерацией
важной/неважной темой избирательных кампаний**

	Важная тема	*Неважная тема*	*Затрудняются ответить*
Беларусь			
Получают информацию из российских СМИ	65,1	11,3	23,6
Получают информацию из местных СМИ	43,5	24,2	32,3
Интернет	49,6	23,4	27
Не интересуются новостями из России	29,6	29,6	40,8
Грузия			
Получают информацию из российских СМИ	55,4	13,8	30,8
Получают информацию из местных СМИ	37,5	30	32,5
Интернет	45,6	25,8	28,6
Не интересуются новостями из России	20,4	33,3	46,3
Казахстан			
Получают информацию из российских СМИ	60,8	10	29,2
Получают информацию из местных СМИ	30,9	14,3	54,8
Интернет	38,8	15,6	45,6
Не интересуются новостями из России	21,8	24,2	54

Гипотеза седьмая: граждане, которые проявляют больше симпатии к пророссийски настроенным кандидатам в депутаты, чаще других выступают за союзнические отношения.

Респондентам был задан вопрос о пророссийски настроенных кандидатах в депутаты национальных парламентов. Интервьюеров интересовало, какое отношение может быть к кандидату, если он в ходе своей предвыборной кампании делал акцент на взаимоотношениях с Россией, обращали ли респонденты на это внимание, и если обращали, то это

повышало или наоборот понижало симпатии к кандидату. Отметим, что в целом по странам удельный вес опрашиваемых, испытывавших симпатию к такому кандидату, не слишком велик и колеблется в диапазоне от 25,5% (Казахстан) до 38,5% (Грузия), в Беларуси — чуть более 30% (см. рис. 3.1.15). При этом доля респондентов, которым было все равно, обращает ли кандидат в депутаты внимание на отношения с Россией, весьма велика: менее «аполитичны» в Грузии — 53,7%, самый большой удельный вес «равнодушных» в Казахстане — 74%, в Беларуси — 65,2%.

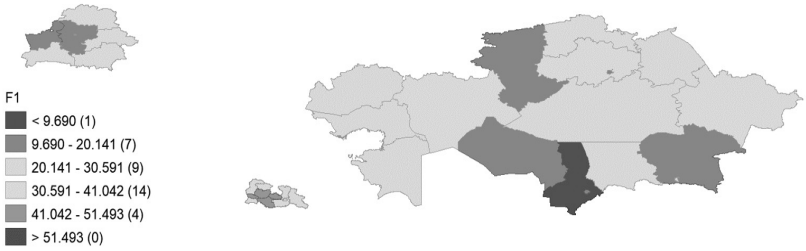


Рис. 3.1.15. Картограмма стандартных отклонений по всем странам по вопросу повышения симпатии, если кандидат во время предвыборной кампании делал акцент на взаимоотношениях с Россией

Мы наблюдаем весьма существенную территориальную дифференциацию внутри самих государств. Так, в Беларуси, в Витебской области отмечаем наибольший процент граждан, ответивших положительно на данный вопрос (40,8%), в то время как в Гродненской и Минской областях этот показатель на уровне чуть более 18% (рис. 3.1.16). При этом в данных регионах на большую часть респондентов никак не повлияли взгляды кандидатов на отношения с Россией — 81,7% и 73,6% соответственно.

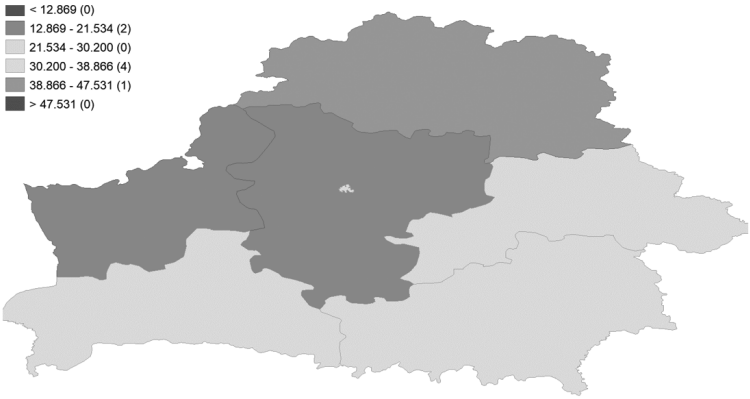


Рис. 3.1.16. Картограмма территориальной дифференциации Беларуси по вопросу повышения симпатии к кандидату, если тот делал акцент на взаимоотношениях с Россией

Похожая картина наблюдается и в других странах: как правило, в регионах с самым низким процентом респондентов, которые чувствуют симпатию к пророссийски настроенным кандидатам, велика доля тех, на кого позиция кандидатов никак не повлияла. К таким относятся Мцхета-Мтианети (29,6% и 65,9%) и Кахети (30% и 62,5%) в Грузии, Астана (15,4% и 84,6%) и Туркестанская область (8,1% и 91,9%) в Казахстане. В Казахстане же справедливости ради надо отметить, что доля лиц, для которых акцент в предвыборной кампании понижал симпатии к кандидату, ничтожно мала, как, впрочем, и в Беларуси.

Внутритерриториальные различия в обследуемых странах по удельному весу респондентов, которые испытывали симпатию к кандидату, который делал акцент на взаимоотношениях с Россией во время избирательной кампании, отражены на рис. 3.1.17 и 3.1.18.

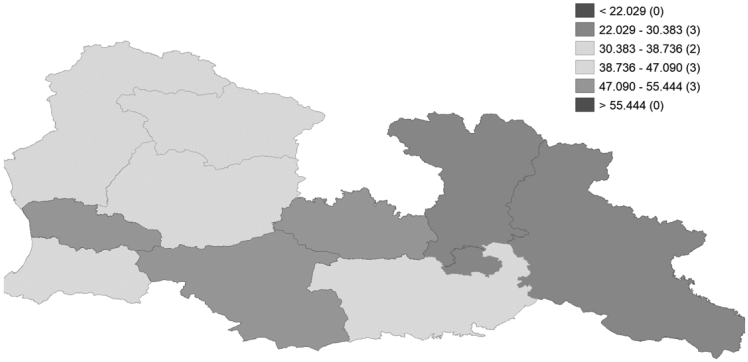


Рис. 3.1.17. Картограмма территориальной дифференциации Грузии по вопросу повышения симпатии к кандидату, если тот делал акцент на взаимоотношениях с Россией

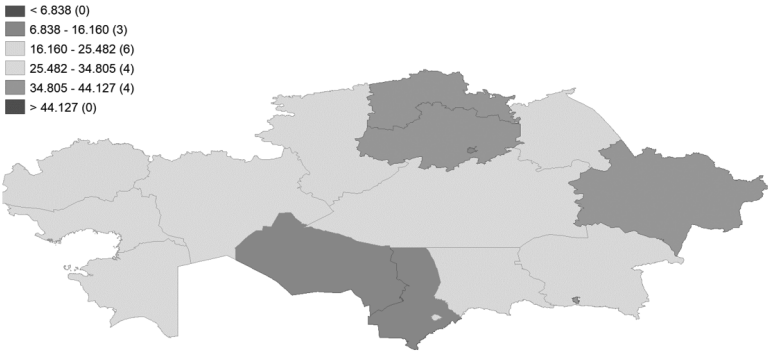


Рис. 3.1.18. Картограмма территориальной дифференциации Казахстана по вопросу повышения симпатии к кандидату, если тот делал акцент на взаимоотношениях с Россией

Что касается выдвинутой гипотезы, то мы предполагали, что если кандидат делал акцент на взаимоотношениях с Россией и это обстоятельство повышало симпатию к кандидату,

то он, скорее всего, выбирал союзнический формат отношений с Россией, и, напротив, если в предвыборной программе делался упор на соседнее государство, то человек, который выбирал ответ «понижало симпатию к кандидату», скорее всего, выбирал нейтральный или даже враждебный формат. Гипотеза в полной мере подтвердилась. Разница между теми, кто выбрал ответ «повышало симпатию» и при этом выбрал союзнические отношения при таком же ответе на первый вопрос и при выборе нейтрального формата, превышает в Грузии 4 раза, а в Казахстане и Беларуси — 20,8 и 35,9 раз (см. табл. 3.1.7). Превышение выбора нейтрального формата отношений над союзническими при выборе ответа «понижало симпатию» менее драматично, но тоже очевидно: в Казахстане и Грузии — 2 и 2,7 раза соответственно, в Беларуси — в 4 раза.

Таблица 3.1.7

Удельный вес респондентов, по-разному относящихся к кандидатам избирательных кампаний и выбирающих различный формат взаимоотношений с Россией

	Союзнические отношения	*Партнерские отношения*	*Нейтральные отношения*	*Враждебные отношения*
Беларусь				
Повышало симпатию	71,7	26,3	2	0
Понижало симпатию	14,3	23,8	57,1	4,8
Никак не влияло	54	35	11	0
Грузия				
Повышало симпатию	55,4	30,1	14,5	0
Понижало симпатию	15,4	20,5	41	23,1
Никак не влияло	37,2	34,6	25,6	2,6
Казахстан				
Повышало симпатию	70,7	25,9	3,4	0
Понижало симпатию	33,3	0	66,7	0
Никак не влияло	54,9	28,2	16,4	0,5

Гипотеза восьмая: респонденты, которые считают, что в ходе последней избирательной кампании много обсуждался вопрос отношений с Россией, в основном живут регионах, пограничных с Российской Федерацией.

Мы предположили, что, вероятнее всего, именно жители приграничных к России регионов соседних государств должны обратить внимание на то, включена ли тема России в повестку избирательной кампании, полагая, что именно для этих граждан взаимоотношения с Россией более актуальны, нежели для жителей остальных регионов. Респондентам был задан вопрос «обсуждались ли в ходе последней избирательной кампании взаимоотношения с Россией?» и предложены варианты ответа: «да, много», «да, немного», «нет». Напомним, что в трех странах опрос проводился сразу же после окончания избирательной кампании в национальные парламенты, следовательно, для респондентов такой вопрос не должен был вызвать затруднений. Итог распределения ответов по странам отображен в табл. 3.1.8.

Таблица 3.1.8

Удельный вес ответов респондентов о взаимоотношениях с Российской Федерацией во время последних избирательных кампаний

Страны	*Да, обсуждали много*	*Да, обсуждали немного*	*Нет, не обсуждали*
Беларусь	10,8	21	68,2
Грузия	13,6	26,7	59,7
Казахстан	6,9	13,2	79,9

Как мы можем видеть, во всех государствах удельный вес респондентов, которые считают, что взаимоотношения с Россией много обсуждались в ходе последней предвыборной кампании, весьма невелик. Самый незначительный он в Казахстане (менее 7%), самый высокий — в Грузии, но тоже не слишком существенен. Если суммировать

оба утвердительных ответа («да, много» и «да, немного») то даже в этом случае мы отмечаем, что в Казахстане лишь 1/5 анкетируемых обратили внимание на тему взаимоотношения с Россией в политической повестке, менее 1/3 — в Беларуси, и лишь в Грузии эта цифра чуть более 40%. Это может свидетельствовать либо о небольшой вовлеченности респондентов в актуальную политическую повестку, либо о том, что, действительно, для предвыборных парламентских кампаний тема взаимоотношения с Российской Федерацией была достаточно маргинальной, что, вполне возможно для Беларуси и Казахстана (на момент проведения выборов и, соответственно, проведения соцопросов), но кажется маловероятным для Грузии.

Если рассматривать внутрирегиональную дифференциацию (как и заявлено в нашей гипотезе), то мы можем наблюдать следующую картину[431].

В Грузии, где больше всего респондентов ответило утвердительно на интересующий нас вопрос, можно выделить следующую закономерность: регионы, которые расположены дальше всего от России, продемонстрировали самый большой удельный вес утвердительного ответа первой группы («да, много»): например, Аджария (18%), и Квемо-Картли (16,3%), здесь же и пограничная с Россией Мцхета-Мтианети (18,2%) (рис. 3.1.19).

Однако последний регион исчезает, если речь идет о всей совокупности утвердительных ответов. В таком случае на первое место опять выходит Квемо-Картли (46,9%), Тбилиси (45%) и Аджария (42%). Если для Тбилиси мог сыграть «эффект столицы», где граждане больше всего следят за электоральными процессами, то остальные регионы

[431] Рассмотрим страны в порядке убывания удельного веса общего утвердительного ответа, который обратно пропорционален величине протяженности границ.

как раз находятся в отдалении от своего северного соседа, в приграничных же к России областях как раз отмечены наименьшие показателями. При этом вот такое разделение возможно в том числе потому, что самые близкие к Российской Федерации регионы-соседи парадоксальным образом из-за физико-географических условий являются, вероятно, и наиболее «удаленными» для России.

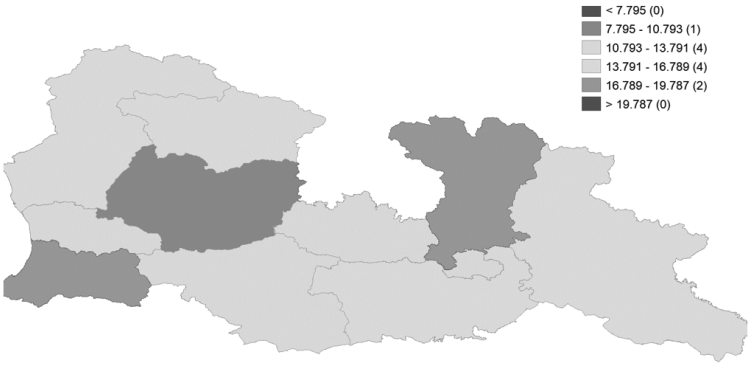


Рис. 3.1.19. Картограмма стандартных отклонений в Грузии в ответах респондентов, которые считают, что тема взаимоотношений с Россией много обсуждалась в ходе последней избирательной кампании

В Беларуси, где в общей сложности утвердительно на вопрос ответили чуть менее 1/3 респондентов, внутритерриториальная дифференциация не слишком ярко выражена. Тем не менее среди областей, где отмечается максимальный удельный вес респондентов, утверждающих, что отношения с Россией обсуждались много, можно выделить области — соседи Российской Федерации — Гомельскую и Могилевскую (по 14,1%) и с минимальной долей такого варианта ответа — Минск и Минскую область (по 6,9%) (рис. 3.1.20).

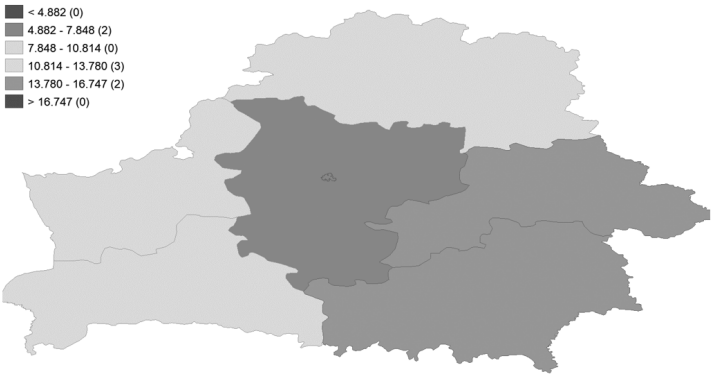


Рис. 3.1.20. Картограмма стандартных отклонений в Беларуси в ответах респондентов, которые считают, что тема взаимоотношений с Россией много обсуждалась в ходе последней избирательной кампании

Что касается совокупного утвердительного ответа, то здесь также лидирует приграничная Гомельская область, являющаяся также регионом-соседом и для Украины (40,9% от всех ответов), и Витебская область (35,2%). Меньший удельный вес такого рода ответов опять в Минской области, а также в удаленной от Российской Федерации Гродненской (26,3% и 26,8% соответственно).

Что касается соседа с самой протяженной сухопутной с Российской Федерацией границей — Казахстана, то как раз первый тип ответов «да, много» выбрали очень маленький процент респондентов — 6,9%. Среди тех регионов, у которых при этом выше удельный вес данного ответа, — соседние для России Костанайская (каждый пятый респондент), Атыраузская и Актюбинская области (15,2% и 12,1% соответственно), но также и Акмолинская (11,1%). Регионы, где никто не выбрал данный вариант ответа, — южная и отдаленная от Российской Федерации Кызылординская область, но также и соседняя с Российской Федерацией Павлодарская

область. Низкий удельный вес наблюдается в Алматинской и Карагандинской областях, но также и пограничной с Российской Федерацией Западно-Казахстанской (по 2,8%) (рис. 3.1.21).

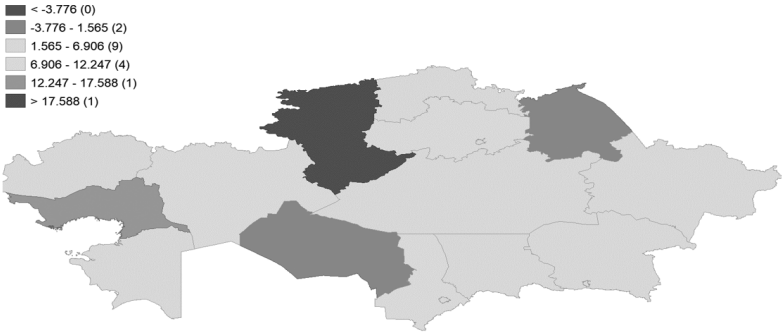


Рис. 3.1.21. Картограмма стандартных отклонений в Казахстане в ответах респондентов, которые считают, что тема взаимоотношений с Россией много обсуждалась в ходе последней избирательной кампании

Если брать во внимание все утвердительные ответы на вопрос об обсуждении взаимоотношений с Россией в ходе избирательной кампании, то здесь мы видим достаточно высокие показатели в приграничных Костанайской (31,4%) и Актюбинской (27,3%) областях, но также и Акмолинской, Алматинской и Карагандинской областях (27,8%, 27,7% и 25,7% соответственно). Минимальное значение по-прежнему в Павлодарской (5,7%) и Западно-Казахстанской (11,4%) областях, являющихся областями-соседями (в соседней с Павлодарской Восточно-Казахстанской — 25%), а также в отдаленном Шымкенте (12,1%) и Астане (11,5%).

Попадание в эту группу столицы Астаны делает Казахстан похожим на кейс Беларуси, где жители Минска также

почти не выбрали вариант о том, что взаимоотношения с Российской Федерацией находятся в центре внимания выборной кампании.

Таким образом, мы видим, что гипотеза о внутрирегиональной дифференциации подтверждается неполностью по всем странам. О ее подтверждении мы можем говорить на территории Беларуси. Похожая, но более разнородная ситуация наблюдается в Казахстане, где в группу с большим количеством утвердительных ответов попали как регионы — соседи России, так и центральные области. Аналогично обстоит дело и в группе с минимальным удельным весом, здесь есть и как удаленные от России, так и пограничные области. Что касается Грузии, то здесь диаметрально противоположная гипотезе картина: респонденты в регионах-соседях меньше всего выбирали утвердительный ответ, в отличие от отдаленных областей, и в том числе и Тбилиси, жители которого, пожалуй, единственные из всех трех столиц, максимально обращали внимание на то, обсуждались ли взаимоотношения с Россией во время избирательной кампании. Это может свидетельствовать о том, что в Грузии самые активные в политическом смысле граждане проживают именно в столице, а тема взаимоотношения с государством-соседом в первую очередь волнует именно столичных жителей.

Подводя итоги кроссрегионального анализа соцопросов, можно прийти к выводу, что обычные граждане настроены на хорошие отношения со своим большим соседом.

При этом в основной своей массе опрашиваемые жители настроены весьма аполитично: то есть они не слишком заинтересованы в том, чтобы в ходе избирательных кампаний отношения с Россией были самой важной повесткой дня (Казахстан — 40,3%), в Беларуси самый высокий удельный вес респондентов, считающих данную тему важной, но и это

всего ½ (рис. 3.1.22), к тому же это один из тех вопросов, которые вызвали затруднения при ответе.

Рис. 3.1.22. Картограмма стандартных отклонений по вопросу о важности темы взаимоотношений с Российской Федерацией во время избирательной кампании по всем странам

Вместе с тем респондентам важно, чтобы отношения между странами развивались в формате дружеского диалога. Возможно, этим объясняется такая большая доля отдавших свои голоса за союзнические (более половины в Беларуси и Казахстане и 42,5% — в Грузии). Выбор же партнерского формата отношений во всех без исключения соседних государствах примерно одинаков: более 31,7% в Грузии, 31,8% в Беларуси, 27,4% в Казахстане. Возможно, участники опроса не до конца отдают себе отчет в том, что может подразумеваться под «союзническими» отношениями. Может быть, только жители Беларуси (с властями которой в течение долгого периода происходит процесс институализации нового Союзного государства), отвечая на вопрос об формате отношений с Россией, подразумевали именно данный формат. Вполне вероятно, что для всех респондентов остальных стран, это не отсылка к построению очередного союзнического государства, а в какой-то мере некоторая «ностальгия» по советским временам, весьма благополучным для многих жителей этих стран[432].

[432] Примечательно, что никто из респондентов не просил пояснить, что подразумевается под форматом «союзнический».

Отметим также общее для всех государств — достаточное равнодушие к вопросам, связанным с темой места взаимоотношений с Россией в ходе обсуждения в избирательных кампаниях в Казахстане (6,9%) и других странах (например, в Беларуси — 10,8%, в Грузии — 13,6%) (рис. 3.1.23).

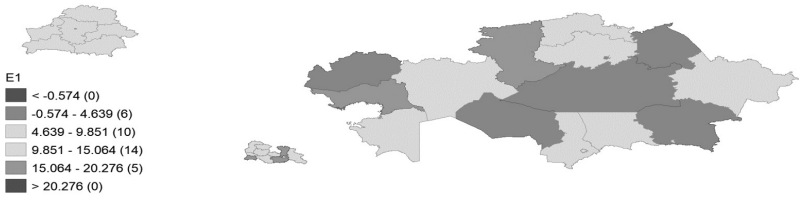


Рис. 3.1.23. Картограмма стандартных отклонений по всем странам в ответах респондентов, которые считают, что тема взаимоотношений с Россией много обсуждалась в ходе последней избирательной кампании

Как мы можем убедиться, страны-соседи, в которых проходили социологические опросы, можно разделить на два типа: один — Беларусь и Казахстан, другой — Грузия.

По многим изучаемым параметрам их можно объединить в две группы: по отношению к формату взаимоотношений, по политической повестке, отношению к соседнему государству, социальным практикам, сложившимся в ходе взаимоотношений с Россией. Это вполне объяснимо, поскольку эти страны демонстрировали в целом два противоположных разнонаправленных трека, которые объективно сложились в ходе постсоветской эволюции взаимоотношений государств-соседей: добрососедских и направленных на разные формы интеграции с Российской Федерацией (Беларусь и Казахстан) и центробежных, сложных, часто носящих высоко конфликтный характер (Грузия). Тем не менее наши исследования, проведенные до 2022 г., зафиксировали

потенциал для восстановления отношений, драйвером которых могут быть обычные граждане, которые в целом ориентированы на конструктивные и дружественные связи.

Таким образом, можно выделить несколько линий размежеваний: «макрорегиональная, геополитическая» — Беларусь и Казахстан, с одной стороны, Грузия — с другой.

Второй раскол — по линии «центр — периферия», внутри самих государств. Такое размежевание выделяли многие исследователи, в частности А.С. Ахременко[433] и Р.Ф. Туровский[434]. Они говорили об этом расколе применительно к России, однако это в полной мере подходит и к странам-соседям. Такие размежевания мы обнаружили и в Беларуси[435], отчасти в Грузии и в Казахстане.

Мы допускаем вероятные размежевания по линиям «Север — Юг» в Грузии[436], в какой-то степени в Казахстане, где увидели линии размежевания «Север — центр — Юг»[437] и где выражена территориальная дифференциация в проживании русских в северных областях республики, которые более четко проявляют свои симпатии к России, нежели

---

[433] Ахременко А.С. Структурирование электорального пространства в российских регионах: факторный анализ парламентских выборов 1995–2003 // Полис. 2005. № 2. С. 26–46.

[434] Туровский Р.Ф. Региональное измерение электорального процесса / Р.Ф. Туровский // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 1–20.

[435] Минск и вся остальная страна: территориальная дифференциация электорального поведения жителей Белоруссии // Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/articles/differencziacziya-belorussii/ (дата обращения: 03.08.2022).

[436] Шестакова М.Н. Территориальная дифференциация общественных настроений в современной Грузии (опыт социологического опроса) // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 2. С. 156.

[437] Виноградов В.В. Казахстан как часть постсоветского пространства: особенности электорального процесса // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 3 (33). С. 177.

отдаленные от нее южные регионы, и немного в Беларуси: по линии регионов, пограничных с Россией и Украиной[438].

При анализе электорального поведения населения метод массовых социологических опросов целесообразно дополнить другими инструментами, в частности качественными методами, о которых говорится в других разделах книги.

Список литературы

Ахременко А.С. Структурирование электорального пространства в российских регионах: факторный анализ парламентских выборов 1995–2003 / А.С. Ахременко // Полис. —2005. — № 2. — С. 26–46.

Белановский С.А. Глубокое интервью и фокус группы / С.А. Белановский. — Москва, 2019. — 371 с.

Браймен А. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес / А. Браймен, Э. Белл ; пер. с англ. — Гуманитарный центр, 2012 — 776 с.

Венкатеш С. Главарь банды на день. Изгой-социолог выходит на улицы / С. Венкатеш ; пер. с англ. М. Рейнолдс. — Москва : Рипол-классик, 2017. — 320 с.

Виноградов В.В. Казахстан как часть постсоветского пространства: особенности электорального процесса / В.В. Виноградов // Евразийский союз: вопросы международных отношений. — 2020. — Т. 9. — № 3 (33). — С. 166–180.

Зиновьев А.С. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы / А.С. Зиновьев // Региональные исследования. — 2015. — № 3 (49). — С. 48–56.

Манаков А.Г. Основные тренды этнической и языковой трансформации постсоветского пространства / А.Г. Манаков // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика : сборник научных статей VII Всероссийской научной конференции с международным участием. — Смоленск, 2021. — С. 339–346.

Манаков А.Г. Фактор границы в жизни населения западных районов Псковской области / А.Г. Манаков // Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов

[438] Neighborhood with Russia: implications for regional differentiation of public opinion in Belarus / I.Yu. Okunev, M.N. Shestakova, E.S. Bibina // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. № 4 (72). P. 10–36.

России : материалы XXXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС. — 2016. — С. 190–198.

Мосаки Н.З. Этническая картина Грузии по результатам переписи 2014 г. / Н.З. Мосаки // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 1. — С. 104–120.

Окунев И.Ю. Эффект соседства в Большой Евразии: пространственный автокорреляционный и кластерный анализ / И.Ю. Окунев, Л.П. Шматкова // Известия Иркутского государственного университета. — 2021. — Т. 37. — С. 58–65. — (Серия «Политология. Религиоведение»).

Особенности социологической диагностики информационного поля Республики Беларусь. А.Н. Данилов, Д.Г. Ротман, А.В. Посталовский, И.И. Бузовский // Вестник РУДН. —2018. — Vol. 18. — № 3. — С. 383–403. — (Серия «Социология»).

Попова О.В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей / О.В. Попова // Южно-российский журнал социальных наук. — 2019. — Т. 20. — № 4. — С. 74–91.

Тарасов И.Н. География электоральной волатильности в Варминско-Мазурском воеводстве Польши / И.Н. Тарасов, Е.С. Фидря // Балтийский регион. — 2016. — Т. 8. — № 4. — С. 78–89.

Туровский Р.Ф. Региональное измерение электорального процесса / Р.Ф. Туровский // Общественные науки и современность. — 2006. — № 5. — С. 1–20.

Шестакова М.Н. Территориальная дифференциация общественных настроений в современной Грузии (опыт социологического опроса) / М.Н. Шестакова // Социальные и гуманитарные знания. — 2021. — Т. 7. — № 2. — С. 146–157.

Шестакова М.Н. Электоральные процессы в пограничье: к постановке проблемы / М.Н. Шестакова // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием / Московский педагогический государственный университет. — Москва, 2019. — С. 443–444.

Okunev I.Yu. Neighborhood with Russia: implications for regional differentiation of public opinion in Belarus / I.Yu. Okunev, M.N. Shestakova, E.S. Bibina // Russia in Global Affairs. — 2020. — Vol. 18. — № 4 (72). — P. 10–36.

3.2. Экспертные интервью

В 2020–2021 гг. была проведена серия экспертных интервью в пяти странах Северной и Западной Европы, граничащих с Россией, где в последние годы прошли конкурентные парламентские выборы: Литве (ноябрь 2020 г.), Финляндии (февраль–март 2021 г.), Норвегии (сентябрь–октябрь 2021 г.), а также Эстонии и Латвии (ноябрь 2021 г.). Целью интервью было изучение экспертного мнения относительно закономерностей электорального поведения населения указанных стран, в частности, в регионах, граничащих с Россией.

Использование экспертного интервью позволило подтвердить или опровергнуть достоверность выводов, полученных путем использования количественных методов. Обращение к экспертным мнениям на заключительном этапе проекта было обосновано не поиском единого ответа или решения, а необходимостью верификации исследовательских результатов, а также поиском возможностей их содержательного дополнения, получения уникальных эмпирических сведений, в том числе о ранее не затронутых исследованием процессах, уточнения проблемного поля исследования и формулировки гипотез, получения идей для дальнейшего развития проекта.

Страны, в которых проводились интервью, были разделены на две группы по типу соседства на основании протяженности совместной с Россией границы: полноценные соседи (Эстония, Латвия, Финляндия) и условно-пограничные государства (Норвегия, Литва). Предполагалось, что тенденции электорального выбора в приграничных России регионах отличаются от электоральных тенденций на остальной территории страны, причем в группе полноценных соседей

отличия выражены сильнее, чем в группе условно-пограничных государств.

Для проверки гипотезы необходимо было не только установить наличие таких отличий и степень их проявления, но также ответить на ряд других вопросов: насколько именно территориальная близость к России их обуславливает, или другие причины являются ведущими; оказывает ли восприятие двусторонних отношений влияние на электоральный выбор в каждой отдельной стране и группах по типу соседства; будут ли группы стран, объединенных на иных основаниях, а не по типу соседства, демонстрировать большую гомогенность; какие уникальные страновые электоральные тенденции порождает российский фактор?

Сложность при проведении исследования заключалась и в поиске подходящих респондентов: необходимо было определить критерии компетентности, разнообразить выборку для смягчения проявлений группового мышления: экспертами были выбраны представители разных этнических, гражданских, профессиональных групп, представители разных ведомств и научных школ, СМИ разной идеологической направленности и т.д. Вместе с тем в кодировке учитывалась только половозрастная принадлежность и сфера деятельности экспертов во избежание раскрытия их личности. В ходе опросов было собрано 61 интервью с экспертами пяти стран, в большинстве случаев респондентами выступили мужчины зрелого возраста — деятели науки и образования. Подробная половозрастная структура опроса и распределение опрошенных по отраслям деятельности представлена на рисунках 3.2.1 и 3.2.2.

Респондентам было предложено ответить на 10 открытых вопросов, касающихся геополитического самопозиционирования страны опроса, двусторонних отношений и воз-

можного партнерства с Россией, национальной партийной системы и региональных особенностей электорального поведения в стране опроса. Ответы на вопросы были обезличены и закодированы в соответствии с унифицированной шкалой Лайкерта, состоящей из 3 или 5 градаций. Рассмотрим каждый из вопросов отдельно.

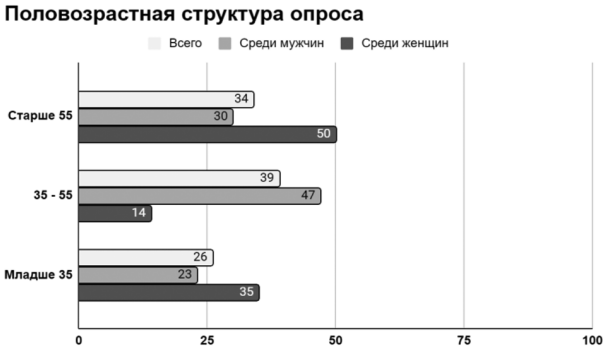


Рис. 3.2.1. Половозрастная структура опрошенных

Рисунок 3.2.2. Сфера деятельности опрошенных.

Считаете ли Вы, что [страна опроса] может быть примером для других стран?

Три четверти всех респондентов ответили положительно: в Финляндии — все эксперты, в Литве — 39%, а в Эстонии, Латвии и Норвегии — не больше четверти. В группе полноценных соседей сомневались в способности страны быть мировым флагманом 15% интервьюируемых, а в группе условных — 32%. Достижения, содержащие в себе потенциал для формирования лидерского потенциала стран, приводились разные: от социально-экономических до исторических, однако общим для ответивших утвердительно было наличие суждений об устойчивости демократии и истинной многопартийности, что важно в контексте изучения тенденций электорального поведения.

Как бы Вы оценили текущие отношения [страны опроса] и России? Являются ли они дружественными или враждебными в культурной, экономической и политической сферах?

В рамках всей совокупности дружественными отношения в культурной сфере назвали 72% экспертов, в экономической — 46%, а в политической — лишь 14%, но в последнем случае даже они избегали исключительных высказываний и характеризовали отношения как “скорее дружественные”.

Внутри групп по типу соседства показатели значительно отличались: эксперты балтийских государств демонстрировали и в среднем, и по отдельности, больший пессимизм в оценке отношений по сравнению с Норвегией, которая лишь в трети случаев описывала отношения как враждебные. Приведем лишь некоторые примеры высказываний балтийских экспертов о негативных аспектах двустороннего взаимодействия.

«В политической сфере отношения назвать враждебными все же нельзя, но они достаточно напряженные. Другой вопрос, что у России со всем Евросоюзом напряженные

отношения. Нужны ли Литве более дружественные отношения с Россией? Что ж, экономика всегда выигрывает от дружественной риторики, и, как я уже говорил, главным торговым партнером является именно Россия, но вопрос стоит гораздо шире: Литва действует в рамках общеевропейской политики и поддерживает ее» (LTU).

«Где могут контакты происходить, они происходят. Культурные — ну, "Золотая маска", вроде, пока идет. Экономические — транзит страдает, грузообороты портов падают, а транзит шел из России в основном, которая сейчас строит свои порты на Балтике» (LAT).

«Нельзя сказать, что есть какие-то перспективы для улучшения отношений, если на уровне коллективного Запада не будет каких-то подвижек. За последние 30 лет сделали все, чтобы этих отношений не было, а два года пандемии и подавно» (EST).

В высказываниях балтийских экспертов видно свидетельство не просто встроенности двусторонних отношений в масштабную систему противостояния России и коллективного Запада, но намеренного экономического дистанцирования Евросоюза в условиях наращивания Россией независимых мощностей, независимо от степени зависимости экономик конкретных европейских стран от российской. В Норвегии же, которая, напомним, членом ЕС не является, пространства для экономического маневра остается больше: поддерживая политизированные экономические санкции, государство отдает приоритет национальным интересам и стремится сохранить эффективное взаимодействие в вопросах, представляющих совместный интерес.

«После событий 2014 года отношения между двумя странами ухудшились из-за политики западных санкций, которую поддержала Норвегия. На Крайнем Севере отношения менее враждебные из-за общих интересов в сфере

регулирования рыболовства в Баренцевом море и сотрудничества в Арктике» (NOR).

Финляндия даже политические отношения лишь в 4% случаев охарактеризовала отрицательно: не будучи членом НАТО, вероятно, страна в меньшей степени испытывает влияние идеи политического противостояния. Чего нельзя сказать о членстве в ЕС — эксперты неоднократно подчеркивали неразрывность общеевропейских и национальных политических курсов, оказывающую сдерживающее воздействие на реализацию потенциала двусторонних отношений.

«У нас очень интенсивные отношения, ведь мы соседи, а еще у нас богатая общая история. На данном этапе особых проблем в отношениях Финляндии и России нет, ни в плане трансграничного сотрудничества, ни в Арктике, чего нельзя сказать об отношениях ЕС — Россия. Финляндия — часть ЕС, и об этом нельзя забывать» (FIN).

«Вся напряженность, которая есть в отношениях — по линии ЕС. В двусторонних отношениях между странами все относительно в порядке, хотя внешнеполитическая сфера более подвержена влиянию ЕС, что влияет и на экономику, но многие финские компании продолжают работу с Россией» (FIN).

«Связи в культуре плотные, активные, в экономике тоже достаточно контактов. В политике есть проблемы, обе стороны понимают, какие из них можно решить, какие нельзя. Однако Финляндия — член ЕС, и все, что они делают, влияет и на нас, не только в плане России» (FIN).

Среди экспертов балтийских государств наблюдается наибольшая солидарность относительно характера отношений: на их враждебность указали 62% респондентов из Эстонии и Латвии и 48% — из Литвы. Обратим внимание на некоторые яркие высказывания о проблемах, складывающихся в ходе двустороннего взаимодействия.

«Отношения находятся на точке замерзания, политическая нервозность ухудшает и сотрудничество в других сферах. В культурной сфере, например, было показательно закрытие "Новой волны" и объявление персонами нон-грата любимых многими людьми музыкантов. Экономика, как ни странно, живет, транзитные грузы идут, российский капитал участвует в латвийских предприятиях, хотя сильно сократился — выгнали» (LAT).

«Что касается межгосударственного уровня, не все решения принимаются в Таллине, многое зависит и от Российской Федерации: например, можно отвечать на высказывания каждого парламентария, особенно национально-радикального, а можно найти что-то положительное. Были замечательные контакты между городами, но сейчас все поставлено на жесткий тормоз» (EST).

При этом можно допустить, что несколько меньший пессимизм литовских экспертов связан вовсе не с лучшим состоянием отношений, а с их отсутствием: такому явлению оценку дать невозможно, и эксперты выбирали вариант «затрудняюсь ответить». Например, так проиллюстрировал свое мнение один из опрошенных:

«Этих отношений просто нет. Ни в культурной, ни в политической сфере. В экономической, может, что-то и осталось на уровне договоренностей бизнеса, но они не афишируются. Более того, если ты как-то связан с российским бизнесом, ты попадаешь сразу под определенную сферу наблюдений и налоговых ограничений. Люди должны каким-то образом скрывать это, переоформляться, крупный бизнес я вообще не представляю, чтобы мог как-то существовать, малый — может быть» (LTU).

Суммировав экспертные оценки, предположим, что балтийские страны больше похожи между собой, а скандинавские

нельзя определить даже на основании территориальной близости, настолько их результаты отличаются.

Вместе с тем один из экспертов предложил другую классификацию европейских стран на основании типа их отношения к России.

«В Европе есть несколько групп стран, отношение к России в которых можно охарактеризовать по-разному: есть страны Южной Европы, где в общем положительное отношение к русским и России; есть страны Западной Европы и частично Южной, где в целом отношение к России отрицательное, но не к русскому народу; есть Польша, Литва, Великобритания, Швеция, где отношение открыто враждебное, особенно в первых двух. Но есть еще группа северных стран — Финляндия, Норвегия, Дания и, как ни странно, к этой группе близка Эстония, которые не питают иллюзий относительно враждебности отношений, но при этом прекрасно осознают интересы своего государства и государственности, исходя из того, что Россия всегда будет существовать, поэтому и отношение к русскому языку и России у них более нейтральное» (LAT).

Мнение о прагматичности эстонского подхода к России и реалистичности взглядов на характер двусторонних отношений при отсутствии явной русофобии затем не раз подтверждалось и самими эстонскими экспертами. Приведем лишь один из примеров:

«В плане политическом надо понимать, что Эстония — не независимый актор, а с учетом всей напряженности отношения не могут быть хорошими, политических контактов практических нет. Экономика тесно связана с политикой: санкции. А в культурной сфере отношения лучше из всех трех, потому что культура меньше всего связана с политикой» (EST).

Представляет ли Россия военную угрозу для [страны опроса]? Если да, насколько серьезна эта угроза?

В целом реальность угрозы признает 39% опрошенных (26% считают ее умеренной, 13% — серьезной), а отрицает — половина, однако эксперты, не давшие ни одного положительного ответа на вопрос о характере двусторонних отношений, почти в два раза чаще считают военную угрозу реальной. Распределение по группам отличается незначительно, однако в группе полноценных соседей в два раза реже встречались описания угрозы как «серьезной». Вместе с тем степень угрозы определялась внутри групп по-разному: в Латвии и Норвегии она была невысокой — около трети экспертов подтверждали существование угрозы, и никто не назвал угрозу серьезной, как и в Финляндии. Более того, финскими экспертами подчеркивалось отсутствие непосредственной военной угрозы при вполне реальной возможности ее возникновения:

«Сейчас военной угрозы нет, но потенциал для создания угрозы, естественно, есть, как политический, так и военный» (FIN).

В Эстонии и Литве, напротив, больше половины экспертов признавали угрозу, из них 57% считали ее значительной. В Литве при этом не раз акцентировали внимание на взаимном характере угрозы.

«Калининград — кость в горле Европы и НАТО. Обоснованность агрессии, или ответного удара, неизвестно еще, кто спровоцирует, я могу понять. И опасаюсь, что балтийские государства могут стать местом горячего столкновения. Ведь и обещанное нерасширение НАТО стало в итоге расширением, и американцев здесь стало больше, так что угроза вполне реальна, притом с обеих сторон» (LTU).

«По мнению официальных властей, в том числе соседних Польши, Латвии, Эстонии, угроза есть, и она велика,

постоянно упоминают Сувалкский коридор. Недавно Россия с Беларусью проводили учения, и как только их проводят, сразу начинается укрепление [литовских] военных баз, наращивание вооружений, увеличение доли обороны в ВВП» (LTU).

Один из эстонских экспертов выразил интересное, даже уникальное мнение о гибридности «российской» угрозы как суммы внешних и внутренних процессов:

«Вмешательство России в любом виде нельзя исключать полностью, но оно не может произойти завтра. Более того, эстонские политики сами должны допустить ошибку, в чем-то просчитаться. Как-то тут должны быть замешаны люди на местах» (EST).

В целом результаты показывают, что в обеих группах по типу соседства присутствуют государства, как уверенные в мирном характере отношений, так и опасающиеся возможной угрозы, поэтому объединение в предложенные группы при анализе ответов на этот вопрос невозможно.

Вопрос о наличии военной угрозы со стороны России был также рассмотрен в совокупности с мнением экспертов о текущем состоянии двусторонних отношений. В целом оказалось, что уровень дружественности (индекс рассчитан авторами как отношение позитивных оценок текущих отношений к негативным) ниже уровня восприятия безопасности (отношение количества мнений об отсутствии угрозы к количеству мнений о наличии угрозы любой степени). Это означает, что даже эксперты, давшие негативную характеристику отношений, прежде всего в политической сфере, склонялись к мнению, что это не влечет военной угрозы.

В таблице 1 приведены индексы дружественности и восприятия безопасности для каждой страны отдельно. Значение индексов меньше 1 означает преимущественно негативную оценку, а больше — преимущественно пози-

тивную. Так, чем выше значение индекса, тем менее враждебными эксперты считают отношения и менее реальной — угрозу, а разность первого и второго по модулю говорит о степени несоответствия мнения относительно характера отношений ощущению угрозы.

Таблица 3.2.1

Индексы дружественности и восприятия безопасности

	Индекс дружественности	Индекс восприятия безопасности
Все наблюдения	1,09	1,3
Полноценное соседство	1,39	1,2
Условное соседство	0,81	1
Финляндия	18	1,6
Норвегия	1,36	2
Эстония	0,35	1
Латвия	0,47	3
Литва	0,59	0,7

Из всех государств наиболее осторожно настроенной остается Литва, она же демонстрирует наибольшее соответствие восприятия характера отношений восприятию реальности угрозы. Финские эксперты придерживаются исключительно положительного мнения о характере двусторонних отношений, однако с гораздо большим пессимизмом оценивают вероятность применения Россией военной силы. В целом, несмотря на преобладание позитивных характеристик при анализе всего массива, индексы последовательно принимают значение выше 1 только в группе «полноценных» соседей, и даже тогда — лишь за счет Финляндии. Отдельно отметим, что наибольшее сходство демонстрируют Эстония и Литва: хотя они и были распределены в разные группы по типу соседства, в этих странах не только не преобладают позитивные характеристики, но и разности индексов не превышают единицы. В целом по совокупности ответов на

два вопроса, и отдельно по вопросу о реальности угрозы, мы не можем подтвердить как гипотезу главы, так и вывод о большей гомогенности балтийской группы (поскольку, пусть и со значительным разбросом, индексы в скандинавских странах неизменно принимают значение выше единицы, в отличие от балтийских, где есть и преимущественно положительные, и преимущественно отрицательные оценки). Вместе с тем наибольшее сходство все же вновь оказалось свойственно двум из трех балтийских государств разных типов соседства.

Нужны ли [стране опроса] дружественные отношения с Россией в культурной, экономической, политической сфере?

Подавляющее большинство опрошенных полагало, что их стране нужны дружественные отношения с Россией (92%, 85% и 80% в культурной, экономической и политической сферах соответственно), при этом все отрицательные ответы были получены в ходе интервьюирования балтийских экспертов: доля положительных оценок по совокупности сфер составила 100% для Финляндии, 97% — для Норвегии, 88% — для Латвии, 77% — для Литвы, и 62% — для Эстонии, что вновь говорит о немного большем сходстве уже между Латвией и Литвой, а не Эстонией и Латвией, как при оценке экспертами текущих отношений, или Литвой и Эстонией, как при анализе ответов на два предыдущих вопроса вместе, или отнесенных к одной группе по типу соседства Латвией и Эстонией. Респонденты выражали мнения, частично объясняющие это сходство географическим положением, историческими процессами и особенностями экономического развития двух стран, в частности высокой степенью зависимости от российской экономики.

«Нельзя отрицать, что главным торговым партнером Литвы является Россия» (LTU).

«Культурная сфера развивается, театры приезжают, режиссеров не преследуют нигде, в экономике все определяют санкции — не дружественные и не враждебные. Литовская продукция в ЕС не востребована, единственный рынок для нее — это Россия, Восток» (LTU).

«Когда Литва в 2009 году закрыла свою АЭС, она из донора превратилась в самое энергозависимое из балтийских государств. Пока вы будете покупать газ у России, никуда вы не денетесь, труба работает, электричество поступает, транзит идет» (LTU).

«В коммерческие проекты государство не вмешивается до поры до времени, вспомните, что было с "Новой волной" — это было вызывающее количество русской попсы на латвийской территории, и ее прикрыли, чтобы она не оскорбляла возвышенные чувства латышского народа. В ближайшей перспективе будут проходить коммерческие проекты, концерты: деньги не пахнут, хотя лучше бы зарабатывали в цивилизованных странах. [...] Латвия была перевалочным пунктом для вывода российских денег, сейчас под давлением американцев этот процесс подорван, и косвенным результатом уничтожения банковского сектора, ориентированного на Россию, является непривлекательность Латвии [для российских бизнесменов]» (LAT).

«Нельзя игнорировать географию страны, Латвия никогда не будет между США и Канадой. Уметь прагматично договариваться с соседом, хотя бы слышать друг друга — без этого невозможно развитие страны» (LAT).

Эстонские эксперты смотрят на перспективы развития отношений более пессимистично, иногда выражая сомнение в самой возможности их улучшения.

«В перспективе 5-10 лет это [дистанцирование диаспоры от России] приведет к очень негативным последствиям как для имиджа России, так и в контексте создания

площадки на территории Эстонии среди русскоязычных» (EST).

«Позитивные отношения между соседями — это всегда хорошо, но если взглянуть на геополитическую обстановку, стоит задавать вопрос, можно ли их улучшить» (EST).

Отметим, что при небольшом количественном разрыве в положительных оценках между Литвой и Норвегией как «условными» соседями, качественного сходства не было установлено. Высказывания норвежских экспертов не позволяют говорить ни о сильной зависимости экономики страны от российского рынка и энергоносителей, ни о русофобских настроениях в обществе, ни о непреодолимых особенностях географического положения. Их ответы были сдержанны, подчеркивали необходимость взаимного уважения и выстраивания нейтральных партнерских отношений.

«“Нужны” в том смысле, что это будет большим преимуществом во всех значениях этого слова. Но дружбу нельзя приобрести через угрозы или с опорой на военное превосходство. Исторический опыт показывает, что норвежское общественное мнение очень негативно реагирует на такое. Это контрпродуктивно и способствует укреплению связей с США» (NOR).

«Культурное взаимодействие упало с 2013 года, закрыли сотрудничество школ русско-норвежских, закрыли русский культурный центр, экономическое сотрудничество осталось на довольно высоком уровне. Политические контакты нужны, сдержанные, но чтобы не было негатива» (NOR).

Так, при довольно спорном сходстве результатов внутри групп по типу соседства, все же можно говорить, во-первых, об относительной солидарности финских и латвийских экспертов внутри группы полноценных соседей, во-вторых, о большем сходстве внутри географических групп, чем внутри групп по типу соседства, хотя нельзя игнорировать

и значительный разброс мнений в ряду балтийских экспертов, и в-третьих, о вновь прослеживающемся сходстве двух балтийских стран, отнесенных к разным группам соседей.

Что делает Россию ценным партнером для [страны опроса]?

В то время как 11% от общего числа экспертов (все — балтийские) полностью отрицали целесообразность сотрудничества с Россией, большинство выделило по меньшей мере одну причину, которая делает его выгодным. 28%, 43% и 31% экспертов назвали мотивацией к партнерству изобилие в России природных ресурсов, важность транзитного партнерства и культурную близость стран соответственно. Следующими по популярности оказались причины, связанные с туризмом из России (18%) и совместным историческим опытом преодоления сложностей (16%). Около 10% экспертов отметили выгодные сделки по импорту газа и стремительное развитие российских технологий и науки. Реже всего основанием для партнерства опрошенные считали причины, связанные с международной безопасностью и российским внешнеполитическим курсом: никто из экспертов не упомянул оказание Россией помощи другим (в том числе третьим) странам, по 2% интервьюируемых указали независимость внешней политики России от ЕС и США и ее содействие миру, а также щедрость российских инвесторов, и по 5% — предлагаемую идеологическую альтернативу и борьбу с международным терроризмом. Неоднократно эксперты всех стран (Норвегии и Эстонии — в меньшей степени) выражали мнение о самоценности географического положения и совместной границы, и если в Латвии это мнение основывалось на культурных, а иногда даже эмоциональных аргументах, то в Литве и Финляндии подход был более рациональным.

«Любое государство-сосед, будь то Россия или Беларусь, уже ценный партнер, соседские отношения нельзя

недооценивать, они нужны каждому человеку. Хорошие отношения во всех сферах нужны, и они и были до недавнего времени, и никому не мешали, все этим гордились и извлекали взаимную пользу» (LTU).

«Важность партнерства в первую очередь определяется наличием протяженной совместной границы и вопросами управления ею. Также в приграничных финских городах наблюдается взаимозависимость с российскими регионами. Кроме политических трудностей я не вижу потенциальных причин для приостановления партнерства» (FIN).

«Ценным партнером Россию делает сам факт существования совместной границы и все виды трансграничного партнерства регионов» (FIN).

На национальном уровне палитра результатов распределяется следующим образом: важность транзитного партнерства подчеркнули эксперты из Финляндии, Латвии и Литвы, эта же группа стран отметила культурную близость с Россией, хотя уровень ее социального одобрения различался: латвийские респонденты, в отличие от финских, подчеркивали тенденции к отторжению русской культуры:

«Латвия была наиболее русифицированной республикой в советский период, и, я надеюсь, эти мои слова сохранятся где-то, потому что это никто не изучает ни в Латвии, ни в России, вследствие глубинных процессов, воздействие русского языка продолжалось даже после распада СССР, и сейчас мы говорим на латышском языке структурно более близком к русскому, чем 30 лет назад, хотя сейчас считается дурным тоном признавать это влияние, это мода» (LAT).

«Финны ценят русскую культуру, к русскому народу отношение прекрасное, это уже хорошее начало, в восточных районах лучше знакомы с русскими людьми из-за роста турпотока» (FIN).

«Наши культуры в какой-то степени тоже взаимосвязаны, и, хотя есть языковой барьер, наши культурные контакты несомненно влияют на образ мышления» (FIN).

Для норвежских экспертов приоритетным мотивом оказалось богатство природных ресурсов и общие исторические вызовы, хотя один из них отдельно подчеркнул «общие черты в идентичности северных районов», а эстонские, изредка отмечая выгодный характер газовых сделок и культурную близость, чаще всего отрицали целесообразность сотрудничества, ссылаясь на неопределенные перспективы налаживания отношений.

В среднем эстонские респонденты упоминали по 0,8 из заявленных в кодировке причин, а финские предложили наиболее яркую палитру возможных мотиваций и направлений партнерства: на каждого пришлось по 2,4 упоминания. Для Норвегии среднее количество названных причин составило 2, для Латвии и Литвы — 1,8 и 1,2. Напомним, что оценка необходимости или потенциального приобретения выгоды от дружественных отношений, привела к идентичному распределению стран на спектре от наиболее оптимистичных мнений к наиболее пессимистичным: Финляндия, Норвегия, Латвия, Литва, Эстония (хотя в предыдущем вопросе в Эстонии все же не было преобладания негативных оценок).

По среднему количеству указанных причин Эстония, как и в предыдущем вопросе, оказалась аутсайдером в группе полноценных соседей: разрыв между двумя условными соседями меньше, чем между Эстонией и следующей в списке по возрастанию Латвией, что вновь позволяет утверждать о ее наименьшей заинтересованности в дружественных или, по меньшей мере, партнерских отношениях, в то время как остальные страны более рационально подходят к добрососедству и двустороннему сотрудничеству.

По существу предложенных мотивов для сотрудничества вновь обратим внимание на сходство тенденций в Латвии и Литве, однако в этом вопросе к балтийской двойке уверенно присоединилась Финляндия, а Норвегия показала уникальное сочетание факторов. В целом из уже упоминавшихся комбинаций стран мы видим две знакомые пары, в частности, встречавшиеся при анализе ответов на предыдущий вопрос пары Финляндия — Латвия и Латвия — Литва, в данном случае вовсе объединившиеся в тройку, однако все же нельзя говорить о сходстве внутри групп по типу соседства или географическому положению, а устойчивость группы Финляндия — Латвия — Литва предстоит проверить при рассмотрении ответов на оставшиеся вопросы.

Становились ли вы свидетелями направленного российского воздействия на предвыборную кампанию в [стране] во время прошлых парламентских выборов?

О вмешательстве России в выборы эксперты высказывались практически единогласно: лишь 10% опрошенных, равномерно распределенных по странам, полагали, что стали свидетелями таких актов, при этом установить соответствие между ответом на этот и другие вопросы не удалось в условиях малочисленной выборки.

Зависит ли электоральное поведение граждан [страны опроса] от того, в каком регионе страны они проживают? Если да, то как?

В ответах на вопрос о региональных различиях в электоральном поведении наблюдалось значительное многообразие как среди всей совокупности, так и среди групп и в отдельных странах. Так, можно отметить солидарность 36% общего числа респондентов из пяти стран относительно пограничья с Россией как фактора электорального выбора, и 54% — относительно значимости этнической принадлеж-

ности (ответ учитывался независимо от того, были ли названы конкретные этничности, и если были, то какие).

В первую очередь выделим общность этнического фактора в голосовании граждан Финляндии, Латвии и Литвы, хотя речь преимущественно идет о разных этнических группах: шведах, русских и поляках соответственно.

Стоит отметить, что в Латвии, несмотря на сохраняющуюся важность этнической принадлежности для русских граждан, эксперты отмечают снижение значимости этнического раскола в целом, в подтверждение этому зачастую приводя снижение популярности «русских» партий в Риге и общественную усталость от этнического раскола.

«Партия "Согласие", например, упустила свою возможность остаться у власти в Рижском муниципалитете» (LAT).

«Русские жители больше стали голосовать за латышские партии, этот процесс хорошо заметен в Риге, кто-то пытается интегрироваться, кто-то считает, что ранее отданные за русские партии голоса не оправдались» (LAT).

В Финляндии большое влияние оказывают также экономические характеристики региона, которые наряду с другими отметили 40% финских экспертов:

«В электоральном поле есть различия разного уровня. В Хельсинки есть различия между районами по уровню политической активности, не говоря о различиях в голосовании групп разного дохода. Также есть районы, которым присущи экономические трудности и туманные перспективы развития, там значительно выросла поддержка правых популистских партий. Еще наблюдаются различия между сельской и городской местностью, особенно в крупных городах. А в регионах, граничащих с Россией, электоральные ориентации не отличаются от остальных» (FIN).

Близость к российской границе играет значимую роль в Норвегии (80%) и Эстонии (67%), однако стоит подчеркнуть сущностные отличия в голосовании приграничных регионов этих стран. Норвежский фюльке Тромс и Финнмарк преимущественно интересуют вопросы мира на границе ввиду опасений относительно военной угрозы, а также арктическое направление и экономическое сотрудничество с Россией, поскольку рыболовство является основным источником дохода заполярного региона. Особого внимания заслуживают и исторические причины. Например, так их описывает один из норвежских экспертов:

«Северная Норвегия традиционно более красная, это бастион Норвежской рабочей партии. В Финнмарке коммунистическая партия была сильной в межвоенный период и в первые годы после Второй мировой войны. Сегодня поведение избирателей менее стабильно, чем было, но Рабочая партия на севере по-прежнему показывает высокий результат. Жители северных провинций традиционно лучше настроены по отношению к России, чем центральных. Есть исторические причины для этого, например, память о так называемой поморской торговле в северной Норвегии в царское время, а также об освобождении востока Финнмарк в 1944 году советскими войсками» (NOR).

Не все, однако, разделяли мнение о продолжающемся успехе исторически популярных партий:

«Соседние с Россией регионы исторически голосуют за Рабочую партию, но на последних выборах она показала для себя худший результат на севере, много ушло Партии Центра» (NOR).

В Эстонии же в пограничном уезде Ида-Вирумаа наиболее многочисленное этническое меньшинство составляют русские (около 75% населения региона), а «русский вопрос» стоит в стране довольно остро: права русскоязычного

населения на использование родного языка ограничены, натурализация затруднена. Несмотря на сохраняющиеся этнические противоречия, некоторые эксперты отмечали происходящую реструктуризацию этнического раскола:

«Много лет главным политическим размежеванием в Эстонии был так называемый "русский вопрос", который касался понимания истории, места СССР в ней, Второй мировой войны. Но сейчас это размежевание на пороге изменений, мы пока не уверены, что именно происходит, но можем наблюдать расколы по линиям "либерализм — консерватизм", "открытость — закрытость", "национализм — глобализм". Наиболее популярные партии сейчас — право-популистские, и ведутся споры относительно того, сколько русских голосов они смогут получить на следующих выборах: прогнозировали, что они на этих муниципальных выборах получат поддержку русских, но этого не случилось, так что русскую карту им разыграть не удалось. В целом заметно, что русскоговорящее сообщество более гетерогенно, уже не стоит за какой-то одной политической силой, есть те, кто хочет сближения с ЕС, есть — кто с Россией» (EST).

Возможно, именно из-за предполагаемого снижения остроты «русского вопроса» ни один эстонский эксперт не выделил этнический фактор как оказывающий влияние на электоральный выбор, а раскол «город — село», напротив, упоминался при обсуждении голосования приграничных районов.

«Но приграничные регионы — это же не только Ида-Вирумаа, есть еще юго-восток — Вырумаа, Сетумаа — регионы, которые граничат с Псковской областью, там голосование совершенно другое. Это такая по эстонским меркам "Сибирь", хотя от Таллина всего 350 километров, там много крестьянского, национально-консервативного

голосования. За НКП, кстати, голосуют и на северо-востоке в связи с ее популизмом, а на юге-востоке — за них же или за партию "Отечество", опять же национально-консервативную, как раз в связи со своими крестьянскими интересами» (EST).

Получается, что русские граждане Эстонии голосуют не только за Центристскую партию (как далее поясняли эксперты, традиционно считающуюся «пророссийской»), но и за другие, особенно за пределами Ида-Вируумы, хотя и в меньшей степени. Приводились разные объяснения изменений в голосовании и распределения «русских» голосов за разные партии, в том числе личный и коррупционный факторы:

«Не то чтобы другие партии не популярны [в русскоязычных регионах, голосующих отлично от остальной страны], но кроме EKRE и Центристской партии никто не старался мобилизовать русские голоса, хотя EKRE потерпела в этом отношении полный крах. Разве что социал-демократы, но их успех — не партийный, а персональный, например, в Нарве кандидаты от социал-демократов успешны, но только потому что люди поддерживают конкретных политиков» (EST).

«Что касается северо-востока, в той же Нарве было много коррупционных дел, которые сильно сказались на имидже правившей там много лет Центристской партии, и последние выборы показали, что люди устали от них» (EST).

Не только в Эстонии, но и в других странах эксперты отметили значимость размежевания «город — село», однако наиболее ярко выражено влияние негородского ареала проживания на электоральный выбор в скандинавских странах — фактор отметили больше половины экспертов в Норвегии и Финляндии, и от 30 до 40% — в каждой из балтийских стран. Рассмотрим, что говорят об этом эксперты

разных стран, затрагивая и другие линии электоральных размежеваний.

«В крупных городах голосуют за крупные партии, в менее населенных — за партию Центра, которая обещает децентрализацию провести» (NOR).

«В Финляндии длительная традиция разного голосования деревни и города, однако в плане геополитическом общество преимущественно против вступления в НАТО, я не могу представить событий, которые бы изменили это мнение. Что касается приграничных регионов — они связаны с историческим делением страны на регионы, у них особые региональные нужды, с Россией это связано мало, может, в отдельных приграничных городах голосуют незначительно иначе» (FIN).

«Большие города голосуют за Литовских христианских демократов, жители малых населенных пунктов, не совсем местечковых конечно, но малонаселенных — за Социал-демократическую партию. Но если мы посмотрим на результаты последних муниципальных выборов, численно доминируют, конечно, именно мэры — социал-демократы, в регионах их позиции сильные» (LTU).

«Также наблюдается различие по линии "город — село", "городом" в первую очередь выступает Рига, но есть и другие крупные города, различия среди латышскоговорящего электората. Горожане в основном голосуют за партию "За!", а на селе более популярны Союз зеленых и крестьян и Объединение регионов, которые значительно "проседают" в Риге» (LAT).

«Эстония — сильно сегрегированное государство, с множеством географических различий. Например, уровень жизни в столице гораздо выше. Есть значительный разрыв между селом и городом. За пределами столицы, особенно в сельской местности, социально-экономические

возможности ограничены, это касается и северо- и юга-востока страны. Это конечно же отражается в политических предпочтениях» (EST).

Отличия в голосовании столицы были выделены в значительной степени (77%) для Риги, в меньшей (около 30%) — для Вильнюса и Таллина. Как приводится далее, латвийские эксперты, говоря об особых тенденциях, часто делали упор именно на голосовании этнических русских, проживающих в столице, таким образом переплетая этнический и столичный факторы.

«Географически в большей степени это восточные районы Литвы, Висагинас — город атомщиков, это весь Вильнюсский район, где много русскоязычных, из граничащих с Россией — Клайпеда» (LTU).

«[На голосование влияет] не территориальный, а этнический фактор. У Латвии своеобразная регионалистика, связана с тем, что со времен модернизации треть населения Латвии живет в Риге и пригородах. Наверное, в Таллине такая же ситуация, а в других европейских странах вы не найдете такого. После войны Рига — латышско-русский город, примерно половина тех и других. Латвия — уникальное этнополитическое образование, и хотя Эстония очень близка, но в Эстонии не удалось общине создать русские партии, которые бы опирались исключительно на русскоязычный электорат» (LAT).

В целом можно сделать следующие предварительные выводы о закономерностях электорального выбора в рассматриваемых странах. Во-первых, для двух стран Северной Европы социально-экономические характеристики как региона, так и населенных пунктов, играют большее значение, чем для балтийских республик. Во-вторых, значимость близости к России меньше, чем можно было ожидать, особенно в случае Латвии и Финляндии, где достаточно боль-

шая часть границы страны приходится на границу с Россией. В-третьих, никакой из факторов не объединяет эксклюзивно страны одной группы по типу соседства. Наконец, мы вновь наблюдаем складывание группы Финляндия, Латвия, Литва, однако это лишь говорит о наличии возможностей для реализации политических прав представителями этнических меньшинств и не позволяет сделать вывод относительно влияния на исход выборов ни российского пограничья, ни русской диаспоры. В контексте проверки достоверности гипотезы предварительно можно отметить, что хотя в трех из пяти стран прослеживается тенденция к отличному голосованию приграничных регионов, эти страны не входят в одну группу по типу соседства. Более того, невозможно достоверно утверждать, что российское пограничье, а не другой фактор, например, проживание этнических русских в конкретных административных единицах или экономические характеристики региона, преимущественно обуславливает эти отличия, а также что граница именно с Россией, а не приграничное положение в принципе, является главной причиной отличий.

Отличается ли голосование в регионах, граничащих с Россией, от голосования в других регионах [страны опроса]? Если да, какие партии получают в этих регионах большинство голосов?

В продолжение дискуссии о факторах электорального выбора экспертам было предложено отдельно определить наличие особых тенденций в голосовании регионов, пограничных с Россией. Отметим, что отрицали отличия в предпочтениях избирателей 44% опрошенных, чаще всего в Литве (78% местных экспертов) и Финляндии (60%). Тем из респондентов, кто высказался утвердительно, было предложено указать и степень отличия, (результаты приведены в таблице 3.2.2).

Таблица 3.2.2

Восприятие отличий
в голосовании приграничных районов государств-соседей

	Значительно отличается	Незначительно отличается	Всего
Все наблюдения	25%	30%	55%
Финляндия	7%	33%	40%
Норвегия	30%	60%	90%
Эстония	33%	33%	67%
Латвия	78%	11%	89%
Литва	6%	17%	22%

Как понятно из таблицы, финские и литовские коллеги если и признают отличия в голосовании, то стремятся подчеркнуть их незначительность, а позиции в Эстонии разделились поровну: по трети опрошенных выступили в поддержку отличий каждой степени. Подавляющее большинство экспертов Латвии и Норвегии сходится во мнении, что указанные территории действительно голосуют иначе, чем другие регионы, хотя латвийские респонденты склонны считать отличия электоральных паттернов значительными, а норвежские — более сдержанны в своих суждениях. Вместе с тем, учитывая формулировку вопроса, нельзя говорить о том, что какая-либо группа стран, объединенная на основании типа соседства или географического положения, демонстрирует закономерности, подтверждающие или опровергающие именно влияние российского пограничья на отличия в голосовании.

В Норвегии имеет место малая, по сравнению с площадью страны, протяженность границы с Россией и малочисленная русская диаспора, а при объяснении экспертами электоральных особенностей на первый план выходит хозяйственная ориентация региона Тромс и Финнмарк и арктическое сотрудничество, а не российский фактор в любом его

понимании. Не стоит забывать, что арктическое сотрудничество ведется в многостороннем, а не двустороннем порядке, а в условиях запрета на экспорт части продуктов рыбного промысла в Россию торговый фактор играет еще меньшую роль. Однако стоит оговориться, что, во-первых, приграничные города действительно голосуют иначе и населены этническими русскими, однако численность их не оказывает влияния на общенациональные результаты голосования, и, во-вторых, близость к границе с Россией действительно приобретает актуальность в предвыборных манифестах в контексте защиты от внешней угрозы.

В Латвии, напротив, именно острый этнический раскол и компактное проживание русских в Латгалии обуславливает не просто иные отличные тенденции в голосовании приграничных районов, но и популярность у них партий, защищающих интересы русскоязычных граждан страны.

«Латгалия с 90-х годов показывает отличное электоральное поведение, как и Рига. Явный раскол по линии "центр — периферия", но зависит это не от территориальных отличий, а от национальных: это два региона Латвии со значительным удельным весом русскоязычных граждан, которые голосуют иначе, чем латышское большинство. Поддержкой пользуются в первую очередь "Согласие", в меньшей степени — Русский союз Латвии, а также Союз зеленых и крестьян, который постепенно наращивает свою поддержку в Латгалии, хотя его основными оплотами остаются Курземе и Земгале, меньше — Видземе» (LAT).

«"Согласие" единственная учитывает хотя бы интересы людей, которые за нее голосуют» (LAT).

Тем не менее некоторые эксперты, разделяя общее мнение о влиянии этнического фактора, призывают учитывать все его аспекты, а не только «русскую» сторону вопроса.

«Есть исторический регион Латгалия: другой народ, язык, ментальность, на референдуме в 2012 [о статусе русского языка] они большинством проголосовали за второй государственный, но если смотреть разбивку по волостям — только многонаселенные русскоязычные города, но не латгальские латыши. Так что в целом нельзя назвать Латгалию пророссийской, другой вопрос, что им, в отличие от т.н. "балтийских" латышей, свойственно гораздо меньшее высокомерие по отношению к русским, хотя они тоже в своем роде националисты, и получается, что население русское, а власть — латышская, из чувства солидарности продвигают своих» (LAT).

Недопредставленность этнических русских во власти подтверждает и другой латвийский эксперт, делая упор уже на столицу страны:

«В русских городах, конечно, есть русские во власти, хоть и не пропорционально представленные, в отличие от Риги, где население 50/50, а руководящие посты исключительно латышские, после [Нила] Ушакова пошла зачистка, и взамен берут только латышей» (LAT).

В Эстонии значительная часть экспертов также высказалась в пользу особого голосования приграничных районов, однако подчеркнули при этом, что фактором электорального выбора становится не непосредственно близость к российской границе, а социально-экономические характеристики регионов, например, особые хозяйственные нужды преимущественно сельской местности или этнический фактор:

«В Ида-Вирумее, где проживает русскоязычное население, ситуация тоже отличается, например, они получают информацию из других СМИ, у них бывает другое гражданство. Однако надо понимать, что это не вопрос близости к России, а социологии региона: голоса идут от русскоязычного меньшинства. Это касается частично и Таллина» (EST).

Сравнивая тенденции в голосовании Латгалии и Ида-Вируумы, один из экспертов все же сформулировал едва ли не единственное обоснование влияния непосредственно приграничного положения, не связанное с компактным проживанием русскоязычного населения:

«Не стоит преувеличивать разницу в голосовании Латгалии и остальной страны, хотя определенные тенденции есть. Отличие Латвии от Эстонии еще и в том, что в Эстонии соседом с российской стороны является Санкт-Петербург, большой город, который доминирует, который игнорировать невозможно, можно только использовать себе на пользу, в отличие от Латвии, которая граничит с брошенными людьми городами Псковской области, соответственно, притяжения со стороны российских городов нет» (LAT).

Если эксперты высказывались утвердительно относительно отличий в голосовании граничащих с Россией регионов, им было предложено выделить партии, наиболее популярные у местного электората. В Эстонии 67% экспертов указали Центристскую партию, 11% — «Отечество», 22% — Эстонскую консервативную народную партию. В Латвии 78% опрошенных выделили Социал-демократическую партию «Согласие», 67% — Русский союз Латвии, 11% — Союз зеленых и крестьян (СЗК). В Литве 22% респондентов подчеркнули популярность Избирательной акции поляков, 6% — Социал-демократической партии, по 11% — Партии труда и партии «Русский альянс», не прошедшей в парламент. По 13% финских интервьюируемых отметили Социал-демократическую партию, партию «Истинные финны», Зеленый союз. Наконец, в Норвегии 60% упоминаний пришлось на Рабочую партию и по 20% — на Социалистическую левую и Партию Центра.

Выделим несколько ярких мнений, выраженных экспертами Литвы и Латвии.

«Условно можно разделить избирателей на три группы. Треть ассоциирует себя с исполнительной властью — это госслужащие, сотрудники бюджетных учреждений, журналисты крупных изданий, они довольны тем, что происходит, благодарны власти и голосуют за правящие партии независимо от их удач или неудач — "Новое единство", "За!", в меньшей степени Зеленые и Национальное объединение и Новая консервативная партия. Есть треть недовольных, они недовольны всем и всегда — люди с низким доходом, в умирающих самоуправлениях, они голосуют за протестные и популистские партии — сейчас это партии Гобземса и Шлесерса, частично эти люди голосуют за Национальное объединение, потому что они очень "национальные", патриоты. Союз зеленых и крестьян — очень сильная правящая партия, они смогли найти подход к простым людям, следуя курсу довоенного диктатора Карлиса Ульманиса: сильная националистическая рука, авторитарный стиль правления. И третья часть — это русскоязычное население, но иногда этнические группы пересекаются. В основном русские же голосуют за русские партии, но большая трагедия Латвии в том, что самая крупная и самая влиятельная, выращенная в том числе российскими средствами и политтехнологами партия "Согласие" отказывается быть русской» (LAT).

«Места компактного проживания русского и польского населения существуют, их жители голосуют за собственные политические силы, это Избирательная акция поляков Литвы, которая выступает в союзе с "Русским альянсом", и Партия труда. Хотя последняя никак не связана с этнической принадлежностью, ее лидер Виктор Усманских презентует себя как русский, который чего-то добился в Литве, он же является спонсором праздника русской культуры, который проходит ежегодно в Вильнюсе под эгидой россий-

ского посольства. Он лично неизменно пользуется симпатией русских» (LTU).

Задачей исследовательской группы на данном этапе стало выявление не только популярных в приграничных регионах партий, но также партий, предлагающих гражданам страны опроса наиболее привлекательную платформу в контексте отношений с Россией, и «пророссийских» партий — в обоих случаях географическое распределение электоральных паттернов, а также результаты выборов или формирования коалиций, во внимание не принимались. Важно, что причины, на которые указывали эксперты, совпадали при их ответе на все три вопроса о партиях.

Какая политическая партия предлагает платформу, которая больше всего соответствует интересам [страны опроса] в части отношений с Россией?

Какую политическую партию из участвовавших в прошлых парламентских выборах Вы бы описали как пророссийскую?

Всего в рассматриваемых странах было выделено 18 партий, которые хотя бы единожды были названы пророссийскими (по трети партий в каждой стране), при этом 8 из них набрали только 1 голос: Эстонская консервативная народная партия и «Эстония 200», «Латвия на первом месте», литовские Союз крестьян и зеленых и Партия свободы, финская Социал-демократическая партия и норвежская Партия прогресса и “Красные”.

Что касается оставшихся 10 партий, наибольшее единство мнений оказалось свойственно латвийским и литовским респондентам: в каждом случае по две партии набрали больше половины голосов, в Эстонии две партии набрали треть голосов, а в скандинавских странах ни одна партия не набрала больше трети голосов. Можно предположить, что партии скандинавских стран занимают более нейтральную

позицию в отношении России по сравнению с балтийскими ввиду меньшей значимости этнического вопроса и совместного исторического опыта.

В Латвии при ответе на оба вопроса респонденты выделяли «Согласие» — наиболее рациональную и популярную у этнических русских партию, однако отмечали, что голоса отдают и за Русский союз Латвии, которая выступает за поддержку связей с Россией и восточно-европейским миром в целом, однако население с меньшим рвением принимает категоричность суждений, присущую Союзу. Следует понимать, однако, что латвийские эксперты, как и эксперты других стран, даже приводя конкретные партии, имеют в виду лишь отсутствие русофобской риторики и потенциальную готовность к сотрудничеству:

«Все партии, легально действующие на территории страны, защищают интересы граждан Латвии, так что это вопрос терминологии. Пророссийскость как выступление в пользу сотрудничества с Россией — условно пророссийскими можно назвать Русский союз Латвии и "Согласие", но это не значит, что они выступают за выход из НАТО и ЕС» (LAT).

«Никто, и в этом себе надо честно признаться, не будет продвигать российские интересы, придя к власти, и материальный примат в виде "надо кому-то забашлять, чтобы, придя к власти, он сделал то и то", не работает, потому что он придет к власти и скажет "спасибо", и будет подчиняться окружению, в котором живет» (LAT).

Литовские эксперты также настаивали, что в стране отсутствуют пророссийские партии, однако некоторые подчеркнули, что Избирательная акция поляков Литвы защищает интересы другого меньшинства — польского, то есть представляет собой альтернативу партиям этнического большинства, а также сотрудничает с Союзом русских в Лит-

ве — другой популярной у русских партией, не прошедшей барьер, а Партия труда в основном делает упор на левый популизм.

«Хотя появилась позиция "с соседями надо дружить" у блока Томашевского [Избирательная акция поляков Литвы], у Партии свободы (отметьте, не потому что "мы за Россию", а потому что лидер, Эвелина Добровольская, выступает за защиту национальных меньшинств, в том числе русских, естественно), остальные партии очень осторожничают. Понимаете, если долбить народ, что Россия — враг, это вдалбливается. Пророссийской программы нет ни у кого, но есть Партия труда, там лидер русский, но интересы русской общины не защищает, хотя они пишут о развитии сотрудничества с Россией» (LTU).

«Партия труда действительно была создана русскими бизнесменами, однако они делают упор совсем не на политике, не высказываются в поддержку российской внешнеполитической линии. Они подчеркивают, что действуют только в интересах бизнеса, торговли, экономических отношений. "Пророссийских" партий, особенно влиятельных, в целом нет» (LTU).

В Эстонии эксперты также утверждали, что все партии являются прозападными, однако Центристская партия и Объединенная левая партия были упомянуты с упором на их левый популизм; эксперты говорили скорее об их антисистемном характере или эксплуатации ими нужд русскоязычного электората:

«По существу, все партии в Эстонии — прозападные, но если все-таки выбирать, то пророссийской можно назвать, во-первых, Центристскую партию, которая долго была в оппозиции, а сейчас в коалиции и получила кресло премьер-министра. Так вот, все разговоры о пророссийском характере этой партии никак не проявились в их политическом

курсе. Другая партия, которая получает русские голоса и каким-то образом может влиять на отношения с РФ, — это Национальная консервативная партия, наиболее экстремальная в своей анти-европейской риторике, что может быть выгодно России. И наконец, это "Эстония 200", которая получает немало русских голосов, это такая новая анти-истеблишмент партия, но делать выводы рано, хотя они получили хорошие результаты на муниципальных выборах. Еще их лидер выступает за социальную интеграцию, высказывается за права этнических меньшинств» (EST).

Вместе с тем эстонские респонденты неоднократно подчеркивали, что гетерогенность русского и русскоязычного электората достигла таких масштабов, что этническая принадлежность практически перестала играть роль, а в последние годы стало вовсе невозможно говорить о том, что какие-то партии набирают больше русских голосов, чем другие, хотя в общественном сознании такие ассоциации сохраняются. Более того, балтийские эксперты подчеркивали растущую русофобию, в том числе в политическом поле, и табуированность освещения двусторонних отношений.

«Наши партии боятся говорить вслух и громко об отношениях с Россией» (LTU).

«После 2014 [латвийское] государство озаботилось вопросом создания информационного поля. Слово "пророссийский" теперь ругательное, нет таких партий» (LAT).

«Популярна у них [скептически настроенных по отношению к России партий] эта идея. Ну что Национальное объединение сделало для своего несчастного электората? А эта идея, что Россия влияет на "пророссийские" партии, хорошо продается, избирателей надо держать в тонусе и периодически запугивать, какой у нас большой и злой восточный сосед» (LAT).

В Финляндии эксперты также единогласно отрицают существование пророссийских партий, однако поясняют, что Левый союз выступает за нормализацию отношений с Россией для дальнейшего сотрудничества и ее интеграции в европейское деловое поле, а также отмечают положительное отношение к русским в целом и приоритет внутриполитических проблем и вопросов европейской политики.

«Членство в ЕС, демографические и экономические проблемы — вот вопросы, которые преобладают в программе финских партий, на отношениях с Россией концентрируются мало. Традиционно левые и социал-демократы более позитивно относятся к России, центристы делают упор на прагматических отношениях, а анти-российских партий нет совсем» (FIN).

«Финляндия — маленькая страна, у нее свои интересы и традиции [не связанные с Россией]. Русофобии, в отличие от Прибалтики, тут нет» (FIN).

В Норвегии эксперты отмечали, что Рабочая партия и Социалистическая левая партия популярны в приграничных районах, поскольку уделяют внимание вопросам обеспечения безопасности на границе и экономического сотрудничества с Россией, однако не могут быть названы «пророссийскими», поскольку не одобряют российскую внешнеполитическую стратегию и в целом мало ориентируют свои программы на отношения с Россией и русскоязычный электорат. Мнение о принципиальном отсутствии пророссийских партий разделяли и финские респонденты:

«Пророссийских партий в Финляндии нет. Одни партии основывают внешнеполитическую часть своей программы на доверии к Брюсселю, другие — более ориентированы на геополитические вопросы. Однако нельзя проводить различия между партиями на основании этого, это лишь незначительная часть их платформ» (FIN).

Анализ экспертных мнений показал, что «пророссийскость» партий определяется не как их политическая ориентация на Российскую Федерацию, а преимущественно как поддержка этнических русских в Эстонии, Латвии и Литве, а в Норвегии и в меньшей степени в Финляндии — как освещение потенциальных выгод от экономического сотрудничества и мирных взаимоотношений с Россией. Таким образом, происходит четкое разграничение географических групп на основании понимания пророссийской ориентации даже при условии ее отрицания применительно к партиям, участвовавшим в выборах. Также стоит отметить, что поскольку в балтийских государствах партии, делающие хотя бы незначительный упор на поддержку этнических русских, редко входят в правительственную коалицию, то некоторые эксперты “пророссийскими” с натяжкой называли евроскептичные и оппозиционные партии любого толка, объясняя при этом, что они имеют больший потенциал получения голосов русского меньшинства, а значит, «потенциально более интересны Российской Федерации как государству». Получается, что две группы по типу соседства вновь не сложились, а группы по территориальному признаку просматриваются лучше, но действительно схожими стоит считать лишь Латвию и Литву, в которых, по-видимому, русский этнический и российский внешнеполитический вопросы соответственно, играют большую роль, чем любой из этих вопросов — для Эстонии. Тем не менее, как и в предыдущем вопросе, стоит выделить норвежский кейс: в отличие от дружественной, но пассивной по отношению к России Финляндии, в Норвегии, особенно в программах левых партий, российская повестка выражена более явно, в основном в контексте противостояния Россия — НАТО и экономического сотрудничества, популярные в приграничных районах партии понимают нужды региона и электората, проживающего

на границе и предлагают соответствующие решения, чем обеспечивают себе достойную поддержку.

При выборе партий, платформы которых больше всего соответствуют интересам страны опроса в рамках отношений с Россией, мнения экспертов разделились сильнее: из 27 названных партий 15 получили лишь один голос: Эстонская объединенная левая партия и «Отечество», латвийские Новая консервативная партия, Нацблок, Союз зеленых и крестьян, «Единство», «Закон и порядок» и «Республика», литовские христианские демократы, «Свобода и справедливость» и Либеральное движение, финская Социал-демократическая партия и «Финляндский центр», норвежская Консервативная партия и «Красные».

Больше трети голосов набрали 5 партий, из них 3 — больше половины. Норвегия стала единственным примером единогласного решения экспертов: 100% согласились с соответствием платформы Рабочей партии интересам королевства в контексте двусторонних отношений, подчеркивая ее большую независимость от риторики США и стремление к нормализации отношений, особенно на севере страны (эти же причины указывались при выборе и других партий).

Всего эксперты выбрали 32 партии при ответе на вопрос 7 или/и 8, из них 14 были выбраны при ответе на оба вопроса сразу (одним или разными экспертами), а голос за одну и ту же партию как минимум одного эксперта при ответе на оба вопроса совпал в 11 случаях: в Эстонии — Центристская, Консервативная народная и Объединенная левая партии; в Латвии — «Согласие» и Русский союз Латвии; в Литве — Избирательная акция поляков Литвы, партии Труда и Свободы; в Финляндии — ни одного совпадения; в Норвегии — Рабочая партия, Социалистическая левая партия, «Красные».

В то время как в целом эксперты всех стран подвергали сомнению значимость российской повестки для общества, литовские и эстонские эксперты говорят фактически о ее отсутствии.

«Сложно ответить на этот вопрос, ведь никто, кроме Партии труда и Избирательной акции поляков Литвы, не упоминает Россию в своих программах, а они выступают даже не за улучшение, а за начало поступательного процесса по углублению сотрудничества в культурной, экономической сферах. О политике никто не говорит» (LTU).

«Отношения с Россией важны, но если избиратели видят, что нет вероятности изменений, это перестает их интересовать» (EST).

В своих ответах эксперты учитывали и специфику политических систем двух стран: к компетенции какого органа относятся внешнеполитические вопросы и на каком уровне принимаются внешнеполитические решения.

«На муниципальных локальные вопросы играют большую роль, чем на национальных, и последние выборы были как раз муниципальными» (EST).

«В целом влияния на ход электоральной кампании российской повестки я не заметил, в отличие от прошлых выборов [президентских], где Россия более широко обсуждалась в контексте безопасности. Это особенность парламентских выборов в Литве, когда упор делается на внутреннюю политику, в отличие от президентских» (LTU).

В Латвии эксперты подчеркивают отсутствие единства мнений и затрудняются определить латвийские интересы в отношениях с Россией:

«Кто-то считает, что Латвии следует дружить с Россией, активизировать экономические контакты, а другая часть политиков, в настоящий момент правящая, придерживается мнения, что Латвия — это все же Евро-

пейский союз и НАТО, и большая интеграция должна быть с этими структурами. Вопрос, собственно, в том, какие у Латвии интересы и кто их формулирует. За сотрудничество выступают в большей мере Русский союз Латвии, который выступает за сотрудничество, но не в ущерб ЕС и НАТО, и "Согласие" тоже заявляет, что должно быть сотрудничество со всеми» (LAT).

Общая тенденция такова, что все страны, кроме Латвии, отрицают существование пророссийских партий, а выгодными для страны опроса в контексте отношений с Россией называют те платформы, которые либо поддерживают этнических русских, либо выступают за нормализацию отношений. В Латвии значительная часть респондентов придерживается таких же позиций, однако лишь от экспертов этой страны можно было услышать, что есть именно «пророссийские» партии. Выбор экспертами одной и той же партии при ответе на оба этих вопроса совпадал, когда речь шла о партиях, выступающих за нормализацию культурных и экономических отношений, а также снижение градуса международной напряженности. Никто из респондентов не утверждал, что снижение актуальности русского вопроса соответствует интересам страны опроса, поскольку считали его естественно теряющим значимость.

* * *

Проанализировав экспертные интервью специалистов из *Финляндии, Норвегии, Эстонии, Латвии и Литвы,* можем сформулировать некоторые выводы относительно электорального поведения в пятерке стран и его зависимости от близости к границе с Россией, а также о восприятии характера двусторонних отношений и его влиянии на электоральное поведение. По результатам интервью было подтверждено, что тенденции электорального выбора

действительно отличаются в приграничных регионах всех стран, однако в Эстонии и Финляндии, где протяженность совместной границы достаточно велика, гораздо меньше, чем предполагалось, а в Норвегии, напротив, отличия были значительными: при малой протяженности границы с Россией и малочисленности русской диаспоры близость к границе с Россией приобретает актуальность в предвыборных манифестах в контексте внешней угрозы и приграничного экономического сотрудничества. В остальных странах связанные непосредственно с приграничным положением электоральные тенденции отсутствуют, однако отличия в голосовании сохраняются в Латвии и Эстонии и обусловлены этническими и экономическими особенностями приграничных регионов соответственно. Получается, что ни один из факторов электорального выбора не объединяет эксклюзивно страны одной группы по типу соседства или по территориальному признаку.

В ходе интервью двусторонние отношения также получили разную оценку экспертов: в целом балтийские были более пессимистичны относительно их текущего состояния и перспектив улучшения, а также существования военной угрозы, чем скандинавские. Во всех странах прослеживается тенденция к их ухудшению на фоне влияния внешнего фактора — членства в ЕС или НАТО, в балтийских также за счет создания дискредитирующего информационного поля и нарастающей русофобии. Следует понимать, что объединение в группы по территориальному признаку, хотя и более допустимо, чем по типу соседства, все же довольно условно и не может считаться исключительным: существуют разные комбинации стран, демонстрирующих сходства в каждом из трех вопросов, но при рассмотрении всей совокупности вопросов темы двусторонних отношений территориальные группы прослеживаются более четко. Высказывания же

о возможных мотивах для партнерства не позволили сформировать группы по типу соседства или географическому положению, однако показали новое сочетание стран: Финляндия, Латвия и Литва, объединенные пониманием важности транзитного партнерства и осознанием культурной близости с Россией. Норвежские эксперты выделили уникальное сочетание мотиваций: богатство российских природных ресурсов и общие исторические вызовы.

Таким образом, ориентируясь на полученные экспертные мнения, нельзя назвать гомогенными группы, выделенные на основании типа соседства. Вместе с тем, по отдельным вопросам определяются группы стран, объединенных по территориальному признаку: балтийские государства — по вопросу о текущем состоянии двусторонних отношений, внутри обеих групп наблюдается консенсус относительно трактовки понятия «пророссийская» в отношении партий, а в скандинавских странах совпадают линии электоральных размежеваний, за исключением отличного голосования приграничных территорий Норвегии. Балтийские же государства в целом неоднородны и формируют скорее различные комбинации из двух стран: относительно состояния и перспектив «русского вопроса» наиболее солидарны Латвия и Эстония, по уровню враждебности похожи Эстония и Литва, потенциальные выгоды от улучшения отношений видят скорее Латвия и Литва.

В ходе исследования удалось установить уникальный для рассматриваемой совокупности случай: по набору характеристик Норвегия и «российский фактор» в норвежском голосовании заметно выделяются на фоне других западноевропейских соседей России и могут представлять интерес для дальнейшего изучения. В контексте всего исследования примечательна и Латвия, где, даже при растущей гетерогенности русскоязычного сообщества, свойственной всем балтийским

странам, не только находятся отличия в голосовании приграничных районов, но и важную роль играет этнический русский фактор. Гипотезу главы удалось уверенно опровергнуть, показав значительные отличия в электоральном поведении и восприятии двусторонних отношений и определив, что если рассматриваемые страны-соседи и могут быть объединены в группы с совпадающими электоральными тенденциями, то это будут, в отдельных случаях, территориальные группы, факторы электорального выбора в которых не будут связаны с близостью к российской границе, российской политикой или местным русскоязычным меньшинством.

3.3. Этнополитический анализ

В числе факторов, влияющих на электоральное поведение, этничность безусловно заслуживает рассмотрения как одна из основных личностных и групповых характеристик. Этничность можно кратко определить как набор признаков, указывающих на положение индивида (и группы) на этническом поле[439]. Эти характеристики служат цели отличения одной группы от другой и, как правило, воспринимаются как наследственные (хотя и далеко не всегда таковыми являются)[440]. Конвенционально к этническим характеристикам относятся язык, представление об общей истории и происхождении, условные «этнические традиции»; тем не менее туда могут включаться и социальное положение, и религиозная принадлежность[441]. Вкратце, те характеристики, которые мыслятся индивидами/группами как этнические, и можно таковыми назвать.

В последние десятилетия в социальных науках произошел переход от понимания этноса как относительно постоянной и фиксированной группы (понимания, свойственного обществу Модерна) к осознанию гибкости и непостоянства этнической идентификации. Подобное понимание открывает большие возможности, в том числе к использованию технологий политизации этничности в электоральном

---

[439] Осколков П.В. Очерки по этнополитологии. М. : Аспект Пресс, 2021. С. 10.

[440] Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York : Columbia University Press, 1981; Constructivist Theories of Ethnic Politics / K. Chandra. Oxford : Oxford University Press, 2012; Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective / A. Weber, W. Hiers, A. Flesken. New York : Palgrave Macmillan, 2018.

[441] Jenkins R. Rethinking Ethnicity. London : Sage, 2008.

процессе. К проблематике этнического голосования обращалось множество авторов — как отечественных (М. Фарухшин, В. Сидоров), так и зарубежных (Й. Бирнир, Р. Вольфингер, Х. Маркос-Марне). «Этнический» характер голосования подразумевает, что избиратели отдают свои голоса за кандидатов/партии, которые, как считается, в наибольшей степени «благоприятствуют» соответствующей этнической группе, либо против таких кандидатов/партий[442]. Партийная система страны также может подстраиваться под этнически ориентированных избирателей в рамках заданного окна возможностей: этнические (по сути и/или наименованию) партии создаются в тех политических системах, где их создание разрешено. Разумеется, степень проявления этого феномена также зависит от характера политического режима государства, однако даже в недемократических системах элементы этнического голосования возможно проследить (к примеру, в Малайзии или Эфиопии).

В большинстве регионов, граничащих с Российской Федерацией, ожидаемо проявляются паттерны этнически ориентированного голосования проживающих в соответствующих государствах русских (или же русскоязычных — язык в постсоветских условиях зачастую становится основным маркером этничности). Именно русские являются крупнейшим этническим меньшинством в таких странах, как Казахстан, Эстония, Латвия, Украина, Беларусь. Тем более интересно, что русские (русскоязычные) оказываются вписаны в так называемую «триадическую конфигурацию» (Р. Брубейкер), состоящую из государства-патрона (России), этнического меньшинства и национализирующихся государств (переходящих к модели национального государства после

[442] Осколков П. Этнические партии и этническое голосование: проблемы концептуализации и факторы развития // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 112–118.

периода отсутствия полного самоуправления)[443]. В каждом из государств, окружающих Россию, этнический фактор в электоральном поведении будет проявляться, разумеется, по-разному; далее мы рассмотрим более подробно случаи Казахстана, Эстонии и Латвии как наиболее показательные с точки зрения указанной «триадической конфигурации».

Постоянное русское население появляется в Казахстане достаточно давно — примерно с XVIII века, когда речь шла прежде всего о казаках. Тогда же была заложена явная неравномерность распределения этнических русских по казахстанской территории: если они представляют собой достаточно крупную группу на севере и на западе страны, то в южных регионах русское присутствие минимально. Всего в 2021 г. в Казахстане проживало около 3,5 миллиона русских, что составляет примерно 18% населения государства. Впрочем, эти цифры достаточно невелики по сравнению с ситуацией, сложившейся к распаду СССР: согласно всесоюзной переписи населения 1989 г., в Казахской ССР русских было 37,8% (при том что казахов — всего 39,7%)[444].

В рамках СССР Казахстан рассматривался как своеобразная «лаборатория дружбы народов», и этнический состав казахских земель менялся весьма стремительно по сравнению с 1920-ми гг.: сначала под влиянием сталинских депортаций и коллективизации, потом — на волне «освоения целины» и массового переселения с этой целью специалистов со всех концов Союза. Изменившийся в пользу «титульной» этнической группы национальный состав

[443] Брубейкер Р. Национальные меньшинства, национализирующие государства и внешние национальные родственные государства в новой Европе // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 1. М. : РОССПЭН, 2010. С. 149–173.

[444] Эшмент Б. Русские в Казахстане в поисках своей идентификации // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 2. М. : РОССПЭН, 2010. С. 76.

в настоящее время связан с оттоком в 1990-е гг. из страны русского и немецкого населения на соответствующие «исторические родины», а также с бóльшим демографическим потенциалом казахского населения. Немаловажен также и фактор привлечения правительством Республики Казахстан в страну этнических казахов из стран, где присутствует казахская диаспора, прежде всего из КНР, Узбекистана, России, Афганистана, Монголии. Расселение «оралманов» («возвращенцев»; с 2021 г. официальный термин — «кандас», т.е. соотечественник) сопровождалось, как и в других странах, где приняты аналогичные программы, требованиями к месту проживания: в основном казахи диаспоры должны селиться в северных, западных и центральных областях, в целях «выравнивания» этнического баланса[445]. Тем не менее в Костанайской и Северо-Казахстанской областях казахов проживает по-прежнему меньше, чем русских. Более четверти населения русские составляют также в Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Карагандинской и Акмолинской областях и в Алма-Ате[446].

В начальный период независимости были распространены опасения дестабилизации этнополитической обстановки из-за имевшихся региональных диспропорций. С одной стороны, для таких опасений были основания — повод давали и знаменитые высказывания А.И. Солженицына,

[445] Zardykhan Z. Russians in Kazazhtan and Demographic Change: Imperial Legacy and the Kazakh Way of Nation Building // Asian Ethnicity. 2004. Vol. 5. № 1. P. 75; Шустов А.В. Этнотерриториальные проблемы и потенциал этнического сепаратизма в Центральной Азии // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. 2009. № 3. С. 12–13. Серия 14, Гуманитарные науки.

[446] Этническая карта Казахстана: казахов больше, европейцев меньше, третий мононациональный регион // Власть. 30.04.2019. URL: https://vlast.kz/obsshestvo/32977-etniceskaa-karta-kazahstana-kazahov-bolse-evropejcev-mense-tretij-mononacionalnyj-region.html

и практические действия казачьих формирований (к примеру, инциденты 1994 г. в Талды-Курганской области и 1999 г. в Усть-Каменогорске) и некоторых радикальных национал-большевиков. С другой стороны, условная «русская угроза» (хотя конкретно как «русская» она звучала в официозе крайне редко) оправдывала многие недемократические новации казахстанского руководства с целью консолидации персоналистской власти[447], а также административно-территориальную реформу (объединившую «русские» районы с «казахскими») и политику «казахизации» административного управления[448]. Тем не менее в настоящее время этническое многообразие уже не рассматривается как дестабилизирующий фактор. Если в 1998 г. 23% респондентов высказывались в пользу объединения страны с Российской Федерацией[449], сейчас такой процент уже крайне маловероятен. Примечательно, что в ходе масштабных протестов, состоявшихся в Казахстане в начале 2022 г., этнические требования не звучали — несмотря на опасения отдельных экспертов[450].

Если казахский язык в Республике Казахстан является единственным государственным, то русский имеет статус «официально употребляемого» (согласно Конституции 1995 г., а также закону «О языках в Республике Казахстан»).

---

[447] Эшмент Б. Русские в Казахстане в поисках своей идентификации // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 2. М. : РОССПЭН, 2010. С. 78.

[448] Карпенко М.С. Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: вызовы для сотрудничества // Известия Российской академии наук. 2019. № 1. С. 28. Серия «Географическая».

[449] Аренов М.М., Калмыков С.К. Этносоциальная действительность Казахстана // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 57.

[450] См.: Казанцев А. Реформы после расстрелов: почему президенту Токаеву рано чувствовать себя победителем // Forbes. 10.11.2022. URL: https://www.forbes.ru/society/452053-reformy-posle-rasstrelov-pocemu-prezidentu-tokaevu-rano-cuvstvovat-seba-pobeditelem.

Тем не менее руководство Республики Казахстан попрежнему рассматривает официальное русскоязычие как проблему: действительно, существенная (а по некоторым данным, большая) часть высшего образования в республике — исключительно на русском языке (в том числе для казахских студентов); кроме того, русский язык является родным либо основным не только для этнических русских, но и для многих казахов, особенно в крупных городах (так называемых шала-казахов, т.е. букв. «полуказахов», также называются «асфальтовыми казахами»). В такой ситуации большинство русских что в период КазССР, что в первые десятилетия независимости Республики Казахстан не считали для себя необходимым изучать казахский язык; к моменту распада СССР лишь примерно 1% казахстанских русских владели казахским[451]. Преимущественно русский использовался и как язык межнационального общения представителями иных этнических групп.

Безусловно, в относительно недемократической системе, состоящей из доминирующей партии (с 1999 г. — «Нур Отан») и более мелких номинально «оппозиционных» игроков[452], говорить об организованном партийном представительстве этнических групп достаточно сложно, особенно учитывая, что создание «этнических партий» в Республике Казахстан запрещено. Основной канал представительства этнических интересов — это включение представителей меньшинств в партийные списки, а также участие в работе Ассамблеи народа Казахстана — правительственного непар-

[451] Эшмент Б. Русские в Казахстане в поисках своей идентификации // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 2. М. : РОССПЭН, 2010. С. 83.

[452] Абзалбеков Б.С. Особенности становления казахстанской партийной системы в постсоветский период // Вестник Омского университета. 2018. № 2. С. 210. Серия «Исторические науки».

тийного актора, за которым резервируется 9 мест (из 107) в Мажилисе (нижней палате парламента). Наиболее заметными неправительственными «русскими» организациями остаются Республиканское славянское движение «Лад» (образовано в 1992 г., в последние годы заметных информационных поводов не создает) и Русская община Казахстана, а также несколько казачьих ассоциаций.

На 11 июня 2021 г. в состав Ассамблеи народа Казахстана входят представители следующих русских этнокультурных объединений: упомянутая Русская община Казахстана, Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций Казахстана, Казахстанский Русский культурный центр, русское этнокультурное объединение «Былина», этнокультурное объединение «Русское землячество», а также несколько областных культурных центров[453]. Тем не менее их деятельность преимущественно сводится к этнокультурной проблематике. Более широкая «русская» (точнее, полиэтническая) программа была характерна для Партии демократического прогресса Казахстана, созданной в 1991 г. под руководством А. Докучаевой как противовес национал-демократическим казахским партиям[454]. Однако уже в 1992–1993 гг. она перестала быть релевантным игроком на политической сцене Казахстана — на базе партии были созданы упомянутые непартийные объединения «Лад» и «Русская община», а сама А.В. Докучаева в 1995 г. эмигрировала в Россию (в настоящее время — заместитель директора Института стран СНГ). Из парламентских партий наиболее «русской» считается Народная партия Казахстана (до 2020 г. — Коммунистическая

[453] Состав Ассамблеи народа Казахстана // Ассамблея народа Казахстана. 11.06.2021. URL: https://assembly.kz/ru/struktury-ank/sostav-assamblei-naroda-kazakhstana/

[454] Шеретов С.Г. Новейшая история Казахстана (1985–2002). Алматы : Юрист, 2003. С. 31.

народная партия Казахстана) — к примеру, в партийном списке на выборах 2007 г. русские составляли 35%[455].

В ходе полевой работы в Казахстане было собрано 36 экспертных интервью в городах Костанай, Атырау, Актобе, Уральск и Петропавловск (в последних четырех городах — дистанционно, в силу эпидемиологической ситуации). Среди опрошенных — 14 ученых/преподавателей университетов, 14 общественно-политических деятелей, 4 сотрудника СМИ, 4 госслужащих. Безусловно, выборка не является достаточно репрезентативной, чтобы делать выводы о настроениях крупной общественной группы; тем не менее все опрошенные являются экспертами в обозначенной сфере, поэтому можем предположить, что, если позиции специалистов сходятся, их можно считать релевантными. В результате предварительной обработки интервью стало возможным прийти к выводу о том, что большинство респондентов:

- оценивают электоральное поведение жителей своих регионов как пассивное, говорят об отсутствии протестного электората, но при этом часть из них считает, что этническая принадлежность влияет на голосование;
- не считают, что в Казахстане есть партия, которая лучше других представляла бы интересы русскоязычного населения, но и несогласны с тем, что политической системе страны необходимо наличие этнических или региональных партий;
- полагают, что Казахстан должен придерживаться многовекторной внешней политики, не выделяя особо отношения с тюркскими или мусульманскими

[455] Крамаренко М. Выборы в Казахстане. Политический брендинг и межнациональное согласие // ИА-Центр. 06.08.2007. URL: https://ca-news.info/2007/08/06/65

странами, но придавая особое отношение сотрудничеству с Россией и постсоветскими государствами. Мнения респондентов относительно того, зависят ли российско-казахстанские отношения от положения местных русскоязычных, разделились.

Если разбирать результаты интервьюирования более подробно, то вырисовывается следующая картина.

- На вопрос, влияет ли этническая принадлежность населения на голосование, ответили положительно («скорее согласен» или «полностью согласен») 15 респондентов из 36. Правда, влияние рассматривалось не только в плане предпочтения той или иной политической партии, но и явки. Один из респондентов сказал: *«Верифицированных данных нет, но думаю, что присутствие русских на севере Казахстана снижает явку из-за их индифферентности»*. Остальные участники серии интервью ответили на наш вопрос отрицательно: *«У нас проживают, как сказал наш президент, казахстанцы, и поэтому люди выбирают ту или иную партию, которая действительно работает на благо народа, вне зависимости от этнической принадлежности»*. Интересно, что оценки особенностей голосования русскоязычных давались чрезвычайно различные: от *«много русскоязычных — протестный электорат, голосуют за кого угодно, но не за "Нур Отан"»* до *«недовольство выражают казахи, а не русские»* и *«наиболее аморфные — русские, это проблема больших наций»*, а также «*в регионе нет протестного электората, русские даже больше поддерживают Назарбаева, чем казахи, ему удалось более или менее сохранить межнациональный мир — как он и обещал, на севере Казахстана не случилось ни Приднестровья, ни Карабаха»*.

В последнем случае мы возвращаемся к ранее высказанному предположению об использовании потенциала этнической напряженности правящей элитой Казахстана в политической борьбе.

- На вопрос, существует ли партия или общественное движение, которое лучше других представляет интересы русскоязычного населения, положительно ответили лишь пятеро интервьюируемых. В двух случаях респонденты прокомментировали опрос, назвав эту партию — правящую «Нур Отан»: *«это демократическая партия "Нур Отан", у которой в основной программе заложен фундамент поддержки всех этносов, проживающих в Казахстане, в том числе и русскоязычного населения»*.
- На вопрос, необходимо ли политической системе Казахстана существование этнических/региональных партий, утвердительно ответили лишь шестеро. Респонденты говорили, с одной стороны, что *«когда-то были попытки создания такой партии* [вероятно, имеется в виду ПДПК. — *Примеч. автора*]*, но явного ущемления прав русских нет, поэтому и партии нет»*. С другой стороны, раздавалось и категорическое утверждение о том, что *«неэффективно подбирать людей по таким критериям, поэтому партия не выживет»* (как мы знаем, этот тезис легко опровергается мировой эмпирикой).
- Преимущественное положение тюркского компонента внешней политики (вопрос «Должен ли Казахстан сотрудничать преимущественно с тюркскими государствами?») положительно оценили лишь четверо респондентов («наша страна отличается многовекторностью внешней политики, где идет сотрудничество во всех направлениях, в том числе

и с тюркскими государствами»). Популярность «мусульманского» вектора оказалась еще ниже — три положительных ответа, респонденты апеллировали к упомянутой многовекторности. Здесь, однако, также сказывается политическая конъюнктура: если сейчас Казахстан подчеркнуто секулярное государство, то в начале 1990-х гг. ислам рассматривался в качестве одного из вариантов основы новой казахской идентичности[456]. Тем не менее, несмотря на многовекторность, 23 проинтервьюированных утвердительно ответили на вопрос, должен ли Казахстан сотрудничать в первую очередь с Россией и постсоветскими странами. Тут важно еще раз подчеркнуть, что интервью проводились на севере и на северо-западе Казахстана, близком к Российской Федерации территориально и культурно; можно предположить с высокой степенью вероятности, что на юге страны ответы были бы диаметрально противоположны.

- Наконец, 14 респондентов считают, что российско-казахстанские отношения зависят от положения русскоязычного населения Республики Казахстан (или, по крайней мере, тесно связаны с ним). Один из респондентов, правда, упомянул, что *«чаще, наоборот, положение русскоязычных зависит от [межгосударственных] отношений»*. Вероятно, в таком распределении ответов также сыграло роль место проведения серии интервью.

Подводя итог данной части исследования, на основе проведенных экспертных интервью можно сказать, что в целом на севере и северо-западе Казахстана распространены

[456] Ventsel A. Miks Kasahstanist ei tule Venemaa kolooniat? // Diplomaatia. 2018. № 5. Lk. 5–7.

представления о важности межгосударственных отношений с Россией и о том, что эти отношения зависят от положения местных русскоязычных. Определенная политическая пассивность и индифферентность, естественная для авторитарной политической системы, подкрепляется тем, что партийно-политическая борьба не рассматривается как потенциальное поле для улучшения положения собственной этнической группы, ибо партии, лучше других представляющей «русские» интересы, не существует, да существовать и не должно. Поэтому есть большой соблазн предположить, что отмеченное существенной частью респондентов влияние этничности на электоральное поведение проявляется в РК скорее в умонастроениях и в «разговорах на кухне», чем в практическом голосовании за того или иного игрока.

Латвия и Эстония — яркие примеры этнически гетерогенных обществ в современной Европе. В обоих случаях крупнейшее этническое меньшинство — русские, но в социологических исследованиях часто используется более инклюзивная категория «русскоязычные», так как языковой фактор для многих постсоветских меньшинств становится более релевантным, чем строго понимаемая этническая принадлежность.

В 2020 г. русские составляли около четверти населения Эстонии, но только 16% граждан[457], поскольку определенная часть русскоязычных остается негражданами и может голосовать только на муниципальных выборах. Схожая ситуация в Латвии — русскоязычные составляют более трети насе-

[457] Rahvastik kodakondsuse, soo ja elukoha järgi, 31. detsember 2011 // Statistikaamet. URL: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__kodakondsus/RL0421 (дата обращения: 12.03.2022).

ления страны[458] и лишь около 27% граждан[459], причем латвийские неграждане в отличие от эстонских не имеют права голоса даже на муниципальном уровне. Такая ситуация искусственно ограничивает долю русскоязычного электората, но часть политических партий пытается привлечь «русские» или «русскоязычные» голоса на выборах. При этом в Эстонии этнический фактор перестал быть определяющим на выборах, а в Латвии он остается таковым.

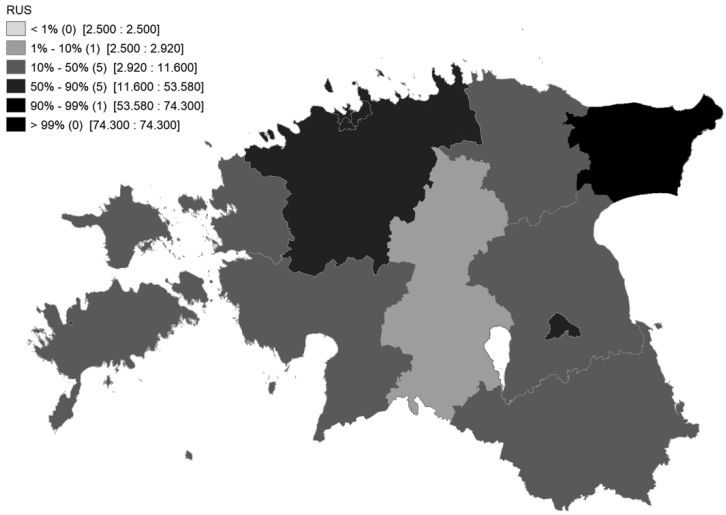


Рис. 3.3.1. Карта перцентилей по доле русских в регионах Эстонии

[458] Iedzīvotāju skaits un īpatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā // Centrālā statistikas pārvalde. URL: https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/tabulas/ire060-iedzivotaju-skaits-un-ipatsvars-pec (дата обращения: 30.09.2021).

[459] 60,8% Latvijas iedzīvotāju dzimtā valoda ir latviešu // Centrālā statistikas pārvalde. URL: https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/meklet-tema/2747-608-latvijas-iedzivotaju-dzimta-valoda-ir-latviesu (дата обращения: 30.09.2021).

Этнические партии *sensu stricto* сейчас в Эстонии отсутствуют, хотя с 1990 г. несколько партий пытались разыгрывать «русскую карту». Две из них строились именно на этнической основе — Объединенная народная партия Эстонии (*Eestimaa Ühendatud Rahvapartei*) и Русская партия Эстонии (*Vene Erakond Eestis*)[460]. В 1995 г. они объединились в коалицию под названием «Наш дом Эстония» (*Meie Kodu on Eestimaa, MKOE*), которой удалось получить лишь 5,9% голосов на национальном уровне[461]. После выборов коалиция распалась, и в 2003 г. обе партии не преодолели процентный барьер, необходимый для парламентского представительства. В 2006 г. Объединенная народная партия Эстонии сменила имя и стала Конституционной партией, а в 2008 г. вошла в состав Объединенной левой партии Эстонии (ее поддержка весьма незначительна). Русская партия Эстонии вошла в ряды Социал-демократической партии в 2012 г.

С конца 1990-х гг. Центристская партия (см. главу, посвященную партийной системе Эстонии) начинает делать ставку на русскоязычный электорат[462], включая в свою агитацию вопросы русскоязычного образования, упрощения натурализационных процедур и т.д. Это стало одной из причин упадка упомянутых выше русских этнических партий: целью центристов было перехватить их электорат, так как рационально действующий избиратель между миноритарной этнической партией и неэтнической партией, поддерживающей его этническую группу и имеющей перспективы

[460] Hansen H. Ethnic Voting and Representation: Minority Russians in Post-Soviet States. PhD Thesis. Iowa City : University of Iowa, 2009. P. 58.

[461] Taagepera R. Estonian Parliamentary Elections, March 1995 // Electoral Studies. 1995. Vol. 14. № 3. P. 328–331.

[462] Budryte D. Taming Nationalism? Political Community Building in the Post-Soviet Baltic States. Aldershot : Ashgate, 2005.

парламентского представительства, явно выберет второе. Стратегия оказалась успешной: в 2007 г. 51,6% неэстонцев голосовали за Центристскую партию (к примеру, за «Союз Отечества» голосовали только 1,9% неэстонцев)[463]. Таким образом, кейс русскоязычных Эстонии стал «примером этнополитической конфигурации, в которой политика в отношении меньшинств структурируется крупными общенациональными партиями»[464].

Популярность именно Центристской партии среди русскоязычных подтверждается и данными относительно национализации партийной системы Эстонской Республики. Идеологическая интеграция общества может считаться состоявшейся, если электоральное поведение различных этнических групп существенно не отличается[465]. Индекс национализации политических партий[466] демонстрирует, в какой мере голосование за определенную партию зависит от региональной специфики; в странах, где регионы характеризуются компактным проживанием там представителей этнических меньшинств, индекс также может использоваться для определения роли этничности в голосовании за те или иные партии (разумеется, с рядом оговорок). На национальных выборах, состоявшихся с 2007 по 2019 г., индекс национализации Центристской партии был самым низким среди парламентских партий (за исключением Эстонской консервативной народной партии, образованной в 2015 г.

---

[463] Tolvaišis L. Ethnic Minority Policies and Political Parties' Appeal to Ethnic Voters: A Case Study of Estonia's Russians // Baltic Journal of Law and Politics. 2011. Vol. 4. № 1. P. 116.

[464] Ibid. P. 111.

[465] Ланко Д.А., Ланцова И.С. Национализация партийной системы Эстонии в 2005–2019 годах // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 1. С. 17.

[466] Golosov G.V. Party System Nationalization: The Problems of Measurement with an Application to Federal States // Party Politics. 2016. Vol. 22. № 3. P. 278–288.

и на своих первых выборах получившей поддержку лишь нескольких избирательных округов)[467]. Следовательно, можно предположить, что регион проживания (и, учитывая концентрацию русскоязычных на северо-востоке и в столице, частично также этническая принадлежность) оказался существенным фактором в голосовании за центристов.

Исследовательская группа опросила восемь экспертов по внутренней политике Эстонии, в том числе представителей академического сообщества и СМИ. Здесь также действует оговорка о безусловной нерепрезентативности серии экспертных интервью для экстраполяции на все сообщество в целом; однако мнение экспертов представляется достаточно релевантным. Так, два эксперта (из восьми) согласились с утверждением о том, что этническая принадлежность влияет на электоральное поведение, а пятеро посчитали, что жители районов, близких к российской границе, голосуют иначе, чем остальное население (предпочитают Центристскую партию либо, реже, EKRE).

Что касается Латвии, этнический фактор сохраняет определяющую роль как в общественно-политическом дискурсе, так и в электоральном поведении. Партии условно делятся на «русские» и «латышские», причем «латышские» партии не готовы сотрудничать с «русскими» на национальном уровне вне зависимости от доли голосов, которую те получили. Наиболее показателен здесь пример «Согласия», которое неоднократно побеждало на выборах, но так и не было допущено к формированию правящей коалиции. При этом усилия «Согласия» по привлечению латышского электората не возымели большого успеха. В то же время, как показывает анализ электоральной статистики, некоторые

[467] Ланко Д.А., Ланцова И.С. Национализация партийной системы Эстонии в 2005–2019 годах // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 1. С. 24.

малые латышские партии популистского толка смогли привлечь часть русскоязычного электората, к примеру, в Латгалии за счет лозунгов национального примирения. Подробнее об этом читайте в главе о Латвии.

Рис. 3.3.2. Картограмма перцентилей по доле русских в регионах Латвии

Сохраняющуюся значимость этнического фактора в электоральном поведении подтвердили все эксперты по Латвии, опрошенные в рамках исследования. Большинство из них подчеркивали, что именно этничность является определяющей в электоральных предпочтениях.

Рассмотрим этнический фактор в голосовании за Центристскую партию Эстонии и латвийские партии «Согласие» и Русский союз Латвии и проанализируем, как в этой связи проявляется пространственный эффект. Хотя из всех трех рассматриваемых партий только Русский союз Латвии однозначно позиционирует себя как русская партия, за «Согласие» и центристов также преимущественно голосует русский электорат. Чтобы обеспечить некоторую соизмеримость результатов, в обеих странах возьмем по три электоральных

цикла: в Эстонии это парламентские выборы 2011, 2015 и 2019 годов, а в Латвии — выборы 2011, 2014 и 2018 годов.

Во всех трех рассматриваемых электоральных циклах показатели этих партий в разбивке по регионам показывали высокий уровень корреляции с долей русскоязычного населения.

Самой высокой эта корреляция оказалась как раз у центристов, хотя она и снижалась год от года: 0,951 в 2011 году, 0,934 в 2015 году, 0,899 в 2019 году. Это значит, что в большинстве случаев, чем выше доля русских в регионе, тем больше избирателей в нем голосуют за Центристскую партию Эстонии.

Из двух латвийских партий, опирающихся на русскоязычный электорат, большая корреляция с долей русских в самоуправлении наблюдается у «Согласия», и в 2014 году (коэффициент детерминации 0,871) она практически удвоилась по сравнению с 2011 годом (0,441), а в 2018 году (0,869) осталась примерно на том же уровне, что и в 2014 году.

Корреляция доли русскоязычных с результатами Русского союза Латвии также оставалась достаточно высокой, пусть и снижалась от года к году: 0,777 в 2011 году, 0,660 в 2014 году и 0,608 в 2018 году.

Таким образом, в обеих странах наблюдается корреляция между долей русских и результатами рассматриваемых партий. Что касается пространственной корреляции, эффект соседства в двух странах выражен по-разному.

В случае Эстонии пространственной корреляции в результатах Центристской партии не наблюдается и кластеров соседства регионов с высоким или низким уровнем поддержки этой политической силы не формируется. Расчет двухфакторных Морана I и пространственной автокорреляции для доли поддержавших центристов в округе и доли русских в соседних округах также не фиксирует пространственной зависимости.

Поэтому подробнее остановимся на случае Латвии, где наблюдается пространственная корреляция и для «Согласия», и для Русского союза Латвии.

Во всех трех электоральных циклах индекс Морана I по результатам партии «Согласие» показывал умеренную положительную корреляцию (0,600 в 2011 году, 0,586 в 2014 г. и 0,584 в 2018 г.). Это означает, что с достаточно большой долей вероятности при высоком уровне электоральной поддержки в конкретном регионе в соседних регионах результат «Согласия» также оказывался достаточно высоким.

Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции во всех трех электоральных циклах выявляет два устойчивых пространственных кластера с высокой значимостью: один кластер с высокой поддержкой «Согласия» в Латгалии, другой кластер с низкой поддержкой «Согласия» в Курземе. В 2014 и 2018 году к ним добавляются еще три кластера, характеризующиеся несколько меньшей значимостью: один кластер с высокой популярностью «Согласия» в районе Риги и Юрмалы и два кластера с низкой поддержкой партии в Видземе: один — в районе Гулбене и Цесиса, другой — на севере региона в районе Мазсалацы и Руйиены.

Вот как эти кластеры выглядят на картограмме локальных индикаторов пространственной автокорреляции по результатам «Согласия» на парламентских выборах 2014 года.

Во всех трех электоральных циклах двухфакторный индекс Морана фиксирует умеренную положительную связь между долей русских в регионе и долей проголосовавших за «Согласие» (0,381 в 2011 году, 0,530 в 2014 году, 0,521 в 2018 году). Это значит, что вокруг региона с высокой долей русскоязычного населения с умеренно высокой вероятностью будут регионы, где много избирателей проголосовали за «Согласие», а регион с низкой долей русскоязыч-

ного населения будет, вероятно, соседствовать с регионами, где электоральные результаты «Согласия» также оказались низкими.

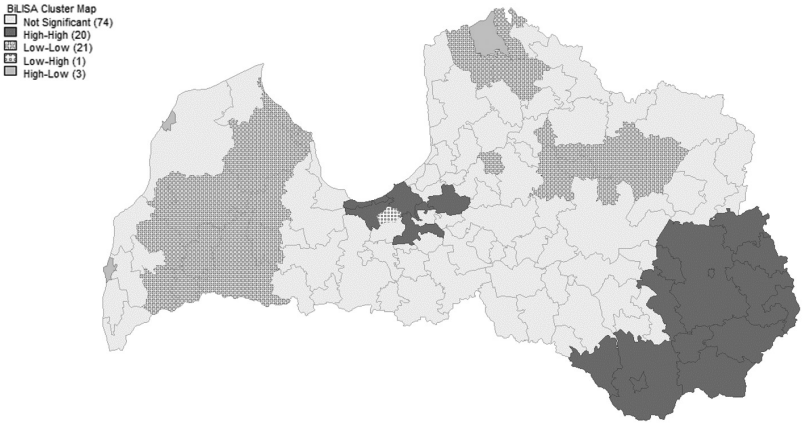


Рис. 3.3.3. Картограмма двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции по доле русских в регионе и доле проголосовавших за «Согласие» в соседних регионах в 2014 году

Картограммы двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции фиксируют практически те же кластеры, что и в случае с однофакторным анализом по результатам «Согласия»: во всех трех электоральных циклах фиксируется кластер высоких значений в Латгалии и кластер низких значений в Курземе, а в 2014 и 2018 годах также имеются два кластера низких значений в Видземе и один кластер высоких значений в районе Риги и Юрмалы.

Вот как выглядит картограмма двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции по доле русских в регионе и доле проголосовавших за «Согласие» в соседних регионах в 2014 году. Наиболее статистически значимы кластеры в Курземе и Латгалии, которые являются общими для всех трех электоральных циклов.

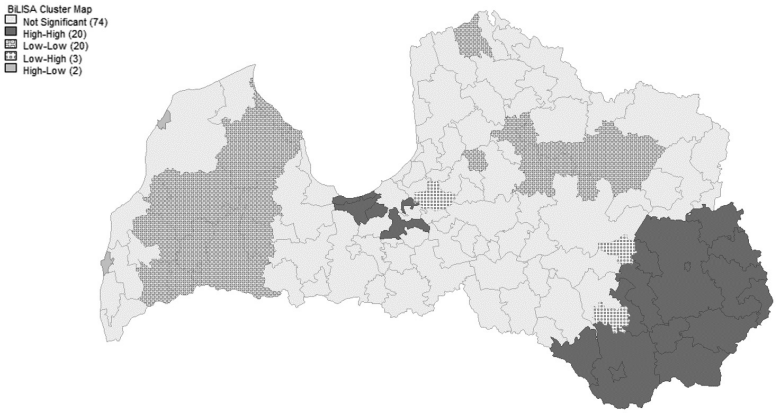


Рис. 3.3.4. Картограмма двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции между поддержкой «Согласия» в регионе и долей русских в соседних регионах за 2014 год

Если рассматривать уровень электоральной поддержки «Согласия» в регионе и долю русских в соседних самоуправлениях, показатели индекса Морана в трех электоральных циклах оказываются несколько выше, чем в случае доли русских в регионе и поддержки «Согласия» в соседних регионах, но все равно находятся в умеренных значениях: 0,428 в 2011 году, 0,055 в 2014 году и 0,546 в 2018 году.

Картограмма двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции между поддержкой «Согласия» в регионе и долей русских в соседних регионах фиксирует примерно те же кластеры, что и в случае с долей русских в регионе и результатами «Согласия» в соседних муниципалитетах. Наиболее значимы по-прежнему кластеры высоких значений в Латгалии и низких значений в Курземе.

Если говорить о пространственной автокорреляции результатов Русского союза Латвии по регионам, она несколько ниже, чем у «Согласия» — индекс Морана I составляет 0,406

в 2011 году, 0,394 в 2014 году и 0,362 в 2018 году. То есть пространственная зависимость в голосовании за Русский союз Латвии выражена меньше, чем в голосовании за «Согласие».

Картограмма LISA по голосованию за РСЛ в 2011 году фиксирует четыре пространственных кластера. Кроме характерного и для «Согласия» кластера высоких значений (высокая доля поддержки партии и в регионе, и в соседних самоуправлениях) в Латгалии добавляется кластер высоких значений в Земгале, пусть и менее значимый. Также наблюдаются кластеры низких значений в Курземе и Видземе.

В 2014 и 2018 годах кластер высоких значений в Земгале уже не фиксируется, а зона низких значений в Курземе и Видземе (то есть кластеры, где низкие результаты партии в регионе совпадают с низкими результатами партии в соседних регионах) разрастается.

Если говорить о двухфакторном анализе, корреляция между долей русских в регионе и голосовании за Русский союз Латвии в соседних регионах ниже, чем аналогичные показатели «Согласия», но все же находится в умеренных значениях. Двухфакторный индекс Морана в 2011 году составил 0,418, в 2014 году 0,387, а в 2018 году 0,366.

Что касается двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции по доле русских в регионе и голосованию за РСЛ в соседних самоуправлениях, вновь наблюдаются кластеры низких значений в Курземе и Видземе и кластер высоких значений в Латгалии, а кластер высоких значений в центральной Латвии еще немного просматривается в 2011 году, но к 2018 году полностью теряется.

Если рассматривать пространственную корреляцию между долей проголосовавших за РСЛ и долей русских в других регионах, двухфакторный индекс Морана также окажется ниже, чем аналогичный показатель «Согласия»

во всех трех электоральных циклах (0,460 в 2011 году, 0,428 в 2014 году и 0,411 в 2018 году).

Двухфакторные локальные индикаторы пространственной автокорреляции по доле проголосовавших за РСЛ в регионе и доле русских в соседних регионах фиксируют те же кластеры в Латгалии, Курземе и Видземе, а кластер в центральной Латвии проявляется уже намного слабее, и Рига не высвечивается в нем ни в одном из рассматриваемых электоральных циклов.

Итак, корреляционный анализ фиксирует прямую зависимость между долей русскоязычных в регионе и долей сторонников Центристской партии в случае Эстонии и «Согласия» и РСЛ в случае Латвии. При этом пространственное распределение результатов в Латвии и Эстонии отличается. В случае Эстонии кластеров устойчивой поддержки центристов не фиксируется, что, впрочем, связано не только с результатами голосования, но и с особенностями вычисления пространственной автокорреляции, а именно с небольшим числом регионов на том уровне, на котором доступна электоральная статистика.

В Латвии в рассматриваемые электоральные циклы доступна статистика по 119 муниципалитетам, что обеспечивает большее число наблюдений и позволяет выявить устойчивые кластеры поддержки. При этом и для «Согласия», и для РСЛ характерны кластеры высокой поддержки в Латгалии и кластеры низкой поддержки в Курземе, причем в обоих случаях пространственная автокорреляция также наблюдается при расчете с учетом доли русских в регионе.

Список литературы

Абзалбеков Б.С. Особенности становления казахстанской партийной системы в постсоветский период / Б.С. Абзалбеков // Вестник Омского университета. — 2018. — № 2. — С. 210. — (Серия «Исторические науки»).

Аренов М.М. Этносоциальная действительность Казахстана / М.М. Аренов, С.К. Калмыков // Социологические исследования. — 1998. — № 3. — С. 57.

Брубейкер Р. Национальные меньшинства, национализирующие государства и внешние национальные родственные государства в новой Европе / Р. Брубейкер // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. — Т. 1. — Москва : РОССПЭН, 2010. — С. 149–173.

Карпенко М.С. Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: вызовы для сотрудничества / М.С. Карпенко // Известия Российской академии наук. — 2019. — № 1. — С. 28. — (Серия «Географическая»).

Крамаренко М. Выборы в Казахстане. Политический брендинг и межнациональное согласие / М. Крамаренко // ИА-Центр. — 06.08.2007. — URL: https://ca-news.info/2007/08/06/65

Межевич Н.М. Избирательная система Латвийской Республики / Н.М. Межевич, А.В. Солопенко // Современные избирательные системы. № 16: Иран, Латвия, Литва. ; науч. ред. В.И. Лафитский. — Москва : РЦОИТ, 2021. — С. 185–368.

Осколков П. Этнические партии и этническое голосование: проблемы концептуализации и факторы развития / П. Осколков // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64. — № 8. — С. 112–118.

Осколков П.В. Очерки по этнополитологии / П. Осколков. — Москва : Аспект Пресс, 2021. — С. 10.

Шеретов С.Г. Новейшая история Казахстана (1985–2002) / С.Г. Шеретов. — Алматы : Юрист, 2003. — С. 31.

Шустов А.В. Этнотерриториальные проблемы и потенциал этнического сепаратизма в Центральной Азии / А.В. Шустов // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. — 2009. — № 3. — С. 12–13. — (Серия 14, Гуманитарные науки).

Эшмент Б. Русские в Казахстане в поисках своей идентификации / Б. Эшмент // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. — Т. 2. — Москва : РОССПЭН, 2010. — С. 76.

Constructivist Theories of Ethnic Politics / Ed. by K. Chandra. — Oxford : Oxford University Press, 2012.

Jenkins R. Rethinking Ethnicity / R. Jenkins. — London : Sage, 2008.

Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework / J. Rothschild. — New York : Columbia University Press, 1981.

Simonyan R.H. The Russian-speaking diaspora in the Baltic states: a socio-cultural aspect / R.H. Simonyan // Baltic Region. — 2022. — № 14 (2). — P. 144–157. — URL: https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-9.

Ventsel A. Miks Kasahstanist ei tule Venemaa kolooniat? / A. Ventsel // Diplomaatia. — 2018. — № 5. — Lk. 5–7.

Weber A. Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective / A. Weber, W. Hiers, A. Flesken. — New York : Palgrave Macmillan, 2018.

Zardykhan Z. Russians in Kazazhtan and Demographic Change: Imperial Legacy and the Kazakh Way of Nation Building / Z. Zardykhan // Asian Ethnicity. — 2004. — Vol. 5. — № 1. — P. 75.

Zhirnova L.S. Regional Trends in Electoral Support for Latvian Parties: the Neighbourhood Effect / L.S. Zhirnova // Baltic Region. — 2022. — № 14 (1). — P. 138–158. — DOI: 10.5922/2079-8555-2022-1-9.

3.4. Автокорреляционный анализ

В данной главе исследованы показатели популярности партий различной идеологической ориентации на общенациональных выборах в законодательные органы власти в 2007–2020 годах в Монголии, Казахстане, Грузии, Украине, Беларуси, Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии и Норвегии. В большинстве стран за истекший период были проведены четыре избирательные кампании. Анализ выбранных показателей позволил выявить не только разницу обобщенных показателей поддержки политических сил, но и значительную территориальную дифференциацию этих индикаторов по избирательным округам.

Партии, сгруппированные в некоторые категории для цели нашего исследования, были довольно популярны в своих странах. Так, более 50% населения большинства регионов Беларуси поддержало партии из числа центристских пророссийских, Казахстана — консервативных сторонников России, Украины в 2019 году — центристских антироссийских политиков, Грузии в 2016 году — консервативных критиков России, Грузии в 2008 году — их центристских единомышленников. Наиболее значительные результаты других партий (различной ориентации, объединенные по идеологическим группам) представлены на рис. 3.4.1–3.4.6.

Наличие данных по нескольким выборам подряд позволило провести динамическое сопоставление электоральных показателей. После 2014 года (видимо, в ответ на позицию, занятую Россией в украинском кризисе) граждане многих стран предпочитали антироссийские партии пророссийским. Стоит отметить, что сторонники России стали менее популярны не только в Норвегии, правительство кото-

рой солидаризировалось с большинством западных стран по украинскому вопросу, но и в Беларуси, входящей в ОДКБ. Пророссийские центристы набрали лишь около 40% голосов в Свислочском, Столбцовском, минском Партизанском и Старовиленском избирательном округе в 2016 году и в Каменногорском и минском Западном — в 2019 году (более того, во время последних выборов за них проголосовали лишь 34% избирателей минского Партизанского округа и 29% Кальварийского).

Та же тенденция выразилась в росте популярности антироссийских партий. Центристские критики России улучшили свои электоральные результаты после 2014 года в Норвегии, консервативные — в Грузии. С этой точки зрения снижение популярности грузинских антироссийских центристов в 2016 году не должно вводить в заблуждение: возможно, многие избиратели этих политиков переключили внимание на упомянутых консерваторов, также выступающих против России.

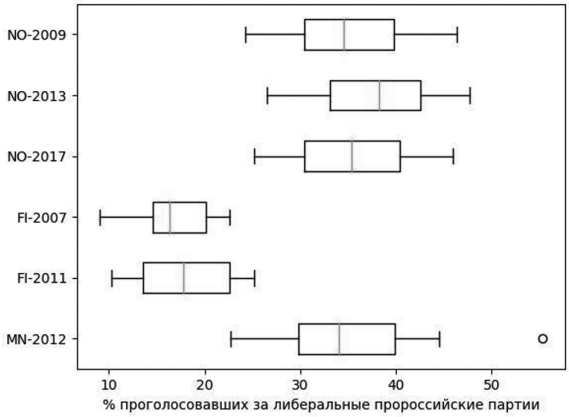


Рис. 3.4.1. Результаты либеральных пророссийских партий в разных избирательных округах стран (код страны из перечня ISO 3166 alpha-2, год голосования)

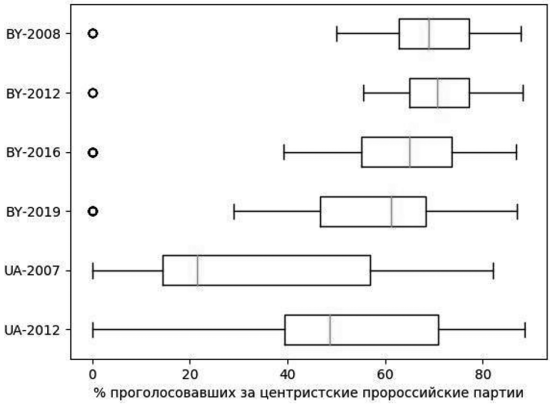


Рис. 3.4.2. Результаты центристских пророссийских партий в разных избирательных округах стран (код страны из перечня ISO 3166 alpha-2, год голосования)

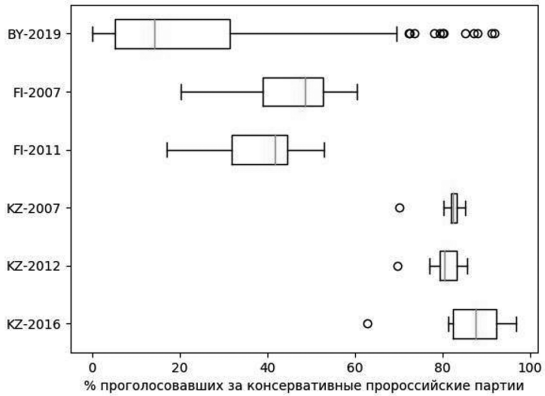


Рис. 3.4.3. Результаты консервативных пророссийских партий в разных избирательных округах стран (код страны из перечня ISO 3166 alpha-2, год голосования)

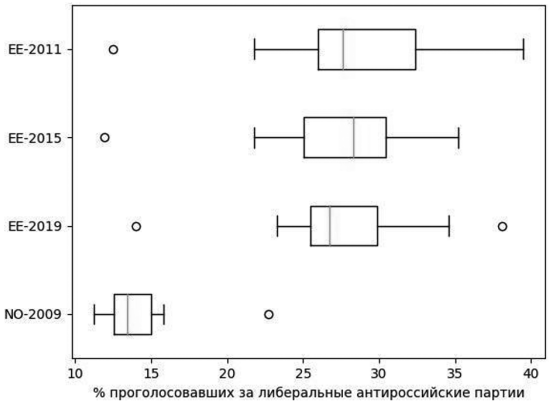


Рис. 3.4.4. Результаты либеральных антироссийских партий в разных избирательных округах стран (код страны из перечня ISO 3166 alpha-2, год голосования)

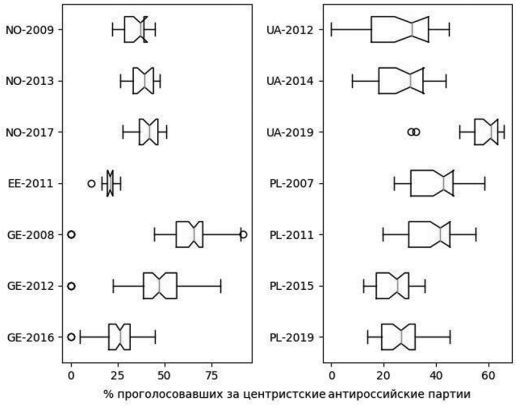


Рис. 3.4.5. Результаты центристских антироссийских партий в разных избирательных округах стран (код страны из перечня ISO 3166 alpha-2, год голосования)

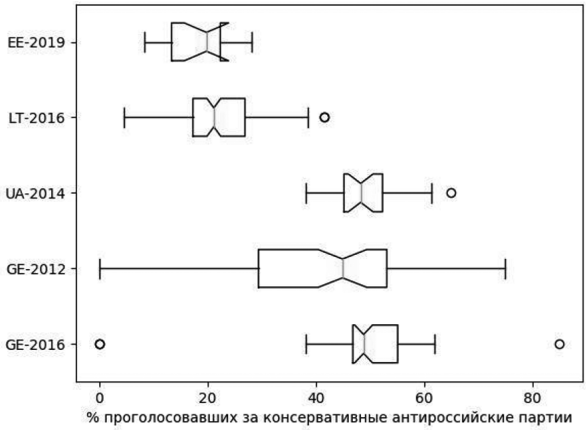


Рис. 3.4.6. Результаты консервативных антироссийских партий в разных избирательных округах стран (код страны из перечня ISO 3166 alpha-2, год голосования)

Несмотря на эту неоднозначность грузинского случая, противоположная тенденция — к более благоприятным для России результатам выборов после 2014 года — также присутствует в некоторых странах. Например, жители Польши стали менее охотно поддерживать центристские антироссийские партии, чем до этого. Доля сторонников пророссийских партий увеличилась в Казахстане.

Что касается ***территориальной неоднородности*** электоральных показателей, то следует констатировать значительное разнообразие предпочтений избирателей различных регионов Польши и Украины, а также Грузии и Литвы. Результаты антироссийских партий на выборах нескольких лет в избирательных округах начала второго и начала четвертого квартиля в одной и той же стране отличались на 30 п.п. и более. Стоит отметить, что такое расхождение взглядов характерно не только для стран с большой численностью населения и территорией (Польши и Украины), но и для относительно компактных Грузии и Литвы.

Проследить настолько же устойчивое расхождение в результатах пророссийских партий не представляется возможным. Дело в том, что многолетние тенденции искажены общим снижением популярности сторонников России после 2014 года вследствие Украинского кризиса.

Географические различия электоральных показателей стали менее отчетливыми после 2014 года также из-за того, что сократилось не только общее число сторонников пророссийских партий, но и диапазон межрегиональной изменчивости популярности некоторых политических сил (на сей раз — антироссийских). Уменьшилось расхождение между результатами консервативных критиков России в различных районах Грузии, центристских — в украинских областях, либеральных — в Эстонии. Такое движение к общенациональному консенсусу по вопросу поддержки антироссийского курса может объясняться однородной реакцией большинства граждан этих стран на позицию, занятую Россией в украинском кризисе.

Тем не менее результаты до 2014 года (когда пророссийские партии были еще сравнительно популярны) позволяют сделать схожие выводы. Зафиксировано сопоставимое — более 30 п.п. — расхождение между популярностью консервативных пророссийских партий различных регионов Финляндии (из начала второго квартиля и четвертого на шкале их популярности) в 2007 и 2011 году. Наиболее противоречивое отношение (расхождение более 80 п.п. по указанному параметру) вызывали украинские пророссийские центристские партии в 2007 и 2012 годах: в этом явлении мог отразиться культурный раскол между жителями западных и восточных регионов страны.

Более детальное исследование географического распределения (расчет индикаторов ***пространственной зависимости*** и выделение соответствующих кластеров) показало,

что политические предпочтения жителей некоторых близких друг к другу регионов сходятся. Например, на востоке Украины эмпирически подтверждено существование кластера территорий с пророссийскими настроениями, а на западе — наоборот, группы областей с повышенными электоральными результатами антироссийских политических сил. В наибольшей степени эта особенность проявилась в ходе выборов 2012 года: консервативные антироссийские партии получили поддержку выше среднего уровня в областях Украины западнее Житомирской; в то же время избиратели из юго-восточных областей, наподобие Херсонской, Запорожской и Донецкой, поддержали их менее охотно, чем жители соседних регионов.

В некоторых странах пророссийские политические силы получали *более высокий результат в близких к нашей стране регионах*, чем в далеких. Так, четыре голосования подряд (в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах) в районах граничащей с Россией латвийской Латгалии либеральные партии с позитивным отношением к нашей стране были популярнее, чем в соседних краях (см. рис. 3.4.7–3.4.10). Напротив, жители самых западных регионов Латвии (за исключением портовых городов, принимающих грузы из России — Вентспилса и, в 2010 и 2018 годах, Лиепаи) почти отказали этим партиям в поддержке. Наличие кластера поддержки пророссийских партий в южных краях центральной Латвии в 2011 году может объясняться тем, что данные политические силы приобрели популярность не благодаря своей внешнеполитической ориентации, а из-за востребованности социалистических пунктов их программ. Жители этих регионов, расположенных между развитой столицей и западнолатвийскими портами и адресатами большей части грантов из структурных фондов ЕС, могут чувствовать себя обделенными и выступать за перераспределение доходов.

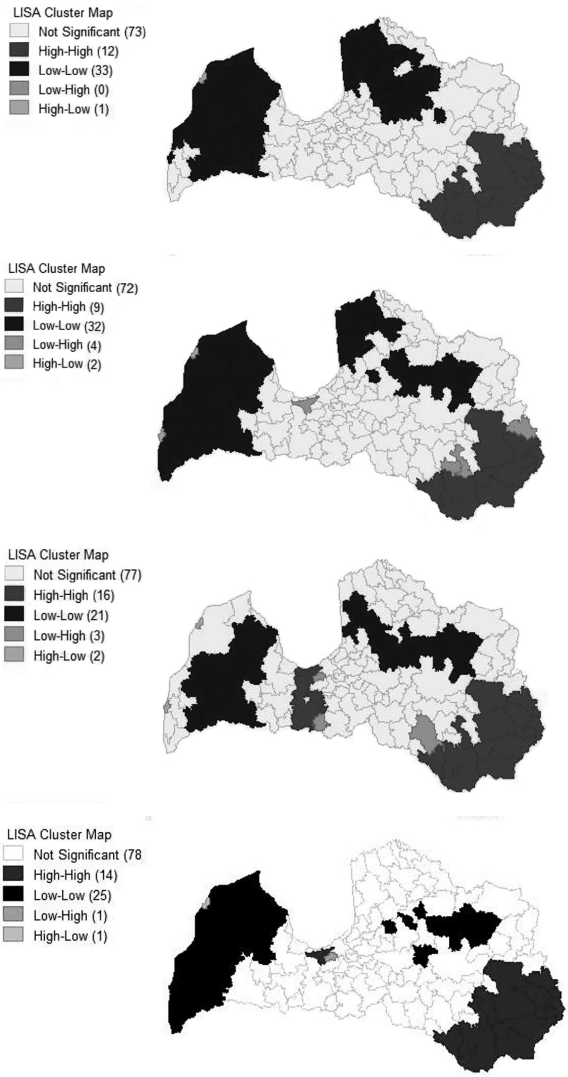


Рис. 3.4.7–3.4.10. Кластеризация регионов Латвии путем измерения локальных индикаторов Морана на основе результатов либеральных пророссийских партий на выборах 2010, 2011, 2014 и 2018 годов

Кроме того, в 2016 и 2019 годах в Беларуси в Витебске и прилежащих избирательных округах (Городокском, Лепельском и Сенненском) сформировался кластер сторонников центристских пророссийских партий. При этом на другом конце страны (вокруг Замкового и Ивьевского района у границы с Литвой) на тех же выборах консервативные политики, относившиеся к России позитивно, получили на тех же выборах меньшую долю голосов, чем в соседних областях.

Стоит отметить, что в другой зоне, удаленной от России (на западе белорусско-украинской границы — в Пинском, Лунинецком и Столинском районах), консервативные пророссийские партии также были относительно непопулярны в 2016 году. Солигорская область, также входящая в этот кластер, примечательна тем, что большинство ее жителей настойчиво отказывалось поддерживать эти организации и в 2019 году, когда в близких южных избирательных округах (Полесском и Житковичском) они получили относительно высокие результаты. Такое расхождение с соседними территориями выделено на карте светло-синим цветом, контрастирующим с красным кластером на юге.

Та же тенденция по мере отдаления от границ России отмечена в поддержке антироссийских партий. Например, такие политики консервативного толка по итогам всех четырех проанализированных выборов (см. рис. 3.4.11–3.4.14) набрали относительно мало голосов на востоке страны (в различных краях Латгалии) и сравнительно много — в кластерах центральной части страны (от Саулкрастского и Буртниекского округа на севере до Вецумниекского и Баускского — на юге, за исключением пригородов Огре и Риги).

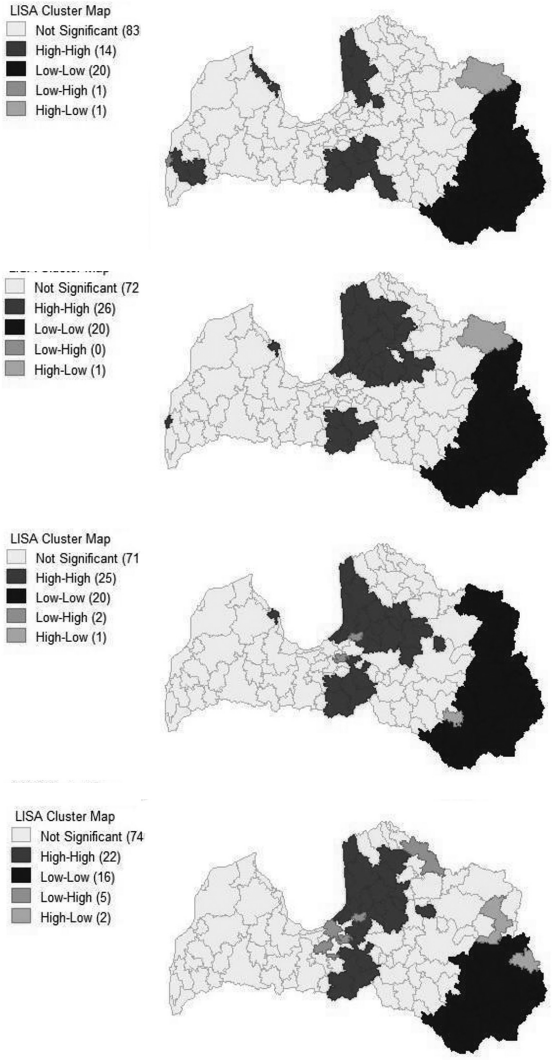


Рис. 3.4.11–3.4.14. Кластеризация регионов Латвии путем измерения локальных индикаторов Морана на основе результатов консервативных антироссийских партий на выборах 2010, 2011, 2014 и 2018 годов

Анализ результатов либеральных партий с таким же негативным отношением к России тоже продемонстрировал (см. рис. 3.4.15), что относительно популярными эти политические силы были в 2018 году только в центре страны (за исключением юго-западных предместий Риги). Жители северных, южных и западных районов оказали им умеренную поддержку, а избиратели из упомянутого латгальского кластера голосовали за них крайне редко.

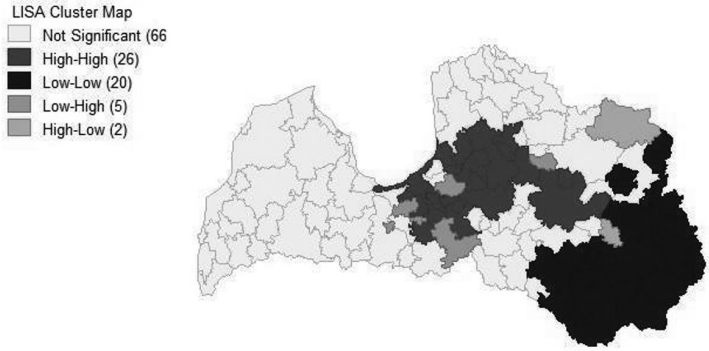


Рис. 3.4.15. Кластеризация регионов Латвии путем измерения локальных индикаторов Морана на основе результатов либеральных антироссийских партий на выборах 2018 года

Относительная симпатия жителей пограничья России к пророссийским партиям может объясняться экономическими факторами голосования. Возможно, избиратели считают такие партийные программы потенциально выгодными для себя, поскольку рост объема приграничной торговли при предлагаемом внешнеполитическом курсе принесет больший доход близким к России областям, а не отдаленным.

Стоит отметить, что электорат близких к России кластеров поляризованных (судя по приведенным ранее результатам пространственного анализа) стран иногда относился

к нашей стране не лучше своих соотечественников из дальнего от России кластера (как в приведенном украинском примере), а хуже. Так, в 2007 году центристские пророссийские партии были менее привлекательны для избирателей юго-востока Польши, а также округов, расположенных севернее (Седльце и Варшавы), чем соседних областей (см. рис. 3.4.16); и более — в противолежащей северо-западной местности от польско-германской границы до запада Быдгощского округа. Наличие указанной «пророссийской» (в тот год) группы регионов косвенно подтверждается результатами выборов в соседней с ней приморской Гдыне (показана на карте светлым выделением): близкое расположение данного кластера привело к тому, что значение популярности этих политиков, которое ожидалось после расчета общестранового коэффициента корреляции, было превышено.

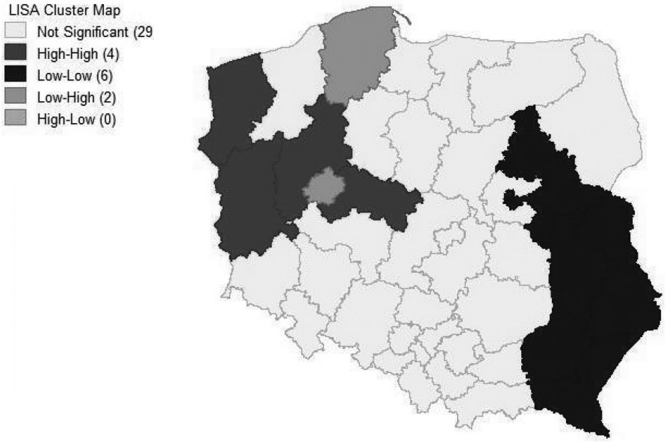


Рис. 3.4.16. Кластеризация регионов Польши путем измерения локальных индикаторов Морана на основе результатов центристских пророссийских партий на выборах 2007 года

Это относительное недовольство пророссийскими партиями вблизи территории ОДКБ может объясняться влиянием на эту связь электорального поведения с географией со стороны промежуточной переменной — исторической травмы. Возможно, заинтересованность в приграничной торговле с Калининградской областью (в случае Гдыни, пригорода Гданьска, ведущего с Калининградом довольно интенсивный торговый обмен) или более восточными российскими областями (в случае юго-востока Польши — транзитом через Беларусь) перекрывается опасениями военного характера. Видимо, из-за памяти о нарушениях Советским Союзом суверенитета некоторых государств — членов Варшавского договора близость к местам дислокации российской армии вызывает острую негативную реакцию; и в результате образ нашей страны у жителей далеких от России регионов менее испорчен этим фактором, чем у соседей ОДКБ.

Упомянутое расхождение между восточными и западными регионами Украины проявилось и в голосовании за пророссийские партии. Примечательно, что кластеры областей выделяются по этому признаку не только после 2014 года, но и перед украинским кризисом. Так, выборы 2007 и 2012 года отчетливо разделили избирателей западных и восточных областей по отношению к центристским пророссийским партиям.

Зависимость электоральных предпочтений от дистанции до России ослаблена другими факторами их изменчивости. В частности, в Эстонии предположения о влиянии территориальной близости к России и соседства с эстонскими регионами не подтвердились из-за неравномерности расселения русских по стране: ***двухфакторный*** анализ локальных индикаторов пространственной автокорреляции выявил расхождения результатов голосования с прогнозом, сделанным на основе корреляционной зависимости между соседними

территориями (то есть однофакторной версии данного метода). В силу соседства с регионами, густозаселенными русскими гражданами (прежде всего пригородами Нарвы), доля сторонников либеральных антироссийских партий восточнее Таллина и севернее Тарту (где русских насчитывается лишь 7-14% населения) предполагалась более низкой, чем наблюдалась на выборах 2011, 2015 и 2019 годов (см. рис. 3.4.17). Такое же отклонение итогов голосования от прогнозного зафиксировано среди консервативных антироссийских избирателей в 2015 году.

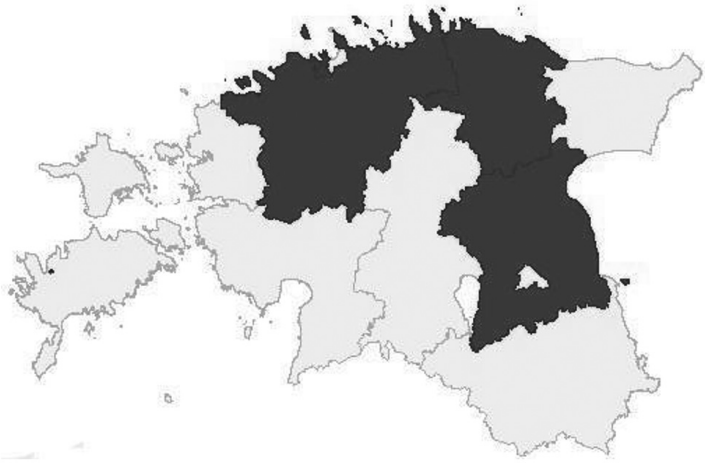


Рис. 3.4.17. Итог пространственного анализа зависимости результатов либеральных антироссийских партий в 2011, 2015 и 2019 годах, а также консервативных критиков России в 2015 году от доли русских в населении регионов Эстонии

Установлено, что такие группы избирательных округов (в которых партии не набрали количества голосов, которое прогнозировалось исходя из предположений о соседстве и дистанции до России) могут сосуществовать с регионами, население которых массово поддержало пророссийские

партии, в единой стране. Так, в Литве относительно низкий результат консервативных пророссийских партий в двух кластерах на юго-западе страны севернее Друскининкай, вблизи Калининградской области частично объясняется тем, что эффект соседства не был «поддержан» этнической статистикой (см. рис. 3.4.18). Доля русских в этих регионах составляет около 1%, поэтому большинство населения не могло интенсифицировать и в полной мере воспользоваться выгодами от трансграничных обменов ресурсами и информацией на родном языке потенциальных партнеров-калининградцев.

Напротив, на востоке страны поддержка этих партий в предместьях Висагинаса и Зарасай обусловлена голосованием русских в той же мере, что и в соседних окрестностях белорусского Полоцка, отделяющих Висагинас от России. Например, в Новополоцке около 10% русских и 19% голосовавших за этих политиков в 2016 году, в избирательном округе Зарасай в том же году таких было 34% при доле русских в 35%.

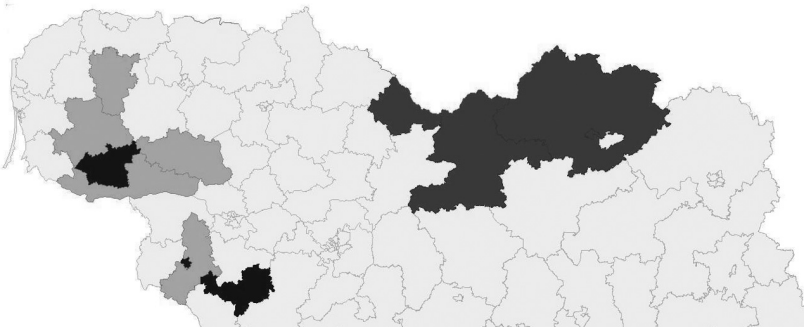


Рис. 3.4.18. Итог пространственного анализа зависимости результатов консервативных пророссийских партий в 2016 году от доли русских в населении регионов Литвы и севера Беларуси

Приведенный пример литовских и белорусских избирателей-единомышленников демонстрирует, что наличие результатов идеологически близких партий из соседних стран в одной базе данных позволило выявить *трансграничные кластеры* популярности соответствующих идеологий. К примеру, упомянутое сходство электоральных предпочтений некоторых литовцев и белорусов выявлено в ходе не только двухфакторного, но и однофакторного пространственного анализа (без учета этнических показателей). Как показано на рис. 3.4.19, в кластер повышенной популярности пророссийских консерваторов между Минском и Лидой в 2016 году были вовлечены литовские территории от Шальчининкай до южных пригородов Вильнюса.

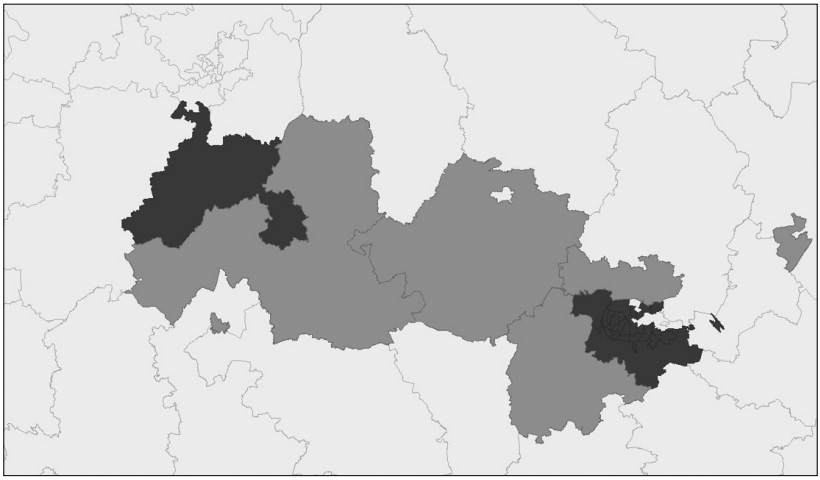


Рис. 3.4.19. Межстоличный белорусско-литовский кластер электоральных предпочтений (в отношении пророссийских консерваторов) в 2016 году

Указанным способом можно продемонстрировать сходство избирателей не только пары стран, но и большего

количества государств. Стоит отметить, что найден «макрокластер» регионов четырех стран вокруг южнобелорусских областей. Установлено, что с 2011 года жители некоторых приграничных польских, литовских и украинских территорий поддерживали центристские пророссийские партии так же охотно, как граждане Беларуси. Эта группа регионов в различном составе существовала до выборов 2019 года, так что выявленная закономерность может проявиться и на следующих выборах. Наиболее полный набор небелорусских территорий в этом кластере выделен по результатам выборов 2014–2016 годов; он включает округа польского Белостока, литовского Друскининкая, а также украинских Волыни, Ровно, Сум и Чернигова (см. рис. 3.4.20).

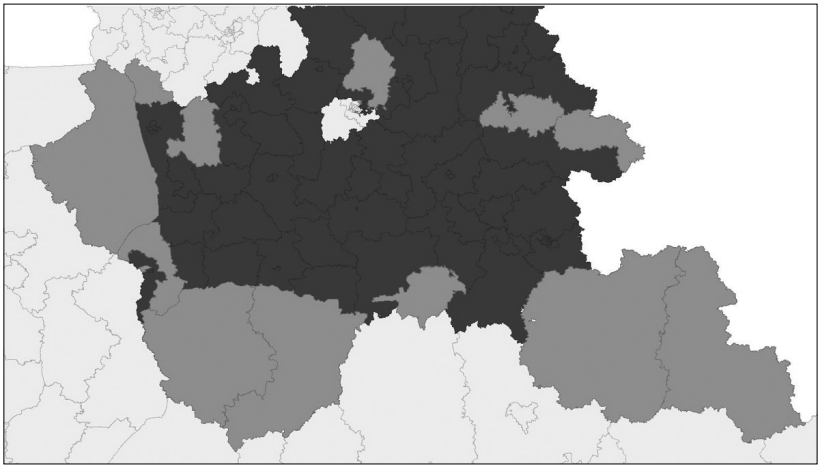


Рис. 3.4.20. Трансграничный кластер электорального поведения вокруг юга Беларуси

Стоит отметить *устойчивость* многих выделенных территориальных кластеров во времени. Так, результаты всех четырех проанализированных выборов в Польше (2007,

2011, 2015, 2019 годов) показали наличие двух групп воеводств, жители которых были противоположно настроены в отношении центристских антироссийских партий (см. рис. 3.4.21–3.4.24). Поляки юго-востока страны на протяжении более десяти лет не поддерживали эти партии в той мере, в которой за них голосовали в соседних регионах (несмотря на усиление антироссийской критики центральным правительством после 2014 года). Напротив, на северо-западных территориях (прежде всего находившихся в составе Германской империи) данные политические силы получили более серьезную поддержку, чем в других регионах. Хотя северо-западный кластер претерпевал реконфигурацию на протяжении этих лет, в него все это время входили Зеленогурский, Щецинский и Кощалинский округа и, после 2007 года, Гдыня — пригород одного из крупнейших городов страны Гданьска.

Более того, устойчивыми являются многие кластеры, выделенные двухфакторным пространственным анализом (то есть подверженные реконфигурации из-за изменчивости не одного признака, как в однофакторном методе, а двух). Например, восточные и западные территории Украины устойчиво входили в свои группы регионов по уровню поддержки центристских пророссийских партий в зависимости от количества русских. Примечательно, что Львовская и Закарпатская области, находящиеся на землях бывшей Речи Посполитой и включающие лишь 4 и 2% русских, объединены в единый кластер с южными и некоторыми другими польскими воеводствами (которые тоже не склонны были поддерживать эти партии).

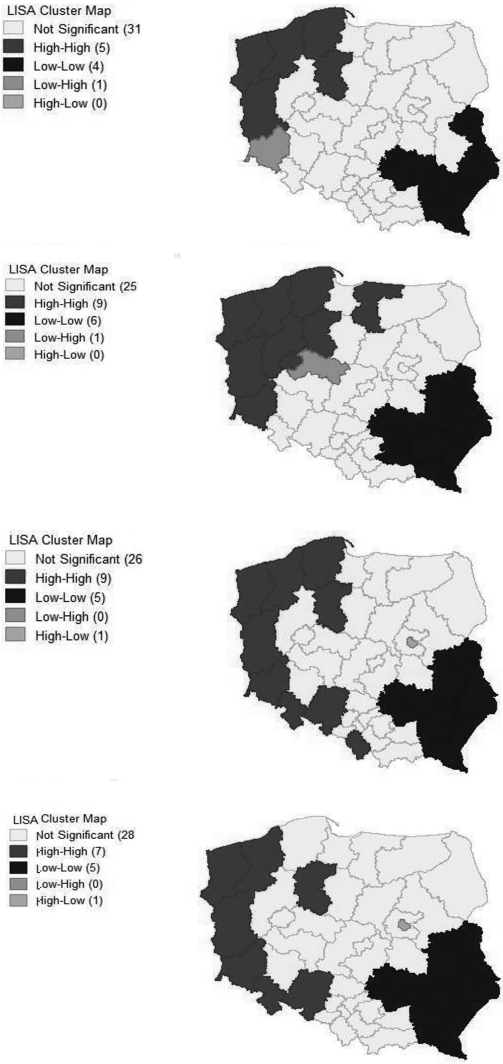


Рис. 3.4.21–3.4.24. Кластеризация регионов Польши путем измерения локальных индикаторов Морана на основе результатов центристских антироссийских партий на выборах 2007, 2011, 2015 и 2019 годов

* * *

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлена значительная дифференциация избирательных округов по степени поддержки антироссийских и пророссийских партий в 2007–2020 годах. Межрегиональное разнообразие выявлено на уровне избирательных округов одних и тех же стран. Показатели антироссийских партий в регионах из начала второго и начала четвертого квартиля (в восходящем ряду результатов партий в этих округах) некоторых стран отличались на 30 п.п., пророссийских — на 80 п.п. Примечательно, что среди украинцев такая крайняя поляризация отмечена по обоим указанным параметрам.

Динамическое сравнение электоральных успехов партий на последовательных выборах показало, что это разнообразие сократилось после 2014 года: в большинстве исследованных стран реакцией на позицию России в ходе украинского кризиса стала более равномерная и интенсивная поддержка антироссийских партий. Даже в Беларуси, образующей с Россией Союзное государство, в основной части избирательных округов сторонники России стали менее популярны, критики — более (в отличие от еще одного члена ЕАЭС — Казахстана).

При помощи индикаторов пространственной зависимости показано сходство политических предпочтений жителей соседних регионов. Группы благосклонно настроенных к России избирателей (из кластеров регионов с высокой поддержкой пророссийских партий или низким уровнем одобрения антироссийских) чаще всего выделялись вблизи нашей страны: наиболее отчетливо — на востоке Украины, в латгальских районах Латвии и Витебской области. Наоборот, кластеры с высокой долей сторонников антироссийских партий находятся на противолежащих территориях, далеких от границы Российской Федерации (в перечисленных

случаях — на западе Украины, западе Латвии и юго-западе Беларуси).

Стоит отметить, что такие предпочтения жителей пограничья России в отношении пророссийских партий объясняются не только заинтересованностью в приграничной торговле с россиянами. Результаты польских выборов показывают, что не менее важна роль исторической травмы: из-за прошлых конфликтов с Россией и/или СССР места дислокации российской армии порождают настороженность по мере приближения к ним. Также двухфакторный пространственный анализ, учитывавший этнический состав избирательных округов, показал, что при низкой доле русских в населении региона его близость к России может не улучшать результаты пророссийских партий (наиболее отчетливо это проявилось на юго-западе Литвы).

Следствием неоднородности электорального поведения в отдельных странах являются зоны, в которых жители соседних стран практически в равной степени поддержали идеологически близкие партии. Такие трансграничные кластеры могли находиться одновременно на территории не только двух или трех, но и четырех стран: в 2011–2019 годах жители некоторых польских, литовских и украинских территорий, граничащих с южнобелорусскими областями, массово поддерживали центристские пророссийские партии.

3.5. Кластерный анализ

Ключевая цель данной главы — провести сопоставительный кластерный анализ для выявления пространственных сходств и различий в электоральном поведении в избирательных округах стран российского приграничья. Авторы, помимо странового анализа, тестируют уже на межстрановом уровне изначальную гипотезу исследования о гетерогенности постсоветского электорального пространства. Для этого используются следующие инструменты пространственной эконометрики:

- многофакторный локальный индекс пространственной автокорреляции Гири;
- метод пространственно ограниченной иерархической кластеризации;
- метод автоматического зонирования.

Многофакторный локальный индекс пространственной автокорреляции Гири

В качестве первого шага были произведены расчет и картографирование многофакторного локального индекса пространственной автокорреляции Гири (далее — индекс Гири). Индекс Гири позволяет выявить кластеры пространственной автокорреляции по совокупности показателей. Следует отметить, что картограммы Гири не типологизируют кластеры по высоким или низким значениям показателей, а выявляют территории, где пространственные связи имеют или не имеют влияние на распределение показателя. Следовательно, полученные кластеры будут свидетельствовать о наличии/отсутствии пространственных закономерностей в электоральном поведении. Исследователи рассчитывали

индекс для всех электоральных циклов в совокупности по следующим группам:

- для левых, центристских и правых партий;
- для партий, настроенных позитивно, негативно и индифферентно в отношении России.

Результаты первой кластеризации показаны на рисунках 3.5.1–3.5.3. Если рассматривать электоральное пространство голосующих за партии правой ориентации, то стоит отметить, что высокой степенью однородности оно отличается в Казахстане, Польше, Финляндии и Грузии. В Норвегии лишь избирательный округ Тромс не демонстрирует статистически значимых значений индекса Гири. В Эстонии не выявлены пространственные связи для избирательных округов Пярнумаа и Валгамаа, причем для последней в принципе не характерно голосование за правых, поэтому низкие результаты на выборах правых объясняют такой итог картографирования. Наиболее гетерогенное пространство голосования за правые партии зафиксировано в Беларуси и на Украине (Черниговская и Житомирская области на севере, а также Волынская, Львовская и Закарпатская области на западе). В Эстонии не выявлены значимые пространственные связи в избирательных кругах в Курземе и Земгале.

Ситуация с голосованием за центристские партии позволила выявить устойчивые связи в Норвегии, Польше, Латвии, Литве и Беларуси. При этом был выявлен кластер отрицательных значений Гири, который указывает на разрыв пространственных закономерностей на беларусско-латвийском пограничье в Витебской области и Висагинас-Зарасе. В Казахстане Шымкент и Мангистауская область не укладываются в общую достаточно однородную картину голосования за центристские партии, в частности за правящую партию «Нур-Отан».

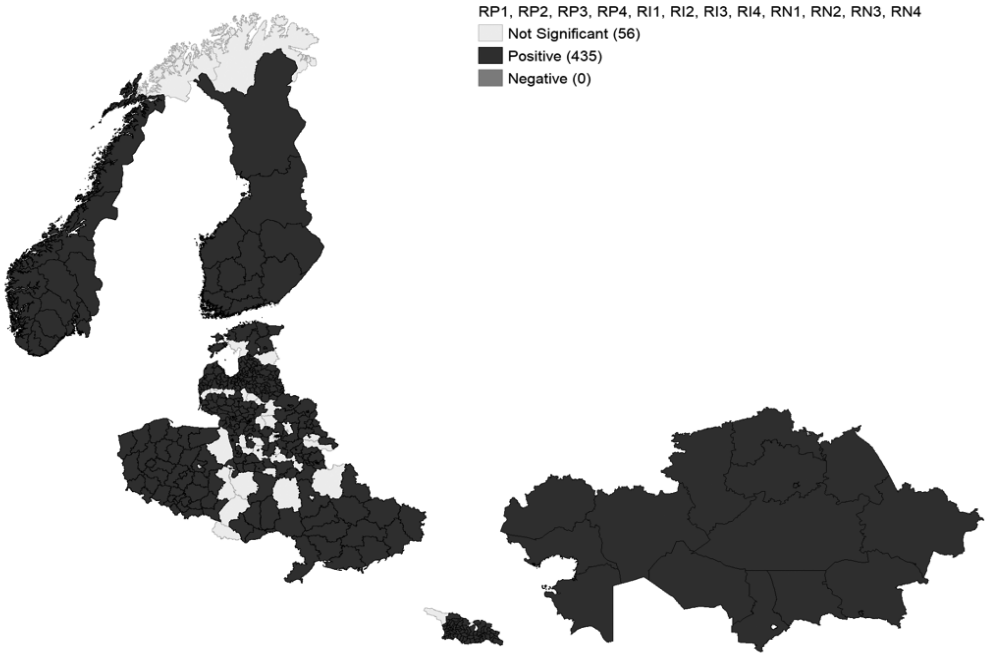


Рис. 3.5.1. Картограмма многофакторного локального индекса пространственной автокорреляции Гири голосования за правые партии

Примечание авторов: АТД Украины приведено на момент проведения парламентских выборов в 2007–2019 гг.

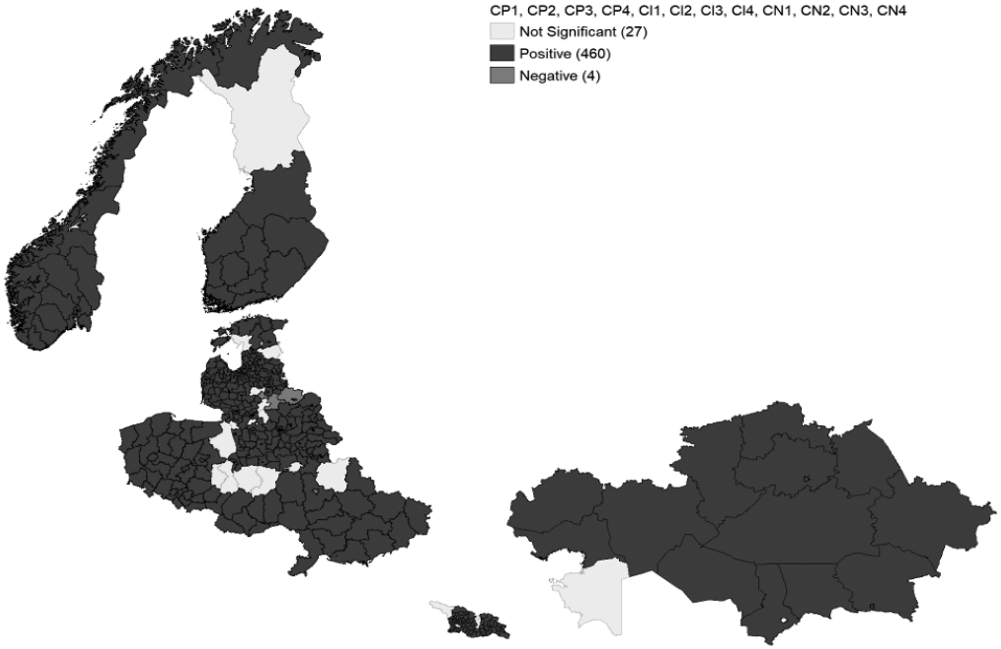


Рис. 3.5.2. Картограмма многофакторного локального индекса пространственной автокорреляции Гири голосования за центристские партии

Примечание авторов: АТД Украины приведено на момент проведения парламентских выборов в 2007–2019 гг.

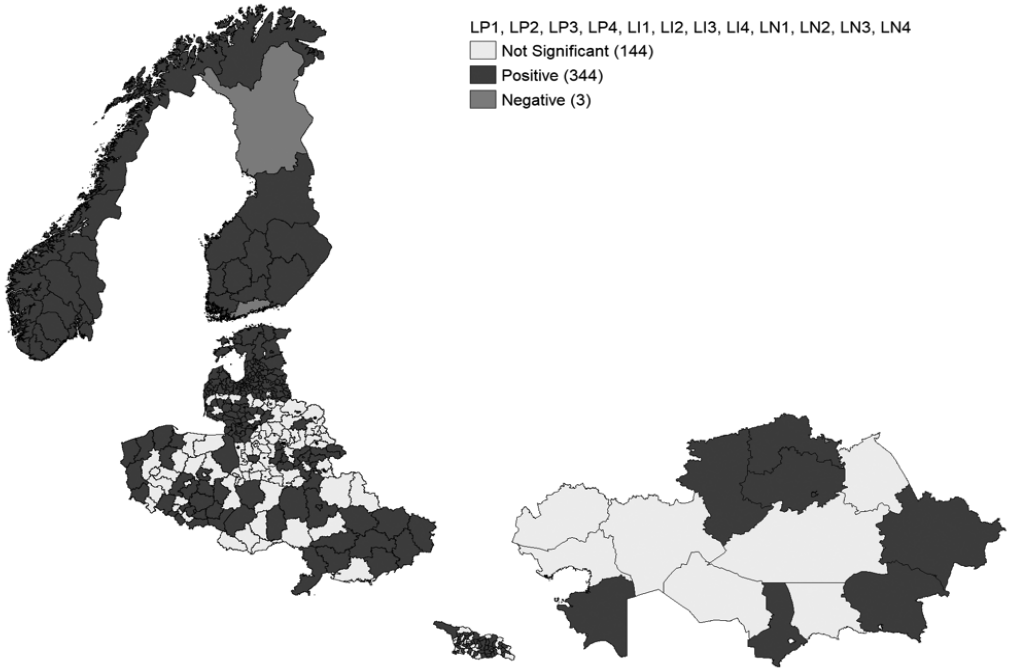


Рис. 3.5.3. Картограмма многофакторного локального индекса пространственной автокорреляции Гири голосования за левые партии

Примечание авторов: АТД Украины приведено на момент проведения парламентских выборов в 2007–2019 гг.

Картина голосования за левые партии получается наименее однородной из трех рассмотренных. Фрагментированное с точки зрения автокорреляционных связей пространство зафиксировано везде, кроме Норвегии и Эстонии. В Казахстане обращает на себя внимание кластер устойчивых связей голосующих за левые партии на севере страны (Костанайская, Северо-Казахстанская и Акмолинская области) и на востоке (Абайская, Восточно-Казахстанская, Жетысуская и Алматинская области). Кластеризация позволила выявить избирательные округа в Финляндии, чье электоральное поведение не укладывается в картину закономерностей — это Лапландия, Хельсинки и Уусимаа, в которых влияние оказало интенсивное голосование за левых в первый и второй электоральные циклы (2007 и 2015 гг.).

Результаты второй кластеризации по критерию отношения к России показаны на рисунках 3.5.4–3.5.6. Зафиксирована высокая значимость пространственных связей голосования по каждой из трех категорий партий, что говорит об устойчивом отношении жителей различных избирательных округов к России в рамках собственных электоральных предпочтений. Стоит отметить, что позитивные связи в случае индекса Гири не сообщают нам, высокая или же низкая концентрация голосов за партии с определенным позиционированием к России, поэтому картина получается достаточно однородной для большинства стран, кроме Беларуси и Украины. В Беларуси результат фрагментированности голосования за пророссийски настроенные партии частично объясняется закономерностью, выявленной в соответствующей страновой главе: близость к южному соседу скорее повышает симпатию жителей избирательных округов, расположенных на юге, к восточному соседу. На картограмме 3.5.6 в Казахстане зафиксирован кластер, где пространственные связи не имеют влияния на голосование за партии, относящиеся

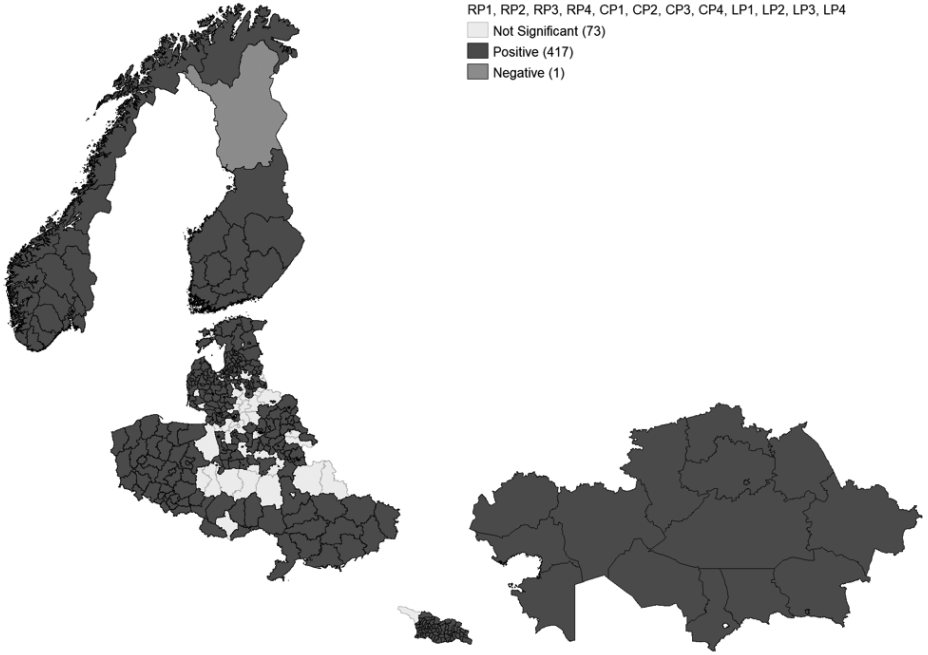


Рис. 3.5.4. Картограмма многофакторного локального индекса пространственной автокорреляции Гири голосования за партии, позитивно относящиеся к России

Примечание авторов: АТД Украины приведено на момент проведения парламентских выборов в 2007–2019 гг.

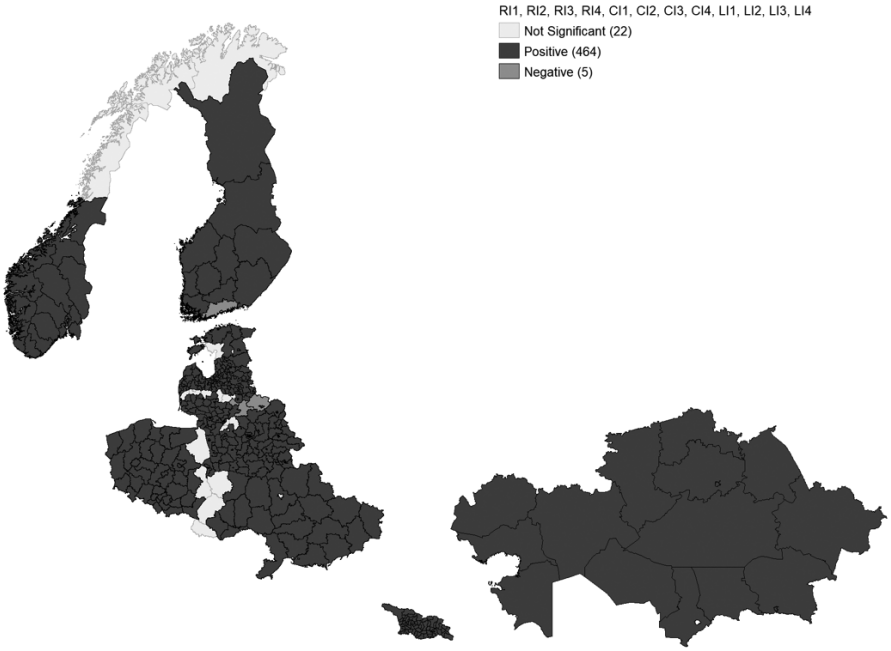


Рис. 3.5.5. Картограмма многофакторного локального индекса пространственной автокорреляции Гири голосования за партии, индифферентно относящиеся к России

Примечание авторов: АТД Украины приведено на момент проведения парламентских выборов в 2007–2019 гг.

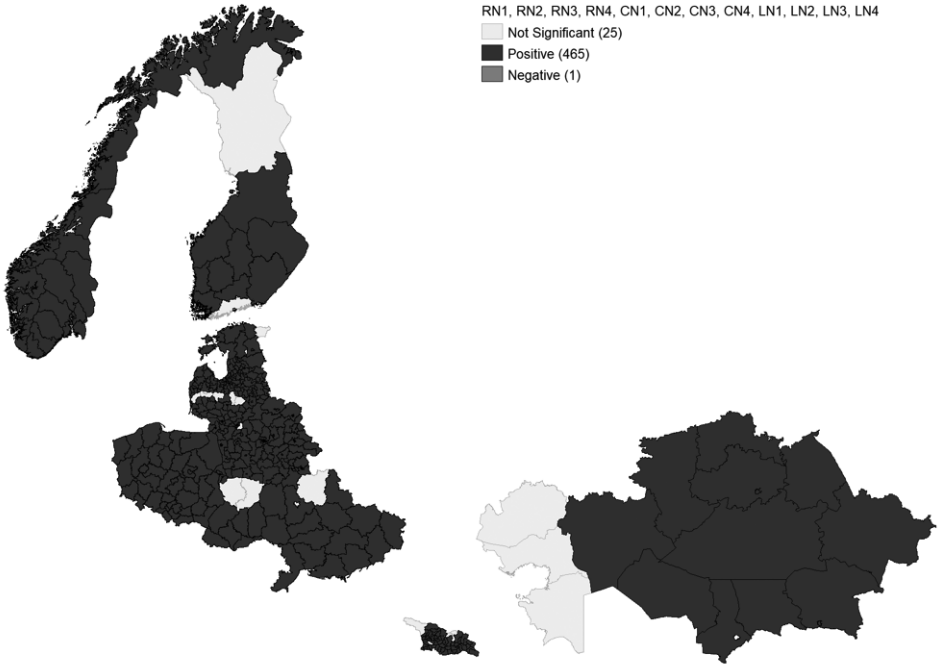


Рис. 3.5.6. Картограмма многофакторного локального индекса пространственной автокорреляции Гири голосования за партии, негативно относящиеся к России

Примечание авторов: АТД Украины приведено на момент проведения парламентских выборов в 2007–2019 гг.

негативно к России. Потенциально отсутствие влияния объясняется, что на обозначенных территориях Западно-Казахстанской, Атырауской и Мангистаунской области проживает низкий по сравнению с остальными областями процент русского населения.

Пространственно ограниченная иерархическая кластеризация

Иерархическая кластеризация с пространственными ограничениями — это особая форма кластеризации с ограничениями, в которой ограничения основаны на смежности (общих границах). Данная математическая операция позволяет идентифицировать группы, обладающие наибольшим сходством по совокупности выбранных параметров. В случае данного исследования переменными выступают совокупность долей отданных голосов за партии соответствующей идеологической ориентации и отношения к России. Этот алгоритм начинает с первоначального (случайного) разбиения n точек данных на k групп и затем постепенно улучшает это разбиение до сходимости.

Для проверки гипотезы исследователи провели пространственно ограниченную иерархическую кластеризацию с использованием весов по методу 4 ближайших соседей как медианного значения для выборки территориальных единиц. 11 кластеров было выбрано ввиду 11 государств в выборке, а 12-й кластер был добавлен в качестве фиктивного (англ. *dummy*) кластера.

На полученных картограммах видно, что выделяется большой кластер Казахстана, Украины, Беларуси и Литвы, в том числе на картограмме с фиктивным кластером (рис. 3.5.7–3.5.8). Этот большой и протяженный кластер позволяет говорить о сходствах электорального поведения на постсоветском пространстве в странах, где доля

русскоязычного населения превышает средние значения (более 7%).

Наибольшие размежевания демонстрирует Латвия. В Латвии обособляется, кроме Латгалии, в которой концентрируется русское меньшинство и поддерживает пророссийские партии, еще и Рига, в которой доля русских также выше среднего. Южная Осетия и Абхазия электоральным поведением существенно отличаются от Грузии.

Рис. 3.5.7. Картограмма пространственно ограниченной иерархической кластеризации электорального поведения в странах российского приграничья, 11 кластеров

Примечание авторов: АТД Украины приведено на момент проведения парламентских выборов в 2007–2019 гг.

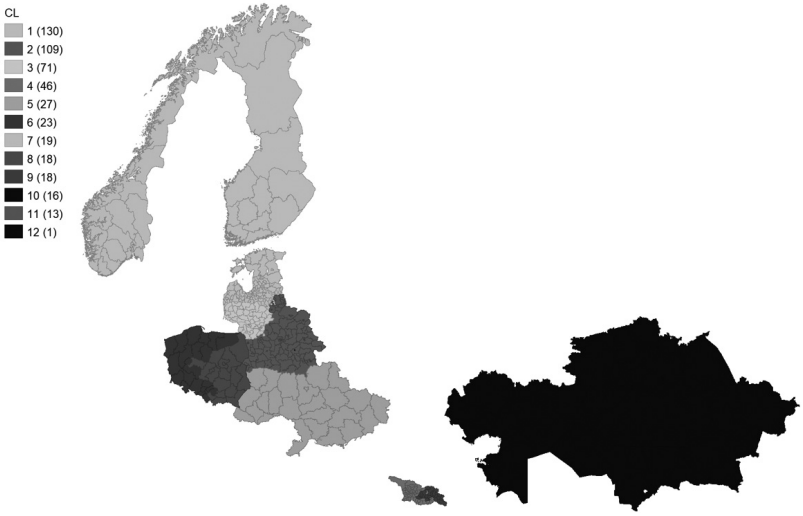


Рис. 3.5.8. Картограмма пространственно ограниченной иерархической кластеризации электорального поведения в странах российского приграничья, 11 кластеров

Примечание авторов: АТД Украины приведено на момент проведения парламентских выборов в 2007–2019 гг.

Обращает на себя внимание тот факт, что метод кластеризации выделяет Минск в качестве обособленных кластеров на каждой из картограмм. Из этого следует, что электоральное поведение минских избирателей представляет собой электоральную аномалию, так как не соответствует электоральным тенденциям в собственных странах. Это подчеркивает особое положение столиц как избирательных округов, концентрирующих не только экономические, но и административные ресурсы. Резюмируя полученные выводы, иерархическая кластеризация позволила выявить электоральные размежевания в Латвии и Беларуси, а также обосновать сходства электорального поведения в странах с существенной долей русскоязычного населения.

Метод автоматического зонирования

Метод автоматического зонирования (далее — AZP) представляет собой процедуру локальной оптимизации, которая циклически перебирает ряд возможных замен между пространственными единицами на границе множества областей. Формируется исходный список регионов и распределение каждой пространственной единицы по одному и только одному из них. Выбирается случайный регион из списка и рассматривается набор соседних с ним пространственных единиц на предмет их перемещения из исходного региона в рассматриваемый регион. Такое перемещение допустимо только в том случае, если оно не нарушает ограничение смежности в исходном регионе. Оценка продолжается, и перемещения осуществляются до тех пор, пока не будет исчерпан список соседей. Теперь процесс переходит к следующему региону из списка регионов, выбранному случайным образом, и повторяет оценку всех соседей. Когда список регионов становится пустым (то есть все исходные регионы оценены), вся операция повторяется с текущим списком регионов до тех пор, пока улучшение объективной функции не упадет ниже критического критерия сходимости[468].

Данная процедура позволяет альтернативно рассчитать кластеры и проверить выводы, полученные в рамках процедур иерархической кластеризации. По аналогии с предыдущей процедурой кластеризации, было осуществлено районирование по 11 и 12 группам. Результаты AZP представлены на картограммах 3.5.9–3.5.10.

[468] Anselin L. Spatially Constrained Clustering — Partitioning Methods. 2020. URL: https://geodacenter.github.io/workbook/9d_spatial4/lab9d.html#azp-heuristic (дата обращения: 18.08.2023).

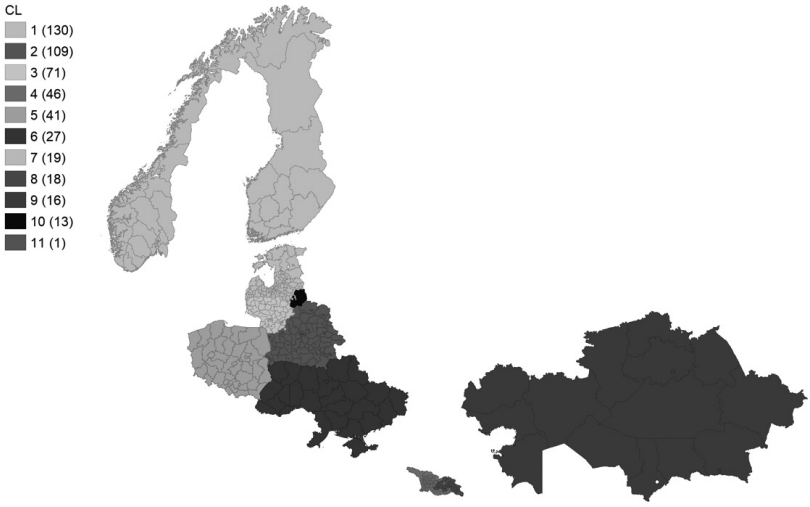


Рис. 3.5.9. Картограмма кластеризации электорального поведения в странах российского приграничья по методу автоматического зонирования, 11 кластеров

Примечание авторов: АТД Украины приведено на момент проведения парламентских выборов в 2007–2019 гг.

Несмотря на то что процедура AZP также учитывает фактор соседства, как и пространственно ограниченная иерархическая кластеризация, ее результаты больше соответствуют простой иерархической кластеризации, не принимающей во внимание аспекты смежности. Совпадение кластеров избирательных округов с территориями государств зафиксировано у Норвегии, Литвы, Польши, Украины и Казахстана. Кластеризация по 11 группам позволила выявить большую и схожую по электоральному поведению группу из Финляндии, Эстонии и Латвии, за исключением Латгалии. Кроме Латгалии как самостоятельного кластера, в Грузии также отмечено размежевание между Западной и Восточной Грузией. Как было выявлено при анализе элек-

торального пространства, Грузия отличается нестабильной ситуацией с точки зрения выборов, а поведение ее избирателей в муниципалитетах, расположенных на границе с Россией и Арменией, действительно отличается от иных избирательных округов. Минск также демонстрирует настолько обособленную территорию электорального пространства, что алгоритмы выделили его в 11-й кластер. К сожалению, данный результат невозможно объяснить такими факторами, как размежевание «столица — регионы» или поддержкой провластной Коммунистической партии Беларуси, и этот результат нуждается в дополнительной интерпретации.

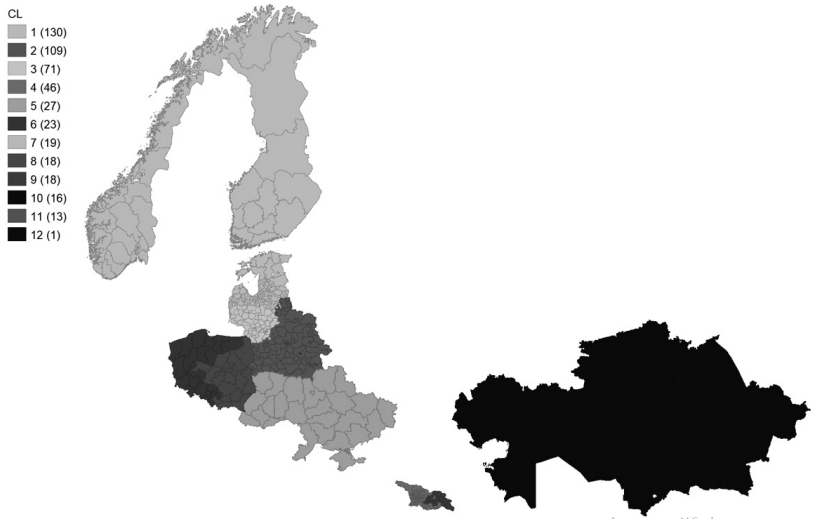


Рис. 3.5.10. Картограмма кластеризации электорального поведения в странах российского приграничья по методу автоматического зонирования, 12 кластеров

Примечание авторов: АТД Украины приведено на момент проведения парламентских выборов в 2007–2019 гг.

Введение фиктивного двенадцатого кластера не существенно повлияло на результаты AZP: соответствие электорального поведения в рамках собственных границ выявлено также у Норвегии, Литвы, Украины и Казахстана; Грузия разделилась на два кластера, Латгалия и Минск образовали обособленные кластеры. Однако появилось размежевание в Польше, обусловленное историческим районированием: избирательные округа на территориях бывшей Галиции и «Конгрессовой Польши» (бывшее Царство Польское в составе Российской империи) выделились в отдельный кластер от территорий, входивших в состав Пруссии. Это подтверждает тезис исследователя Т. Зарицкого о влиянии исторического наследия на особенности политического поведения граждан в Польше.

Подводя итоги главы, исследователями была достигнута главная цель: доказана гетерогенность в приграничных с Россией государствах электорального пространства. Отдельные страны характеризуются большей однородностью, например, Казахстан, Норвегия и Эстония. С точки зрения интерпретации индекса Гири, пространство оказывает консолидирующие эффекты для правых и центристских партий, а также для партий, относящихся к России индифферентно. Методы иерархической, в том числе пространственно ограниченной, кластеризации и автоматического зонирования позволили выделить такие обособленные территории, как Латгалия, Восточная Грузия, Западная Польша, а также Минск, электоральное поведение жителей которых не укладывается в общие закономерности.

3.6. Многомерное шкалирование

Многомерное шкалирование — это метод анализа и визуализации данных, который позволяет представить большой массив сведений о различии объектов в наглядном, доступном для интерпретации графическом формате (в виде точек некоторого координатного пространства). Сжатие исходного массива данных (или, другими словами, снижение размерности) происходит с помощью математического инструментария, предназначенного для поиска оптимальных шкал с помощью линейного преобразования матрицы исходных расстояний: точки размещаются так, чтобы попарные расстояния между ними в новом пространстве как можно меньше отличались от эмпирически измеренных расстояний в пространстве признаков изучаемых объектов. Близость между объектами в некоторой вспомогательной системе координат максимально точно имитирует расстояние в многоатрибутном пространстве. Другими словами, чем ближе две точки на графике, тем они более похожи[469].

На рисунке 3.6.1 представлен результат многомерного шкалирования данных об общенациональных выборах в законодательные органы власти в разрезе избирательных округов в Казахстане, Грузии, Украине, Беларуси, Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии и Норвегии. Так как политический спектр (количество и идеологическая ориентация политических сил) определяется национальным контекстом, то избирательные округа на рисунке достаточно явно группируются по странам. При этом одни страны (например, Беларусь, Латвия, Казахстан) представлены плотным

[469] Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа : монография. М. : Аспект Пресс, 2020. 255 с.

«облаком» избирательных округов, а другие (Польша, Эстония, Украина, Грузия) — разреженным. Чем более плотную общность образуют избирательные округа страны, тем более однородны электоральные результаты.

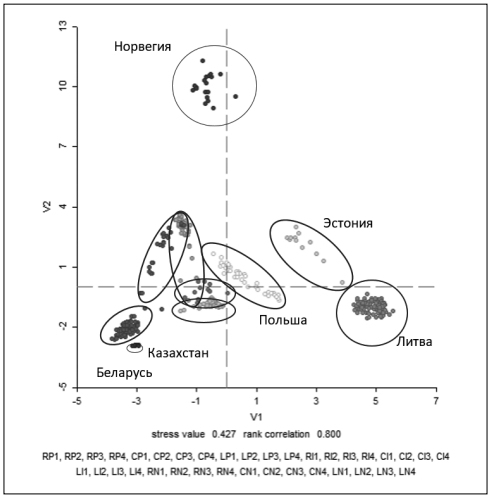


Рис. 3.6.1. Многомерное шкалирование данных об общенациональных выборах в законодательные органы власти в российском приграничье за последние 4 электоральных цикла

Интерпретация осей многомерного шкалирования — аналитический процесс. Для его оптимизации был использован график с параллельными координатами, предназначенный для визуальной идентификации кластеров в многомерном переменном пространстве (рис. 3.6.1). В графике с параллельными координатами каждая переменная представлена в виде (параллельной) оси, а каждое наблюдение состоит из линии, соединяющей точки на осях. Совокупность точек идентифицируется как группа линий (то есть наблюдений), которые следуют по сходному пути. Это эквивалентно точкам, расположенным близко друг

к другу в многомерном переменном пространстве. В отличие от последнего, который можно визуализировать только в двух измерениях, график с параллельными можно применять к большому количеству переменных.

С помощью графика с параллельными координатами переменная V1 (ось x), полученная в рамках многомерного шкалирования была идентифицирована, как ось, отражающая отношение к России. Высокое значение указывает на преобладание нейтральных политических сил (на этой стороне спектра расположилась Латвия), а низкое — на четко детерминируемую позицию в отношении России. На этой стороне оси есть как явно пророссийские страны (Казахстан и Беларусь), так и страны, где в законодательных органах значительную долю составляют негативно настроенные по отношению к России партии (Украина и Грузия). Переменная V2 (ось y) определяет политический спектр по идеологической составляющей: низкое значение характерно для стран с консервативно-центристским парламентом (Беларусь, Казахстан, Абхазия), а высокое — для стран, где в законодательном органе власти преобладают центристско-либеральные силы (Норвегия).

Исследовательский интерес, в контексте использования инструмента многомерного шкалирования, представляет идентификация наиболее отличающихся в рамках отдельной страны избирательных округов, то есть наиболее удаленных точек от основной совокупности. В данном контексте выделяются три группы территорий:

- столицы/регионы;
- приграничные регионы;
- спорные территории.

Часто электоральное поведение в столице страны достаточно явно отличается от всех остальных избирательных округов. Например, в Литве своей пророссийской позицией

выделяется Вильнюс и его окрестности (Мядининкай), тогда как большинстве избирательных округов страны преобладают нейтральные по отношению к России настроения. На рис. 3.6.1 две точки, соответствующие данным территориальным единицам, наиболее удалены от основной совокупности литовских регионов. В Беларуси по электоральному поведению отличается Октябрьский избирательный округ города Минска: нейтральные силы здесь превалируют над пророссийскими в отличие от остальных округов. В Финляндии самым нетипичным по своему электоральному поведению является столица — Хельсинки, где в парламенте высокое представительство имеют индифферентные по отношению к России политические силы, тогда как в остальной Финляндии значительной поддержкой пользуются пророссийские партии.

Эстонские и грузинские территории — примеры «отколовшегося приграничья». На рис. 3.6.1 видно, что наиболее отличающийся избирательным поведением округ Эстонии — это Нарва. Здесь, в отличие от остальной страны, наибольшей популярностью пользуются индифферентные по отношению к России политические силы, тогда как в других избирательных округах конкуренцию им создают антироссийские партии. В Грузии от основного массива избирательных округов отрываются Ниноцминдский и Ахалкалакский районы, которые отличаться более консервативными политическими предпочтениями.

На примере Грузии также хорошо видно, что в рамках данного метода от основной совокупности отделяются и спорные территории. Это происходит из-за отсутствия данных. Так, например, Джавский район, который контролируется Южной Осетией, но считается частью края Шида-Картли Грузии, очень сильно удален от совокупности точек, представляющих Грузию. Аналогичная ситуа-

ция наблюдается для Крыма и Севастополя в рамках рассмотрения их результатов на украинских парламентских выборах.

Украина и Эстония — это пример стран, где электоральное поведение внутри страны очень сильно отличается (площадь, в которой расположена совокупность точек, представляющих конкретную страну, — максимальная). Например, по политическим предпочтениям юго-восточные регионы Украины отличаться от западных и центральных. В первых наибольшей популярностью пользуются консервативные силы, во-вторых, наблюдается относительный паритет между центристами и консерваторами. Также стоит отметить, что избирательные округа, распложенные на западе Украины (Ивано-Франковска область, Тернопольская и Львовская области) больше всего похожи по своему электоральному портрету на Грузию.

Если рассматривать электоральное поведение в российском приграничье в динамике, то картина будет значительно трансформироваться с течением времени (рис. 3.6.2). Если в первом электоральном цикле результаты Латвии и Норвегии стоят особняком, то с течением времени российское приграничье начинает выглядеть более однородно: к Норвегии подтягиваются Грузия и Украина, а к Латвии приближается Польша. Или, другими словами, конгломерат, состоящий из Беларуси, Украины, Казахстана, Польши и отчасти Финляндии, с течением времени распадается.

В рамках второго электорального цикла происходит сближение Эстонии и Польши (при этом выделяющаяся Нарва вообще становится в один ряд с большинством польских избирательных округов). Однако этот результат не показывает устойчивость с течением времени: в третьем и четвертом электоральных циклах Эстония представлена достаточно обособлено.

Самый полный с точки зрения наличия результатов — третий электоральный цикл. И в его результатах многомерного шкалирования мы можем увидеть схожесть электорального поведения в Литве и восточной Польше — значительной поддержкой здесь пользуются консервативные силы. Кроме того, в рамках третьего электорального цикла происходит максимальное сближение результатов Грузии и Украины. Однако закрепить полученный результат странам с течением времени не удалось: в рамках четвертого электорального цикла страны хоть и близко расположены друг к другу, однако говорить об идентичности их политических предпочтений на таком же уровне, как и циклом ранее, не приходится.

В рамках первых трех избирательных циклов мы наблюдаем взаимопроникновение избирательных результатов стран. Это хорошо иллюстрируется на примере второго избирательного цикла в Грузии и Украине: Львовская, Тернопольская и Ивано-Франковская области Украины по своим электоральным результатам больше похожи на Сачхерский и Марнеульский районы Грузии, чем на остальные регионы страны. Аналогичная близость характерна для отдельных территорий Украины и Польши, Беларуси и Казахстана в рамках первого электорального цикла, Латвии и Польши в рамках второго электорального цикла, Литвы и Польши в рамках третьего электорального цикла. Однако в рамках четвертого электорального цикла страны максимально обособлены и межстрановых пересечений не наблюдается: избирательные округа одной страны более похожи друг на друга, чем на территории других стран.

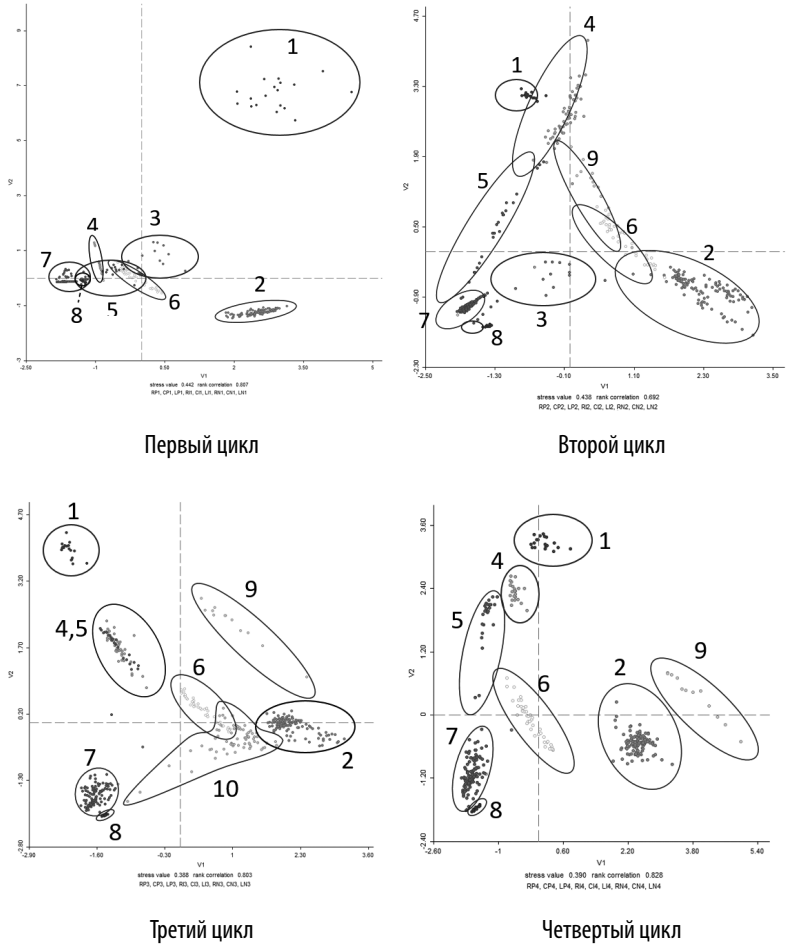


Рис. 3.6.2. Многомерное шкалирование данных об общенациональных выборах в законодательные органы власти в российском приграничье по каждому электоральному циклу

(1 — Норвегия, 2 — Латвия, 3 — Финляндия, 4 — Грузия, 5 — Украина, 6 — Польша, 7 — Беларусь, 8 — Казахстан, 9 — Эстония, 10 — Литва)

Если проводить процедуру многомерного шкалирования по партиям с антироссийской позицией (рис. 3.6.3), то видно, насколько близки друг к другу Польша Украина и Грузия: выстраиваясь в одну линию, их электоральные результаты накладываются друг на друга. Антироссийские парламентские партии в данных странах по идеологической ориентации относятся к центристским или консервативным. Также стоит отметить, что прослеживается общность электоральных предпочтений Правобережной Украины и Грузии, тогда как Левобережная Украина более всего походит на Западную Польшу.

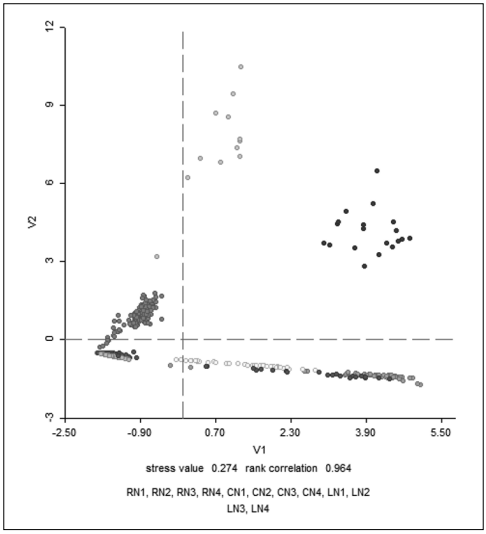


Рис. 3.6.3. Многомерное шкалирование данных об общенациональных выборах в законодательные органы власти в российском приграничье по антироссийским партиям

Низкий уровень антироссийской поддержки в Беларуси и Казахстане был ожидаем (3-й квадрант). При этом стоит отметить «отделение» от основной части Латвии Латгалии,

для которой тоже в меньшей степени характерны антироссийские настроения.

На рис. 3.6.3 видно три типа конфигурации электоральных результатов:

- линейный тип, характерный для Грузии, Польши, Украины, Белорусии, Казахстана, Литвы;
- тип «разреженное облако», характерный для Норвегии и Эстонии;
- тип «линейное облако», представителем которого является Латвия.

В странах, где результаты выборов на графике многомерного шкалирования выстраиваются в линию, ограниченный идеологический спектр партий придерживается антироссийских взглядов (например, только центристские партии в Польше или только консервативные партии в Литве), но при этом уровень их поддержки очень сильно территориально дифференцирован. В случае Украины, Грузии, Белорусии ситуация несколько иная: идеологический спектр ограничен консервативными и центристскими партиями. Однако при этом их электоральные результаты сильно дифференцированы в рамках различных избирательных циклов (нестабильность результатов во времени компенсируется расширением идеологического спектра). У партий, даже со схожей ценностной ориентацией, нет устойчивого электората. Поддержка тех или иных политических сил может кардинально меняться от выборов к выборам. Причем нулевые значения, означающие отсутствие представительства в парламенте, чередуются с максимальными. Также стоит отметить, что протяженность линии указывает на территориальную дифференциацию электоральной дифференциации страны: чем протяженнее линия, тем менее похожи результаты различных территориальных единиц внутри страны.

В Норвегии и Эстонии, которые представляют тип «разреженное облако», в результате парламентских выборов представлены антироссийские политические партии, придерживающиеся различных взглядов: консерваторы, либералы, центристы. При этом их поддержка меняется от выборов к выборам, но не столь значительно, как в линейном типе. Например, в Норвегии политическое лидерство среди антироссийских сил с течением времени переходит от консервативных партий к центристским. При этом консервативные силы, несмотря на снижение уровня поддержи, остаются представленными в законодательном органе власти, получая поддержку своего электорального ядра.

Латвия представляет собой особый тип конфигурации электоральных результатов антироссийских политических сил. Во-первых, негативное отношение к России здесь — это прерогатива консервативных и либеральных партий. Во-вторых, плотность облака указывает на низкий уровень территориальной дифференциации уровня поддержки: различные районы страны очень похожи друг на друга по электоральному поведению в отношении антироссийских политических сил.

На рис. 3.6.4 представлены результаты многомерного шкалирования электоральных результатов пророссийских партий. Можно выделить несколько геометрических конфигураций стран:

- линейная конфигурация, характерная для Норвегии, Латвии, Литвы, Польши, Украины;
- облачная конфигурация, характерная для Финляндии, Белорусии и Казахстана.

В странах, которые выстраиваются на данном рисунке в линию, идеологический спектр пророссийских парламентских партий ограничен. В Норвегии и Латвии — это либералы, в Украине и Польше — это центристы. В Лит-

ве пророссийскую позицию занимают как центристы, так и консерваторы, но в силу ограниченного числа наблюдений (есть данные только по третьему электоральному циклу), она тоже попадает в этот тип. Две линии стран (условно «либеральная линия» и «центристская линия») сходятся в точке, где уровень поддержки пророссийских политических сил минимальный.

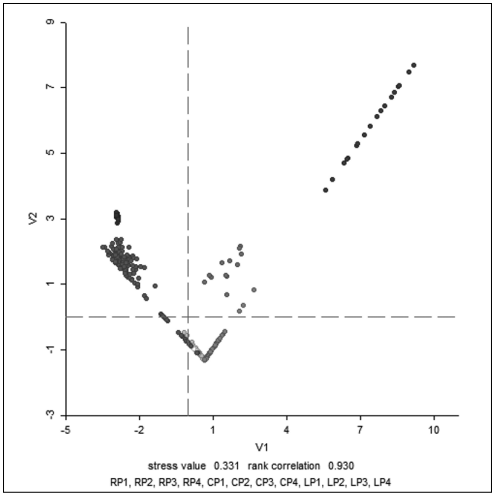


Рис. 3.6.4. Многомерное шкалирование данных об общенациональных выборах в законодательные органы власти в российском приграничье по пророссийским партиям

В Беларуси и Казахстане, Финляндии сразу все представители политического спектра занимают пророссийские позиции. При этом их расположение на графике обусловлено преобладанием того или иного идеологического типа: в Казахстане доминируют консервативные пророссийские силы, в Беларуси относительный паритет между центристами и консерваторами, а в Финляндии лояльность пророссийско настроенных избирателей делят консерваторы и либералы.

Проведя процедуру многомерного шкалирования для партий одной идеологической ориентации, а именно консервативной, было получено распределение результатов, образующее три вектора (рис. 3.6.5):

- негативный вектор, ярим представителем которого является Грузия;
- позитивный вектор, направление которого определяют Казахстан и Беларусь;
- индифферентный вектор, который образует Польша.

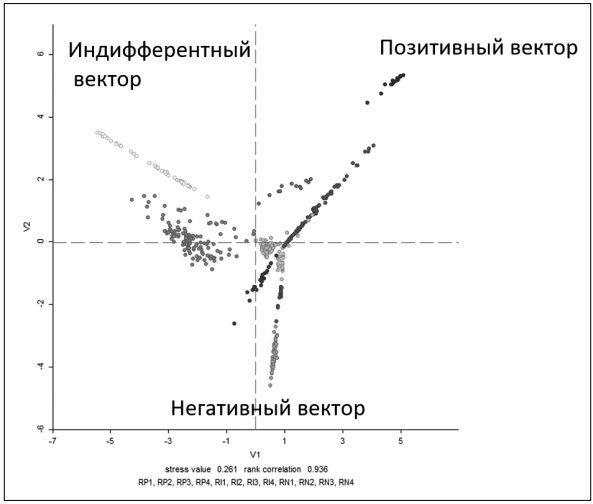


Рис. 3.6.5. Многомерное шкалирование данных об общенациональных выборах в законодательные органы власти в российском приграничье по консервативным партиям

В странах, которые расположены между обозначенных векторов, консервативные силы имеют смешанную по отношению к России позицию. В случае Литвы — индифферентно-негативную, в случае Эстонии — позитивно-индифферентную.

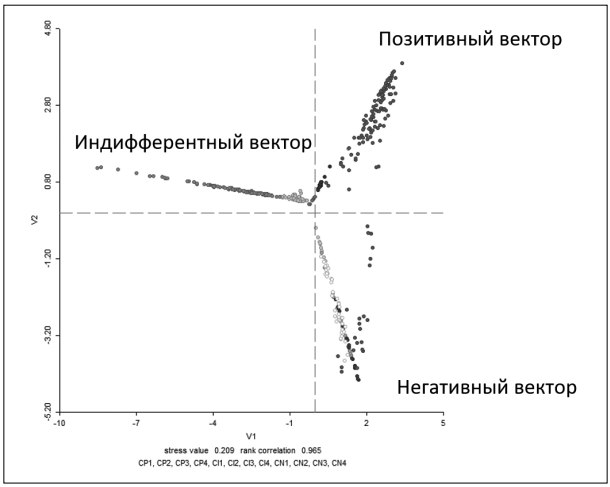


Рис. 3.6.6. Многомерное шкалирование данных об общенациональных выборах в законодательные органы власти в российском приграничье по центристским партиям.

Аналогичное распределение на векторы происходит и по результатам многомерного шкалирования выборов для центристских партий (рис. 3.6.6):

- негативный по отношению к России вектор, ярким представителем которого являются Норвегия и Польша;
- позитивный вектор, направление которого определяет Беларусь;
- индифферентный вектор, который образуют Латвия и Литва.

При этом мостиком между позитивным и негативным векторами является Украина, у которой центристские партии придерживаются как пророссийских, так и антироссийских взглядов.

Многомерное шкалирование для либеральных партий не дает настолько однозначных результатов, как для центристских и консервативных (рис. 3.6.7).

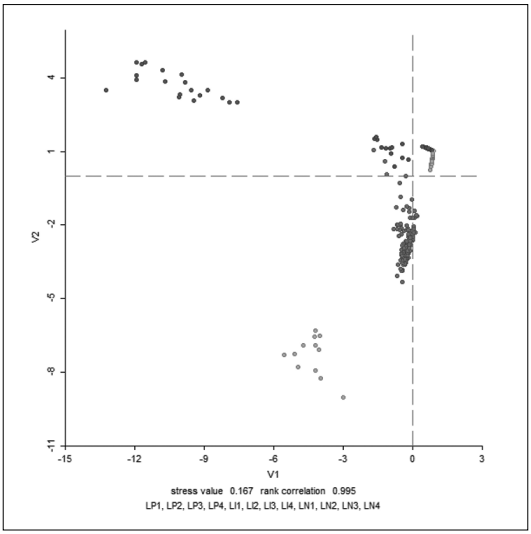


Рис. 3.6.7. Многомерное шкалирование данных об общенациональных выборах в законодательные органы власти в российском приграничье по либеральным партиям.

Многомерное шкалирование — это метод визуализации данных, который имеет ряд объективных достоинств и недостатков. С одной стороны, он позволяет визуализировать большой массив данных и найти похожие объекты с точки зрения определенных характеристик, с другой стороны, интерпретация результатов многомерного шкалирования в определенных случаях бывает весьма затруднительной и зачастую требует использования дополнительного методологического аппарата. Однако использование данного метода позволило нам выявить наиболее отличающиеся в рамках отдельной страны территории по электоральному поведению: чаще всего это либо столицы, либо приграничные территории. Многомерное шкалирование позволяет также определить страны (или их части), наиболее близкие по политическим предпочтениям. Например, в контексте

антироссийской позиции можно констатировать относительную общность электоральных результатов Польши, Украины и Грузии, в контексте пророссийской позиции — Беларуси и Казахстана.

Список литературы

Большаков А.А. Методы обработки многомерных данных и временных рядов / А.А. Большаков, Р.Н. Каримов. — Москва : Горячая линия — Телеком, 2007.

Дэйвисон М. Многомерное шкалирование (методы наглядного представления данных) / М. Дэйвисон. — Москва : Финансы и статистика, 1988. — 256 с. — ISBN 5-279-00176-3.

Костенко С.А. Технология применения многомерного шкалирования и кластерного анализа / С.А. Костенко // Фундаментальные исследования. — 2012. — № 11-4. — С. 927–930. — URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30685 (дата обращения: 18.09.2023).

НАФИ «Многомерное шкалирование». URL: https://nafi.ru/upload/spss/NAFI%20-%2012.lection.pdf (дата обращения: 18.09.2023).

Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа : монография / И.Ю. Окунев. — Москва : АспектПресс, 2020. — 255 с.

Толстова Ю.Н. Основы многомерного шкалирования : учебное пособие / Ю.Н. Толстова. — Москва : КДУ, 2006.

Anselin Luc. Tobler's Law in a Multivariate World / Luc Anselin, Li Xun // Geographical Analysis. — 2020. — URL: https://doi.org/10.111/gean.12237

Anselin Luc. A Local Indicator of Multivariate Spatial Association, Extending Geary's c / Luc Anselin // Geographical Analysis. 2018.

Dray Stéphane. Revisiting Guerry's Data: Introducing Spatial Constraints in Multivariate Analysis / Stéphane Dray, Jombart Thibaut // The Annals of Applied Statistics. — 2011. — № 5 (4). — P. 2278–2299.

Mead A. Review of the Development of Multidimensional Scaling Methods / A. Mead // Journal of the Royal Statistical Society. Series D (the Statistician). — 1992. — № 41. — P. 27–39.

3.7. Географический разрыв регрессии

Разрыв регрессии как метод начал использоваться в 1960-е годы в работах Д.Л. Тистлетвэйта и Д.Т. Кэмпбелла[470], в частности, для измерения влияния наличия диплома об окончании школы с отличием на поступление в университет. В 1970-е годы метод применялся в основном для того, чтобы сопоставить рандомизированное контролируемое исследование и квазиэкспериментальные программы. Это, в свою очередь, позволяло сделать исследование более точным и беспристрастным[471]. Чаще всего разрыв регрессии применяется в экономических исследованиях, посвященных вопросам финансирования, инвестиций, трудоустройства и инноваций.

Метод географического разрыва регрессии позволяет увидеть трансформацию социального или политического явления, которое производится эффектом границы[472]. Классической работой с применением географического разрыва регрессии считается работа Д. Карда и А. Крюгера[473]. Они сравнили рестораны общественного питания на границе двух штатов — Нью Джерси (экспериментальная группа)

---

[470] Thistlethwaite D.L., Campbell D.T. Regression-discontinuity analysis: An alternative to the ex-post facto experiment // Journal of Educational Psychology. 1960. № 51 (6). P. 309–317.

[471] A comprehensive history of regression discontinuity designs: An empirical survey of the last 60 years / M. Villamizar-Villegas, F.A. Pinzon-Puerto, M.A. Ruiz-Sanchez // Journal of Economic Surveys. 2021. P. 1–49. URL: https://doi.org/10.1111/joes.12461

[472] Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа : монография. М. : Аспект Пресс, 2020. 225 с.

[473] Card D., Krueger A. Minimum wages and employment: A case study of the fast-food industry in New Jersey and Pennsylvania // American Economic Review. 1994. № 84 (4). P. 772–793.

и Пенсильвании (контрольная группа) — для изучения эффекта повышения минимальной заработной платы сотрудникам. Отметим также М. Делла[474], который изучал эффекты принудительного труда шахтеров в Перу и Боливии, и Дж.Л. Спенкуча и Д. Тониатти[475], которые рассматривали законодательные акты, регулирующие политическую рекламу в разных странах и их влияние на результаты выборов. Л. Кил и Р. Титюник[476] в большей мере концентрировались на самом методе географического разрыва регрессии и отмечали среди основных сложностей метода его возможности учета пространственной корреляции, наличия нескольких разрывов на границах и множества вариаций определения расстояния объекта до границы. Соответственно, при использовании географического разрыва регрессии учитываются широта и долгота географического объекта.

Для расчета географического разрыва регрессии используется формула:

$$y_i = \alpha + f\begin{pmatrix} x + y + x^2 + y^2 + x^3 + y^3 + x^4 + y^4 + \\ +x * y * x^2 * y^2 + x^3 * y^3 + x * y^3 + x^2 * y + x^3 * y \end{pmatrix} + \varepsilon_i,$$

или

$$y_i = \alpha + \beta_i + \gamma_i + \varepsilon_i ,$$

где x и y — координаты широты и долготы границы β; а γ — расстояние до этой границы.

Для проведения анализа было использовано программное обеспечение QGIS и R. Для анализа были отобраны данные по трем электоральным циклам в России и в 11 приграничных с ней государствах за период с 2007 по 2021 г.

---

[474] Dell M. The persistent effects of Per's mining mita // Econometrica. 2010. № 78 (6). P. 1863–1903.

[475] Spenkuch J.L., Toniatti D. Political advertising and election results // The Quarterly Journal of Economics. 2018. № 133 (4). P. 1981–2036.

[476] Keele L.J., Titiunik R. Geographic boundaries as regression discontinuities // Political Analysis. 2015. № 23 (1). P. 127–155.

Все партии были разделены на три группы: левые, центристские и правые партии, при этом для приграничных стран была использована описанная ранее в работе кодировка, для России к левым партиям была отнесена партия «Яблоко», к центристским — «Единая Россия», «Либерально-демократическая партия России», «Справедливая Россия», а к правым партиям — «Коммунистическая партия Российской Федерации».

Далее авторы создали шейп-файл[477] с данными по голосованиям за ту или иную группу партий по 12 рассматриваемым странам. После чего в ПО QGIS шейп-файл России был преобразован в линию, далее была определена граница между Россией и приграничными странами для возможности проведения дальнейшего анализа. Кроме того, полигоны были преобразованы в точки через центроиды, дабы впоследствии просчитать их положение относительно границы.

После получения необходимых исходных данных, авторы перешли к работе в R, загрузив пакеты *sf, tidyverse, units, rdrobust*. Перед интерпретацией данных поясним, что по оси *x* откладывается удаление от границы, а по оси *y* — голосование за одну из трех групп партий. Отрицательные значения на графике (слева) — данные по голосованию в России, положительные значения на графике (справа) — данные по 11 приграничным с Россией государствам.

Перейдем к рассмотрению голосования за левые партии. Для России характерен низкий уровень поддержки таких партий, при этом он примерно одинаковый как на границе с соседними государствами, так и на большем удалении

[477] Картографическая база исследований // Центр пространственного анализа международных отношений. URL: https://mgimo.ru/about/structure/ucheb-nauch/imi/geo/docs/spatial-data/ (дата обращения: 05.05.2022).

регионов от границы. В приграничных странах прослеживается следующая тенденция: чем ближе регион находится к границе, тем больше они поддерживают левые партии, при удалении от границы уровень поддержки падает, а дальше по синусоиде при движении вглубь государства поддержка левых повышается.

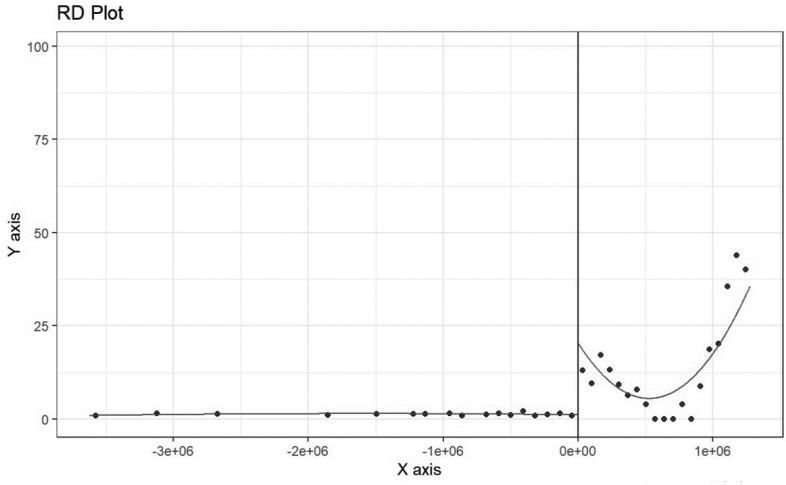


Рис. 3.7.1. Географический разрыв регрессии голосования за левые партии в первом электоральном цикле

Подобная тенденция сохраняется с незначительными изменениями в течение трех рассматриваемых электоральных циклов, однако сам разрыв регрессии во втором электоральном цикле больше, чем в первом и третьем. А именно: если в первый электоральный цикл в России уровень поддержки левых партий был на уровне примерно 5%, а в приграничных государствах — 20%, во втором электоральном цикле разрыв уже составил порядка 20%, хотя в третий цикл значения практически вернулись на значения, характерные для первого электорального цикла.

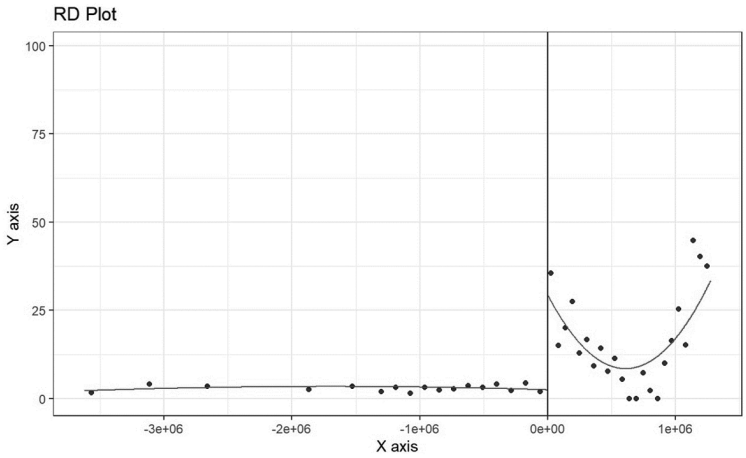


Рис. 3.7.2. Географический разрыв регрессии голосования за левые партии во втором электоральном цикле

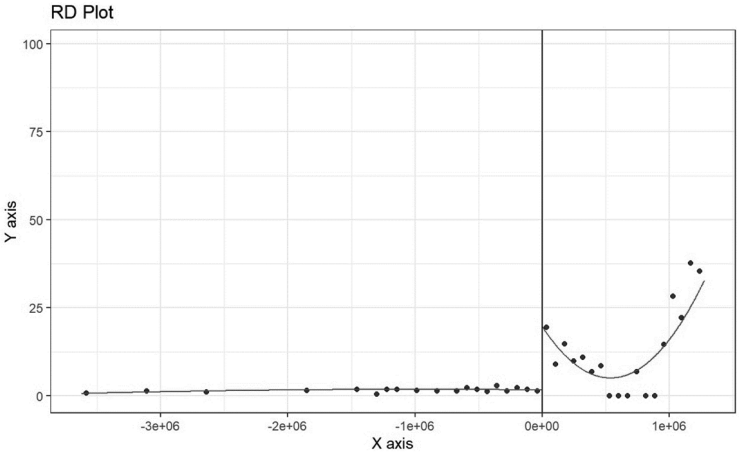


Рис. 3.7.3. Географический разрыв регрессии голосования за левые партии в третьем электоральном цикле

При голосовании за центристские партии для России характерна тенденция оказания им электоральной поддержки на высоком уровне, и в целом по мере приближе-

ния к границе пусть незначительное, но увеличение поддержки таких партий было замечено. За три электоральных цикла тенденции голосования остались практически неизменными. Чего, однако, нельзя сказать о голосовании за центристов в приграничных с Россией странах. Так, под конец третьего электорального цикла четко прослеживается следующая тенденция: чем дальше находится регион/муниципалитет от границы с Россией, тем больше граждане поддерживают центристские партии, тогда как непосредственно на границе с Россией регионы оказывают значительно меньшую электоральную поддержку центристским партиям.

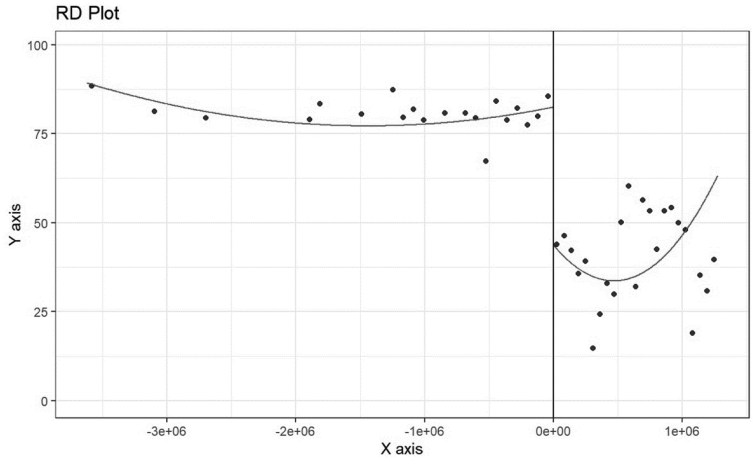


Рис. 3.7.4. Географический разрыв регрессии голосования за центристские партии в первом электоральном цикле

Географический разрыв регрессии между Россией и приграничными государствами при голосовании за центристов остается примерно на одинаковом уровне все три электоральных цикла, причем поддержка в России в среднем в два

раза выше, чем в приграничных странах (если в России поддержка центристов находится на уровне 75-80%, то в приграничных государствах на уровне 30-40%).

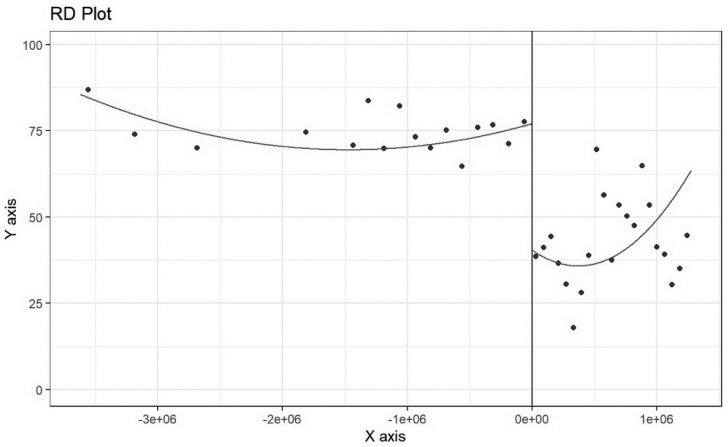


Рис. 3.7.5. Географический разрыв регрессии голосования за центристские партии во втором электоральном цикле

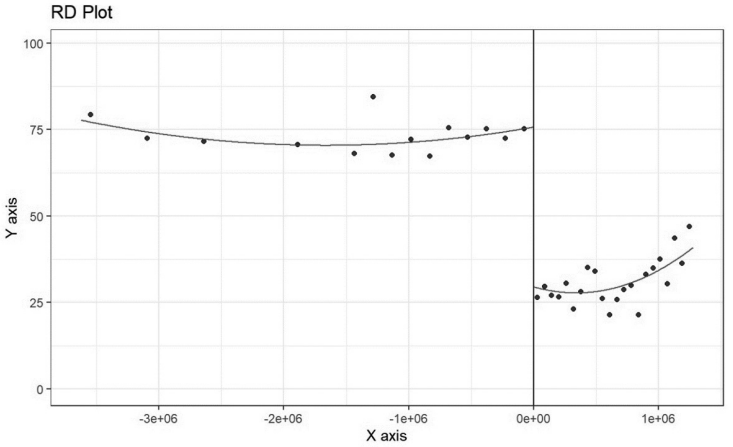


Рис. 3.7.6. Географический разрыв регрессии голосования за центристские партии в третьем электоральном цикле

Наконец, голосование за правые партии в России сохраняет примерно одинаковые тенденции на протяжении трех электоральных циклов, при этом заметно пусть незначительное, но увеличение поддержки таких партий по мере приближения к границе. Такой стабильностью тенденции голосования за правые партии в приграничных государствах не отличались. Если в первый электоральный цикл можно говорить о том, что у границы голосование за правых было низким, затем показывало повышение, после чего по мере удаления вглубь стран снова уменьшалось, то во втором цикле прослеживалась прямо противоположная тенденция. А именно, чем ближе к границе с Россией, тем больше граждане поддерживали правые партии. Затем, по мере удаления от границы с Россией она уменьшалась, а затем снова повышалась при продвижении вглубь стран.

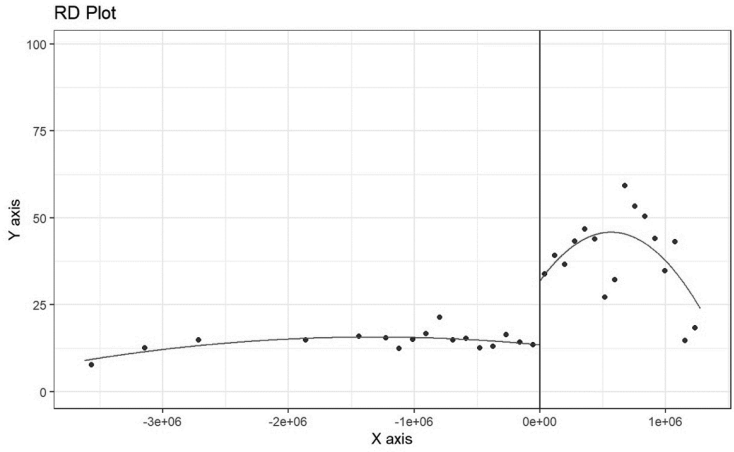


Рис. 3.7.7. Географический разрыв регрессии голосования за правые партии в первом электоральном цикле

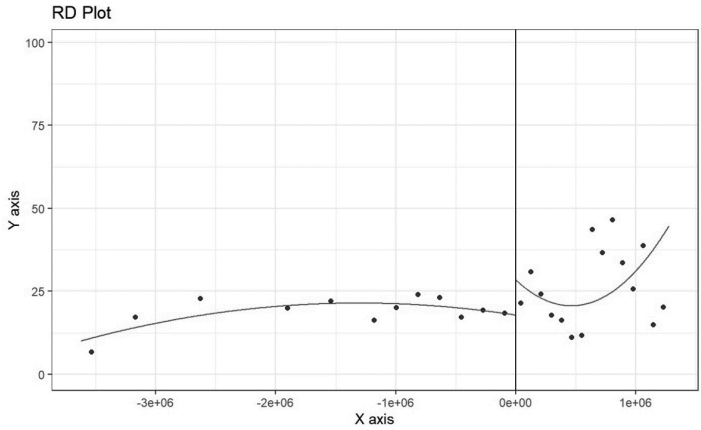


Рис. 3.7.8. Географический разрыв регрессии голосования за правые партии во втором электоральном цикле

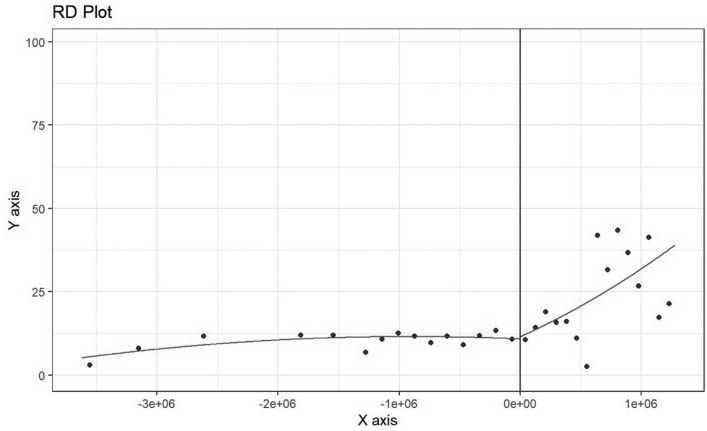


Рис. 3.7.9. Географический разрыв регрессии голосования за правые партии в третьем электоральном цикле

Наконец, третий электоральный цикл показал, во-первых, что для приграничных с Россией стран было характерно то, что чем ближе находился регион к границе с Россией, тем меньше граждане поддерживали правые партии,

а по мере продвижения от границы поддержка таких партий росла. Во-вторых, в третьем электоральном цикле разрыв регрессии исчез и можно констатировать наличие единой регрессионной линии голосования за правые партии на российской границе: в России граждане тем больше поддерживают правых, чем ближе регион расположен к границе, а за рубежом — чем ближе регион находится к границе с Россией, тем меньше граждане поддерживают правых.

Таким образом, можно говорить о том, что электоральное поведение граждан в приграничных регионах также детерминировано их положением относительно границы с Россией и можно говорить о факторе границы в формировании электорального поведения граждан приграничных с Россией государств.

Список литературы

Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа : монография / И.Ю. Окунев. — Москва : Аспект Пресс, 2020. — 225 с.

Card D. Minimum wages and employment: A case study of the fast-food industry in New Jersey and Pennsylvania / D. Card, A. Krueger // American Economic Review. 1994. № 84 (4). P. 772–793.

Dell M. The persistent effects of Per's mining mita / M. Dell // Econometrica. — 2010. — № 78 (6). — P. 1863–1903.

Keele L.J. Geographic boundaries as regression discontinuities / L.J. Keele, R. Titiunik // Political Analysis. — 2015. — № 23 (1). — P. 127–155.

Spenkuch J.L. Political advertising and election results / J.L. Spenkuch, D. Toniatti // The Quarterly Journal of Economics. — 2018. — № 133 (4). — P. 1981–2036.

Thistlethwaite D.L. Regression-discontinuity analysis: An alternative to the ex-post facto experiment / D.L. Thistlethwaite, D.T. Campbell // Journal of Educational Psychology. 1960. — № 51 (6). — P. 309–317.

Villamizar-Villegas M. A comprehensive history of regression discontinuity designs: An empirical survey of the last 60 years / M. Villamizar-Villegas, F.A. Pinzon-Puerto, M.A. Ruiz-Sanchez // Journal of Economic Surveys. — 2021. — P. 1–49. — URL: https://doi.org/10.1111/joes.12461

Приложение 1

Анкеты для телефонного опроса по странам

Анкета для Беларуси (соцопрос, ноябрь 2019 г.)

1. Скажите, пожалуйста, как часто Вы бываете в России?

- несколько раз в год
- один раз в год и реже
- никогда не был

2. Откуда Вы прежде всего узнаете новости о России?

- из российских телеканалов и газет
- из белорусских телеканалов и газет
- из интернета
- не слежу за новостями о России

3. Какие отношения с Россией вы считаете наиболее приемлемыми для Беларуси?

- союзнические
- партнерские
- нейтральные
- враждебные

4. Считаете ли Вы, что отношения с Россией должны быть одной из важных тем избирательной кампании в Беларуси?

да / нет / не знаю

5. Обсуждались ли в ходе последней избирательной кампании отношения с Россией?

- да, много
- да, немного
- нет

6. Если кандидат делал акцент в своей избирательной кампании на развитие отношений с Россией, это

- повышало Вашу симпатию к нему
- понижало Вашу симпатию к нему
- никак не влияло на Ваше отношение к нему

7. На каком языке шла агитация в ходе последней избирательной кампании?

- преимущественно на белорусском
- на белорусском и русском поровну
- преимущественно на русском

8. Почувствовали ли Вы целенаправленное влияние российского государства на ход избирательной кампании?

да / нет / не знаю

И, пожалуйста, ответьте на несколько общих вопросов. Сколько Вам лет? Какова Ваша национальность?
Фиксация пола и телефонного номера оператором.

Анкета для Грузии (телефонный опрос, ноябрь 2020 г.)

Скажите, пожалуйста, как часто Вы бываете в России?

- несколько раз в год
- каждый год
- реже, чем раз в год
- никогда не был

2. Откуда Вы прежде всего узнаете новости о России?

- из российских телеканалов и газет
- из грузинских телеканалов и газет
- из интернета
- не слежу за новостями о России

3. Какие отношения с Россией вы считаете наиболее приемлемыми для Грузии?

- союзнические
- партнерские
- нейтральные
- враждебные

4. Какие отношения с Европейским союзом вы считаете наиболее приемлемыми для Грузии?

- союзнические
- партнерские
- нейтральные
- враждебные

5. Считаете ли Вы, что отношения с Россией должны быть одной из важных тем избирательной кампании в Грузии?

да / нет / не знаю

6. Обсуждались ли в ходе последней избирательной кампании отношения с Россией?

- да, много
- да, немного
- нет

7. Если кандидат делал акцент в своей избирательной кампании на развитие отношений с Россией, это

- повышало Вашу симпатию к нему
- понижало Вашу симпатию к нему
- никак не влияло на Ваше отношение к нему

8. Почувствовали ли Вы целенаправленное влияние российского государства на ход избирательной кампании?

да / нет / не знаю

И, пожалуйста, ответьте на несколько общих вопросов. Сколько Вам лет? Какова Ваша национальность?
Фиксация пола и телефонного номера оператором.

Анкета для Казахстана (телефонный опрос, январь 2021 г.)

Скажите, пожалуйста, как часто Вы бываете в России?

- несколько раз в год
- каждый год
- реже, чем раз в год
- никогда не был

2. Откуда Вы прежде всего узнаете новости о России?

- из российских телеканалов и газет
- из казахстанских телеканалов и газет
- из интернета
- не слежу за новостями о России

3. Какие отношения с Россией вы считаете наиболее приемлемыми для Казахстана?

- союзнические
- партнерские
- нейтральные
- враждебные

4. Считаете ли Вы, что отношения с Россией должны быть одной из важных тем избирательной кампании в Казахстане?

да / нет / не знаю

5. Обсуждались ли в ходе последней избирательной кампании отношения с Россией?

- да, много
- да, немного
- нет

6. Если кандидат делал акцент в своей избирательной кампании на развитие отношений с Россией, это

- повышало Вашу симпатию к нему
- понижало Вашу симпатию к нему
- никак не влияло на Ваше отношение к нему

7. На каком языке шла агитация в ходе последней избирательной кампании?

- преимущественно на казахском
- на казахском и русском поровну
- преимущественно на русском

8. Почувствовали ли Вы целенаправленное влияние российского государства на ход избирательной кампании?

да / нет / не знаю

И, пожалуйста, ответьте на несколько общих вопросов. Сколько Вам лет? Какова Ваша национальность?
Фиксация пола и телефонного номера оператором.

Приложение 2

Ответы на отдельные вопросы в целом по странам и в региональном разрезе

Ответы на отдельные вопросы в целом по странам (удельный вес от общего числа, в %)

Страны	Часто ездят в Россию	Считают, что союзнические отношения с Российской Федерацией наиболее приемлемы	Считают, что нейтральные отношения с Российской Федерацией наиболее приемлемы	Считают, что отношения с Российской Федерацией должны быть важной темой для избирательной кампании	Относились с симпатией к кандидату, считающему, что отношения с Российской Федерацией — важная тема	Не почувствовали влияния Российской Федерации на ход избирательной кампании
Беларусь	21,4	57,6	10,2	50	30,4	67
Грузия	2,59	42,5	22,55	45,3	38,5	34,5
Казахстан	13	58,9	13,4	40,3	25,5	50,2

Ответы на отдельные вопросы в региональном разрезе по Беларуси (удельный вес ответов в каждом регионе)

Регионы	Часто ездят в Россию	Считают, что союзнические отношения с Российской Федерацией наиболее приемлемы	Считают, что нейтральные отношения с Российской Федерацией наиболее приемлемы	Считают, что отношения с Российской Федерацией должны быть важной темой для избирательной кампании	Относились с симпатией к кандидату, считающему, что отношения с Российской Федерацией — важная тема	Не почувствовали влияния Российской Федерации на ход избирательной кампании
Брестская область	16,6	66,7	5,5	47,2	36,1	63,9
Витебская область	19,7	56,3	8,5	59,2	40,8	70,4
Гомельская область	22,5	69	7	53,5	32,4	66,2
Гродненская область	8,5	62	11,3	40,8	18,3	70,4
г. Минск	29,2	38,9	18	47,2	34,7	65,3
Минская область	19,4	54,2	15,3	52,8	18,1	69,4
Могилевская область	33,8	56,4	5,6	49,3	32,4	63,4

Ответы на отдельные вопросы в региональном разрезе по Грузии (удельный вес ответов в каждом регионе)

Регионы	Часто ездят в Россию	Считают, что союзнические отношения с Российской Федерацией наиболее приемлемы	Считают, что нейтральные отношения с Российской Федерацией наиболее приемлемы	Считают, то отношения с Российской Федерацией должны быть важной темой для избирательной кампании	Относились с симпатией к кандидату, считающему, что отношения с Российской Федерацией — важная тема	Не почувствовали влияния Российской Федерации на ход избирательной кампании
Аджария	2	36	20	46	40	38
Гурия	0	49	20,4	51	49	46,9
Имерети	5,7	40	25,7	57,1	45,7	40
Кахети	0	52,5	22,5	40	30	52,5
Квемо-Картли	4,1	49	12,2	51	40,8	49
Мцхета-Мтианети	2,3	40,9	20,5	43,2	29,6	45,5
Самегрело и Рача-Сванети	2,4	40,5	14,3	45,2	33,3	52,4
Самцхе-Джавахети	2	48	16	40	48	52
г. Тбилиси	4,4	33	37,4	42,,8	27,5	51,7
Шида-Картли	2	45,1	23,5	41,2	49	52,9

Ответы на отдельные вопросы в региональном разрезе по Казахстану (удельный вес ответов в каждом регионе от общего числа ответов)

Регионы	Часто ездят в Россию	Считают, что союзнические отношения с Российской Федерацией наиболее приемлемы	Считают, что нейтральные отношения с Российской Федерацией наиболее приемлемы	Считают, то отношения с Российской Федерацией должны быть важной темой для избирательной кампании	Относились с симпатией к кандидату, считающему, что отношения с Российской Федерацией — важная тема	Не почувствовали влияния Российской Федерации на ход избирательной кампании
Акмолинская	19,4	58,3	11,1	41,7	36,1	36,1
Актюбинская	18,2	60,6	15,2	51,5	33,3	42,4
Алматинская	0	55,6	8,3	38,9	19,4	55,6
г. Алма-Ата	9,7	61,3	9,7	29	38,7	38,7
Атыраузская	12,1	57,6	27,3	48,5	30,3	54,6
Восточно-Казахстанская	11,1	80,6	8,3	50	38,9	50
Жамбылская	0	62,8	18,6	32,6	23,3	51,2
Западно-Казахстанская	34,3	60	14,3	48,6	22,9	31,4
Карагандинская	5,7	48,6	8,6	57,1	28,6	22,9
Костанайская	28,5	60	5,7	31,4	17,1	40
Кызылординская	0	55,6	29,6	22,2	14,8	63
Мангистауская	9,1	51,5	9,1	36,4	30,3	66,7
г. Астана	7,7	38,5	30,8	42,3	15,4	42,3
Павлодарская	25,7	54,3	8,6	37,1	22,9	37,1
Северо-Казахстанская	19,3	67,7	6,5	41,9	35,5	25,8
Туркестанская	8,1	56,8	18,9	29,7	8,1	73
Шымкент	11,8	64,7	2,9	44,1	17,6	55,9

Приложение 3

Анкета для экспертного интервью

1. Считаете ли Вы, что [страна опроса] может быть примером для других стран?

- Да
- Скорее да
- Скорее нет
- Нет
- Затрудняюсь ответить

2. Как бы Вы оценили текущие отношения [страны] и России? Являются ли они дружественными или враждебными в разных сферах: культурной, экономической, политической?

- Дружественные
- Скорее дружественные
- Скорее враждебные
- Враждебные
- Затрудняюсь ответить

3. Что делает Россию ценным партнером для [страны]?

- [стране опроса] не нужна Россия как партнер
- внешняя политика России способствует миру
- Россия оказывает помощь другим странам
- Россия борется с терроризмом и ИГИЛ
- внешняя политика России независима от ЕС и США
- Россия богата природными ресурсами
- технологии и наука в России демонстрируют стремительное развитие
- Россия — важный транзитный партнер
- Россия предлагает хорошие сделки по импорту газа

- Россия и [страна] культурно близки
- на туристов из России приходится значительная доля в общем туристическом потоке туристов в [страну]
- Россия и [страна] сталкивались с общими проблемами на протяжении всей истории
- российская правящая элита предлагает идеологическую альтернативу западной либеральной демократии
- российские олигархи более склонны вкладывать большие суммы денег, чем относительно осторожные и рациональные западные инвесторы

4. Нужны ли [стране] дружественные отношения с Россией в культурной, экономической, политической сфере?

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить

5. Зависит ли электоральное поведение граждан [страны] от того, в каком регионе [страны] они проживают? Если да, то как?

- нет [не зависит]
- да, различия между историческими регионами влияют на электоральное поведение
- да, [столица] голосует иначе, чем остальная часть страны
- да, сельские районы голосуют иначе, чем городские
- этническая принадлежность влияет на электоральное поведение
- да, близкие к России регионы голосуют иначе
- да, близкие к [другим соседям страны опроса] регионы голосуют иначе
- да, экономические характеристики региона влияют на электоральное поведение
-

6. Отличается ли голосование в регионах, граничащих с Россией, от голосования в других регионах [страны]? Если да, какие партии получают в этих регионах большинство голосов?

- Нет
- Да (какие партии)

7. Какая политическая партия предлагает платформу, наиболее соответствующую интересам [страны] в части отношений с Россией?

8. Какую политическую партию из участвовавших в прошлых парламентских выборах Вы бы описали как пророссийскую?

9. Представляет ли Россия военную угрозу для [страны]? Если да, насколько серьезна эта угроза?

- Нет
- Да, умеренная
- Да, серьезная

10. Становились ли вы свидетелями направленного российского воздействия на предвыборную кампанию в [стране] во время прошлых парламентских выборов?

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить

Партии, учтенные в исследовании

Литва

1. Литовские христианские демократы
2. Партия центра и партия пенсионеров
3. Союз крестьян и зеленых
4. Союз христианских семей
5. «Путь мужества»

6. «Свобода и справедливость»
7. Социал-демократическая партия
8. Партия труда
9. Либеральное движение
10. Партия свободы
11. Другое

Латвия

1. Социал-демократическая партия «Согласие»
2. Русский союз Латвии
3. Новая консервативная партия
4. «Для развития/За!»
5. Национальное объединение/Нацблок
6. «За человечную Латвию»
7. Союз зеленых и крестьян (СЗК)
8. «Новое Единство» («Единство»)
9. Партия Гобземса «Закон и порядок»
10. Партия Шлесерса «Латвия на первом месте»
11. Партия Домбровского «Республика»
12. Другое

Эстония

1. Партия реформ
2. Центристская партия
3. «Отечество»
4. Эстонская консервативная народная партия
5. Социал-демократическая партия
6. «Эстония 200»
7. Эстонская партия будущего
8. Партия зеленых Эстонии
9. Эстонская объединенная левая партия
10. Другое

Норвегия

1. Рабочая партия
2. Партия прогресса
3. Консервативная партия (Хейре, Правая партия)
4. Социалистическая левая партия
5. Партия Центра
6. Христианская народная партия
7. Либеральная партия (Венстре)
8. Партия зеленых
9. «Красные»
10. Другое

Финляндия

1. Финляндский центр
2. Национальная коалиционная партия
3. Социал-демократическая партия
4. «Истинные финны»
5. Шведская народная партия
6. Зеленый союз
7. Левый союз
8. Христианские демократы
9. Другое

Об авторах

Барабаш Богдан Алексеевич — аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Бибина Эмма Сергеевна — аспирант департамента политологии Университета Джорджии (США).

Виноградов Василий Валерьевич — преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России.

Горелова Юлия Сергеевна — стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.

Груздева Екатерина Евгеньевна — стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.

Доманов Алексей Олегович — научный сотрудник Центра этнополитических исследований отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН.

Жирнова Лидия Сергеевна — научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.

Захарова Евгения Александровна — старший научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, кандидат политических наук.

Кушнарева Анна Эдуардовна — соискатель Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.

Лопатина Василиса Родионовна — стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.

Мазур Дарья Сергеевна — стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.

Матерухин Илья Андреевич — стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.

Окунев Игорь Юрьевич — директор Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент.

Осколков Петр Викторович — постдокторальный исследователь Школы коммуникаций и департамента политической науки Ариэльского университета, аффилированный исследователь Центра стратегических исследований Университета Бар-Илана (Израиль), кандидат политических наук.

Остапенко Герман Игоревич — научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.

Полякова Яна Олеговна — научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.

Тетерюк Алексей Сергеевич — приглашенный исследователь Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России, кандидат политических наук.

Тисленко Мария Игоревна — научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России, ассистент кафедры региональной экономики и географии РУДН.

Шестакова Марианна Николаевна — старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, кандидат географических наук.

Шматкова Любовь Павловна — приглашенный исследователь Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.

Abstract

Electoral Geography of the Neighbourhood of Russia

Edited by Igor Okunev

Authors: Igor Okunev (the concept's author and the project's director), Marianna Shestakova, Evgenia Zakharova, Bogdan Barabash, Emma Bibina, Aleksey Domanov, Yulia Gorelova, Ekaterina Gruzdeva, Anna Kushnariova, Vasilisa Lopatina, Daria Mazur, Petr Oskolkov, German Ostapenko, Iana Poliakova, Liubov Shmatkova, Aleksey Teteriuk, Maria Tislenko, Vasily Vinogradov, Lidia Zhirnova.

The study was conducted in the field of electoral studies, one of the most promising and significant areas of the modern comparative politics and political geography.

The main question of the study is the following: are there any intra-territorial differences in the electoral behavior of residents of neighboring countries with the Russian Federation, and are there any differences in the attitude of residents of these states towards Russia?

To answer this question, large amounts of data on electoral statistics for the last four electoral parliamentary cycles (from 2007 to 2021) were collected and analyzed, which were subsequently registered as the results of intellectual activity. The countries of the near abroad of Russia were studied, by which the authors mean the neighboring states of the first order. These include Norway, Finland, Estonia, Latvia, Lithuania, Poland, Belarus, Abkhazia, South Ossetia, Azerbaijan, Georgia, Kazakhstan and Mongolia. The most interesting thing in analyzing electoral behavior in these countries was the search for territorial differentiation within the studied countries, and an attempt to answer the question of whether there are any differences and patterns in the attitude towards Russia between residents of regions bordering Russia and other parts of the states.

The study used both methods of spatial statistical analysis and techniques taken from sociology, political science and other sciences. Spatial analysis methods included the Moran I Spatial Autocorrelation Index and local LISA spatial autocorrelation indicators, spatial autoregression, geographic

regression gap, cluster analysis and multidimensional scaling. In addition, codified participant observation and in-depth interviews, opinion polls, expert interviews, and focus groups were conducted, as well as an analysis of the ethnic and foreign trade factors in electoral behavior.

The book consists of three sections – a theoretical one, the one on regional studies, and the one devoted to cross-country comparision. The first section provides the methodology of the study and an overview of the Russian literature on the topic over the past 30 years, and describes several focus groups conducted in the border and near-border regions of Russia.

In the second section, the dynamics of electoral processes for each of the selected states is considered, each in a separate chapter. A brief description of the electoral system for elections to parliament or the lower house of parliament (in the case of bicameral parliaments) and a brief description of the party system are given. The chapters provide an overview of the history of the countries' last four electoral cycles and the main trends in the ideological and party landscape.

Based on the analysis of policy documents of political parties, a digital two-dimensional matrix (by ideological spectrum and by loyalty to Russia) was developed to compare the parties' results in national elections over the past three electoral cycles. It was decided to classify all parties on the ideological spectrum into «left», «centrist» and «right», and in relation to Russia into «positively minded», «indifferent» and «negatively minded». With the help of the developed matrix of positions of political parties, cartograms of the distribution of votes for similar political forces in each electoral cycle have been compiled.

The third section presents the results of a cross-country comparison based on various methods, that are useful for the purposes of this study.

The Application section contains questionnaires used by researchers, and some statistical data. It also includes an additional section about the electoral and geographical zoning of Russia.

Научное издание

Окунев Игорь Юрьевич, **Шестакова** Марианна Николаевна,
Захарова Евгения Александровна и др.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ РОССИИ

МОНОГРАФИЯ

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка
и художественное оформление обложки *Ю.Г. Кучмаева*

Подписано в печать 28.08.2024. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 33,2. Уч.-изд. л. 20,1. Заказ №

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76